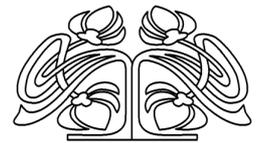

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2018 Том 18

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Ляпин Д. А.** Род дворян Бехтеевых в истории России (XV – начало XX в.) 4
Попова Е. М. К вопросу о характере новгородской административной практики периода наместничества Якоба Делагарди (по материалам архива СПбИИ РАН) 12
Поздняков А. Н. Государственная Политика по формированию и развитию педагогического образования в России первой четверти XIX века 18
Герман А. А. Первая мировая война и Россия (о некоторых уроках событий вековой давности) 23
Морозова Е. Н. Великая русская революция 1917 года: от февральских событий до октябрьского переворота 35

Всеобщая история и международные отношения

- Ахиев С. Н.** Цезарианцы в 44–42 гг. до н. э.: генезис лозунгов политической пропаганды 45
Смыков Е. В. Антоний до Клеопатры: некоторые замечания о политической роли М. Антония до 41 г. до н. э. 52
Колоколова Н. С. Клеопатра – царица, меняющая маски (Античность – Шекспир – Голливуд) 56
Мелихова П. В. Историческая культура ранних английских антиквариев 61
Третьякова М. В. Десерты кухни Англии XVII века: котиньяк, мармелад, пастила, марципаны и много-много сахара... 70
Сироткина Е. В. Восточный вопрос, Крымская война и конец «Священного альянса» в австрийско-российских отношениях 77
Воробьев Д. Н. Национальная афроамериканская лига: на заре негритянского протестного движения в США (1887–1894) 84
Крюкова Е. В. Ф. Франко. Политика лавирования (1943–1945 годы) 90
Пивоварова Е. О. Эволюция египетской политики администрации Дж. Буша-старшего (1989–1992 годы) 96

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Служилые люди по отечеству в левобережном Саратове 102
Тотфалушин В. П. «Подали прошение о причислении в мещане» (военнопленные великой армии в саратовских городах) 114
Халидова О. Б. Деятельность уполномоченного совета по делам РПЦ в поликультурном национальном регионе: особенности и проблемы (на примере Дагестанской АССР) 119
Лукьянов А. В. Стрелковые корпуса на Саратовской земле 125
Степанова Н. Ю. Кадровый состав радиовещания Удмуртии в годы Великой Отечественной войны 130

Приложения

Хроника

- Креленко Н. С.** Славянский мир на страницах «Славянского сборника» Саратовского университета 134

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 07.00.00 – исторические науки и археология)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Крылова Елена Борисовна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 28.02.18.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,12 (17,0).
Тираж 500 экз. Заказ 14-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Lyapin D. A.** The Noble Family of Bekhteevs in Russian History (15th – Early 20th Centurie) 4
- Popova E. M.** On the Nature of the Administrative Practice of Novgorod the Great during the Period of Jacob de la Gardie's Governorship (based on the Archive of St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science) 12
- Pozdnyakov A. N.** State Policy Concerning the Formation and Development of Pedagogical Education in Russia in the First Half of the Nineteenth Century 18
- German A. A.** World War I and Russia (on Some Lessons of Century-old Events) 23
- Morozova E. N.** Great Russian Revolution of 1917: from the February Events to the October Overturn 35

World History and International Relations

- Akhiev S. N.** Caesareans in 44–42 BC: the Genesis of the Slogans of Political Propaganda 45
- Smykov E. V.** Anthony before Cleopatra: Some Remarks about the Political Role of M. Antonius before 41 BC 52
- Kolokolova N. S.** Cleopatra – the Queen Changing Masks (Antiquity – Shakespeare – Hollywood) 56
- Melihova P. V.** Historical Culture of Early English Antiquaries 61
- Tretyakova M. V.** The Desserts of the English Cuisine of the Seventeenth Century: Cotignac, Marmalade, Paste, Marzipan and Lots of Sugar... 70
- Sirotkina E. V.** The Eastern Question, the Crimean War and the End of the «Holy Alliance» in Austrian-Russian Relations 77
- Vorobyev D. N.** The National Afro-American League: At the Dawn of the Black Protest Movement in the USA (1887–1894) 84
- Kryukova E. V.** F. Franco. Prevarication (1943–1945) 90
- Pivovarova E. O.** The Evolution of George H. W. Bush Administration's Egyptian Policy (1989–1992) 96

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Hereditary Servicemen in the Left-bank Saratov 102
- Totfalushin V. P.** «A Petition Submitted for Being Attached among Commoners» (War Prisoners of the Great Army in the Towns of the Saratov Province) 114
- Khalidova O. B.** The Activity of Authorized Council of the Russian Orthodox Church Affairs in the Multicultural National Region: Characteristics and Problems (Dagestan ASSR as an Example) 119
- Lukyanov A. V.** Rifle Corps in Saratov 125
- Stepanova N. Yu.** Personnel Structure of Broadcasting in Udmurtia during the Great Patriotic War 130

Appendices

Chronicle

- Krelenko N. S.** The Slavic World as Appearing on the Pages of the Saratov University «Slavic Collection» 134

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Denningkhauz (Luneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald Rayleigh (Chapel Hill, USA)

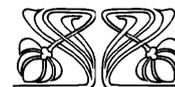
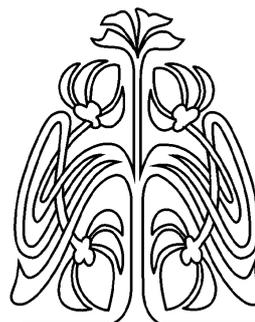
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

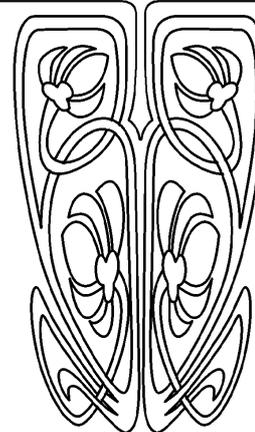
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)16/18

РОД ДВОРЯН БЕХТЕЕВЫХ В ИСТОРИИ РОССИИ (XV – начало XX в.)

Д. А. Ляпин

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, lyapin-denis@yandex.ru

В статье рассматривается история российского дворянского рода Бехтеевых с конца XV века до революции 1917 г. и последовавшей затем гражданской войны. Автор прослеживает самую известную – елецко-воронежскую – ветвь Бехтеевых, представители которой сыграли важную роль в истории России на протяжении нескольких столетий. Они принимали участие в покорении Новгорода и Казани, в событиях Смутного времени, служили дипломатами и послами, воеводами, военными и государственными деятелями, участвовали в Первой мировой, а затем в гражданской войнах.

Ключевые слова: Бехтеевы, российское дворянство, русская дипломатия, гражданская война, эмиграция.

The Noble Family of Bekhteeps in Russian History (15th – Early 20th Centurie)

D. A. Lyapin

Denis A. Lyapin, ORCID 0000-0002-2078-2404, Bunin Yelets State University, 28, Communards Str., Yelets, 399770, Russia, lyapin-denis@yandex.ru

The article deals with the history of the Russian noble family of Behteeps from the end of the XV century until the revolution of 1917 and the civil war in Russia that followed. The author studies the most famous Yelets-Voronezh branch of the Behteep family, the representatives of which played an important role in the history of the Russian state for several centuries. They took part in the conquest of Novgorod and Kazan, in the events of the time of Troubles, they served as diplomats and ambassadors, governors, military and government officials, they participated in the First World war, and then in the civil war.

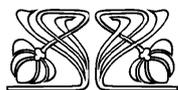
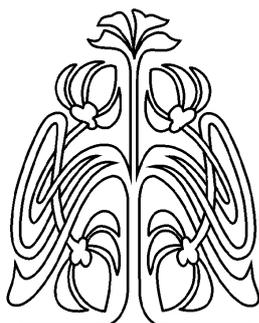
Key words: Behteeps, Russian nobility, Russian diplomacy, civil war, emigration.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-4-11

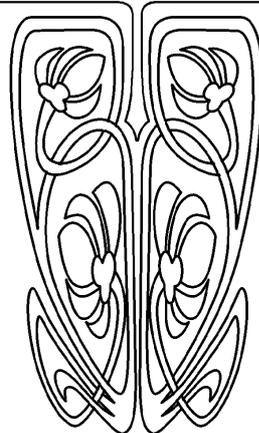
В центре нашей статьи – род дворян Бехтеевых. Изучение истории этого рода началось в конце 2000-х годов и имело два направления. С одной стороны, это было связано с вниманием к творческому наследию поэта С. С. Бехтеева, который считается любимым поэтом семьи царя Николая II¹. С другой стороны, интерес к Бехтеевым был вызван обнаружением целой серии документов по истории этой фамилии XVII–XIX вв. На их основе была составлена родословная поколенная роспись рода².

Предки дворян Бехтеевых были выходцами из Орды. Этимологическая основа фамилии «Бехтеев» может быть связана с одним из двух слов: *baxtu*, что в переводе с арабского означает *счастье, счастливый*, или *bektej* в переводе с турецкого *подобный беку, господин*. Одно из них и стало основой сначала прозвища Бахтей или Бехтей, а затем с присоединением суффикса фамилии Бехтеев³.

В годы правления Ивана III из Орды на Русь переехал Прон (Протас) Бехтеев. Он упоминается в документах как помещик, имевший земли в Новгородской земле («Шелонской пятине»). В 1498 г. здесь владели землями его дети, Федор и Василий⁴. Известно, что татарская конница служила Ивану III и участвовала в войне Москвы с Новгородом

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

в 1477–1478 гг. В результате военных действий обширные новгородские земли вошли в состав Московского государства и были розданы в поместья служилым людям Ивана III. Вероятно, в этой военной кампании участвовали и предки Бехтеевых, один из них крестился именем Протас (с греческого *стоящий впереди*) и поселился в Новгородских землях⁵.

Почти век спустя, в 1571 г., в той же Шелонской имел владения Федор Никитич Бехтеев⁶, который в «Российской родословной книге» князя П. Долгорукова указан как предок дворян Бехтеевых⁷. Однако достоверность этих данных пока трудно подтвердить. Легендарным можно считать и упоминание опричника Ивана Грозного Ахмета Бехтеева, о котором писал поэт С. С. Бехтеев в 1926 г., ссылаясь на данные Московского архива Министерства юстиции (МАМЮ)⁸. Если Ахмет Бехтеев и существовал, то принадлежал к одной из первых ветвей рода, а может быть, и приехал на Русь вслед за другими своими родственниками.

Итак, первые и весьма разнородные сведения о Бехтеевых позволяют предположить, что в годы правления Ивана III из Орды на Русь выехали несколько представителей татарской знати, которые положили начало различным ветвям этого рода. Судьба многих потомков этой фамилии остается неизвестной. Довольно четко можно проследить основную, елецко-воронежскую, ветвь Бехтеевых, поскольку именно ее представителям удалось добиться большой известности в истории России. Кроме того, в 1682 г. представитель этой ветви Епифан Иванович Бехтеев был опрошен в Москве о предках. С его слов была составлена родословная его ветви рода, обнаруженная нами в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)⁹. Епифан не назвал ни одного из известных нам представителей рода Бехтеевых XV–XVI вв., о которых мы писали выше. Значит, он не считал Прона Бехтеева и его сыновей своими близкими родственниками или не знал о них.

Своим предком Епифан Иванович считал некоего Ворона Бехтеева (ворон изображен на фамильном гербе рода Бехтеевых). Сын этого Ворона крестился под именем Елисей (с иврита *спасенный Богом*) и перешел из татар Поволжья на службу к Ивану Грозному¹⁰. По словам Е. И. Бехтеева, он приехал в Россию в 1551–1552 гг. и получил вотчину в Переславском уезде¹¹.

По данным этой родословной, сын Елисея – Федор – продолжил службу при Дворе Ивана Грозного «во дворянах», а второй сын – Григорий – служил головой дворянской сотни и был убит во время взятия Казани в 1552 г.¹² Е. И. Бехтеев упомянул в своей родословной Василия Федоровича, внука Елисея, который, по его словам, посылался царем Федором Иоанновичем в Крым в качестве посла. В 1611 г. в новгородских документах упоминается некий подьячий Василий Бехтеев¹³. У нас, однако, нет оснований утверждать, что это внук Елисея, Василий Федорович.

Из родословной 1682 г. мы узнаем, что кроме Василия у Федора было еще двое сыновей – Осип и Михаил. Михаил имел чин «жильца», ему поручались важные дела при Дворе, а на войне он входил в состав избранного войска по так называемому «жилецкому списку». Его брат Осип за военную службу получил земли на западных рубежах России в районе крепости Белая, недалеко от Смоленска.

Главным продолжателем рода Бехтеевых стал Василий Федорович и его сыновья – Лев, Данила, Алексей и Иван¹⁴. Сын Алексея Васильевича, Иван, положил начало наиболее известной – елецко-воронежской, ветви рода. Долгое время он владел землями на западном пограничье России в районе крепости Белая («сельцо Шелешно с деревнями»)¹⁵. В 1609 г. И. А. Бехтеев входил в состав русского посольства к польскому королю Сигизмунду и получил от него грамоту на дополнительные земли в Бельском уезде¹⁶. В 1613 г. И. А. Бехтеев служил на стороне избранного царя Михаила Романова, а в 1618 г. участвовал в обороне Можайска от польских войск идущего на Москву королевича Владислава. За «можайское осадное сиденье» Иван Алексеевич был награжден поместьем в Елецком уезде на правом берегу реки Дон, куда вскоре и переехал жить¹⁷.

В 1622 г. И. А. Бехтеев числится как помещик Елецкого уезда, явившийся на военный смотр «с саадаком, саблей, на простом коне»¹⁸. В эти годы его авторитет среди сослуживцев стремительно растет. В 1628 г. он возглавил группу помещиков, подавших в суд на приказчика боярина Ивана Никитича Романова, дядю царя и родного брата патриарха Филарета. Ельчане обвиняли людей боярина в грабежах, в захвате их крестьян, скота и имущества. Обвинения были обоснованными, но следственная комиссия постановила считать виновными самих челобитчиков за преднамеренный обман и искажение действительности. В результате И. А. Бехтеев был лишен земель, получил несколько ударов батогами (палками) и должен был подписать челобитную с признанием своей вины вместе с остальными (правда, он этого делать не стал). Однако все земли были возвращены И. А. Бехтееву в том же 1628 г.¹⁹ В 1640-х гг. он известен, по документам, как один из самых крупных помещиков и «дворовладельцев» Елецкого уезда²⁰. Несколько лет Иван Алексеевич занимал должность губного старосты – одну из главных выборных должностей в провинции XVII в.²¹

Благодаря имущественному положению и авторитету И. А. Бехтеева во второй половине XVII в. начинается возвращение его рода на придворную службу. Первым сделал карьеру сын И. А. Бехтеева Епифан, автор упоминаемой нами родословной²². В 1667 г. он служил воеводой в небольшой крепости Сокольск, а затем был осадным головой в Ельце²³. В 1680-е гг. Епифан Иванович посылался для расследования злоупотреблений воевод местных крепостей и решения земельных

споров²⁴. Он проявил себя ответственным и исполнительным чиновником. С приходом к власти царевны Софьи карьера Епифана Ивановича быстро пошла вверх. В 1686 г. он получил «за службу и храбрость» новые земли и был направлен воеводой в Землянк, а затем служил дворянином «по Московскому списку»²⁵.

Евсей, другой сын Ивана Алексеевича, впервые упоминается среди детей боярских в 1664 г. в Ельце²⁶. В 1684–1687 гг. он служил воеводой в Землянке²⁷, где активно боролся с контрабандой товаров, которой занимались местные жители, выходцы с Украины. Позже он прославился как организатор специальных застав на Дону, которые контролировали процесс ввоза товаров в русские города²⁸. Ревностно исполняя свои обязанности, Евсей Иванович даже вступал в сражения с казаками²⁹. За верную службу он получил звание московского дворянина³⁰. В 1706–1710 гг. он упоминается в Боярских списках как «дворянин отставной с 1703 г.»³¹.

Дети Ивана Алексеевича сумели к концу жизни добиться больших успехов на службе, но первым по-настоящему выдающимся представителем рода стал его внук, старший сын Епифана Бехтеева, Никита³². При поддержке отца он в 1670-е гг. оказался при Дворе и в 1681 г. получил чин стряпчего³³. В сложной придворной борьбе Никита Епифанович поддержал «партию» Милославских. При царевне Софье он стал сподвижником князя В. В. Голицына. 27 февраля 1687 г. Никита Епифанович был отправлен гонцом в Испанию и Францию с царской Грамотой, извещающей французского короля Людовика XIV о скором прибытии Российского Посольства, возглавляемого кн. Я. Ф. Долгоруковым и Я. Е. Мышецким³⁴. Н. Е. Бехтеев должен был подготовить французский Двор к переговорам, узнать обстановку и собрать сведения о настроении в Версале и политической ситуации во Франции.

Никита Епифанович прибыл во Францию 9 июня 1687 г., однако лично допущен к королю не был. На предложение французской стороны отдать грамоту министру иностранных дел Кольберу де Кроаси он ответил отказом, «не покорившись произволу Государя чужого». Во Франции он оказался в трудных обстоятельствах, учитывая сложный церемониал и специфику Двора Людовика XIV. Однако он произвел впечатление в Париже, и с него даже был написан портрет. Никита Епифанович так и не соглашался уронить честь и достоинство России, передав грамоту Людовику через министра Кольбера. Тогда его попросили удалиться, но и это сделать он отказался, проявив упорство в дипломатической борьбе. Отношение к русскому дипломату было показательное: Франция не желала поддерживать Россию в борьбе с Турцией. 14 июня 1687 г. Бехтеев был принудительно выслан из Парижа³⁵.

Вернувшись в Россию, он написал специальное сочинение «Статейный список о посольстве во

Францию». Вероятно, это было сделано по просьбе главы Посольского приказа князя В. В. Голицына. С приходом к власти Петра I Никита Епифанович оставил службу при Дворе. Он служил воеводой в нескольких городах и умер в 1711 г.³⁶

Вместе с двоюродным братом карьеру в дипломатическом ведомстве сделал и Иван Евсеевич Бехтеев. Он также начал службу в 1670-е гг. и в 1681 г. получил чин стряпчего³⁷. В 1686 г. он участвовал в сложных переговорах с Речью Посполитой по поводу заключения Вечного мира, которые проходили под руководством князя В. В. Голицына. За успешные переговоры он получил грамоту и земельные владения, а в 1691 г. ему был дан чин стольника³⁸. В 1698 г. в обязанности Ивана Евсеевича входила охрана годного для строительства кораблей леса в Елецком и Воронежском уездах. Под начало Бехтееву были даны елецкие копеецки³⁹. В 1706 г. Бехтеев был арестован и сослан в Азов, где находился до 1710 г.⁴⁰ Причина этого ареста остается нам непонятной.

Дипломатическую карьеру сделал и Петр Епифанович, родной брат Никиты Бехтеева, двоюродный брат Ивана Евсеевича. Он также служил при Дворе, хотя и был менее заметен. Единственный его крупный успех – участие вместе с братом в переговорах о Вечном мире в 1686 г. За них он получил земли в Елецком уезде, первым отделился от своих братьев и поселился в селе Липовка на берегу реки Дон. Это владение со временем стало главным родовым имением Бехтеевых⁴¹.

В первой половине XVIII в. главным наследником земель Бехтеевых стал Дмитрий Епифанович, младший внук Ивана Алексеевича. О нем нам почти ничего неизвестно⁴². Однако в 1716 г. у него родился сын Федор, который стал впоследствии известным политическим деятелем. Федор поступил на службу в Кирасирский полк капралом в 1731 г. В 1736 г. он был переведен в Варшаву на службу в Посольской канцелярии. Федор Дмитриевич был хорошо образован, но где он получил образование – неизвестно. В это время он познакомился с вице-канцлером графом Михаилом Илларионовичем Воронцовым, который начал оказывать ему покровительство. С 1742 г. он официально числился переводчиком, а с 1744 г. – секретарем в Коллегии иностранных дел⁴³.

В 1750 г. Федор Дмитриевич стал служить в доме графа М. И. Воронцова, где обучал грамоте племянницу графа – Екатерину Романовну Воронцову (Дашкову), в будущем – близкую подругу Екатерины II и одну из самых образованных женщин своего времени. М. И. Воронцов был доволен работой Ф. Д. Бехтеева, которого рекомендовал повысить по службе. В 1756 г., когда Е. Р. Дашковой исполнилось тринадцать лет, Федор Дмитриевич оставил дом Воронцовых⁴⁴.

В 1755 г. Россия поменяла свой внешнеполитический курс: в отставку ушел глава внешней политики А. П. Бестужев, который считал главным врагом России Францию. Теперь внешней полити-

кой России руководил М. И. Воронцов, ставивший своей задачей налаживание испорченных отношений с Версалем. По инициативе М. И. Воронцова в 1756 г. Ф. Д. Бехтеев был отправлен во Францию поверенным в делах при Версальском дворе, где он находился до 1758 г. Во многом в результате его дипломатической деятельности отношения России и Франции приняли характер прочной дружбы. За службу он получил от Елизаветы Петровны титул надворного советника (1753), а затем стал церемониймейстером Высочайшего двора и членом Коллегии иностранных дел (1758)⁴⁵.

Вернувшись в Россию в 1758 г., Федор Дмитриевич стал первым учителем и воспитателем цесаревича Павла Петровича. Для него он разработал оригинальные методы обучения грамоте. Ф. Д. Бехтеев стал автором учебника, специально составленного для Павла, – «Краткое понятие о физике для употребления Е.И. В. Государя Великого Князя Павла Петровича» (СПб., 1760). Существует мнение, что Ф. Д. Бехтеев оказал решающее влияние на характер своего воспитанника, привил Павлу любовь к дисциплине и порядку⁴⁶.

В 1760 г. Федор Дмитриевич подал в отставку, а в 1761 г. скончался и был погребен 25 сентября на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры⁴⁷. Граф М. И. Воронцов ходатайствовал перед императрицей о назначении пенсии вдове Ф. Д. Бехтеева в размере 1000 р. в год⁴⁸.

Менее заметен в это время был брат Федора Дмитриевича – Алексей. Он служил на военной службе и дослужился до генерал-майора в 1761 г. С 1762 г. он посылался в Калмыцкое ханство, где привел калмыков к присяге Петру III. Затем А. Д. Бехтеев по указу Екатерины II дважды в 1762 г. ездил к наместнику Калмыцкого ханства с требованием о присылке 200 «лучших и исправных двуконных калмыков» в Санкт-Петербург⁴⁹. В 1762–1763 гг. А. Д. Бехтеев находился в Енотаевске, где его надзору была поручена вдова калмыцкого хана, принявшая крещение со своими сыновьями и жившая под именем княгини Веры Дондуковой. А. Д. Бехтеев строго относился к этому надзору и доносил о своих сомнениях в твердости ее православной веры. На основании его донесений о роспуске ложных слухов о назначении княгини Веры правительницею всего калмыцкого народа Екатериной II было принято решение о возвращении ее с сыновьями в Москву⁵⁰. Затем А. Д. Бехтеев вернулся в свое имение на Дону и проживал тут до самой смерти в селе Ксизово⁵¹. Несколько раз он выбирался предводителем дворянства Землянского уезда⁵².

На этом этапе истории елецко-воронежской ветви Бехтеевых можно отметить их тесную связь со святителем Тихоном Задонским (Тимофеем Савельевичем Соколовым), епископом Воронежским и Елецким (1763–1767). Сегодня Тихон Задонский признается крупнейшим православным религиозным деятелем XVIII в., труды которого оказали большое влияние на русскую литературу

и богословие. В 1861 г. Русской православной церковью он был причислен к лику святых.

А. Д. Бехтеев был в дружеских отношениях с Тихоном Задонским⁵³. Дочь Алексея Дмитриевича, Екатерина (1756–1834), под влиянием учения подвижника в 18 лет подстриглась в монахини Воронежского Покровского женского монастыря под именем Елены, а затем переехала в Свято-Флоровский монастырь в Киеве, в котором жила до своей кончины. Интересно, что после смерти Тихона Задонского (1783) при раздаче его личных вещей почитателям ей достался гроб, сделанный святителем Тихоном своими руками. Екатерина хранила этот гроб в течение многих лет и завещала похоронить себя в нем. Сегодня инокиня Елена почитается прихожанами монастыря, а над ее могилой выстроена часовня⁵⁴.

Сын А. Д. Бехтеева Алексей Алексеевич (1763–1826) был первым, подтвердившим «древнее благородство» рода согласно новому требованию и введению в 1785 г. Дворянских родословных книг⁵⁵. В 1802 г. он получил копии с «Высочайше утвержденного Герба и описания происхождения рода». По его просьбе в 1802–1803 гг. эти копии были посланы из Московского в Воронежское и Орловское Дворянские Депутатские собрания в связи с проживанием в этих губерниях его родственников Бехтеевых⁵⁶.

Среди прочих потомков рода Ивана Алексеевича Бехтеева можно отметить капитана Ландмилиции, секунд-майора Алексея Ивановича (?–1780), сына Ивана Епифановича⁵⁷. Он тоже был другом святителя Тихона Задонского и много жертвовал на церковные нужды. Один из его сыновей, Никандр (ок. 1753–1816), служил поручиком, но рано ушел в отставку и поступил монахом в Задонский монастырь, в котором прожил около 40 лет. Он был одним из самых деятельных учеников Тихона Задонского и прославился тем, что написал его прижизненный портрет, который в настоящее время хранится в Ново-Валаамском монастыре (Финляндия)⁵⁸. Известно также, что после смерти родителей Никандр свою часть наследства, доставшегося ему в виде денег, отдал на украшение церкви и раздал бедным⁵⁹.

Политические и военные успехи рода Бехтеевых в XIX в. связаны с именем наследников Алексея Ивановича. Его сын Сергей (? – после 1823) служил в Семеновском лейб-гвардейском полку с 1776 по 1784 г. и ушел в отставку по состоянию здоровья прапорщиком⁶⁰. После смерти отца он получил имение в селе Липовке (на которое его брат Никандр не претендовал) и жил здесь до самой смерти. У Алексея Ивановича было четыре сына – Иосаф (ок. 1789–1862), Василий (ок. 1798–1842), Сергей (1799–1887) и Николай (1804–1857). Три старших сына выбрали морскую службу и посвятили себя русскому флоту.

Иосаф окончил в 1808 г. Морской кадетский корпус и дослужился до чина капитан-лейтенанта флота (1816). Большую часть жизни он служил

в 8-м Гребном экипаже, участвовал в четырех военных компаниях. Он особенно отличился в сражении у Данцига против французских батарей (21.08, 23.08 и 4.09.1813)⁶¹.

Василий окончил Морской кадетский корпус в 1815 г. и прошел путь от гардемарина до лейтенанта (1820). Он участвовал в походах в Балтийском и Средиземном морях. Василий отличился во время знаменитого Наваринского сражения на корабле «Азов» (8.10.1827, командир – М. П. Лазарев), за что был награжден орденом Святого Владимира IV степени с бантом (23.01.1829)⁶².

Третий сын Алексея Ивановича, Сергей, окончил Морской кадетский корпус в 1818 г. и дослужился до звания капитан-лейтенанта (1834). Его служба также была связана с важнейшими событиями в истории русского флота. Он участвовал в морских походах и сражениях на Балтийском, Средиземном и Черном морях. В 1829 г. на корвете «Наварин» он поступил в отряд контр-адмирала П. И. Рикорда, защищавший после блокады Дарданеллы и Константинополь. Сергей Алексеевич был участником Наваринского сражения, а также – операции против Идриотских мятежников в Монастырской бухте у города Поро (1831). Сергей имел много наград за службу на флоте: он получил орден Святой Анны III степени (1827) за участие в Наваринском сражении, Высочайшее благоволение за мужество и храбрость, оказанные в сражении на бриге «Телемак» против Идриотских мятежников (1831), орден Святого Станислава IV степени за усердную службу (1834) и орден Святого Георгия IV степени (1834) за 18 шестимесячных компаний в офицерском чине, а также серебряную медаль на Георгиевской ленте за участие в Турецкой войне 1822–1829 гг.⁶³ Сергей Алексеевич был уволен в 1838 г. по собственному прошению из-за болезни с пенсией в 500 рублей в год. Он проживал до самой смерти в родовом имении в Липовке.

В 1844 г. в семье Сергея Сергеевича Бехтева, третьего сына Алексея Ивановича, родился сын, также названный Сергеем (1844–1911)⁶⁴. По сложившейся семейной традиции, он поступил в Морской кадетский корпус, но уволился по болезни в 1863 г. и поступил на службу прапорщиком Портовых экипажей⁶⁵. Затем Сергей Сергеевич с 1879 г. работал в Министерстве внутренних дел. Здесь служба его шла успешно: в 1887 г. он уже статский советник, в 1890 г. – действительный статский советник, в 1906 г. – тайный советник. В Елецком уезде он много лет был предводителем дворянства и почетным мировым судьей. С 1894 г. Сергей Сергеевич стал членом Совета по железнодорожному и тарифным делам Министерства путей сообщения и Министерства финансов, а также работал в Совете по делам торгового мореплавания.

С января 1909 г. С. С. Бехтеев стал членом Государственного совета Российской империи. Успешный государственный деятель, он имел много наград и орденов, среди которых орден Святого Станислава I степени (1899), орден Святой

Анны I степени (1904), бронзовые медали в честь коронации и памяти императора Александра III.

Сергей Сергеевич Бехтеев занимался также написанием научных трудов, часть из которых подписывал псевдонимом «Старый землец». Особенно стоит отметить его 3-томный труд «Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему» (1902). В своих работах он выступал за решительные меры по преодолению технической отсталости России, особенно сельскохозяйственной отрасли. Он много сделал для развития железных дорог, а также инициировал постройку первого в России механического элеватора в Ельце (1888). При Николае II Сергей Сергеевич отошел от активной деятельности, однако всегда воспитывал своих детей в духе уважения к монархии и почитания царской семьи.

Траурное объявление о смерти Сергея Сергеевича было помещено в 1911 г. в газете «Новое время»⁶⁶. Показательно молчание официальных кругов по поводу кончины члена Государственного совета и активного политического деятеля эпохи Александра III. В ответ на это официальное молчание в Тамбовской губернии вышла целая брошюра, посвященная С. С. Бехтееву. Автором ее стал местный помещик Василий Николаевич Снежков, уездный предводитель дворянства, активный земский деятель, член IV Государственной Думы от Тамбовской губернии.

В. Н. Снежков с сожалением отмечал, что печать и общество более чем равнодушно отнеслись к смерти выдающегося политика. Причина такого равнодушия крылась, по мнению автора, в том, что С. С. Бехтеев «никогда не плыл по течению». В. Н. Снежков писал, что С. С. Бехтеев был «настоящим земцем» и интересам деревни посвятил всю жизнь, начав свою деятельность с земского гласного и закончив ее в качестве члена Государственного совета. Он не был ни либералом, ни консерватором, глубоко верил в духовные силы русского народа и экономическую мощь России и гордился русским земством. Лично хорошо знавший С. С. Бехтеева В. Н. Снежков отмечал, что, несмотря на нездоровье и немолодые годы, «Сергей Сергеевич был крайне отзывчив на всякое симпатичное ему начинание. Он был сдержан и уравновешен, но не мог мириться с рутинной. И если бы ему предоставили возможность применить широко свою энергию и огромный жизненный опыт, то русское государственное хозяйство только выиграло бы... Сергей Сергеевич искренне верил в возможность грандиозного сельскохозяйственного обновления России»⁶⁷. Однако, по словам В. Н. Снежкова, при Николае II С. С. Бехтеева держали в «черном теле» и только в возрасте 65 лет (1909) назначили, «не без определенного противодействия влиятельных сфер», в Государственный совет.

У Сергея Сергеевича Бехтеева было трое сыновей и пять дочерей (не считая тех, что умерли в детстве). Старшая дочь Екатерина (1874–1958) была фрейлиной обеих последних Императриц

(по 1917 г.). Она дружила с царской семьей и вела с ними переписку. В 1917 г. она получила от Великих княгинь открытку из Тобольска. Екатерина увлекалась фотографией, некоторыми ее работами иллюстрирован второй том книги «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (1902) под редакцией В. П. Семенова-Тянь-Шанского. Другая дочь С. С. Бехтеева Наталия (1876–1950) тоже была фрейлиной императриц и увлекалась живописью, дружила с дочерьми Николая II. Зинаида (1877–1961), третья дочь С. С. Бехтеева, жила в Царском Селе, а во время Первой мировой войны работала в госпитале. Зинаида была членом Дамского благотворительного тюремного комитета и Мариинского приюта для ампутированных и увечных воинов. После 1917 г. она уехала в Одессу, откуда вела переписку с царской семьей вплоть до их гибели. Зинаида получила от императрицы и ее дочерей 12 ответных писем⁶⁸.

В начале XX в. прославил свою фамилию Сергей Сергеевич (1879–1954) Бехтеев-младший. В 1903 г. он окончил Александровский лицей и был зачислен на службу в Кавалергардский полк. В это время он писал стихи в основном православного и монархического содержания, благодаря чему получил прозвище «Царский гуслир». Одно из первых его стихотворений – «К твоим стопам, моя Царица» – было посвящено императрице Марии Федоровне и прочитано ей 6 апреля 1901 г. в Аничковом дворце. Со временем Сергей Сергеевич-младший оставил поэзию. В 1904 г. он получил звание унтер-офицера, но был уволен в запас прапорщиком армейской кавалерии. Вернувшись в свое имение, «царский гуслир» и кавалергард стал работать земским начальником (1906–1914 гг.). В 1914 г. он отправился на фронт Первой мировой войны, во время которой получил боевые ранения в голову и грудь⁶⁹.

В 1917 г. С. С. Бехтеев под впечатлением революционных потрясений создает свои лучшие стихотворения, проникнутые монархическим духом. В 1918 г. его стихи были посланы царской семье в Тобольск. Листок со стихотворением «Молитва», переписанный рукой великой княжны Ольги, был найден среди вещей расстрелянной царской семьи. Свою «Молитву» поэт посвятил великим княжнам Ольге и Татьяне, а императрица Александра Федоровна переписала «Молитву» на почтовую открытку с репродукцией картины Барбиери «Христос».

С 1918 г. С. С. Бехтеев участвовал в Белом движении. В 1920 г. он покинул Россию и прибыл в Сербию («Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев») с четвертой, самой многочисленной, волной «крымской эвакуации». За время проживания в Сербии (с 1920 по 1929 г.) Сергею Сергеевичу удалось выпустить в свет четыре сборника своих стихов. В Сербии он издавал газету «Вера и Верность», где публиковал статьи вместе с братом Алексеем. В 1929 г. Сергей Бехтеев переехал в Ниццу, где жил в крайней бедности и служил церковным старостой. 4-го мая 1954 г. он скончался, на надгробии

поэта была сделана надпись: «Лицейст И. А. Лицея 59 курса. Царский поэт. Офицер Белой Армии»⁷⁰.

Судьба среднего сына С. С. Бехтеева Николая (1880–1919) была менее заметной. С 1904 г. он служил в прокурорском надзоре Санкт-Петербургской судебной палаты, затем получил чин надворного советника (1911), коллежского советника и камер-юнкера (1917)⁷¹. Во время Первой мировой войны он состоял при Ставке Верховного Главнокомандующего, а с 1918 г. участвовал в рядах Белого движения на юге России, где и умер от сыпного тифа в 1919 г.⁷²

Алексей Сергеевич Бехтеев (1883–1967), младший из братьев, в 1905 г. закончил Александровский лицей и поступил на службу в чине титулярного советника (1907). Затем он получил чин коллежского асессора (1908) и надворного советника (1912)⁷³. Алексей служил земским начальником в Харьковской губернии и был предводителем елецкого дворянства с 1914 г. В октябре 1915 г. он был назначен полтавским вице-губернатором, пройдя перед этим несколько ступеней провинциальных постов. Алексей участвовал в Белом движении, а с 1921 г. находился в эмиграции.

С 1951 по 1956 г. Алексей Бехтеев проживал в Старческом доме в Германии под Мюнхеном. Здесь он был избран председателем русской колонии и удостоен личной встречи с генералом и будущим президентом США Д. Эйзенхауэром. В эти годы Алексей Сергеевич написал «Записки из старческого дома» – воспоминания и размышления о своей судьбе и жизни⁷⁴.

Такова была судьба дворян Бехтеевых в истории России. Своеобразный послужной список представителей этого рода впечатляет: они участвовали в покорении Иваном III Новгорода в 1477–1478 гг. и взятии Иваном Грозным Казани в 1552 г., обороняли Можайск от войск польского королевича Владислава, идущего на Москву в 1618 г. Во второй половине XVII в. они служили дипломатами и послами, воеводами в городах и крепостях. Бехтеевы участвовали в переговорах о Вечном мире с Речью Посполитой в 1686 г. Затем Ф. Д. Бехтеев отстаивал интересы России в Версале в 1758–1758 гг., воспитывал княгиню Е. Р. Дашкову и императора Павла I. Бехтеевы выступали меценатами и благотворителями, отличались благочестием и набожностью, они помогали подвижнической деятельности святителя Тихона Задонского. В первой половине XIX в. Бехтеевы служили во флоте, принимали участие в осаде Данцига (1813) и Наваринском сражении (1827).

Много сил на благо России приложил С. С. Бехтеев, член Государственного совета Российской империи (1909). Его старший сын, выпускник Александровского лицея, кавалергард Сергей Бехтеев прославился как поэт, «царский гуслир», а младший, Алексей, успел дослужиться до вице-губернатора Полтавской губернии. Бехтеевы участвовали в Первой мировой войне, а затем – в Белом движении.

История рода Бехтеевых является во многом показательной. Как и многие дворянские роды, Бехтеевы были тесно связаны с царской властью. В революционных событиях 1917 г. дети С. С. Бехтеева-старшего, убежденные монархисты, не смогли принять сам факт падения российской монархии. Потомки выходцев из Орды, они на протяжении 400 лет были преданы самодержавию, с завершением истории которого завершилась и история их службы России. Эмиграция стала большим потрясением для Бехтеевых. Горечью, злобой и обидой проникнуты воспоминания младшего сына С. С. Бехтеева Алексея: «Лишение Родины и изгнание из Отечества... я простить не могу и никогда не прощу – не потому, что не хочу, но потому, что не имею сил»⁷⁵.

Благодарности

Выражаю благодарность И. Г. Лильп за помощь в сборе материалов.

Примечания

- 1 См.: *Бехтеев С. С.* Грядущее. Стихотворения / сост. Г. С. Счастливая. СПб., 2004 ; *Невярович В. К.* Певец Святой Руси. Сергей Бехтеев : жизнь и творчество. СПб., 2008 ; *Невярович В. К.* Любите, дети, старину... Биографические очерки и статьи. Воронеж, 2011 ; *Вера и верность* : сб. ст. памяти Сергея Бехтеева / отв. ред. Д. А. Ляпин. Елец, 2012.
- 2 См.: *Ляпин Д. А., Лильп И. Г.* Бехтеевы : родословная роспись. Елец, 2009.
- 3 См.: *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 180.
- 4 См.: *Савелов Л. М.* Родословные записи : в 3 вып. М., 1906. Вып. 1. С. 171–172.
- 5 См.: *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 38.
- 6 См.: Архивный материал (Московский архив Министерства юстиции). Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. Раздел : Новгородский дворцовый архив. М., 1905. С. 21–22.
- 7 См.: *Долгоруков П.* Российская родословная книга : в 4 ч. СПб., 1857. Ч. 4. С. 289.
- 8 См.: *Невярович В. К.* Певец Святой Руси. СПб., 2008. С. 69.
- 9 См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 50. Л. 1.
- 10 См.: Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-29. Оп. 124. Д. 76. Л. 4, 13–14.
- 11 См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 50. Л. 1.
- 12 Там же.
- 13 См.: *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 342.
- 14 См.: ГАВО. Ф. И-29. Оп. 124. Д. 76. Л. 4 ; РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 50. Л. 1.
- 15 См.: Акты западной России : в 5 т. СПб., 1851. Т. 4, № 183-XXVIII. С. 323.
- 16 См.: *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 191–192.
- 17 См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 87. Л. 336.
- 18 Там же.
- 19 См.: *Сташевский Е. К.* К истории колонизации юга. Великий боярин И. Н. Романов и его вотчины в Елецком уезде. М., 1913. С. 324.
- 20 См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 88. Л. 300.
- 21 См.: *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы. М., 1911. Т. I. С. 138–139.
- 22 См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 138. Л. 292.
- 23 Там же. Ф. 210. Оп. 1. Д. 381. Л. 77–105 ; Акты из семейного архива господ князей Васильчиковых // Труды Орловской ученой архивной комиссии : в 30 вып. Орел, 1895. Вып. 1. С. 23–24 ; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Мин-ва юстиции : в 20 кн. М., 1903. Кн. 13. С. 387 ; РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1045. Л. 200–204.
- 24 См.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Мин. Юстиции. Кн. 13. С. 387 ; Там же. Кн. 16. М., 1910. С. 135 ; РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 892. Л. 17–39.
- 25 *Енин Г. П.* Воеводское кормление в России в XVII в. СПб., 2000. С. 182 ; *Савелов Л. М.* Родословные записи. М., 1906. Вып. 1. С. 171–172 ; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Мин-ва Юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния занимаемой должности (далее – Алфавитный указатель...). М., 1853. С. 29.
- 26 См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 138. Л. 145, 269 об. ; ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 30. Л. 2–10.
- 27 См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 767. Л. 264–342а, 342 об.
- 28 См.: Дополнения к актам историческим собранным археографической комиссией : в 12 т. СПб., 1867. Т. 11. С. 430.
- 29 См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1051. Л. 189–191.
- 30 См.: Материалы по истории Воронежской и соседних губерний : в 16 вып. Воронеж, 1885. Вып. 5. С. 335–336.
- 31 *Захаров А. В.* Боярские списки XVIII в. Списки отставных дворян 1708–1711 гг. ; Бехтеев Евсей Иванович. URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=6862 (дата обращения: 12.05.2017).
- 32 См.: Описание его владений в Елецком уезде : РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 138. Л. 324.
- 33 См.: Алфавитный указатель... М., 1853. С. 29.
- 34 См.: Бытность во Франции у короля Людовика XIV полномочным послом князя Якова Федоровича Долгорукаго // Труды и летописи Общества истории и древностей российских : в 9 ч. М., 1837. Ч. 7. С. 88–89.
- 35 См.: *Савелов Л. М.* Родословные записи. М., 1906. Вып. 1. С. 171–172.
- 36 См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–6 ; Там же. Д. 42. Л. 255–262 ; *Курдюмов Р. Г.* Описание Актов, хранящихся в архиве Императорской Археографической комиссии. СПб., 1907. С. 112.
- 37 См.: Алфавитный указатель... М., 1853. С. 29.
- 38 Там же.
- 39 См.: ГАВО. Ф. И-182. Т. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 1–4.

- 40 См.: Захаров А. В. Боярские списки XVIII в. Основной список стольников и новокрещеных 1706–1710 гг. URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=1270. (дата обращения: 12.05.2017).
- 41 См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 136. Л. 147, 269, 293, 356 об., 472.
- 42 См.: Степанова Е. Ю. К истории села Знаменского, места рождения Д. И. Писарева (по архивным материалам) // Д. И. Писарев : исследования и материалы. Мир Писарева : в 3 вып. М., 1995. Вып. 1. С. 227–239.
- 43 См.: Половцев А. А. Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 3 «Бетанкур – Бякстер». СПб., 1908. С. 3–4.
- 44 См.: Воронцов-Дашков А. И. Екатерина Дашкова : Жизнь во власти и опале. М., 2010. С. 37.
- 45 См.: Половцев А. А. Указ. соч. Т. 3. С. 3–4.
- 46 См.: Песков А. М. Павел I. М., 1999. С. 217.
- 47 См.: Саитов В. И. Петербургский некрополь : в 4 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 212.
- 48 См.: Половцев А. А. Указ. соч. Т. 3. С. 3–4.
- 49 См.: Донесения о Калмыках полковника Бехтеева // Архив князя Воронцова : в 40 кн. М., 1875. Кн. 7. С. 571–572.
- 50 См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества : в 19 т. / под ред. В. П. Семенова. Т. 2. СПб., 1902. С. 582–583.
- 51 См.: Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 826. Оп. 1. Д. 16. Л. 213 об.–217 (сведения на 1780 г.).
- 52 См.: Туркестанов Н. Н. Губернский служебник, или Список генерал-губернаторам, правителям, поручикам правителя, председателям уголовной и гражданской палат и дворянским предводителям в 47 наместничествах (губерний). (1777–1796 г.). СПб., 1869. С. 38.
- 53 См.: Воронежская старина. Воронеж, 1911. Вып. 10. С. 176.
- 54 См.: Невярович В. К. Певец Святой Руси. Сергей Бехтеев : жизнь и творчество. СПб., 2008. С. 717.
- 55 О нем см.: ГАВО. Ф. И-29. Оп. 124. Д. 76. Л. 249 ; Московское дворянство. Алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важных документов, находящихся в родословных делах архива Московского дворянского депутатского собрания / сост. А. Грот. М., 1910. С. 201. Алексей Алексеевич Бехтеев и его семья (жена и сын Александр) изображены на полотне Н. В. Лангера (сентябрь – октябрь 1812 г.), хранящемся в настоящее время в Третьяковской галерее. См.: Государственная Третьяковская галерея. Каталог живописи XVIII – начала XX веков (до 1917 г.). М., 1984. С. 249.
- 56 См.: ГАВО. Ф. И-29. Оп. 124. Д. 76. Л. 26–26 об.
- 57 Там же. Л. 46.
- 58 См.: Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 1903. С. 266.
- 59 См.: Геронтий (Кургановский). Историко-статистическое описание первоклассного Задонского Богородицкого монастыря. М., 1871. С. 143.
- 60 См.: ГАВО. Ф. И-29. Оп. 124. Д. 76. Л. 46 об.–47 (Патент на чин).
- 61 Там же. Л. 52–55 об., 70–71, 129.
- 62 Там же. Л. 58 ; Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. Приложение. С. 72 ; Общий список флотских линейных чинов 1828 г. СПб., 1828. С. 60.
- 63 См.: ГАВО. Ф. И-29. Оп. 124. Д. 76. Л. 238–239 (указ об отставке 3.05.1838 г.).
- 64 Там же. Л. 240–243 (формулярный список 1834 г.) ; Там же. Л. 233, 245–246 об., 257, 237–237 об. (Указ об отставке 1.06.1863 г.).
- 65 См.: ГАВО. Ф. И-29. Оп. 124. Д. 76. Л. 237–237 об. (указ об отставке 1.06.1863 г.) ; Список должностным лицам Воронежской губернии. Воронеж, 1890. С. 195 ; Федорченко В. И. Императорский дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий : в 2 т. М. ; Красноярск, 2003. Т. 1. С. 125–126.
- 66 Институт Русского языка и литературы (Пушкинский дом). Картотека Кони, карточка № 1052, газетный номер объявления А 156 444 (сообщено Б. Д. Сыромятниковым).
- 67 См.: Снежков В. П. Бехтеев ; Шарапов ; Князь Цертелев : [Некрологи]. Козлов, 1911. С. 3–7.
- 68 См.: Российский некрополь : в 8 вып. Вып. 6. Тестацхо. Некаатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений / сост. В. Гасперович, М. Ю. Катин-Ярцев, М. Г. Талалай, А. А. Шумков. СПб., 2000 (III, IV, 4, 16 ; № 2917).
- 69 См.: Список служащих по Министерству внутренних дел 1914 г. Генерал-губернаторства, губернии, области и градоначальства : в 2 ч. СПб., 1914. Ч. 2. С. 443.
- 70 Послужной список С. С. Бехтеева (сост. в декабре 1904 г.) // Невярович В. К. Певец Святой Руси. Сергей Бехтеев : жизнь и творчество. СПб., 2008. С. 685.
- 71 См.: Памятная книжка Орловской губернии на 1916 г. Орел, 1916. С. 222.
- 72 См.: Ляпин Д. А., Лилья И. Г. Бехтеевы : родословная роспись. Елец, 2009. С. 81.
- 73 См.: Список лиц, служащих по Министерству внутренних дел 1908 г. : в 2 ч. СПб., 1908. Ч. 2. С. 763 (сообщено С. Г. Решетовым).
- 74 См.: Бехтеев А. С. «Я оттуда, где струится тихий Дон...». Записки из старческого дома // Записки Липецкого областного краеведческого общества : в XII вып. Липецк, 2012. Вып. IX.
- 75 Там же. С. 4.

Образец для цитирования:

Ляпин Д. А. Род дворян Бехтеевых в истории России (XV – начало XX в.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 4–11. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-4-11.

Cite this article as:

Lyapin D. A. The Noble Family of Bekhteeps in Russian History (15th – Early 20th Centurie). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 4–11 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-4-11.

УДК 94(47).045

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ ПЕРИОДА НАМЕСТНИЧЕСТВА ЯКОБА ДЕЛАГАРДИ (по материалам архива СПб ИИ РАН)

Е. М. Попова

Попова Елизавета Михайловна, аспирант кафедры всеобщей истории, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, учитель истории лицея № 3 имени К. А. Москаленко, Липецк, kowkaforever@yandex.ru

Статья посвящена шведскому присутствию в Новгороде 1611–1617 гг. во главе с Якобом Делагарди. Наиболее детально рассматривается вопрос, касающийся административной практики в указанный период. По материалам документов удалось установить национальный и социальный состав должностных лиц, порядок их назначения, основные принципы делопроизводства. Для этого был проведен анализ должностных особенностей и функций новгородской администрации, который показал отсутствие каких-либо заимствований из иноземной административной практики, а также высокий уровень самостоятельности новгородских должностных лиц в управлении городом.

Ключевые слова: Якоб Делагарди, Великий Новгород, Смутное время, административная практика, должностное лицо, пятаконецкий староста, целовальник.

On the Nature of the Administrative Practice of Novgorod the Great during the Period of Jacob de la Gardie's Governorship (based on the Archive of St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science)

Е. М. Попова

Elizaveta M. Popova, ORCID 0000-0001-6929-0999, Novgorod State University, 41, Bol'shaja Sankt-Peterburgskaja Str., Velikij Novgorod, 173003, Russia, kowkaforever@yandex.ru

This article deals with the Swedish presence in Novgorod in 1611–1617, headed by Jacob de la Gardie. The administrative practice of that period is studied in detail. On account of the documents, it became possible to define the national and social structure of the official bodies, assignment procedure and the main principles of paperwork management. For this reason, an analysis of peculiarities and functions of the Novgorod administration was carried out. It showed the absence of any borrowings from foreign administrative practice and a high level of independence in the Novgorod officials' management of the city affairs.

Key words: Jacob de La Gardie, Novgorod the Great, Time of Troubles, administrative practice, public official.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-12-17

Смутное время в России – один из наиболее интересных и не до конца изученных эпизодов отечественной истории. Нестабильность политической и экономической ситуации, социальные катаклизмы, идеологические и мировоззренческие расхождения, которыми было отмечено начало XVII в., позволяют некоторым отечественным и зарубежным исследователям представлять

события Смуты как «первую гражданскую войну» в России¹. Кризис немало усугублялся прекращением древней династии Рюриковичей, что породило частую смену государей и узурпаторство самозванцев, поддерживаемых польской Короной².

Царь Василий Шуйский (1606–1610) в целях сохранения власти, которой угрожали польские ставленники, призвал на службу шведский экспедиционный корпус под командованием военачальника Якоба Делагарди (1583–1652), заключив договор со шведским королем Карлом IX, по условиям которого обещал ему территориальные уступки и денежное вознаграждение³. Неспособность русской стороны выполнить свои обязательства по Выборгскому договору⁴ спровоцировала шведов в 1611 г. занять Великий Новгород и принять его под свое управление, в результате чего оформился шведско-новгородский политический альянс, просуществовавший до 1617 г.⁵, и была создана специфическая административная система. Формально правителем Новгорода считался шведский принц Карл Филипп (1601–1622), которого прочили на русский престол, фактически же вся полнота власти находилась в руках шведского военачальника Якоба Делагарди (1611–1614)⁶.

Столь неординарная ситуация привела к тому, что в кругу современных историков возникла острая полемика по поводу понятия «шведская оккупация»⁷, которая предполагает скрупулезное изучение административной системы, существовавшей в Великом Новгороде при шведах. Важными направлениями в ходе изучения административной системы может стать выяснение национального и социального состава должностных лиц, порядка их назначения, принципов, которыми они руководствовались в управленческой практике, соотношения традиционных порядков и нововведений. Благодаря исследованиям в этой области можно будет представить аргументированное заключение относительно характера шведского присутствия в Новгороде и узнать, насколько определение «оккупация», бытующее в российской историографии с XIX в. и по сей день⁸, применимо к новгородским реалиям 1611–1617 гг.

Интерес к данной проблеме проявляют отечественные и зарубежные историки (А. А. Селин⁹, Х. Сьондберг¹⁰, Е. И. Кобзарева¹¹ и др.), которые, однако, рассматривают ее сквозь призму новгородской социальной системы. Обратиться

к этому аспекту позволяют документы, хранящиеся в научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН) из фондов Русской секции, которые представляют собой коллекцию актов до 1613 г.¹² Она содержит 1219 ед. хр., которые отражают разнообразные стороны социально-экономической, политической, военной и культурной истории Русского государства за семь столетий (с XIV по XX в.). Значительный комплекс образуют архивы местных управленческих структур XVI–XVIII вв. – дела воеводских и земских изб, приказных палат и т. д.¹³, записанные чаще всего на отдельных листах. В рамках заявленной темы наибольший интерес представляют документы 1611 г. «о выборе пятиконецких старост и целовальников в Новгородскую судную избу»¹⁴, а также документ, касающийся «выбора» пятиконецкими старостами целовальников к новгородским тюрьмам, на мельницы и к баням в Новгороде»¹⁵. Дополнением к этим источникам могут служить документы Новгородского Оккупационного архива (далее – НОА), представляющего собой архив Новгородской Приказной избы¹⁶. Подробная опись и характеристика документов представлена в двухтомном каталоге, который существенно упрощает работу с этим архивом¹⁷.

Несмотря на тяжелое положение в стране, голод, экономические трудности, система управления Новгородом при шведах функционировала в интенсивном режиме, создавая в Новгородской земле «островок относительной стабильности»¹⁸. В период с 1611 по 1614 г. высшая исполнительная власть находилась в руках генерала Якоба Делагарди, который старался привлечь русских управленцев, что позволяло ему создать представление о сохранении в Новгороде традиционного административного порядка. Первым его помощником являлся воевода князь Иван Никитич Большой-Одоевский (?–1616). Во многих официальных документах из НОА присутствуют обращения к ним обоим¹⁹, что позволяет предположить близость их административных статусов и наличие соправительства шведского наместника и представителя русской аристократии.

Между тем, чтобы иметь право говорить о тенденции, необходимо посмотреть, как обстояли дела в низших эшелонах власти, в чем могут помочь вышеназванные документы из Архива СПбИИ РАН. Они ранее не публиковались и невелики по объему, что позволяет нам привести их содержание. Первый документ гласит: «Лета 7120 сентября 8 день по памяти за приписью дьяка Семена Лутохина пятиконецкие старосты Калина Манатерников да Офона Лесовик с товарищами выбрали в суд в старосты гостя Первого Прокофьева <...> да в целовальники Тимофея Яковлева <...>»²⁰. Все указанные здесь должности (старосты, дьяк, целовальник) являются

русскими, что было характерно для шведского присутствия. Даже шведы, занимавшие место в администрации, считались исполнителями русских должностей, как, например, шведский секретарь М. М. Пальм, который в документах зачастую именовался дьяком²¹.

Далее отметим, что все упомянутые в документе кончанские старосты, староста, представленный к суду, и целовальник имеют русские имена²². Самая высокая должность, упомянутая в документе, – должность дьяка, приказного лица, также принадлежит новгородцу, а именно Семenu Лутохину. То, что Лутохин новгородец – само по себе примечательно, потому что при шведах на должности старались назначать местных уроженцев, в то время как в предшествующие Смуте времена почти все новгородские дьяки назначались непосредственно из Москвы²³. Семен Михайлович Лутохин, фигурирующий в этом документе, являлся выходцем из софийских детей боярских²⁴, был очень известным и довольно влиятельным человеком в Новгороде. В 1610/1611 гг. он числился дьяком Дворцового приказа²⁵, занимая одну из ключевых должностей местного управления, а с 1612 г. являлся дьяком Разряда и Поместного приказа, из-за чего его фамилия очень часто фигурирует в документах из НОА и архива СПбИИ РАН. Лутохин был отстранен от управления лишь в 1615 г. после смены Якоба Делагарди Эвертом Горном (1585–1615) за отказ от присяги Густаву Адольфу²⁶. Все это дает нам право считать Семена Лутохина одним из важных фигурантов новгородско-шведского альянса, которые занимались управлением города.

Однако социальный состав исполнительной власти не ограничивается боярами и детьми боярскими. Мы видим, например, что на должность судного старосты был назначен гость Первой Прокофьев, выходец из купеческой среды. Его имя также встречается в документах НОА²⁷, а также в работах А. А. Селина²⁸ и Е. И. Кобзаревой²⁹. Примечательно, что в документе 1611 г. Первой Прокофьев упоминается как «гость, выбранный в суд в старосты», а двумя годами позже он же именуется «гостем, целовальником и таможенной головой»³⁰, из чего следует, что при шведах он имел возможность продвинуться по карьерной лестнице, что, однако, заслуживает более детального изучения.

Особо примечательной должностью, упоминаемой в документе, является должность пятиконецкого (кончанского) старосты, один из рудиментов Новгородской вечаевой республики. По мнению многих исследователей, статус и функции кончанских старост республиканского периода до конца не изучены³¹. Известно лишь, что они избирались и возглавляли один из пяти концов Великого Новгорода, а также представляли своих избирателей на общем вече при решении общественных дел; их печатями скреплены важные документы и договоры³².

После ликвидации вечевой республики новгородская система управления была преобразована и стала близким аналогом московской³³. Принцип выборности должностных лиц на всех уровнях был заменен их назначением на время и всевластием московских наместников. Упоминание о кончанских старостах, тем не менее, встречается в период пребывания в Новгороде шведов, что позволяет предполагать существование тенденции к возрождению традиций вольного Новгорода. Г. М. Коваленко отмечал это в ряде своих работ³⁴, однако подробно эта проблема еще не изучалась. В. А. Аракчеев считает, что кончанские старосты как представители городского самоуправления существовали и в других русских городах³⁵, но мы не убеждены в их полной идентичности с новгородскими, хотя соглашаясь с необходимостью дальнейшего исследования данного вопроса.

Из приведенного выше документа видно, что должность кончанских старост в Новгороде во время правления Делагарди занимали Калина Манатерников и Офона Лесовик, скорее всего, обычные посадские жители. Оба упомянуты также в документе 1612 г., что свидетельствует о сохранении ими своих должностей³⁶. Можно предположить, что одной из функций кончанских старост было регулирование хозяйственной и финансовой жизни города, в частности, сбор средств «по разводу», поскольку в документе 1612 г., в котором они фигурируют, решался вопрос покупки сена у посадских и крестьян. Ввиду отсутствия у администрации средств («в казне денег нет») предлагалось собрать деньги с Новгородского посада, митрополичьих вотчин, монастырских и дворцовых сел и пятин. Заниматься этим должны были кончанские старосты. На подведомственную им территорию была возложена обязанность по выплате определенной суммы: «А по разводу тех денег с Ноугороцкого посаду ялося взятии девяносто рублев и пятиконецким старостам Калине Манатернику да Офонасею Лесовику с товарищи те деньги за сено, что на них по разводу довелось взяти девяносто рублев, велети собрати с Ноугороцкого посаду с посацких людей тот час»³⁷.

На основании каталога НОА, выпущенного Э. Лёфstrand и Л. Нордквист, удалось проследить, кто и в какие годы занимал должность пятиконецких старост³⁸ и, в частности, установить, что помимо Калины Манатерника и Офони Лесовика в 1611–1612 гг. ими были Климентий Первой (Первуша) и Осип Васильев сын. Климентий Первой упоминается в звании концецкого старосты и в 1616 г., о непрерывном сроке его пребывания на этой должности говорить не представляется возможным, так как документов, свидетельствующих об этом, мы не обнаружили. Не удалось установить имя пятого старосты в этот период из-за отсутствия указания в имеющихся у нас документах. В 1613 г. пятиконецкими старостами

являлись Осип Васильев сын и Осип Ганчюков, в 1614 г. – Томилка Пристольцев, Ореф Хлебник, Андрей Васильев и Докучай Сласницын, в 1615 г. – Кирилл Молодежник и Третьяк Трупов. В 1616 г. новых имен не появилось, и в качестве пятиконецких старост опять фигурировали Томилка Пристольцев, Ореф Хлебник и Андрей Васильев. Все указанные пятиконецкие старосты в период шведского присутствия ведали делами и сборами Новгородского посада. Их полномочия не выходили за рамки города.

Констатация факта существования при шведах института кончанских старост, к сожалению, не позволяет ответить на вопросы относительно их назначения или избрания, соответствия их общего количества пяти городским концам, идентичности выборным кончанским старостам эпохи новгородской независимости – все это заслуживает, безусловно, отдельного исследования, однако есть основания говорить об их административной правомочности. Речь идет о праве кончанских старост формировать аппарат управленцев низшего звена и производить назначения (или выборы) на должности. Приведенный выше документ из Архива СПбИИ РАН показывает нам, что ими были назначены староста и целовальник к суду. В связи с этим рассмотрим еще один документ из Архива СПбИИ.: «Лета 7120 сентября в 14 день по памяти за приписью дьяка Семена Лутохина, пятиконецкие старосты Калина Манатерников, да Офонасий Лесовик с товарищи выбрали в целовальники к тюрьмам Мирона Денесьева, да Савеля Щепетника, да на мельницу Михаила Грязнуха Кончанской улицы, да Матфея Микулина <...> да Микита Скотник, да к баням Григория Поганкина Егорьевской трети, да Ивана Марихина с Рогатицы, да Трофима Скорняка с Власея, а выбор писал земский дьячек Васька Елтуфеев сентября в 14 день»³⁹. Заметим, что «выборь» проводили уже знакомые нам кончанские старосты без какого-либо вмешательства шведской администрации и, скорее всего, с ее позволения. Еще более важен тот факт, что выборы, как свидетельствуют два документа, происходили в сентябре 1611 г. вскоре после взятия города шведами⁴⁰. Очевидно, новые власти не стали менять сложившиеся порядки, и исполнение должностных обязанностей их носителями продолжалось в привычном режиме.

Кончанские старосты производили выборы целовальников. Должность целовальников существовала в Московском государстве, где она воспринималась как повинность, чаще всего возлагавшаяся на посадских людей или крестьян. В обязанности целовальника входил сбор денег на текущие расходы, податей и косвенных налогов, их разверстка среди тяглого населения, доставка собранных средств в казну и другие хозяйственные функции⁴¹ – другими словами, это была «выборная общественная должность, с определенными фискальными или юридически-

ми функциями, представитель которой присягал на должность и целовал крест; также означает поставщик спиртного в государевых кабаках»⁴².

Приведенный выше документ подтверждает данное определение. Должность целовальника при шведах сохраняла свою выборность и воспринималась как повинность посадского населения. Целовальников избирали для контроля за учреждениями, и они несли ответственность за финансовую и административную сторону их работы. Документ указывает на существование различных целовальников – при судах, при мельницах, при тюрмах, банях и т. д. Чаще всего целовальник был не один, назначалось сразу по 2–3 человека. Были такие заведения, где требовался больший контроль. Так, например, на службу при кабаке и винном погребе из числа посадских было избрано 15 целовальников⁴³. Можно предположить, что количество служащих зависело от объема выполняемых работ или от масштаба учреждения, его финансовой способности. К задачам целовальника по-прежнему относился подсчет средств, сбор или помощь при сборе податей, покупка инвентаря, организация работы мельниц, бань и других общественных учреждений. Целовальники при судах должны были обеспечивать справедливость судебного процесса, помогать старостам. На наш взгляд, особого внимания заслуживает изучение функций каждого отдельного целовальника при определенном учреждении, что позволит наиболее полно сопоставить функции и задачи всех исполнителей данной должности, выявляя их сходства и различия. В настоящее время благодаря усилиям шведского слависта А. Шёберга наиболее полно изучена деятельность целовальников при банях. Установлено, что баня управлялась четырьмя целовальниками, которые собирали деньги за посещение бани, обеспечивали ее всем необходимым, нанимали плотников, каменщиков для ее починки и т. д.⁴⁴

Имена лишь двух целовальников, упомянутых в документах из Архива СПбИИ, мы встречаем в актах НОА, что, видимо, объясняется тем, что один человек редко оставался на должности целовальника длительное время⁴⁵. Трофим Скорняк и Григорий Поганкин (Поганка), о которых идет речь, оставались служить при банях, занимаясь ведением их доходов и расходов (на веники, дрова, зарплаты, ремонтные работы). К своей должности они приступили 19 сентября и сохраняли ее вплоть до лета 1612 г.⁴⁶

Можно отметить, что исполнение обязанностей целовальников иногда были сопряжены с опасностями: «Да послал государь я холоп твой к тебе с целовальником з Богданкой Гульковым подъемных да шубных денег восемь рублей без десяти деньги. <...> И того государь Богданка целовальника литовские люди убили и казну твою государеву взяли»⁴⁷. Подобное случалось не только в Смуту, и целовальникам приходилось

не только заниматься финансами, но и отвечать за их сохранность с риском для жизни.

Стоит также обратить внимание на оформление рассмотренных документов, которое позволяет заметить ответственный подход его составителей. Документ в обязательном порядке составлен за приписью дьяка, который осуществлял административный контроль за событиями в городе. Каждый документ начинался с записи дня, месяца и года, в который произошло то или иное событие. Назначения на должности записывались с упоминанием имен, иногда места жительства всех фигурантов. Земский дьячек, производивший запись, обозначал свое имя в конце и вновь ставил «число», т. е. день, месяц и год, в который он сделал свои записи. Все документы писались на русском языке и оформлялись в соответствии с русским обычаем делопроизводства; они должны были храниться, пока в них была необходимость⁴⁸.

Таким образом, небольшой комплекс документов периода пребывания Великого Новгорода под властью шведов из фондов Архива СПбИИ РАН подтверждает преемственность административной практики, что подтверждается не только исключительно русским происхождением должностных лиц среднего и низшего звена, но также традиционным характером их функций и приемов управления. Ни в одном из документов не прослеживаются попытки внедрения иноземных административных обычаев и правовых норм, однако есть свидетельства активизации традиций времен новгородской независимости. Последнее связано, прежде всего, с деятельностью пятиконецких старост, наделенных правом формировать аппарат подконтрольных им исполнителей – старост и целовальников. Их должностные обязанности, связанные с фискальной, судебной и хозяйственной сферами, имели большое значение для жизни Новгорода. Очевидно, что новгородские общественные структуры во время шведского господства не подвергались насильственной деформации, а население Новгорода не подвергалось этнической дискриминации. Это, как и повышение роли традиционного новгородского самоуправления, не позволяет характеризовать шведский режим в административной сфере как «оккупационный» в обычном его понимании, но заставляет задуматься об особой, «мягкой», оккупации, которая была свойственна административной политике Якоба Делагарди. Несмотря на отсутствие изменений в административной сфере, стоит заметить, что характер режима менялся на протяжении 1611–1617 гг. в зависимости от внутрисполитической ситуации и состояния между Москвой и Стокгольмом.

Примечания

¹ См. например : *Dunning C. S. L. A short history of Russia's first civil war. Pennsylvania State University, 2001. P. 1–3 ;*

- Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия : движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 8.
- 2 См.: *Флора Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 6–7.
- 3 См.: *Oakley S. P.* War and Peace in the Baltic 1560–1790. L., 2001. P. 45.
- 4 Полномочная запись послов шведского короля Карла IX со стольником и воеводой Семеном Головиным и дьяком Сыдавным Зиновьевым о дружественном союзе Швеции с Россией и вспомогательном войске. 28.02.1609 // Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 2. С. 184–190.
- 5 Термин был введен А. А. Селиным. Подробнее см.: *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 10.
- 6 См.: Riksarkivet, Ockupationsarkivet från Novgorod (далее – RA, NOA). Series II : 294. Л. 1 ; RA, NOA. Series II : 192. Л. 1.
- 7 *Селин А. А.* Указ. соч. С. 155–231.
- 8 См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 18 т. М., 1994. Т. 7–8, кн. 4 ; *Лихачев Д. С.* Новгород Великий. М., 1959 ; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.
- 9 См.: *Селин А. А.* Указ. соч. С. 482–582.
- 10 См.: *Сюндберг Х.* Жизнь в Новгороде во время шведской оккупации 1611–1617 гг. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6(16). С. 273–278.
- 11 См.: *Кобзарева Е. И.* Указ. соч.
- 12 См.: Архив СПбИИ. Кол. 174.
- 13 <http://www.spbiiran.nw.ru/архив-2/> (дата обращения: 15.09.2017)
- 14 Архив СПбИИ. Кол. 174. Оп. 2. Д. 525. Л. 1.
- 15 Там же. Д. 525. Л. 1.
- 16 Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 1, 2.
- 17 В начале 2000-х гг. группа шведских славистов, возглавляемых Э. Лёфстранд, при содействии российских ученых из Москвы, Санкт-Петербурга и Великого Новгорода подготовила и опубликовала полную и комментированную опись сохранившихся документов НОА в двух томах (Account of an Occupied City : Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617/ Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm, 2005 ; Series II. Stockholm, 2009). Первая серия включает в себя таможенные, кабацкие, дозорные, кабальные, дворовые, лавочные, приходно-расходные книги ; книги, связанные со сбором налогов, книги сбора судной пошлины и т.д. Материалы второй серии состоят из купчих записей, служилых кабал, отпусковых, судебных дел, судебных грамот, расспросных речей, ведомостей об оплате, обыскных грамот, росписей, мировых грамот, поручных записей, т.е. из отдельных дел, записанных на отдельных листах и склеенных в свитки.
- 18 *Коваленко Г. М.* Русские и шведы от Рюрика до Ленина. М., 2012. С. 70.
- 19 См., например : RA, NOA. Series II : 8. Л. 1 ; RA, NOA. Series II : 279. Л. 1.
- 20 Архив СПбИИ. Кол. 174. Оп. 2. Д. 525. Л. 1.
- 21 См., например : RA, NOA. Series II : 26. Л. 1 ; RA, NOA. Series II : 47. Л. 1.
- 22 Примечательно, что представители шведской администрации, воеводы также обзаводились отчествами на русский манер. Например : Яков Деллагарди именовался как Яков Понтусович или Яков Понтусов сын, Пальм Монс Мортенсон – Монша Мартынович, Ганс Бракиль – Анц Брякилев.
- 23 См.: *Селин А. А.* Указ. соч. С. 556.
- 24 Там же. С. 348.
- 25 Account of an Occupied City. Series II. P. 530.
- 26 См.: *Селин А. А.* Указ. соч. С. 589.
- 27 См. упоминания о госте, таможенном голове Первом Прокофьеве в документах : RA, NOA. Series II : 23, 42, 137a, 357. В именном указателе каталога см.: Account of an Occupied City. Series II. P. 556.
- 28 См.: *Селин А. А.* Указ. соч., например, С. 83, 147, 394.
- 29 См.: *Кобзарева Е. И.* Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 339–381.
- 30 Там же. С. 345.
- 31 См., например : *Мартышин О. В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 242–246 ; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 327.
- 32 См.: *Нелидова Е.* Русь в ее столицах. Новгород. Исторические очерки. СПб., 2008. С. 43.
- 33 См.: *Скрынников Р. Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 152–154.
- 34 См.: *Коваленко Г. М.* Русские и шведы от Рюрика до Ленина. С. 69 ; *Коваленко Г. М.* Второе призвание варягов. Шведы в России в 1609–1617 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 2006. С. 97 ; *Коваленко Г. М.* Великий Новгород 1611–1617. Между Москвой и Стокгольмом // Научные записки Института украинской археографии источниковедения НАН Украины. Киев, 2009. Т. 19. С. 174.
- 35 См.: *Аракчеев В. А.* К изучению тяглых обязанностей посадского населения Новгорода в 1611–1616 гг. // Novgorodiana Stockholmiensia. Стокгольмская Новгородика. Stockholm, 2012. С. 89.
- 36 См.: RA, NOA. Series II : 155. Л. 15–16.
- 37 Там же. Л. 16.
- 38 См.: Account of an Occupied City. Series II. P. 494–578.
- 39 Архив СПбИИ. Кол. 174. Оп. 2. Д. 529. Л. 1.
- 40 Город был взят в ночь с 15 на 16 июля 1611 г. Подробнее см.: *Черникова Т. В.* Европеизация России во второй половине XV – XVII веках. М., 2012. С. 451 ; *Smirnov A.* Svensk historia under vattnet. Värnamo, 2002. P. 81.
- 41 См.: *Веселовский С. Б.* Сошное письмо : Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. 168–336.
- 42 См. определение «sworn man» : Account of an Occupied City. Series II. P. 601.
- 43 См.: *Аракчеев В. А.* Указ. соч. С. 88.
- 44 См.: *Sjoberg A.* The Public Sauna in Novgorod 1611–1615 // Scando-Slavica. Vol. XXII. 1976. P. 125–137.

⁴⁵ См.: Безус Н. Б. Суд и процесс в Новгороде в начале XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Великий Новгород, 2006. С. 95.

⁴⁶ См.: RA, NOA. Series I : 77. Л. 13–115.

⁴⁷ Отписка губного старосты Игнатия Дюкина в Великий Новгород боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичу Деллагарди, боярину князю Ивану Никитичу Большому Одоевскому и дьякам Семену Лутохину

и Андрею Лысцову о сборе в Деревской пятине подъемных денег послам (Полиевкту Матвеевичу Колычеву с товарищами) и денег за шубы и сукна немецким ратным людям. 1611 г. // Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 531. Л. 1.

⁴⁸ В документах НОА можно встретить дела, которые записывались на старых листах, т. е. с уже имеющимися записями.

Образец для цитирования:

Попова Е. М. К вопросу о характере новгородской административной практики периода наместничества Якоба Деллагарди (по материалам архива СПбИИ РАН) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 12–17. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-12-17.

Cite this article as:

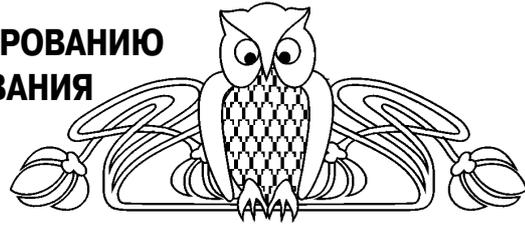
Popova E. M. On the Nature of the Administrative Practice of Novgorod the Great during the Period of Jacob de la Gardie's Governorship (based on the Archive of St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 12–17 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-12-17.

УДК 37(470)|18|

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ФОРМИРОВАНИЮ И РАЗВИТИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

А. Н. Поздняков

Поздняков Александр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной и научной работе Института дополнительного профессионального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, alnikpoz@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы формирования в России в первой четверти XIX в. организационной структуры педагогического образования. Она соответствовала той системе образования, которая сложилась в результате осуществлявшейся образовательной реформы. Особое внимание уделено педагогическим институтам, созданным при университетах. Подчеркнута роль Главного педагогического института.

Ключевые слова: образовательная реформа Александра I, система педагогического образования, учительская семинария, педагогические институты.

State Policy Concerning the Formation and Development of Pedagogical Education in Russia in the First Half of the Nineteenth Century

A. N. Pozdnyakov

Alexander N. Pozdnyakov ORCID 0000-0003-3651-4532, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, alnikpoz@mail.ru

The article considers the formation of the organizational structure of pedagogical education in Russia in the first quarter of the nineteenth century. It conformed to the system of education, which resulted from the ongoing educational reforms. Special attention is paid to pedagogical institutions established at universities. The role of the Main pedagogical Institute is highlighted.

Keywords: educational reform of Alexander I, system of pedagogical education, teachers' Seminary, teacher training institutes.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-18-22

Одна из важнейших задач государственной образовательной политики состоит в решении кадрового вопроса, организации целенаправленной деятельности по подготовке учительского корпуса. В этой деятельности важно все, в том числе и обращение к историческому опыту. Особого внимания к себе требуют события XIX в. Именно тогда происходило складывание системы педагогического образования, ее организационное оформление.

Проблемы становления и развития системы педагогического образования находятся в сфере внимания современных исследователей. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы проведенной в 2016 г. сессии Научного совета по

проблемам истории образования и педагогической науки РАО, обсуждившей тему «Учитель и его формирование: исторический опыт передачи образованности и культуры»¹. Среди научных статей по проблемам педагогического образования, опубликованных в последние годы, можно назвать работы М. А. Гончарова «Нормативно-правовые основы организации управления педагогическим образованием в России в первой половине XIX века»², Е. Г. Никулиной «Становление профессиональной подготовки учителей в России в XIX веке»³, О. П. Нечаевой «О правовой подготовке учителей в XIX веке»⁴, А. Н. Позднякова «История становления образования в России XVII–XVIII вв.: особенности политики по подбору и подготовке учительских кадров»⁵ и др.

В настоящей статье предполагается рассмотрение вопросов формирования в России в первой четверти XIX в. организационной структуры педагогического образования, государственной политики по ее развитию. Источниками, на которых основывается данное исследование, являются многочисленные нормативно-правовые и распорядительные документы государственной власти. Одновременно с этим особое место в исследовании уделяется научным материалам по проблемам кадровой политики в системе образования, опубликованным более ста лет тому назад, еще в конце XIX – начале XX в. Они интересны не только с точки зрения историографического обзора, но и как своеобразные, весьма интересные источники формирования современного взгляда на историческое прошлое.

Выделяются научные труды профессора Санкт-Петербургского университета С. В. Рождественского «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902»⁶ и «Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках»⁷. Обилием исторических фактов, их анализом и аргументированными выводами характеризуется изданная в 1900 г. книга директора Московского учительского института В. В. Григорьева «Исторический очерк русской школы»⁸. Достойное место в перечне исторической научной литературы занимает исследование педагога и филолога Г. К. Шмида «История средних учебных заведений в России»⁹. Книгу отличает особое внимание к многочисленным деталям исторических событий и фактов.

Первые шаги в направлении складывания системы педагогического образования в России

относятся к концу XVIII в. Однако разветвленная сеть специализированных учреждений, осуществлявших системное педагогическое образование, начала складываться только в начале XIX в. Деятельность в данном направлении была вызвана образовательной реформой, осуществлявшейся в начале царствования Александра I. Среди мер, положивших начало реформированию системы образования, было создание Министерства народного просвещения. Важно подчеркнуть, что, появившись в соответствии с Высочайшим манифестом от 8 сентября 1802 г., образовательное ведомство находилось среди восьми влиятельнейших министерств: «1. Военных сухопутных, 2. Морских сил, 3. Иностранных дел...; 4. ... Юстиции, 5. Внутренних дел; 6. Финансов, 7. Коммерции, и 8. Народного просвещения»¹⁰. Создание министерства народного просвещения свидетельствовало о несравненно более высоком положении, которое приобретали вопросы образования в структуре государственной политики.

Непосредственно направленной на осуществление образовательной реформы являлась серия Высочайших указов, изданных в 1803–1804 гг. В соответствии с указом от 24 января 1803 г.¹¹ территория страны была поделена на 6 учебных округов. Одновременно с этим указом были утверждены «Предварительные правила народного просвещения»¹², которые устанавливали для каждого учебного округа четырехуровневую систему образования во главе с университетами. К моменту образования учебных округов в России существовало три университета – Московский, Виленский и Дерптский. Там же, где еще не было университетов, ставилась задача их учреждения. «Предварительные правила» устанавливали, что новые университеты должны были быть созданы «в округах Санкт-Петербургском, в Казанском и в Харькове».

Проектируемая система образования была закреплена утвержденным 5 ноября 1804 г. Александром I «Уставом учебных заведений, подведомых университетам»¹³. В соответствии с ним в каждом губернском городе создавалась гимназия. Их могло быть и больше, если были «способы к содержанию таковых заведений». Следующий уровень образовательных учреждений составляли уездные училища – не менее чем по одному в губернских и уездных городах. И последний уровень составляли приходские училища.

Создаваемая система образования требовала большого количества квалифицированных педагогических кадров. Разработчики реформы, понимая это, заложили в функционал университетов задачу подготовки учителей. Г. К. Шмид в своем фундаментальном труде «История средних учебных заведений в России» отмечал: «Эта учебная реформа, которую можно назвать исполинским шагом вперед, конечно, не могла быть проведена без содействия *учительских* институтов. Самым естественным подспорьем, прежде всего, слу-

жили тут университеты...»¹⁴ В структуре этих учебных заведений должны были появиться Педагогические институты, что было закреплено их уставами. Так, устав Московского университета в специальной главе «О Педагогическом институте» указывал, что «Педагогический или Учительский институт образует учителей для гимназий и училищ, округ университета составляющих»¹⁵. Финансовое обеспечение подготовки учителей государство брало на себя, устанавливая порядок, при котором число студентов, обучавшихся в Педагогическом институте, преимущественно наполнялось воспитанниками, «на казенном иждивении содержимыми». Это позволяло государственным структурам распоряжаться трудоустройством выпускников, которые после окончания обучения направлялись учителями в учебные заведения Московского округа. При этом они должны были «обязаться подпискою», что, не отработав 6 лет, «не оставят учительского звания».

Аналогичный порядок подготовки учительских кадров через педагогические институты был установлен и для вновь открывавшихся Харьковского¹⁶ и Казанского¹⁷ университетов. Иная ситуация складывалась в Санкт-Петербурге. Открытие здесь университета задерживалось. С. В. Рождественский среди причин этой задержки указывал установленную регламентом 1803 г. обязанность Академии наук давать высшее научное образование определенному числу своих воспитанников, существование в столице нескольких специальных высших учебных заведений, наконец, финансовые затруднения. Однако отсутствие университета, отмечал С. В. Рождественский, «должно было неблагоприятно отражаться на учебных заведениях С.-Петербургского округа: не было рассадника учителей, в которых везде чувствовался сильный недостаток»¹⁸.

В целях недопущения этого в 1803 г. была восстановлена существовавшая еще при Екатерине II, а затем пришедшая в упадок учительская семинария. Она получила название «учительская гимназия». В 1804 г. гимназия была преобразована в Педагогический институт. В докладе министра народного просвещения П. В. Завадовского Александру I «Об учреждении Педагогического института в Санкт-Петербурге» говорилось, что «по предмету своему, состоящему в образовании юношества к учительской должности», учительская гимназия «составляет отделение имеющего учредиться в Санкт-Петербурге университета; почему и принять должна название Педагогического института, сообразно тому, как называются таковые отделения в других университетах»¹⁹.

Основным предназначением С. – Петербургского педагогического института, а также педагогических институтов при университетах, была подготовка учителей, главным образом, для гимназий. В свою очередь, гимназии в соответствии с «Уставом учебных заведений, подведомых университетам», должны были готовить учителей

для уездных и приходских училищ. Одновременно с этим на Академию наук уставом, утвержденным 25 июля 1803 г.²⁰, возлагалась обязанность участвовать в подготовке преподавательских кадров для учреждений высшего образования. «Таким образом, – писал В. В. Григорьев, – ...приготовление молодых людей для учительской должности лежало на обязанности: 1) Академии наук, для высших учебных заведений; 2) педагогических институтов при университетах: Московском, Харьковском, Казанском и 3) педагогического института в С.-Петербурге – для средних учебных заведений; 4) гимназий и духовных семинарий – для уездных, приходских и других училищ»²¹.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на достаточно высокий статус С.-Петербургского педагогического института как специализированного учебного заведения, качество подготовки учителей здесь оказалось более низким уровня, чем в педагогических институтах при университетах. Это, в частности, подчеркивал Г. К. Шмид. «... Кажется странным, – писал он, – что студенты должны были слушать все преподаваемые предметы в течение первых двух лет. Изучить сколько-нибудь основательно в два года 15 учебных предметов... принадлежащих к столь различным областям знания, едва ли физически возможно для учащихся с обыкновенными способностями. <...> Правда, им оставался еще третий год для изучения какого-либо специального предмета; но кроме того, что подобный срок слишком недостаточен, студенты... в течение означенного года не столько изучали свой специальный предмет, сколько приготавливались обучать ему в гимназиях»²².

Дело в том, что в педагогических институтах при университетах, в отличие от С.-Петербургского педагогического института, где «совершенное образование студентов к учительской должности окончено быть имеет в три года»²³, в университетах будущие учителя учились 6 лет. В соответствии с уставами университетов для обучения в их педагогических институтах, которое продолжалось три года, принимались «студенты-кандидаты». Таковыми являлись студенты университета, окончившие трехлетнее обучение и прослушавшие «нужные курсы» для продолжения обучения «в котором-нибудь отделении». Не случайно, когда в 1816 г. С.-Петербургский педагогический институт был преобразован в Главный педагогический институт, срок обучения здесь был установлен в шесть лет.

Преобразование учебного заведения в Главный педагогический институт не было формальным актом. В новом статусе его задачи становились значительно шире. Назначение педагогического института при университете в соответствии с его уставом состояло в том, что он «образует учителей для гимназий и училищ», входящих в учебный округ. Назначение же Главного педагогического института было «в образовании учителей, магистров, адъюнктов, профессоров для

всех училищ в Империи, подведомственных Министерству просвещения и независимых от оною; наставников для частных учебных заведений или пансионов и для домашнего воспитания»²⁴. Институты, существовавшие при университетах, становились в подчиненное положение по отношению к Главному педагогическому институту. В частности, они обязаны были регулярно представлять туда отчетную документацию.

Обучение студентов Главного педагогического института характеризовалось глубиной и широким охватом предметных областей. Выпускники направлялись, прежде всего, на педагогическую работу, но уровень подготовки позволял им быть востребованными и во многих других сферах деятельности. В. В. Григорьев, характеризуя Главный педагогический институт, писал, что он «является высшим учебным заведением, в котором преподаются все отрасли высших наук, кроме медицинских, вместе с тем он носит характер и специально-педагогического заведения, приготавливающего наставников и учителей во все роды учебных заведений – высшие, средние и низшие; в этом отношении он получает важное значение центрального учреждения, от которого в учебном отношении должны были быть в зависимости все педагогические учреждения в империи»²⁵.

Главный педагогический институт вышел далеко за рамки специализированного учебного заведения, ориентированного на подготовку учителей. В результате, просуществовав в этом статусе немногим более двух лет, он был преобразован в С.-Петербургский университет. При этом в Высочайше утвержденном докладе министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына особо отмечалось, что «образование учащихся остается существенным предметом Санкт-Петербургского университета»²⁶.

Вместе с тем созданная внешне благополучная система подготовки учительских кадров на деле не вполне срабатывала. Связано это было с низким социальным статусом учителя. Об этом откровенно писал С. В. Рождественский. «Материальная необеспеченность и низкое социальное положение учителя, – заявлял он, – отвращали учащуюся молодежь от педагогической карьеры. Педагогический труд менее чем какой-либо другой встречал сочувствие со стороны сословных традиций общества. Дворянство еще не освободилось от вековых предрассудков против гражданской службы, и в его глазах педагогическая профессия была менее других совместна с дворянским достоинством. Лицам из податных сословий само правительство сначала ставило некоторые препятствия, не желая выпускать их без особенной нужды из оклада. <...> Оставалось одно духовенство, единственное сословие, с признанием и традициями которого педагогическая деятельность находилась в полном согласии»²⁷.

Проблема касалась, прежде всего, подготовки учителей низших учебных заведений, которая, как

известно, должна была осуществляться в гимназиях. В докладе Главного правления училищ, Высочайше утвержденного 25 октября 1817 г., отмечалось, что мера по подготовке учителей для низших учебных заведений в гимназиях «не была никогда достаточною». Главная причина этого состояла в том, что дети из дворянского сословия и дети чиновников, обучающиеся в гимназиях, «окончив науки в сих училищных заведениях», поступали «почти обыкновенно» в высшие учебные заведения для «усовершенствования своих познаний» и приготовления себя к службе «в иных званиях». «Хотя некоторые, в малом числе, особливо из среднего и нижнего состояния, по надлежащем приготовлении себя на сие дело, и поступают учителями в разные учебные заведения, но вскоре, прельщаясь личными выгодами другого рода службы и звания, теряют... ревность к многотрудному и маловидному учительскому занятию, и оставляют сие звание в то самое время, когда чрез приобретенный в оном навык, могли бы наиболее быть полезными»²⁸.

Эту проблему подчеркивал в своем историко-статистическом обзоре учебных заведений С.-Петербургского учебного округа, опубликованном в 1849 г., его автор А. С. Воронов. Он писал: «По уставу 1804 г., хотя и предположено было приготовление учителей для низших училищ в гимназиях, но эта мера почти не приводилась в исполнение, потому что оканчивали курс в гимназии люди достаточные, а они не поступали в учителя низших училищ, предпочитая другую службу более выгодную и почетную; недостаточные, же люди, если бы и хотели, не могли оканчивать курса, а потому и быть учителями»²⁹.

В качестве одной из мер улучшения положения дел с подготовкой учителей для низших училищ стало решение об открытии при Главном педагогическом институте так называемого «второго разряда». Он призван был специально готовить учителей для этих учебных заведений. Данная идея принадлежала попечителю Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварову. Он писал: «Издавна уже был ощутителен недостаток в заведении, предназначенном собственно для образования учителей начальных училищ. ... В 1817 году... сделан был мною первый опыт, – и не без успеха, к удовлетворению этой существенной потребности...»³⁰ В указанном докладе Главного правления училищ отмечалось, что учреждением данного разряда все другие меры по подготовке учителей в уездные и приходские училища, сложившиеся ранее, не отменялись, а сохранялись «в прежнем порядке». Новое же «предприятие» являлось дополнительным средством, которое должно было служить «подкреплением всех существующих уже для сего средств».

Таковы были основные мероприятия по созданию системы педагогического образования в период царствования Александра I. Они свидетельствуют о том, что деятельность государства

в сфере образования в целом представляла собой целенаправленную, системную политику, которая хотя и с немалым трудом, но пробивала себе дорогу. Одной из главных ее составляющих была подготовка преподавательских кадров для всех уровней образования. В последующие годы с расширением и развитием сети общеобразовательных учреждений менялась и система подготовки учителей, становясь все более глубокой и разветвленной.

Примечания

- ¹ Дорохова Т. С. Учитель и его формирование : исторический опыт передачи образованности и культуры (О результатах XXXI сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки РАО) // Педагогическое образование в России. 2016. № 8. С. 164–171.
- ² Гончаров М. А. Нормативно-правовые основы организации управления педагогическим образованием в России в первой половине XIX века // Преподаватель. XXI век. 2013. Т. 1, № 1. С. 162–170.
- ³ Никулина Е. Г. Становление профессиональной подготовки учителей в России в XIX веке // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (2). С. 76–81
- ⁴ Нечаева О. П. О правовой подготовке учителей в XIX веке // Государство и общество : проблемы управления и права : сб. науч. ст. Волгоград, 2013. С. 159–162.
- ⁵ Поздняков А. Н. История становления образования в России XVII–XVIII вв. : особенности политики по подбору и подготовке учительских кадров // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 158–162.
- ⁶ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения : 1802–1902. СПб., 1902. 785 с.
- ⁷ Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб., 1912. 728 с.
- ⁸ Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. М., 1900. 589 с.
- ⁹ Шмид Г. К. История средних учебных заведений в России. Прил. к «Журналу Министерства народного просвещения». СПб., 18---. 684 с.
- ¹⁰ Об учреждении министерств. Манифест от 8 сентября 1802 года // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (далее – ПСЗ). Собрание 1-е : в 45 т. Т. 27. СПб., 1830. С. 244.
- ¹¹ См.: Об учреждении учебных округов с назначением для каждого особых губерний. Именной, данный Сенату, от 24 января 1803 года // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 27. С. 442.
- ¹² Об устройстве училищ. Именной, данный Сенату, от 24 января 1803 г. // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 27. С. 437–442.
- ¹³ Устав учебных заведений, подведомых университетам. Высочайше утвержден 5 ноября 1804 г. // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 28. СПб., 1830. С. 626–647.
- ¹⁴ Шмид Г. К. Указ. соч. С. 55.

- ¹⁵ Устав Императорского Московского университета. Высочайше утвержден 5 ноября 1804 года // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 28. С. 583.
- ¹⁶ См.: Устав Императорского Харьковского университета. Высочайше утвержден 5 ноября 1804 года // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 28. С. 589–607.
- ¹⁷ См.: Устав Императорского Казанского университета. Высочайше утвержден 5 ноября 1804 года // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 28. С. 607–626.
- ¹⁸ *Рождественский С. В.* Исторический обзор... С. 59–60.
- ¹⁹ Об учреждении Педагогического института в Санкт-Петербурге из бывшей прежде Учительской гимназии. Высочайше утвержденный доклад Министра народного просвещения от 16 апреля 1804 года // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 28. С. 270.
- ²⁰ См.: Устав Академии наук. Высочайше подписан 25 июля 1803 года // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 27. С. 786–800.
- ²¹ *Григорьев В. В.* Указ. соч. С. 309.
- ²² *Шмид Г. К.* Указ. соч. С. 62.
- ²³ Об учреждении Педагогического института в Санкт-Петербурге из бывшей прежде Учительской гимназии. Высочайше утвержденный доклад Министра народного просвещения от 16 апреля 1804 года // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 28. С. 270.
- ²⁴ Новое образование Главного педагогического института с приложением штата оному. Высочайше утверждено 23 декабря 1816 года // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 33. С. 1133.
- ²⁵ *Григорьев В. В.* Указ. соч. С. 311.
- ²⁶ Об учреждении Университета в Санкт-Петербурге. Высочайше утвержденный 8 февраля 1819 г. доклад Министра духовных дел и народного просвещения // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 36. С. 63.
- ²⁷ *Рождественский С. В.* Исторический обзор... С. 67–68.
- ²⁸ Об учреждении при Главном педагогическом институте второго разряда для образования в нем учителей приходских и уездных училищ с приложением первоначального образования и штата сего разряда. Высочайше утвержденный доклад Главного правления училищ от 25 октября 1817 года // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 34. С. 836.
- ²⁹ *Воронов А. С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849. С. 179.
- ³⁰ *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. Записка, представленная Государю Императору Николаю Павловичу. СПб., 1864. С. 30.

Образец для цитирования:

Поздняков А. Н. Государственная Политика по формированию и развитию педагогического образования в России первой четверти XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 18–22. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-18-22.

Cite this article as:

Pozdnyakov A. N. State Policy Concerning the Formation and Development of Pedagogical Education in Russia in the First Half of the Nineteenth Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 18–22 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-18-22.

УДК 94(100)|1914/1918|327(470+571)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РОССИЯ (о некоторых уроках событий вековой давности)

А. А. Герман

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, a.a.german@mail.ru

Анализируя многие события и явления, происходившие в ведущих странах мира, и прежде всего в России, накануне, в ходе и по окончании Первой мировой войны, автор обозначает и исследует с непривычного ракурса ряд актуальных для сегодняшнего дня проблем того времени, связанных с международной и внутренней безопасностью России.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, имперский национализм, амбиции политических элит, международные отношения, свержение монархии, уроки войны, последствия версальского договора.

World War I and Russia (on Some Lessons of Century-old Events)

A. A. German

Arkady A. German, ORCID 0000-0001-7571-7645, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, a.a.german@mail.ru

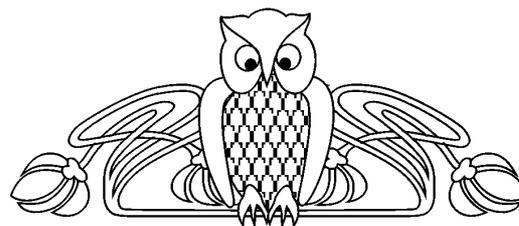
Analyzing many events and phenomena that occurred in the leading countries of the world, and, first of all, in Russia, before, in the course of, and after World War I, the author raises and explores a number of problems of that time which are still urgent today and connected with international and domestic security of Russia.

Key words: World War I, Russia, imperial nationalism, ambitions of political elite, international relations, overthrow of monarchy, war lessons, consequences of the Versailles Treaty.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-23-34

Больше столетия прошло с начала Первой мировой войны. В этом году исполнится 100 лет со дня ее окончания. Тем не менее многие события в России и мире, связанные с той войной, вызывают пристальный интерес и сегодня, а специалистам, глубоко вникающим в их суть, становятся видны и понятны многие сюжеты той далекой истории, позволяющие найти их связь с современной жизнью России и ее безопасностью в контексте мирового развития.

Мировое развитие во второй половине XIX – начале XX в. превратилось в борьбу, своеобразное соревнование ведущих государств мира за захват еще имевшихся на планете свободных территорий и включение их в свои колониальные владения, за преобладающее влияние на формально независимые, но слабо развитые страны. Как известно,

эта погоня стала следствием бурного развития капитализма в этих странах, его перерастания в монополистическую стадию, требовавшую приобретения и расширения гарантированных рынков сбыта товарной продукции и капитала. К началу XX века мир был в основном поделен, но не все мировые державы были этим разделом довольны. Неравномерность в колониальных приобретениях, а также мощная экономическая конкуренция различных государств обусловила их борьбу между собой за передел мира. В Европе к отмеченным выше факторам присоединялись и многие застарелые противоречия между отдельными государствами. В результате там сформировались две военно-политические коалиции конкурирующих государств: Антанта и Тройственный союз, начало развиваться блоковое мышление¹.

Лидеры государств, господствовавшие там политические и военные элиты в качестве одного из главных инструментов реализации своих экспансионистских целей считали войну, а потому активно наращивали свой военный потенциал. Между тем научно-технический прогресс привел к кардинальным изменениям в средствах вооруженной борьбы в сторону колоссального усиления роли техники, что, в свою очередь, повлияло на способы ведения вооруженной борьбы, на сам характер войн.

Вряд ли руководители государств, политики, военные не понимали, что войны теперь становились массовыми и вовлекали в себя в качестве военнотружущих значительную часть населения страны. В ходе и после Русско-японской войны этот факт отмечали многие, в том числе и лидер русских большевиков В. И. Ульянов (Ленин), будущий руководитель большевистской России. «Войны теперь ведутся народами», – писал он в начале 1905 г.² Массовость войн, их коалиционный характер привели к многократному росту размеров театров военных действий, к необходимости вовлечения в войну огромных ресурсов государства. Интенсивное применение в войне боевой техники, особенно артиллерии и автоматического оружия, не могло не привести к огромным людским и материальным потерям. Это также не могли не понимать те, кто определял внешнюю политику ведущих государств мира.

Чем же тогда объяснить действия этих людей, их нежелание понять и просчитать все возможные, в том числе и для себя, неблагоприятные последствия крупных коалиционных столкновений? Вопрос представляется чрезвычайно актуальным

и в современных условиях, несмотря на существенно изменившиеся условия международной жизни. Однозначного ответа на этот вопрос, по-видимому, нет.

Важным фактором пренебрежения возможными негативными последствиями войны был имперский национализм, облекавшийся в определенное идеологическое оформление и формировавший специфический способ имперского мышления («Над Британской империей никогда не заходит солнце», «Историческая задача германской нации может быть решена только мечом», «Москва – Третий Рим» и т. п.). Такое мышление, принижая сознание правящих политических элит и подпитываясь их экономическими интересами, порождало определенное национальное высокомерие, эгоизм, бескомпромиссность в отстаивании своих интересов, а вместе с ними и политическую слепоту, глухоту и невосприимчивость к другому мнению. Эти восторжествовавшие качества национальных правящих политических элит мешали им адекватно и объективно оценивать реальную обстановку, особенно степень готовности своей страны к войне и возможные негативные последствия ее развязывания.

Однако нельзя не отметить, что почти в каждой стране, готовившейся к войне, в высших политических кругах не было полного единства. Часть элиты, к сожалению меньшая, пыталась сопротивляться такой политике, понимая, какие непоправимые последствия она может принести. Были государственные и общественные деятели, предупреждавшие о возможной катастрофе втягивания страны в войну. Это приводило к столкновениям внутри элит, в которых имевшая большинство «военная партия» либо игнорировала своих оппонентов, либо старалась исказить их позицию и дискредитировать их лично. В отдельных случаях нагнетавшаяся ура-патриотическая истерия приводила к убийству активных противников войны³.

В России категорическими противниками втягивания страны в любую войну были выдающиеся государственные деятели, внесшие огромный вклад в ее модернизацию и процветание, – С. Ю. Витте и П. А. Столыпин. Особенно безрассудным они считали вступать в войну с Германией, которая была лидером индустриального роста в мире и на которую приходилось около половины внешней торговли России⁴.

Еще дальше пошел в своих суждениях известный российский консерватор и монархист П. Н. Дурново, который в записке, направленной в феврале 1914 г. императору Николаю II, прямо отмечал, что «жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств»⁵. Записка эта сегодня достаточно известна благодаря тому, что практически все предсказания ее автора относительно возможных трагических последствий вступления России в во-

йну (падение монархии, смута, революция и др.) сбылись с удивительной точностью.

П. Н. Дурново не был оракулом, но как думающий человек он смог спрогнозировать развитие событий, исходя из уже приобретенного Россией печального опыта. Российская колониальная экспансия на Дальнем Востоке, попытка утвердиться в Китае и Корее привели к военному столкновению с Японией и проигрышу в войне, который, в свою очередь, резко обострил начавшееся революционное брожение в России.

К сожалению, в 1914 году либерал С. Ю. Витте и консерватор П. Н. Дурново были уже не в авторитете, а государственный П. А. Столыпин был убит эсерами еще в 1911 году. В период от событий в Сараево до открытия военных действий, политические и военные меры принимались российским руководством практически единодушно без каких-либо серьезных сомнений и противоречий. Едва ли не самым сомневающимся в этот период был император Николай II.

В Германии и Австро-Венгрии в государственном руководстве также безраздельно господствовали сторонники решительных действий. Наиболее твердым сторонником умеренных действий во внешней политике, вынашивавшим идею устранения межнациональных противоречий в стране путем превращения монархии Австро-Венгерской в Австро-Венгерско-Славянскую, был убитый в Сараево Франц-Фердинанд. Этот факт за прошедшие сто с лишним лет породил немало версий о причастности к его убийству не только сербских националистов⁶.

Из приведенных фактов следует, что пути к войне у ее сторонников в разных странах были свои, однако итог оказался общим: они одержали победу.

Нельзя не отметить и тот факт, что победе милитаристских сил, втянувших страны и народы в первое мировое побоище, способствовали неразвитость и несовершенство международного права в начале XX века, отсутствие единой системы коллективной международной безопасности, авторитетных и влиятельных международных организаций, которые могли бы объединить усилия государств и народов по предотвращению войны.

Международно-правовое регулирование фактически не функционировало. Не было правовых основ действия его механизмов. В межгосударственные соглашения можно было вкладывать любое приемлемое для договаривающихся сторон содержание. Такими договорами оформлялись сделки между ведущими державами по захвату новых владений и установлению колониальной и полуколониальной зависимости⁷.

Британский юрист Г. Дженкинс отмечал, что для того времени были характерны разработка и применение норм международного права только в отношении к христианским странам Европы и Америки. Если же какие-то из норм можно было применить к другим странам, то они применялись с существенными трансформациями⁸.

Таким образом, международное право было не универсальным, а исключительным, служило, прежде всего, интересам колониальных держав, огромная часть территорий и населения Земли не попадали под него.

В самом конце XIX века, когда гонка вооружений и политические амбиции многих государств приняли уже угрожающий для мира характер, Россия, которая была тогда едва ли не единственным государством, пытавшимся бороться с военной угрозой как таковой в целом, выступила инициатором проведения первой конференции по международной безопасности, которая состоялась в Гааге с 6(18) мая по 17(29) июля 1899 г. Как отмечал российский делегат конференции, видный юрист и дипломат Ф. Ф. Мартенс, Россия хотела, с одной стороны, на основе взаимоуважительного обсуждения споров и условий ограничения вооружений не допустить войны. С другой стороны, инициировались нормы, позволявшие в международно-правовом плане поставить войну, если она все же возникнет, в ограниченные рамки с точки зрения общего гуманизма и безопасности народов⁹.

В работе конференции участвовали представители 26 стран, включая все страны, иницировавшие в то время своей международной политикой угрозу войны. Однако именно эти страны (особенно Германия и Франция) демонстрировали на конференции едва ли не открыто свой скептицизм и негативное отношение к целям и задачам конференции. В результате не удалось договориться о сокращении вооружений и военных бюджетов или хотя бы об их мораториальной фиксации на уже имеющемся уровне. Было лишь выражено пожелание такого сокращения, но в реальности оно не было воплощено в жизнь.

Из 6 принятых на конференции документов (3 конвенции и 3 декларации) лишь один (конвенция «О мирном решении международных столкновений») был направлен на предотвращение войны. На ее основе было принято решение о создании третейского суда. Международный суд (в Гааге) действует и поныне.

Все остальные документы регулировали лишь те или иные стороны ведения самой войны (конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны», декларация «О запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов» и др.)¹⁰.

И все же первая конференция в Гааге имела большое значение для укрепления международной безопасности. Впервые на таком высоком межгосударственном уровне были рассмотрены и обсуждены практические меры по уменьшению угрозы развязывания войны: сокращение военных бюджетов, запрещение отдельных видов оружия, систематизация и кодификация гуманитарного права, использование посреднических механизмов. К сожалению, осознание важности обсуж-

давшихся вопросов у многих государственных мужей тогда еще не наступило. Потому-то и не удалось остановить ни войну Великобритании с Трансваалем и Оранжевой республикой, ни войну России и Японии, ни Балканских войн, ни Первой мировой войны.

Идея ограничения гонки вооружений не прошла. Однако была осуществлена кодификация законов и обычаев войны. На второй Гаагской конференции мира (1907 г.) она получила дальнейшее развитие.

Международное право начала XX века, отражая реалии своего времени, предоставляло широкие возможности для применения силы, война считалась законным средством политики. Существовало серьезное расхождение международного права с имевшими тогда место представлениями о справедливости и морали. Правовое регулирование только начинало еще выделяться в самостоятельный вид регулирования международных отношений. Часто оно смешивалось с другими видами регулирования: политическим, религиозным и т. п. Не удалось создать приемлемый механизм действия международного права, который бы мог работать на основе реализации его норм через действие определенных норм национального права¹¹.

Политическое мышление не доросло до понимания нового положения вещей, что лишь при постоянных координирующих усилиях государств можно добиться непротиворечивости совместного нормального функционирования международной и национальных систем права. Государственные и общественные деятели, политики, юристы, экономисты и др. оказались неготовы к эффективному управлению системой международных отношений. Им не удалось создать систему мирного самоограничения амбиций национальных государств через активное участие в универсальных международных организациях невоенной направленности: по безопасности, экономических, гуманитарных, культурных и др.

Кроме того, имело место и определенное игнорирование или нарушение различными государствами уже имевшихся норм международного права. Практически во всех войнах и конфликтах XX века, предшествовавших Первой мировой войне, фиксировались те или иные нарушения правил ведения войны, выработанных гаагскими конвенциями, декларациями, другими документами международного права. Особенно распространенным нарушением было использование запрещенного оружия и боеприпасов, уничтожение гражданских объектов или нанесение им существенного вреда.

В этом видится одна из важных причин возникновения Первой мировой войны. Отсюда представляется, что приоритетным в международном праве должна быть разработка нормативно-правовых актов, направленных на недопущение и предотвращение войны, а в реализации между-

народного права важны уважительное отношение к международным договорам и организациям, реализующим принцип международной коллективной безопасности, четкое и точное выполнения своих обязательств в существующей системе международных отношений.

В начале XX века человечество еще не осознало, что мир – эта главная универсальная ценность его бытия. Вся предвоенная политика ведущих мировых держав объективно создавала общие благоприятные условия для возникновения крупной войны европейского или даже мирового масштаба. Такая политика уже перед большой войной спровоцировала в различных частях планеты ряд локальных войн (американо-испанскую, уже упоминавшиеся англо-бурскую, русско-японскую, балканские и др.), череду военных конфликтов и кризисов. Количественное накопление локальных войн и конфликтов неминуемо рано или поздно должно было вылиться во взрыв международного масштаба. В погоне за реализацией имперских идей осторожность отошла на второй план.

Чрезвычайно взрывоопасным регионом стали Балканы, где в ходе раздела османского «наследства» завязался тугой узел глубоких противоречий. Не без основания Балканы называли «пороховым погребом» Европы. С одной стороны, в регионе сталкивались интересы крупных держав Европы (Великобритании, Германии, Австро-Венгрии, России и др.), с другой – существовали жесткие противоречия между молодыми балканскими странами, обусловленные не только конкретными политическими и иными интересами, но и своеобразием менталитета балканских народов. Поэтому далеко неслучайным выглядит тот факт, что начало войны связано с Балканами.

Представляется, что убийство наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда и его супруги в Сараево 28 июня (11 июля) 1914 г., последовавшие за этим активные дипломатические демарши, конкретные решения руководителей европейских держав, их практические действия, открывшие дорогу войне, также нуждаются в осмыслении на предмет извлечения из них уроков для современной системы международной безопасности и российской внешней политики.

В этом комплексе проблем несомненно важнейшим является решение России о поддержке Сербии в ее противостоянии с Австро-Венгрией, приведшее к объявлению ей войны со стороны Германии. Этот шаг России обуславливался тесным переплетением многих мотивов: политических, конфессиональных, культурно-исторических, экономических и др. Очень важно понять, насколько адекватным был этот шаг в сложившихся тогда условиях и были ли просчитаны и учтены все его возможные последствия. Для этого необходим краткий экскурс в историю российско-сербских отношений в предвоенные годы¹².

Балканский регион с его славянским населением притягивал к себе Российскую империю еще

с XVIII в. Он занимал одно из приоритетных мест в ее внешней политике. Из молодых балканских стран наиболее перспективным виделось сотрудничество с Сербией. Идея панславизма, воспринятая обществом, способствовала одобрению политики государства на Балканах. В то же время и симпатии к России в балканских странах во многом формировались благодаря пророссийской политике их правящих династий.

После событий 1875–1878 гг. династия Обреновичей в Сербии переориентировалась на Австро-Венгрию, началось развитие государства по западноевропейской модели, что привело к общественному расколу внутри страны. Традиционалисты в лице радикалов, поддерживаемые большинством общества, выступили против сближения с Веной и настаивали на продолжении старой политики. Они стали силой, на которую Россия могла опираться.

Политика России в отношении Сербии в то время отличалась большой осторожностью. Она не хотела разогреть внутренний конфликт, чтобы не дать повода для вмешательства Австро-Венгрии.

Но конфликт разрастался сам по себе, поскольку король в ущерб скупщине постоянно расширял свои полномочия, ущемляя интересы нарождавшейся сербской буржуазии, а следовательно, и тормозя экономическое развитие страны. Он восстал против себя армию, являющуюся одним из наиболее активных институтов государства и пытающуюся играть роль самостоятельной политической силы. Военные начали подготовку государственного переворота.

Руководство Российской империи, тайно проинформированное о готовящемся перевороте, выразило свое негативное отношение к нему, но дальше предпочло занять роль наблюдателя. Переворот произошел в ночь на 29 мая (10 июня) 1903 г. Не может не потрясти жестокость и цинизм, с которым он был совершен. После того как короля и королеву изрешетили пулями, их обнаженные, изуродованные трупы были выброшены заговорщиками из окна в дворцовый сад, где пролежали до утра, после чего без каких-либо церемоний были захоронены. Естественно, что эти события не смогли никого в Европе и России оставить равнодушными. Реакция на них конечно же была негативной¹³.

Россия попала в трудное положение: демонстративно-жестокая расправа с монархом в высших сферах монархической России вызывала вполне понятное неприятие. Однако признание нового режима в Сербии позволяло России укрепить свои пошатнувшиеся позиции. Кроме того, свою «младшую сестру» просто невозможно было оставить без поддержки в трудную минуту. И Россия признала власть нового короля Петра Карагеоргиевича.

Сербы воспринимали Российскую империю как защитницу и покровительницу, но достаточ-

но утилитарно. С помощью России нужно было освободиться от австро-венгерской зависимости и решить главную национальную задачу – создать Великосербию, включив в нее все сербские территории. Наиболее ярко эту позицию выразил лидер радикалов Н. Пашич. Он четко дал понять российским покровителям, что Сербия никогда не поступится своей политической независимостью¹⁴. Сербское понимание «дружбы» с Россией, как видим, существенно диссонировало с российскими целями на Балканах.

Российская печать всех политических направлений обеспечила государственному курсу широкую общественную поддержку. Не только государство, но и практически все российское общество признало переворот в Сербии.

Естественно, что переориентация Сербии на Россию вызвала негативную реакцию и определенные санкции со стороны Австро-Венгрии, которые с помощью «старшей сестры» удалось достаточно благополучно преодолеть. Были преодолены санкции и других европейских стран, которые в конечном счете также вынуждены были признать новый режим. Однако после кровавого переворота Сербия на долгие годы потеряла свой международный престиж. На нее обрушилась жесточайшая критика мирового общественного мнения. Ее репутация опустилась до самого низкого уровня. Она стала своеобразным государством-изгоем.

В этих условиях сербы постепенно приобрели уверенность, что оказываемая Россией в трудную минуту помощь и поддержка – это ее своеобразная моральная обязанность. Поэтому не все в сербском обществе правильно поняли критику Россией переворота и его аморальности. В самом сербском обществе моральное осуждение жестокости и варварства совершенного переворота не получило большого развития.

С того периода во взаимоотношениях обоих государств явно проявляется некоторая идеологическая сентиментальность, наложившаяся на благоприятную почву в российском обществе. «Старшей сестре» России приходилось брать на себя ответственность за свою «младшую сестру» Сербию. Эта благопристойная идеологическая картинка постепенно становилась стереотипом и подменяла в общественном сознании реальную картину отношения Сербии и сербов к России, которая была далеко не столь благой.

В целом, поддержав Сербию, основные политические силы России все же вынуждены были как-то выразить свое отношение к варварской смене династий. Леворадикальным кругам не надо было поступаться принципами, поскольку сербские события вписывались в их революционные теории. Они обходили оценку моральных аспектов переворота и в целом оправдывали произошедшие события революционной целесообразностью. Либералы, признав новую власть, тем самым принесли в жертву конъюнктуре свои принципы защиты законности и прав каждой отдельной личности.

Труднее всего было выпутываться из сложившейся ситуации консерваторам-монархистам, поскольку убийство короля никак не вписывалось в теоретическую концепцию о роли законного правителя, тем более что его убийцы вошли в круг новой власти. Произошедшее объяснялось различием национальной психологии русских и сербов, утверждалось, что в России такой вариант событий невозможен¹⁵.

Признав переворот и взяв под защиту новую власть Сербии, Россия нанесла себе существенный моральный урон. Идея неизменности монархии, а значит и сакральности императорской власти в России ощутимо потускнела. Трудно не увидеть связь между «соглашением с совестью» монархистов и либералов в отношении сербских событий 1903 г. с тем, что произошло в 1917–1918 гг. в России¹⁶.

Открытая защита новой власти в Сербии и покровительство ей не могли не повлиять на международный авторитет России. Кроме того, напористо наращивая свое присутствие на Балканах, правящие круги России не могли не понимать, что вытеснение Австро-Венгрии из Сербии будет обязательно иметь далеко не доброжелательную реакцию со стороны последней и ее союзников. Оно не могло остаться без ответа и для Сербии, и для стоящей за ней России. Таким образом, вероятность столкновения двух европейских коалиций существенно возросла.

Нельзя не заметить неизменное желание российской печати, следовавшей в русле панславизма, показать доброжелательность сербов к России. В течение многих лет они создавали упрощенную и примитивную картину российско-сербских отношений, отодвигая внутренние противоречивые, а порой и совсем не корректные по отношению к России события в Сербии далеко на задний план, либо вообще умалчивая о них¹⁷. Формировалась иллюзия внутренней стабильности в Сербии после переворота, образа мудрого и верного России сербского короля. В результате российское общественное сознание все больше воспринимало обязательство помогать Сербии как некую фатальную необходимость, а инстинкт общественного самосохранения притуплялся.

В конечном итоге такая тенденция сыграла роковую роль в июле 1914 г., кардинально повлияв на решение о военной поддержке Сербии в ее конфликте с Австро-Венгрией. Следует отметить, что имевшиеся у российского императора колебания по поводу выбора варианта действий еще возможно могли бы привести к принятию другого, более осторожного решения, однако сформированное многими годами и господствовавшее в обществе просербское общественное мнение, в дни кризиса сросшееся с массовым агрессивным патриотическим угаром, оказывало на него беспрецедентное давление, идти против которого решимости не хватило, а возможно и не было.

Отмеченное выше можно проиллюстрировать мнением генерала А. А. Брусилова. Оно представляется преувеличенным, но весьма симптоматичным: «Обвинять Николая II в этой войне нельзя, так как не заступиться за Сербию он не мог, ибо в этом случае общественное негодование со стихийной силой сбросило бы его с престола, и революция началась бы, с помощью всей интеллигенции, не в 1917, а в 1914 году»¹⁸.

Безоглядная защита Сербии в ущерб собственным интересам не спасла Сербию от оккупации, но втянула Россию в мировую войну, ставшую для российской монархии путем к гибели, а для общества началом небывалого раскола и междоусобиц. Память о тех июльских днях, когда принимались судьбоносные для страны и мира трагические решения, несомненно, должна сохраняться.

Говоря о внешней политике России накануне войны и стремлении некоторых ее руководителей расширить территорию России за счет Австро-Венгрии, Германии, Турции, следует отметить, что уже тогда отдельные российские политики дальновидно предупреждали о пагубности такого пути для многонациональной страны с нерусскими окраинами.

Приращение территории России за счет германских земель, населенных поляками, неминуемо вело бы к консолидации польского населения и усилению его борьбы за независимость или в лучшем случае за широкую автономию. Захват прилежащих к России турецких территорий, населенных армянами, также неизбежно поставил бы вопрос о предоставлении независимости Армении.

Уже упоминавшийся П. Н. Дурново в своей знаменитой «Записке» поднимал еще одну подобного рода важную проблему – проблему Галиции (т. е. части Западной Украины, находившейся тогда в составе Австро-Венгрии), которая при взгляде на ситуацию в современной Украине выглядит удивительно актуальной: «Совершенно то же и в отношении Галиции. Нам явно невыгодно, во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь. Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан, сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов? Так называемое украинское или мазепинское движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспоконных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров»¹⁹.

Во всех описанных случаях приобретение Россией новых соседних территорий вело бы не к укреплению ее международной безопасности, а лишь порождало бы новые серьезные проблемы национализма и сепаратизма.

В 1939–1940 гг. СССР все же присоединил к себе Западную Украину, Западную Белоруссию, вошедшие после Первой мировой войны в состав независимой Польши, а также и прибалтийские государства, ставшие независимыми одновременно с Польшей. В результате получил «головную боль» на многие десятилетия. Эти территории так и остались чужеродными. В годы Великой Отечественной войны значительная часть их населения либо сотрудничала с оккупантами, либо сопротивлялась как нацистскому режиму, так и Красной армии. После войны в течение 10 и более лет в этих районах шла национальная повстанческая борьба против советской власти за независимость. Прибалтийские республики, как только позволили обстоятельства, первыми покинули СССР, а западноукраинский агрессивный национализм в единой независимой Украине фактически стал господствующей идеологией.

В целом анализ международных отношений в предвоенный период многократно подтверждает хорошо известную истину о том, что принятие решения о вступлении государства в войну, требует величайшей ответственности, всесторонней и объективной оценки ситуации, учета и глубокого научного анализа всех возможных последствий, всех предлагающихся мнений по этому вопросу, без давления каких-либо идеологических схем, субъективных пристрастий и антипатий.

* * *

С началом войны и развертыванием ожесточенных сражений на фронтах и театрах военных действий судьба международной безопасности лишь минимально испытывала влияние дипломатии и практически полностью переместилась в сферу действий факторов войны. В определяющей степени она стала зависеть от экономического и военного потенциала стран-участниц и военных коалиций, подготовленности государств к войне, численности армий и уровня их оснащения новейшими средствами борьбы, профессионального мастерства военных, наличия и состояния стратегических резервов, степени согласованности военных действий стран внутри коалиций и от многих других факторов. Следовательно, и уроки, извлекаемые из действия этих факторов в годы войны, также лежат в основном в сфере военной безопасности и военного искусства и потому в статье не рассматриваются²⁰.

Неопределенность перспектив войны и рост внутривойсковой нестабильности подталкивали представителей правящих элит воюющих держав к зондажу возможностей для заключения мира. Таких открытых и тайных зондажей и переговоров в годы войны оказалось немало, причем их инициаторами в большей мере являлись руководители центральных держав, особенно Австро-Венгрии, что было связано как со внутренними сложностями, так и с быстрым исчерпанием стратегических ресурсов для продолжения войны.

Наиболее характерной в этом плане стала выдвинутая Берлином 12 (25) декабря 1916 г. в специальной ноте инициатива центральных держав немедленно приступить к мирным переговорам. Однако отсутствие конкретных предложений и декларативность текста ноты, а также факт выступления с предложениями сразу после разгрома Румынии способствовали тому, что страны Антанты отреагировали на германскую ноту негативно, не без основания полагая, что цель появления этой ноты – не столько в миротворчестве, сколько в попытке разобщить союзников.

Когда спустя 6 дней президент США В. Вильсон выступил со своей мирной инициативой, запросив воюющие стороны, на какие условия завершения войны они согласны, обе воюющие стороны представили предложения, заведомо неприемлемые для противоборствующей стороны, а страны Антанты, особенно Великобритания, подчеркивали свою решимость продолжать боевые действия до тех пор, пока не будут наказаны виновники войны²¹. Эта внешне благородная позиция в реальности предполагала продолжение войны со всеми ее разрушительными последствиями только для того, чтобы иметь возможность навязать побежденным свои условия, что в конечном итоге и произошло.

Отмеченные факты позволяют заключить, что даже спустя два с половиной года после начала войны, несмотря на ее жестокость и кровопролитность, на огромный урон, понесенный участниками коалиций, милитаристский дух правящих политических элит изменился мало. Стороны не проявили серьезную готовность к компромиссам во имя мира и прекращения страданий народов.

Провал мирной инициативы привел к укреплению позиций «ястребов» и дальнейшему ужесточению войны. С февраля 1917 г. Германия объявила и начала реализовывать широкомасштабную подводную войну против Великобритании, уничтожая не только военные и мирные корабли этой страны и ее союзников, но и суда торговых партнеров Англии, неучаствовавших в войне, что стало беспрецедентным нарушением норм международного права и агрессивным вызовом всему мировому сообществу. В таких действиях Германия видела единственную возможность подорвать военный потенциал Великобритании и решительно переломить ход войны. Эта амбициозная и близорукая позиция обошлась Германии очень дорого.

Естественно, что ответная реакция не заставила себя ждать. Она проявилась не только в общем ужесточении характера боевых действий на европейских фронтах, но и в переходе лидера мировой торговли и экономики Соединенных Штатов Америки от нейтралитета к союзу с Антантой. 5 (18) февраля американцы разорвали дипломатические отношения с Германией, а 6 (19) апреля объявили ей войну²².

Вступление США в Первую мировую войну на стороне Антанты стало результатом круп-

нейшего стратегического просчета Германии и мощной поддержкой Антанте. Теперь военно-экономический потенциал этого блока намного превышал аналогичный потенциал центральных держав. Исход войны был предreshен, и победа Антанты фактически становилась лишь делом времени.

В течение 1917 г. американцы, поставляя союзникам оружие, боеприпасы, продовольствие, оказывая другую необходимую материальную помощь, неторопливо перебрасывали свои войска в Европу и приступили к активным боевым действиям в основном в 1918 г., когда военно-экономический потенциал Германии и ее союзников еще более ослабел. Их участие в боевых действиях заметно ускорило развязку событий.

В современной историографии можно найти немало негативных оценок внешней политики США в годы Первой мировой войны, обвинений в ее беспринципности, корыстности, аморальности и т. п. Несомненно, что эти обвинения имеют под собой основания. Однако если посмотреть на эту политику с другого ракурса, нельзя не увидеть два значимых факта. Соединенные Штаты с их политикой изоляционизма и торговой экспансии не были непосредственно причастны к развязыванию Первой мировой войны и потому не несли какой-либо ответственности за ее развитие или каких-либо специальных обязательств по отношению к каждой из воюющих стран. По государственное руководство США смогло из сложившейся ситуации извлечь максимальную пользу для своей страны и ее граждан.

Важнейшим фактором, влиявшим в годы войны на международную безопасность, стала внутренняя устойчивость каждой из главных воюющих стран. Война безостановочно перемалывала людские и материальные ресурсы. В кровавую бойню было втянуто свыше 70 млн мужчин цветущего возраста, оторванных от дома и привычного труда²³. Продолжительная война перенапрягла экономику. Жизненный уровень населения существенно опустился. Резко возросло вмешательство государства в общественную жизнь, которая все больше милитаризовалась. Ограничивались демократические свободы. Каждодневные лишения, вызванные войной, вызвали стремительное падение патриотизма, рост антивоенных настроений и выступлений. Забастовки нередко были направлены против политики правительства.

В ряде стран резко обострилась внутренняя ситуация. Военные нагрузки оказались чрезмерными для их экономики, дестабилизирующим фактором стали старые нерешенные еще до войны социально-политические противоречия. Авторитет власти резко падал. Как правило, это были страны «догоняющего» развития. Такой страной была и Россия. В 1916 г. в России бастовало уже свыше 1 млн чел., что превышало число бастовавших в Германии в 8 раз, а во Франции – в 26,5 раза!

Особенностью ситуации в России, приведшей к революции, стало то, что экономические и военные проблемы, трудности и лишения населения, боль утрат родных и близких на войне накладывались на ожесточенную политическую борьбу в верхах политической элиты страны. Противостояние всех политических сил сражающейся России своему правительству, упорное нежелание сторон найти компромисс и единство существенно ускоряли дискредитацию верховной власти среди широких народных масс, порождали антимоноархические, анархистские настроения²⁴.

В результате февральское выступление масс в Петрограде, менее трех лет до того (летом 1914 г.) ярко демонстрировавших свой патриотизм и единение с властью и в верноподданническом угаре громивших германское посольство, удивительно легко смело тысячелетнюю российскую монархию вместе со всеми ее идеологическими основаниями. Этот факт требует серьезного изучения и практических выводов.

Февральская революция оказала заметное влияние на внутреннюю ситуацию в других воюющих странах, а следовательно, и на международную безопасность. Лишь на короткое время, ослабив политическую напряженность внутри России, она в то же время сыграла роль своеобразного детонатора мощного протестного взрыва во многих европейских странах. Быстро росло антивоенное движение, множились революционные выступления²⁵.

И все же революционная волна, прокатившаяся по европейским странам, не смогла смести ни одного политического режима. Революционная стихия постепенно успокоилась. Однако массовые революционные выступления в Европе сформировали у российских большевиков иллюзию близости мировой революции, вдохновили их на активную работу по радикализации масс и захвату власти осенью 1917 г. Позднее, в 1920 году, В. И. Ленин сам признавал это: «Мы и начали наше дело... исключительно в расчете на мировую революцию»²⁶.

Решающую роль в свержении монархии, а затем и в большевистском перевороте в России сыграли вооруженные солдаты и матросы многочисленных тыловых гарнизонов, в частности – почти 200-тысячный гарнизон Петрограда²⁷. Многочисленность гарнизонов в крупных городах объяснялась наличием в них многих запасных полков (пехотных, пулеметных, артиллерийских и др.), готовивших мобилизованный контингент запасников, в основном крестьян, для действующей армии. Кроме того, в городах располагались многочисленные эвакогоспитали, команды выздоравливающих, а потому находилось большое количество раненых и выздоравливающих солдат и офицеров, эвакуированных из частей действующей армии, прошедших суровую школу кровавых боёв и окопных лишений, а потому не имевших особого желания возвращаться на фронт.

Не случайно именно солдаты, как «запасники», так и «эвакуированные», развращенные приказом № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, были наиболее благодатной почвой для агитации леворадикальных политических партий, сначала эсеров, а затем и большевиков. Эти солдаты принимали наиболее активное участие во всех революционных событиях 1917 г.

В других воюющих государствах вооруженная солдатская масса также представляла потенциальную угрозу для власти, однако ее удалось сохранить под контролем, хотя отдельные угрожающие моменты имели место (например, бунт воинских частей во Франции и их «поход» на Париж).

Насколько целесообразно и необходимо было располагать огромные солдатские массы запасников и «эвакуированных» в крупных городах и в особенности в столице – это вопрос, требующий внимания и сегодня.

Одним из важнейших событий Первой мировой войны стал инспирированный пришедшими к власти большевиками сепаратный выход России из войны. Это был тяжёлый удар по Антанте, который вдохновил Германию и ее союзников, позволил им воспользоваться ресурсами России и тем самым усилил и продлил их сопротивление, несмотря на то что преимущества Германии, связанные с лучшей подготовленностью к войне, к этому времени были почти исчерпаны, а стратегические резервы всех видов быстро истощались. Как известно, Антанта смогла не только перенести этот удар, но и благодаря вступлению в войну США сохранить и нарастить свои преимущества в борьбе с центральными державами и в конечном итоге достигнуть победы.

Унизительный Брестский мир привел к потере Россией своего международного авторитета, прежде всего среди своих бывших союзников. Не прибавил он ей авторитета и у новых партнеров, которые относились к ней как к побежденной державе. Он не дал России стабильности, покоя ее гражданам, так как задумывался большевиками для совсем других целей – сохранения любой ценой своей власти в России до «подхода» мировой революции.

Сепаратный мирный договор с центральными державами послужил правовым основанием раздела России, отделения от нее обширных территорий и возникновения на них новых национальных государств, которые, формально получив независимость, на деле стали колониями Германии и ее союзников. Окончательно эти территории для России были потеряны в результате Версальских соглашений 1919 г. Россия сама себя поставила в такое нелепое положение, что ей пришлось быть сторонним наблюдателем раздела собственной территории.

«Похабный» Брестский мир вместе с рядом других факторов привел российское общество к кровопролитной Гражданской войне, а победив-

шая в ней Советская Россия, а потом и Советский Союз на многие годы стали международными изгоями. В целом же выход России из войны негативно повлиял на международную безопасность, нанес существенный вред российской государственности. Исторический опыт «Бреста» предостерегает от сомнительных и чреватых потрясениями межгосударственных сделок.

Рост антивоенных и революционных настроений, вызывавшийся победой революции в России и «Декретом о мире», еще больше осложнил международную обстановку на рубеже 1917–1918 гг. Американский президент В. Вильсон с тревогой отмечал растущее влияние большевистской агитации, превращавшейся в реальный фактор европейской политики.

Определенным ответом на усиливавшийся европейский хаос и попыткой укрепить позиции своей страны в соперничестве с Великобританией и Францией за мировую гегемонию стала знаменитая мирная программа «14 пунктов», выдвинутая президентом США В. Вильсоном 8 (21) января 1918 г. Она предусматривала прекращение войны, вывод войск центральных держав с оккупированных ими территорий и фундаментальную перестройку всей системы международных отношений.

Предлагалось создать универсальную международную организацию Лигу Наций, которая обеспечила бы общие гарантии политической независимости и территориальной целостности как для больших, так и для малых стран. Программа осуждала тайную дипломатию и тем самым наносила удар по секретным договорам, провозглашала «свободу морей» и торговли, подчеркивала необходимость разоружения, открытого и объективного урегулирования колониальных противоречий, предоставления народам Австро-Венгерской и Османской империй автономии, а Польше – независимость. Признавалось право России на самостоятельность своего политического развития²⁸.

Это новаторская для своего времени программа была направлена на кардинальное изменение международных отношений, формирование их прозрачности и управляемости с целью недопущения в дальнейшем спонтанных процессов развития новой мировой войны. Некоторые идеи этой программы пережили свое время, являясь и сегодня важными элементами современной системы международных отношений.

Конечно, выдвигая программу переустройства послевоенного мира, американцы вовсе не были альтруистами. Предлагавшийся новый миропорядок приносил им большие выгоды. Устранение экономических барьеров и свобода торговли, отсутствие войн и политической напряженности позволяли им в полной мере по всему миру реализовывать свои преимущества крупнейшей экономической и торговой державы, не пострадавшей в ходе войны, привязывать к

себе другие страны финансово-экономическими нитями. Тем не менее новый подход при его реализации мог бы существенно укрепить международную безопасность и уберечь народы от новых военных авантюр. Конкуренция ведущих держав переносилась из военно-политической сферы в финансово-экономическую.

Однако в 1918 г. «14 пунктов» В. Вильсона правительствами Англии, Франции, Германии и ее союзниками были встречены прохладно. Повторилась ситуация декабря 1916 г., когда мирные инициативы того же В. Вильсона были отвергнуты всеми воюющими странами, включая и Россию, как недостаточные и неучитывавшие в полной мере их интересы.

Опять сработали национальный имперский эгоизм, полное неприятие компромиссов, азарт игровых, пересиливавшие даже инстинкт самосохранения. Последнее в первую очередь относится к Германии и Австро-Венгрии. И опять уже в который раз кровавые реалии и непоправимые последствия, которые приносил каждый день продолжавшейся войны, в расчет не принимались.

Германия, пользуясь отсутствием восточного фронта, развернула наступление на Париж, даже обстреливала его из дальнбойной артиллерии, но взять город сил уже не хватило. В начале августа Антанта, в войсках которой воевало уже свыше 1 млн американцев, перешла в наступление по всему фронту. Союзники Германии последовательно выбывали из войны. Начавшаяся 3 ноября в Киле революция к 9 ноября докатилась до Берлина. 11 ноября 1918 г. было подписано Компьенское перемирие²⁹.

* * *

Первая мировая война закончилась. Мир разделился на победителей, жаждавших удовлетворения своих победных амбиций, и побежденных, которые неизбежно должны были стать козлами отпущения, виновниками всех бед войны и заплатить за это цену, угодную победителям.

Между ноябрем 1918 г., когда закончилась война, и июнем 1919 г., когда был заключен Версальский мирный договор с Германией, шла острая междоусобная борьба среди победителей за наиболее выгодные для себя условия в послевоенном мире и выгоды, связанные с компенсацией побежденной стороной материальных и моральных потерь, понесенных победителями в ходе войны. В этой борьбе англичане и французы, несмотря на соперничество между собой, выдавали американцев из числа стран, получавших наибольшие выгоды из заключения мира, оставив такие права только себе. Американцам не удалось реализовать многих своих идей, заложенных в программе «14 пунктов», хотя была создана Лига Наций принят ее устав. Поэтому и Версальский договор не стал прорывным документом. Он содержал в себе практически все основные пороки старого колониального мышления, а значит, и

«новая» система международной безопасности оказалась блефом.

Наиболее унижительными для поверженной Германии стали следующие положения договора:

– Германия потеряла 1/8 часть своей территории как на западе, так и на востоке. На этих землях проживала 1/12 часть населения. Эти территории отошли к Франции, Бельгии, Дании, Чехо-Словакии, Польше, 2 крупных города-порта Данциг и Мемель перешли под управление Лиги Наций;

– территория Германии по левому берегу Рейна и правый берег на глубину 50 км становились демилитаризованной зоной. По настоянию Франции в качестве гарантии выполнения Германией Версальского договора предусматривалась оккупация войсками союзников германской территории к западу от Рейна на 5–15 лет;

– Саарский угольный бассейн отдавался «в полную и неограниченную собственность» Франции. Сама же Саарская область в течение 15 лет должна была управляться Лигой Наций;

– Германия лишилась всех своих заморских колоний, сфер влияния и собственности за пределами страны. Колонии были поделены (в форме подмандатных территорий) между Францией, Японией, Бельгией, Португалией, Великобританией и ее доминионами;

– Германия была разоружена, ей разрешалось иметь лишь 100-тысячную вольнонаемную армию при 4 тыс. офицеров. Значительно сокращался надводный флот, запрещалось иметь подводные лодки. Это же относилось к военной и морской авиации;

– Германия объявлялась ответственной за развязывание Первой мировой войны и причиненный ею ущерб, что создавало правовую основу взыскания с Германии крупных репараций.

Некоторые статьи напрямую ущемляли государственный суверенитет Германии, низводя ее до положения зависимой страны. Рейн, Эльба, Одер, Неман и Дунай, а также Кильский канал объявлялись открытыми для иностранных держав. Авиация стран-победительниц имела полную свободу полетов и приземлений на территории Германии. Запрещались также любые ограничения на ввоз в страну товаров из этих стран.

Не менее тяжелыми и унижительными стали итоги войны и для бывших союзников Германии. Все они подверглись практически аналогичным, а в отдельных случаях и даже более суровым санкциям³⁰.

Таким образом, Версальский мир не только не устранил старых международных противоречий, но и породил значительное число новых, еще более опасных.

Он выявил глубокие противоречия внутри Антанты. Сенат США в ноябре 1919 г. отказался от ратификации Версальского договора. Обиженной чувствовала себя Италия. Ситуацию осложняло появление в результате распада Австро-Венгрии на землях, принадлежавших ранее Германии и

России, целого ряда новых национальных государств: Австрии, Венгрии, Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, Латвии, Литвы, Польши, Финляндии, Чехо-Словакии, Эстонии. Их границы определялись без учета и согласования национальных интересов. Тем самым были посеяны семена будущих раздоров.

В Германии, Австрии и Венгрии под влиянием военного поражения и российского Октября произошли демократические революции 1918–1919 гг., в ходе которых проявилось и влияние социалистических идей. В 1918 г. произошла революция в Финляндии. В 1919 г. образовался ряд советских республик: в Бремене, Баварии, Словакии, Венгрии. Лишь Венгерская советская республика продержалась более 4 месяцев, остальные существовали по несколько недель³¹. Все эти революции радикализировали массы, усиливая внутреннюю нестабильность в странах, где они происходили.

Первая мировая война и Версальская система международных отношений привела к образованию принципиально новой геополитической ситуации в Европе. Если раньше Францию в ее противостоянии с Германией поддерживала Россия, а островная Великобритания выступала в роли арбитра, стараясь в своих интересах поддерживать равновесие двух континентальных центров сил, то теперь Франция осталась наедине со своим конкурентом, поверженным, но не уничтоженным потенциальным противником – Германией, поскольку у СССР оказались интересы, несовместимые с интересами его старых союзников. Более того, два международных изгоя СССР и Германия, заключив Рапальский мир, начали все более успешно развивать сотрудничество. Великобритания по-прежнему не желала усиления кого-то из своих континентальных конкурентов и далеко не всегда поддерживала устремления Франции, особенно когда они были направлены на дискриминацию Германии. Активное участие в экономическом восстановлении Германии, как и других европейских стран, через план Ч. Дауэса принимали Соединенные Штаты Америки.

Ощущая нарастающую угрозу от восстанавливавшейся Германии, пытаясь заполнить образовавшийся вакуум силы, Франция старалась устанавливать и укреплять союзы с малыми странами Европы (Польшей, Югославией, Румынией, Чехо-Словакией). Однако система этих союзов не могла компенсировать отсутствие такого союзника, каким раньше была Россия. Помня о своих реваншистских устремлениях накануне Первой мировой войны, связанных с возвращением Эльзаса и Лотарингии, Франция прекрасно понимала, что германские реваншистские устремления будут гораздо серьезней, поскольку ее потери от Версальского договора оказались гораздо более существенными.

Послевоенная геополитическая ситуация, наложившаяся на глубокий экономический кризис

конца 1920-х гг., привела к появлению долгосрочных и опасных тенденций общественного развития в Европе – радикализации масс и быстрому развитию тоталитарных идеологий.

Появившиеся во многих европейских странах коммунистические партии и группы, шедшие за русскими большевиками, создали в Москве 26 марта 1919 г. свой III Коммунистический интернационал, основной задачей которого провозглашалось свержение капиталистического общества и победа мировой социалистической революции³².

Почти одновременно с коммунистическим движением в Италии и Германии возникают праворадикальные фашистские движения. Фашисты также критиковали капитализм как систему, но с позиций национальной идеи. Как и коммунисты, они находили поддержку в низах общества, активно используя социальную и националистическую демагогию.

Влияние фашизма быстро усиливалось. Весной 1919 г. бывший социалист Б. Муссолини основал группу «Фашодикомбаттименто» (Союз борьбы), в 1921 г. развившееся на ее основе фашистское движение насчитывало уже свыше 300 тыс. человек, а 30 октября 1922 г. фашисты фактически пришли к власти³³.

Осенью 1919 г. А. Гитлер, демобилизованный из армии, вступил в совсем крошечную Немецкую рабочую партию. В течение 1920 г. ее численность с первоначальных нескольких сотен выросла до 3 тыс. человек. Она стала называться Национал-социалистической рабочей партией Германии, а Гитлер стал ее лидером. В основу программы и практической деятельности партии был положен реванш³⁴. До победы этой партии на выборах в Рейхстаг оставалось всего 13 лет.

Радикализм и авторитаризм набирал силу и в других странах, в них устанавливались диктатуры, полуфашистские и фашистские режимы. Все это только углубляло противоречия между европейскими странами и создавало почву для новых столкновений.

Вашингтонские соглашения, призванные укреплять международную безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как и Версальский договор, также были несовершенны и не могли сгладить и тем более ликвидировать противоречия между усиливавшейся, амбициозной Японией, США, Великобританией, Китаем, Францией.

Вся Версальско-Вашингтонская система миропорядка, построенная на эгоистических замыслах ее основателей, неуклонно вела мир к новой мировой войне.

Примечания

¹ Подробнее о международной политике ведущих государств мира в предвоенный период см.: Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. Т. 1. М., 2014. С. 89–175 ; Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 1 : Первая мировая война : ист. очерк. 2-е изд. М., 2005. С. 21–100 ; *Ша-*

ццлло В. К. Первая мировая война. 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003. С. 6–94 ; *Мультиатули П. В.* «Дай Бог, только не втянуться в войну!». Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года. Факты против мифов. М., 2014. С. 21–156 и др.

- ² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 9. М., 1967. С. 154.
- ³ См.: История Франции : в 3 т. Т. 2. М., 1973. С. 556–575 ; *Берти Лорд.* За кулисами Антанты : Воспоминания британского посла в Париже. 1914–1919. М., 1927. С. 17–26 ; *Остапенко Г. С., Прокопов А. Ю.* Новейшая история Великобритании : XX – начало XXI века. М., 2012. С. 11–56 ; *Хейстингс М.* Первая мировая война : Катастрофа 1914 года / пер. с англ. М., 2014. С. 106–122 и др.
- ⁴ См.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 419 ; *Ильин С. В.* С. Ю. Витте. М., 2012. С. 473–474 ; *Сидорович Г. П.* Пётр Аркадьевич Столыпин : Жизнь за Отечество : Жизнеописание (1862–1911). М., 2007. С. 357–412.
- ⁵ *Дурново П. Н.* Записка // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 180.
- ⁶ См.: *Чернин О.* В дни мировой войны. М. ; Пг., 1923. С. 17–31 ; *Ватлин А. Ю.* Германия в XX веке. М., 2002. С. 8–36 ; *Молодяков В. Э.* Первая мировая : война, которой могло не быть. М., 2012. С. 39–62, 112–137.
- ⁷ См.: *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть. М., 2008. С. 80.
- ⁸ См.: *Jenkins H.* British Rule and Jurisdictions Beyond the Seas. L., 1902. P. 163.
- ⁹ См.: *Рыбачёнок И. С.* Россия и Гаагская конференция по разоружению 1899 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 169–192.
- ¹⁰ Подробнее см.: Гаагская мирная конференция 1899 года // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. Т. 1А(2) : Гаагская конференция – Кочубей. СПб., 1905. С. 481–483.
- ¹¹ См.: *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть. М., 2008. С. 81.
- ¹² О Сербии и российско-сербских отношениях конца XIX – начала XX в. см.: *Ловановић Сл.* Влада Милана Обреновића. Књ I–III. Београд, 1934 ; *Его же.* Влада Александра Обреновића. Књ I–III. Београд, 1934–1936 ; *Поповић Н.* Србија и Царска Русија. Београд, 1994 ; *Попов Б. С.* Балканские страны (Болгария и Сербия) в 1870–1914 гг. М., 1952 ; *Полетика Н. П.* Сараевское убийство : исследование по истории австро-сербских отношений. 1903–1914 гг. Л., 1930 ; История Югославии : в 2 т. М., 1963 ; *Данченко С. И.* Русско-сербские общественные связи (70–80-е гг. XIX в.). М., 1989 ; *Его же.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996 ; *Павлюченко О. В.* Россия и Сербия. 1888–1903. Киев, 1987 ; *Jelavich B.* Russia's Balkan Entanglements 1806–1914. Cambridge, 1991 ; *Jelavich Ch.* Tsarist Russia and Balkan nationalism. Russian influence in the internal affairs of Bulgaria and Serbia. 1879–1886. Westport, 1978 ; *Шемякин А. Л.* Сербское общество на рубеже XIX–XX вв. // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений. СПб., 2002 и др.

- ¹³ См.: Курчатова О. М. Переворот в Сербии 29 мая 1903 г. и его отражение в государственной политике и общественном мнении России : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 70.
- ¹⁴ Шемякин А. Л. Никола Пашич. 1845–1926 // Пленники национальной идеи. М., 1993. С. 168, 174.
- ¹⁵ Курчатова О. М. Переворот в Сербии 29 мая 1903 г. ... С. 119–171.
- ¹⁶ Революцию 1917 г. в России в конечном итоге возглавили левые радикалы большевики, в 1918 г. они совершили жестокое убийство российского монарха и его семьи. Раскол в обществе привел к жестокой Гражданской войне, нанесшей России гораздо более существенный урон, чем Первая мировая война. В этой войне проиграли и монархисты, и либералы.
- ¹⁷ Обстановка в Сербии не отличалась стабильностью, там шла постоянная борьба различных группировок. Значительную поддержку в массах и правящих кругах получила идея «Великой Сербии», предполагавшая объединение всех территорий, населенных сербами за пределами государственной границы под общим управлением Белграда. Особенно много сербов проживало на территории Боснии и Герцеговины. Поэтому аннексия этой территории Австро-Венгрией в 1908 г. была воспринята Сербией весьма болезненно. То, что Россия не смогла защитить в этом вопросе интересы Сербии, привело к отрицательным оценкам ее деятельности на Балканах со стороны ряда политиков и военных. В Сербии легально было создано общество «Народная оборона», в которое вошли многие офицеры, государственные и общественные деятели страны. Общество объявило своей целью вооруженную борьбу за возвращение сербских территорий и стало реализовывать эту цель, создавая сербские вооруженные партизанские отряды («комитаджи») и направляя их на территории Австро-Венгрии и Турции. В рамках «Народной обороны» в 1911 г. была создана тайная организация «Объединение и смерть», больше известная под неформальным названием «Черная рука», к ее созданию непосредственно причастен и ряд сербских офицеров, организовавших свержение и убийство Александра Обреновича. Организация занималась политическим террором в соседних государствах. Членами организации были и убийцы наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда. См.: Молодяков В. Э. Первая мировая : война которой могло не быть. С. 12–38.
- ¹⁸ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 70–71.
- ¹⁹ Дурново П. Н. Записка // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 180.
- ²⁰ Отмеченные проблемы нашли свое освещение в ряде работ. В частности, см.: Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. Т. 1. М., 2014. С. 369–536 ; Порошин А. А. Первая мировая. Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014. В книге А. А. Порошина дается объективный научный анализ профессионального мастерства русского генералитета в годы Первой мировой войны.
- ²¹ Подробнее см.: Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. Т. 3. М., 2015. С. 660–673.
- ²² Подробнее см.: Там же. С. 342–352.
- ²³ См.: Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 1 : Первая мировая война : ист. очерк. 2-е изд. М., 2005. С. 505.
- ²⁴ Подробнее об этом см.: Лобачева Г. В. Самодержавие и Россия : образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX вв.). Саратов, 1999.
- ²⁵ Подробнее см.: Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М., 2002. С. 30–31 ; История Франции : в 3 т. Т. 2. М., 1973. С. 600–602 ; Остапенко Г. С., Прокопов А. Ю. Новейшая история Великобритании : XX – начало XXI века. М., 2012. С. 74–75 и др.
- ²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 1.
- ²⁷ См.: Петроградский гарнизон // Великая Октябрьская социалистическая революция : энцикл. М., 1987. С. 395.
- ²⁸ См.: Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. Т. 1. М., 2014. С. 575–579.
- ²⁹ Подробнее см.: Там же. С. 578–581.
- ³⁰ Подробнее см.: Там же. С. 586–599.
- ³¹ Подробнее о советских республиках в Европе см.: Service R. Comrades : A History of World Communism. Cambridge, 2007. P. 85–96.
- ³² См.: Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 6–22.
- ³³ См.: Китс Дж. История Италии / пер. с англ. М., 2012. С. 178–179.
- ³⁴ См.: Штайнер М. Гитлер / пер. с фр. М., 2010. С. 133–149.

Образец для цитирования:

Герман А. А. Первая мировая война и Россия (о некоторых уроках событий вековой давности) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 23–34. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-23-34.

Cite this article as:

German A. A. World War I and Russia (on Some Lessons of Century-old Events). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 23–34 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-23-34.

УДК 94 (47). 081

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ОТ ФЕВРАЛЬСКИХ СОБЫТИЙ ДО ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА

Е. Н. Морозова

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, morozovaen@mail.ru

В статье анализируются особенности политического процесса в постфевральский период революции, который отличался особым характером расстановки политических сил, мифологизированным общественным сознанием с его верой в чудеса и «наступившее царство свободы». В стране не сложилась новая правовая система, существовал низкий уровень общественного правосознания и политической культуры, что явилось одной из важных причин развала русской государственности, о чем свидетельствовало положение в центре и на местах. Июльско-августовские события показали, что в сложившейся ситуации ни либерально-демократический путь, ни путь установления авторитаризма в форме военной диктатуры не могли быть реализованы в России. **Ключевые слова:** Великая русская революция, политический процесс, расстановка политических сил, Временное правительство, кадеты, харизматический лидер, легитимность, государственные институты, органы местного самоуправления.

Great Russian Revolution of 1917: from the February Events to the October Overturn

E. N. Morozova

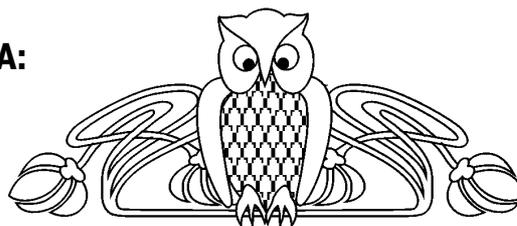
Elena N. Morozova, ORCID 0000-0003-4420-8156, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, morozovaen@mail.ru

The paper analyses the peculiarities of the political process in post-February revolutionary period which was notable for peculiar political forces arrangement, mythologized public consciousness with its belief in miracles and «setting in the realm of freedom». A new legal system was not developed, the level of public legal awareness and political culture was very low. This was one of the important reasons of Russian sovereignty downfall, the situation in the center and the province confirming this. The events of July and August demonstrated that in the current situation neither the liberal-democratic way, nor establishing authoritarianism in the form of military dictatorship could be implemented in Russia.

Key words: Great Russian revolution, political process, political forces arrangement, Provisional Government, cadets, charismatic leader, legitimacy, state institutions, local governing bodies.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-35-44

Мощный цивилизационный сдвиг, который явила собой Великая русская революция 1917 г., оказавшая свое влияние на все мировое развитие, до сих пор вызывает нескончаемые споры в среде ученых, в СМИ, в обществе¹. Об этом свидетель-

ствует то огромное количество научных конференций, которые прошли в России и за рубежом, посвященные столетию революции².

Одна из самых важных проблем связана с особенностями политического процесса после февраля, когда произошли кардинальные изменения в расстановке политических сил³. С политической арены практически исчезли правоохранные и праволиберальные партии, и роль правого крыла выпала на долю кадетов, которые в силу своих программных требований и личных представлений о путях развития русского общества не могли выполнять эту роль. В частности, кн. Г. Е. Львов считал, что «правительство должно опираться не на принуждение, а на добровольное повиновение граждан; путь гражданской войны не должен стать путем русского народа, ибо он ведет к установлению деспотизма»⁴. Министра – председателя Временного правительства – можно отнести к лидерам традиционного типа, который подвергался критике и «справа» и «слева». Г. Е. Львов в силу свойств своего характера не мог претендовать на лидирующую роль, ибо люди, близко знавшие его, утверждали, что ему было свойственно отсутствие честолюбия и желания цепляться за власть⁵.

Министр иностранных дел, лидер кадетов, П. Н. Милюков считал выбор Г. Е. Львова в качестве главы правительства неизбежным, но неудачным политическим ходом. Милюков обвинял его в «гамлетовской нерешительности, прикрытой толстовским непротивлением и облеченной в слащаво-елейный официально-оптимистический стиль». По мнению автора цитаты, «это было прямо противоположно тому, что требовалось от революционного премьера»⁶. Но эта характеристика Г. Е. Львова крайне субъективна. Львов был широко известен в России как руководитель Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, а затем – Земско-Городского союза. Львов до конца оставался убежденным сторонником созыва Учредительного собрания и вышел из состава правительства после опубликования последним Декларации от 8 июля, считая этот документ узурпацией верховных прав Учредительного собрания⁷.

Либеральные партии в России не имели прочной социальной базы: их взгляды поддерживались узкой средой (в основном интеллигенцией). Это доказал весь ход политического развития в постфевральский период: влияние кадетов неуклонно падало. В частности, в мае – июне 1917 г. на му-

ниципальных выборах в Москве они получили 16,8%, в Петрограде – 21% голосов⁸.

На политической арене постфевральской эпохи отсутствовал нормальный политический центр. Меньшевики и эсеры не могли занять эту нишу и в соответствии со своими доктринами, и в силу того, что сами эти партии находились в состоянии организационного раскола⁹.

На левом политическом фланге находились большевики, деятельность которых в указанный период сводилась к «стремлению слиться с массами, а затем возглавить их, поощряя наиболее ее радикальные элементы, отождествляя их с революционным творчеством»¹⁰.

Важную особенность расстановки политических сил являл собой характер партийных программ и их тактика, которая не всегда отвечала быстро изменявшимся политическим условиям. Часто программы и проекты запаздывали по времени, массы в своих требованиях уходили далеко вперед, партийные же руководители останавливались перед извечным российским вопросом: «Что делать?»¹¹ Именно в этот период особенно четко проявилась тактика «угоаривания» масс. Но они слабо разбирались в особенностях партийных программ и лозунгов, что определялось низким уровнем политической культуры населения России. Причины этого явления заключались, с одной стороны, в небольшом опыте парламентаризма, отсутствии настоящего гражданского общества в стране; с другой стороны – низком образовательном уровне большей части жителей России. Вследствие этого у населения не было осознанного отношения к политическим лозунгам и обещаниям различных политических партий. Большую роль даже для творческой элиты играли случайность и внешние формы агитации за программные установки. И. Бунин саркастически описывал выборы в волостное земство в своем уезде: «В школе проходили выборы в волостное земство по спискам 1 и 2. Какая между ними разница – ни единая душа не знает, только некоторые говорят, что № 1 больше за нас. Гурьбой идут девки, бабы, мужики, староста сует им № 1, и они несут его к урне»¹².

За эсеровско-меньшевистский блок по чисто эмоциональным причинам («едет разукрашенный грузовик, на нем солдаты, матросы, офицеры одушевленные, красивые») голосовал поэт А. А. Блок. Вместе с тем он испытывал «чувство вековой вины» «за униженных и оскорбленных» и, не понимая сути происходивших событий, с детской наивностью писал: «Швейцар был доволен. Я поступил правильно. И надо о них бедных и могучих всегда заботиться»¹³. Но сам себе он признавался, «что любит кадет по крови»¹⁴.

Политическое сознание было мифологизировано, характеризовалось верой в чудеса, в будущее сказочное царство свободы: «Русский народ обвенчался со Свободой. Будем верить, что от этого союза в нашей стране, измученной и физически и

духовно, родятся новые сильные люди»¹⁵. Можно говорить о феномене завышенных общественных ожиданий. С особенным волнением произносилось слово «товарищ». О «возрастающей радости народа» в «солнечно-морозном Марте» в своем дневнике писал М. Пришвин, с восторгом отмечая, что в стране «совершается празднество настоящей великой победы.

– Товарищи! – говорит извозчик, – посторо-нитесь.

– Товарищ! – говорит офицер извозчику, до-вези до Литейного.

Появились в ходу огромные бумажные цветы, и солдаты их лепят и на грудь и на живот»¹⁶.

Ощущение сказочности происходящего охватило все слои русского общества. Казалось, что так почти бескровно¹⁷ совершился первый акт Великой русской революции, и буквально на днях начнется небывалая новая жизнь с воплощением идей свободы, равенства и братства. Редакционная статья серьезного издания – «Исторического вестника» – была исполнена эмоций и революционного пафоса: «Над Русской землей взошло яркое солнце, живительные лучи которого должны согреть ее теплом и светом, вызвать наружу ее творческие силы, столь долго находившиеся под гнетом старой власти»¹⁸.

Российская творческая элита отождествляла социальную революцию с духовным преображением человека и общества. «Солнечно-морозный» февраль ощущался «музыкой революции» (А. Блок), «весной» (З. Гиппиус). Постфевральская атмосфера являла себя в образе «Прекрасной Дамы» (М. Цветаева)¹⁹.

Особенность политического сознания выражалась в безоговорочной вере в харизматического лидера, каковым в тот период являлся А. Ф. Керенский. Его популистские качества, умение говорить на понятном массам языке, убеждать, вести за собой, в первые месяцы революции сыграли свою роль. Он персонифицировал «благородную Февральскую революцию», став ее символом²⁰.

По мнению исследователей, Керенский намеренно создавал свой культ, используя различные пути и методы²¹. Один из них – использование фразеологии французской революции: «Российский Бонапарт», «Народный министр», «первый гражданин», «борец за свободу»²². Образ «вождя русской революции и демократии» создавали многочисленные публикации²³, фотографии, открытки и пр. Своим обликом, манерой поведения А. Ф. Керенский умело создавал свой имидж харизматического лидера. Л. Успенский отмечал, что он мог одновременно вызывать умиление у светских дам («Александр Федорович спит в спальне Александры Федоровны – какое чудесное совпадение!») и восторг масс своим демократизмом (от постоянных рукопожатий с представителями народа у него болела рука, которую он носил на «черном шелковом платке») ²⁴.

Но для Керенского, как для военного министра, была важна и поддержка армии. На многих солдат, людей малограмотных, его цветистые речи влияли магически. По газетным сообщениям летом 1917 г. (перед подготовкой наступления на фронте) во время выступления Керенского один из солдат в патриотическом порыве сорвал свой георгиевский крест и надел на грудь военному министру. Но удивительно, что магии речей Керенского поддавались и кадровые военные, те, кто прошел трехлетний тяжелейший путь Первой мировой войны. Позже А. И. Деникин отмечал, что «русское офицерство подчинилось влиянию его экзальтированной фразы, его истерического пафоса. Русское офицерство, преданное на заклятие, тогда все забыло, все простило и мучительно ждало от него спасения армии»²⁵.

Набоков, управляющий делами Временного правительства, в «идолизации» Керенского видел «психоз» русского общества. Сознательное формирование культа харизматической личности, спасителя Отечества, «провиденциального военного министра» противоречило реальным возможностям адвоката Керенского действовать в сложнейших политических условиях, тем страшнее было последующее разочарование масс. «Снижение» его образа шло стремительными темпами, превращая «Российского Бонапарта» в антипод: карикатурный образ «болтуна», «фразера», «истерика», «расхлябанного русского интеллигента», который был «ушиблен той ролью», которую история ему – случайному маленькому человеку – навязала и в которой ему суждено было так бесславно и бесследно исчезнуть²⁶.

Одна из важных особенностей политического процесса заключалась в том, что февраль поднял на поверхность «дно» общества: огромную массу маргиналов, включая и разлагающуюся армию. «Бунтующий кабак», – вот что представляла Россия по выражению некоторых современников²⁷. Ряд исследователей считает, что людей с «девиантным поведением» насчитывалось не менее 20 млн: «В какой прогрессии росла масса “революционеров” с “девиантным поведением”, какие бездны человеческого подсознания обнажались при этом – выявить все это задача достаточно сложная. В любом случае для раскрытия механизма нарастания психопатологии революции следует досконально представлять быт, нравы, мораль и “новые” (скорее перевернутые) стереотипы поведения того времени»²⁸. Все же думается, что нельзя говорить о таких космических величинах людей с отклоняющимся поведением. Вероятнее всего, нужно говорить о психологии толпы в период общественно-экономических катаклизмов. М. Горький отмечал, что «мы обязаны строить новую жизнь на новых началах», началах, которых «нет в нашем инстинкте. И нам страшно трудно будет ввести их в практику жизни, в древний русский быт», писатель опасался, что в России свобода перерастет в анархию²⁹. Недаром русская

художественная интеллигенция в этот период обращается в своем творчестве к сходным сюжетам (крестьянским войнам под руководством С. Разина, Е. Пугачева) в истории России: *И за мною не токмо что драная/ Гольтьба, а казной расшибусь –/ вся великая, темная, пьяная, / Окаянная двинется Русь...* (М. Волошин).

Серьезной проблемой постфевральского периода являлось отсутствие нормально функционирующих государственных институтов, ибо Временное правительство одновременно являло собой законодательную и исполнительную власть. Более того, до сих пор дебатруется вопрос о легальности появления Временного правительства. Точки зрения совершенно противоположны. Сторонники легальности Временного правительства опираются на два аргумента: кн. Г. Е. Львов получил полномочия от самого Николая II и Временного комитета Государственной думы, являвшихся законной властью³⁰. Сторонники противоположной точки зрения доказывают, что слабость позиции Временного правительства состояла в способе его формирования и неопределенности его правового статуса. Единственное, что придавало ему видимость легальности, был акт Михаила Александровича³¹. Авторы монографии «Власть и реформы» считают, что «с церковной точки зрения» отречение императора «противоречило акту его священного коронования и миропомозания, оно не допускалось законом. Свободу отречения имел лишь «наследник престола при определенных условиях. Закон не давал права Николаю II изменять порядок престолонаследия»³².

Общеизвестно, что 2 марта Исполком Петроградского совета вел переговоры с Временным комитетом Государственной думы об образовании Временного правительства. «И формула непредрешения до Учредительного собрания способа государственного правления» стала формой компромисса³³. В советской историографии, как отмечает Г. А. Соболев, эти переговоры рассматривались как предательство интересов рабочего класса со стороны эсеро-меньшевистского исполкома, добровольно уступившего власть буржуазии. Исследователь подчеркивает, что отношения между этими двумя органами (Петросоветом и Временным комитетом), порожденные февральскими событиями, являлись сложными и напряженными³⁴. Петроградский совет выдвинул ряд важных условий, на которых он соглашался поддерживать новое правительство, каковые были сформулированы в Декларации Временного правительства от 2 марта 1917 года³⁵.

В исторической и историко-юридической литературе этот документ в основном оценивается с негативных позиций, как «плод ночного творчества вконец утомленных политиков», носивший компромиссный характер и повлекший самые печальные последствия. Во-первых, в нем отсутствовали самые насущные вопросы, волновавшие все население России (о войне, о

мире, о земле, 8-часовом рабочем дне, сроках созыва Учредительного собрания). Во-вторых, это соглашение произвело опустошительный разгром административного аппарата в центре и на местах³⁶. Ф. А. Гайда отмечает, что «декларация нового правительства», прошедшая цензуру Петросовета и «обещанные правительством свободы в таком объеме явно угрожали сохранению порядка в стране и были продиктованы скорее давлением со стороны широких народных масс и левого движения, нежели самой буржуазией»³⁷.

В. Д. Набоков позже, оценивая деятельность Временного правительства, утверждал, что «революция с самого начала создавала компромиссы, искусственные сочетания. Компромиссным было отношение Временного правительства к Совету рабочих и солдатских депутатов, компромиссным было и сосуществование в кабинете двух лиц, абсолютно неспособных идти рука об руку, – Керенского и Милюкова». С его точки зрения, эти «компромиссы оказались гнилыми и не остановили катастрофического хода русской революции». Но все же «они, при данных условиях, были неизбежны; отказаться от них, для нас, кадетов, означало стать на точку зрения “чем хуже, тем лучше” или – во всяком случае – умыть руки. Тем горше мы бы сознавали свою ответственность за дальнейшие события»³⁸.

Отечественная историография, обращаясь к истории формирования и деятельности Временного правительства, высказывала полярные точки зрения³⁹. Г. А. Герасименко считал, что «Временное правительство возникло на капиталистической почве, проводило политику в интересах предпринимателей и действовало на основе законов, направленных на защиту частной собственности». Даже по мере его смещения «влево» социальная природа и характер политики не менялись⁴⁰. Однако ряд исследователей подвергают сомнению этот тезис. В частности, С. В. Тютюкин утверждает, что оценка Временного правительства как власти буржуазной представляет собой прямолинейный подход и не учитывает целого ряда факторов: Временное правительство вышло из Февральской революции, и его первый персональный состав стал результатом компромисса между Временным комитетом и Петросоветом; с мая 1917 г. в состав кабинета вошли социалисты; в своей практической деятельности оно испытывало давление различных, часто антагонистических сил; проведенные Временным правительством демократические преобразования были довольно значительными, хотя «выжидательная политика кабинетов Г. Е. Львова и А. Ф. Керенского была выгодна скорее помещикам и буржуазии, чем народу. Поэтому на Временное правительство обрушилась критика «и слева, и справа», и «захватные», формально незаконные действия рабочих и крестьян. Эта ситуация, по мнению автора, объясняется тем, что Временное правительство слишком буквально понимало свой временный (впредь до созыва Учредительного

собрания) характер своей власти, отказываясь идти на крупные социальные преобразования, радикальное вторжение в систему отношений собственности и решение национального вопроса. С. В. Тютюкин приходит к выводу, что по своей сути Временное правительство являлось «правоцентристским» и стало заложником тяжелой и притом тупиковой ситуации⁴¹.

Некоторые исследователи полагают, что Временное правительство представляло собой «интеллигенцию у власти». По подсчетам, в четырех составах Временного правительства участвовало 38 человек (представители 10 политических партий). Большинство из них имели высшее образование (31 человек). Учеными степенями обладали 12 человек⁴². В качестве ремарки хотелось бы заметить, что наличие этих весьма важных достоинств не может автоматически определять способность человека к эффективной государственной деятельности. Именно это и доказал весь исторический опыт существования Временного правительства (и не только его). Более того, судить о способностях того или иного министра не представляется возможным, ибо большинство кратковременно пребывало на своих постах. Поэтому говорить о возможности серьезных политических и социальных преобразований в стране не приходится. В целом Временное правительство сосредоточило свои усилия на сохранении стабильности в стране, а не на его коренном изменении.

Далее деятельность Временного правительства осложнялась антиправительственной политикой партии большевиков, которые умело использовали настроения масс. Уже в ленинских «Апрельских тезисах», провозгласивших курс на мирное развитие революции, выдвигались лозунги, которые расшатывали и без того хрупкие позиции правительства: «Никакой поддержки Временному правительству», «Переход всей государственной власти в руки Советов», «Справедливый мир без аннексий и контрибуций». В работе содержались и экономические требования конфискации помещичьих земель с передачей их в распоряжение местных Советов. Эти и другие пункты тезисов – устранение полиции, плата чиновникам (при их выборности и сменяемости – не выше платы хорошего рабочего) – являлись не просто утопической частью программы большевиков⁴³, они стали основой той тактики, тех принципов, на которых строилась агитация и пропаганда большевистской партии. Далеко идущее значение этой небольшой работы первоначально не было осознано ни врагами, ни соратниками Ленина⁴⁴.

Вера российского общества в чудеса, о которой речь шла выше, постепенно исчезала⁴⁵. Массы, измученные войной, нараставшим экономическим и финансовым кризисом, требовали хлеба, мира, 8-часового рабочего дня⁴⁶, решения аграрного вопроса. Утопический максимализм населения России расходился с существующими

реалиями. Джон Рид в своей знаменитой книге отчетливо отразил общественные настроения того периода: «На все многочисленные многообразные пожелания недовольства народа существовал один ответ: “Ждите Учредительного собрания”». Но терпение рабочих и крестьян было безграничным. Они требовали мер, которые необходимо осуществить «независимо от того, будет ли созвано Учредительное собрание или нет: мир, земля крестьянам, рабочий контроль над производством»⁴⁷.

Противоречия между чаяниями масс, их завышенными социальными ожиданиями, правовым нигилизмом⁴⁸ и политикой Временного правительства привели к общеизвестным кризисам. П. Н. Милюков позже определял деятельность коалиционных составов Временного правительства как «зигзагообразную тактику», «срединную политику спасения революции». В. Д. Набоков утверждал, что Милюков, будучи в эмиграции, оправдывал свою политику последовательной защиты войны до победного конца, что вызвало первый апрельский кризис Временного правительства⁴⁹. Милюков, по словам Набокова, «не понимал, и не хотел понимать и не мирился с тем, что трехлетняя война осталась чуждой русскому народу, что он ведет ее нехотя, из-под палки, не понимая ни значения ее, ни целей, – что он ею утомлен и что в том восторженном сочувствии, с которым была встречена революция, оказалась надежда, что она приведет к скорому окончанию войны»⁵⁰.

Июльский кризис как важнейшее событие постфевральского периода до сих пор таит в себе много загадок. Была ли это стихийная демонстрация, которую большевики пытались ввести в мирное русло, или это первая попытка взять власть в свои руки? События 3–5 июля 1917 г. по-разному оценивались как Временным правительством и большевиками, так и последующими поколениями исследователей⁵¹. Следственная комиссия во главе с известным юристом Александровым, созданная Временным правительством, квалифицировала июльские события как «вооруженное восстание против верховной власти». В материалах комиссии сохранились протоколы допросов, в которых представители партии большевиков отрицали предъявляемое им обвинение в подготовке военного переворота⁵².

Но какова бы ни была их оценка, июльские события означали вступление революции в новую фазу. Представители творческой интеллигенции пророчески увидели в них знаковое явление, боясь повторения «отвратительных сцен 3–5 июля», этих «картин безумия», «кровавой и бессмысленной бойни, которая подорвала... пошатнула культурный смысл революции»⁵³. После июльского кризиса все партии вырабатывают новую тактику применительно к изменившимся условиям.

Конфликты лета – начала осени 1917 г. свидетельствовали о крахе правительственной поли-

тики «социального сотрудничества». Столкнулись теоретическая модель и реалии революционной России. Правительственная политика сдерживания социальной конфронтации воспринималась массовым сознанием как узкоклассовая практика навязывания уступок и ускорила отчуждение различных социальных групп от государственной власти⁵⁴.

Одна из сложных проблем постфевральского периода связана с состоянием управления на местах. Панорамную картину событий в провинции дают региональные исследования, которые подчеркивают своеобразие расстановки политических сил в регионах⁵⁵.

Творцы послефевральских преобразований не планировали коренных изменений в организации власти в провинции. Однако аресты представителей администрации и силовых структур, происходившие в ряде губерний, поставили вопрос о власти на местах⁵⁶. Согласно постановлению Временного правительства и телеграмме премьер-министра главам земских исполнительных органов (от 5 марта 1917 г.) со своих постов устранились губернаторы и вице-губернаторы, а их обязанности возлагались на председателей земских управ, становившихся комиссарами Временного правительства⁵⁷.

Эти документы создавали видимость легальной передачи власти на местах местному самоуправлению. Г. Е. Львов еще до революции был известным сторонником реформы земского самоуправления и свои идеи он пытался воплотить будучи главой Временного правительства. По его мнению, комиссары должны были стать посредниками между центром и провинцией⁵⁸.

Для того чтобы органы местного самоуправления могли осуществлять социально-регулятивные и охранительные функции на местах⁵⁹, Временное правительство изменило электрическую систему, расширило полномочия и структуру земских учреждений, осуществив переход от курриальной системы к всеобщему, прямому, равному и тайному голосованию. В двухуровневую систему бессловных земских учреждений вводилось новое звено: волостное земство, так долго чаемое земскими либералами. Местное самоуправление получало новые предметы ведения, в частности руководство народной милицией в целях охраны общественного спокойствия. Казалось бы, предпринимаемые меры носили достаточно последовательный характер, тем паче, что земские учреждения имели более чем полувековой опыт деятельности на местах. Правительство выполнило требования земского либерализма, которые особенно остро встали в конце XIX – начале XX в.⁶⁰ Но тогда реализация подобных требований отвечала потребностям времени, и, вполне возможно, раскол между властью и обществом в последующем не приобрел бы такой остроты. В 1917 г. ситуация на местах стала совершенно иной: творчество масс в провинции

опережало деятельность правительства. Органы земского самоуправления в основном действовали в русле политики Временного правительства, проявляя «непопулярную в условиях революции политику сдержанности и осторожности». Но она противоречила интересам, прежде всего, крестьянства, которое требовало немедленных и чрезвычайных мер в сфере решения аграрного вопроса⁶¹. Земское самоуправление не смогло стать проводником правительственной власти в провинции.

Ряд авторов, исследующих положение в провинции, отмечали, что здесь двоевластия не существовало, о чем свидетельствовало огромное количество различных организаций, претендующих на власть. На местах стихийно возникали абсолютно новые органы (комитеты общественной безопасности, военные, фабрично-заводские, земельные комитеты), между которыми на протяжении 1917 г. усиливалась конфронтация. В составе местных органов сосуществовали представители различных политических партий. События на местах выявили многочисленные особенности расстановки политических сил в губерниях и уездах распадающейся империи. Это было обусловлено своеобразием экономических, социальных, культурно-национальных отношений в каждом регионе огромной страны⁶².

В частности, в Саратове наиболее деятельным органом являлся Губернский исполнительный комитет (ОГИК), представлявший широкую коалицию из представителей социалистических партий, либералов, президиума местного Совета, представителей офицерства из военного комитета и нескольких человек от саратовского мещанства. Этот орган, считая себя законным преемником прежних властей, самостоятельно избрал губернского комиссара, не дожидаясь назначения на этот пост председателя губернской земской управы – К. Н. Гримма. Подобные же решения приняли и ряд уездных комитетов⁶³. Самарский Комитет народной власти, будучи одним из самых активных в Поволжье, принял собственный проект наказа уже 7 марта 1917 г., провозгласив себя представителем и помощником Временного правительства с целью установления порядка и управления в интересах закрепления нового государственного строя⁶⁴.

Расстановка политических сил менялась от месяца к месяцу. Так, в Саратове уже в апреле политическая власть сосредоточилась в руках местных Советов. В ОГИК представители социалистических партий стали играть решающую роль и в конечном итоге этот орган превратился в придаток Совета. На июньских выборах в городскую думу социалистические партии набрали свыше 80% голосов⁶⁵.

Советы постепенно превращались в центры сплочения антиправительственных сил. По мере углубления кризиса и обострения социально-политической обстановки противостояние между местной властью и советами возрастало. Об этом

свидетельствовали события в целом ряде губерний и уездов (Черниговской, Вятской, Калужской, Ростовской, Нижегородской, Киевской и др.)⁶⁶.

В деревне существовали различного рода низовые сельские и волостные комитеты. Волостные исполнительные комитеты были включены Временным правительством в систему управления на местах, но правила и нормы их функционирования разрабатывались самостоятельно.

Во всех поволжских губерниях общественные объединения, возникшие в ходе революции, проявляли разную степень активности. Все низовые крестьянские организации «стремились к черному переделу». Случаи стихийного захвата крестьянами помещичьих земель начались уже после Первого съезда Советов. Саратовская, Пензенская, Казанская, Самарская, Тамбовская губернии отличались резким ростом крестьянских волнений. Самочинные действия в деревне и радикализация настроений крестьянства объяснялись целым рядом причин: присутствием призывников, действиями революционно настроенных агитаторов, засухой лета 1917 г., хлебной монополией государства, непродуманными мерами правительства (привлечение военной силы для подавления крестьянских выступлений, увеличение сроков тюремного заключения для участников аграрных беспорядков)⁶⁷. Все это способствовало расколу между населением и властью, между городом и деревней. Как справедливо отмечают исследователи, «ничего толкового» в сфере местного самоуправления у Временного правительства не вышло, и «оно оказалось много хуже дававшего, конечно, значительные сбои в годы войны, но мощного централизованного аппарата царизма»⁶⁸.

И последняя группа вопросов, пожалуй, наиболее спорная: существовала ли демократическая альтернатива в 1917 г.? Сторонники этой точки зрения считают, что Временное правительство должно было как можно скорее собрать Учредительное собрание, решить вопрос о войне, провести аграрную и другие реформы, отвечающие интересам большинства населения России. Но Временное правительство, «завороженное словами демократия, свобода, законность», ради сохранения «высокого уровня свободы, ради державного величия России считало, что народ может потерпеть с решением социальных вопросов и вопроса о мире. И в этом состояла их огромная и так дорого обошедшаяся стране трагическая ошибка»⁶⁹.

Не удалась в России и попытка установления авторитарного режима в форме военной диктатуры. О самой организации «корниловского мятежа» красноречиво свидетельствует один из его участников. Генерал Краснов пишет, что «30 августа части армии Крымова мирно сидели в вагонах с расседланными лошадьми. Не только начальники дивизий, но и командиры полков не знали, где находятся их эскадроны и сотни. Отсутствие пищи и фуража озлобляло людей еще больше... Люди

отлично понимали отсутствие управления и видели всю эту бестолковщину, которая творилась кругом, и начали арестовывать начальников... Все разваливалось. Штабные команды никому не подчинялись и никого не слушались. Армия осталась без вождя. Предприятие Корнилова закончилось, не начавшись. Спасать Россию не пришлось, нужно было спасать офицеров»⁷⁰. Меншевик Н. Суханов доказывал, что генералитет (Каледин, Деникин, Балугев, Клембовский) не объединился вокруг мятежного генерала, несмотря на их широкозвучающие заявления: «Как бы генералы не сочувствовали Корнилову, как бы не презирали премьера, к такой форме выступления они не были готовы. Выступить внезапно и активно против законного кадетско-эсеровского правительства они не были в состоянии»⁷¹.

Безусловно, в причинах неудач корниловского движения осталось много невыясненного и до сих пор (переговоры Керенского и Корнилова через В. Н. Львова и т. д.). Но одно остается безусловным: «корниловщина» сыграла огромную роль в дальнейшей радикализации масс и качнула маятник революции влево. Ряд историков, особенно западных, считают сомнительным, что «в тогдашней ситуации в России было возможно образование жизнеспособного демократически представительного правительства»⁷².

Кризис власти в центре проявился в спешном создании новых властных структур в условиях «междувластия» (от распада второго коалиционного правительства до создания третьего): Директории, Всероссийского демократического совещания и Временного Совета Российской республики (предпарламента). Но эти меры не могли изменить ситуацию в стране.

Современники и ученые отмечают, что в сентябре-октябре активно происходил кризис власти, перераставший в распад государственности⁷³. В сложившихся условиях необходима была партия и лидеры, которые бы с помощью популизма смогли бы манипулировать настроением масс. Н. Суханов отмечал, что в этой ситуации «большевики имели философию, стратегию и тактику переворота». Агитация и пропаганда большевиков падала на благодатную почву: «черный пиар», говоря современным языком, сводился к политическому удару против Временного правительства, которое объявлялось «шайкой узурпаторов» и «правительством мятежников контрреволюции». Одновременно продолжалась подмена одного понятия другим: «Правительство, корниловское по природе, не может не готовить новой корниловщины»⁷⁴. Но пропаганда большевиков успешно использовала и позитивные моменты, соответствующие общественным ожиданиям: народу объяснялось, что сделают Советы в том случае, если власть перейдет к ним в руки (они станут опорой Учредительного собрания и будут проводить в жизнь его начертания; дадут народу хлеб, землю, мир)⁷⁴. Такая популистская политика лишь подогрела

атмосферу. Другим направлением деятельности партии большевиков стало создание политических структур в целях захвата власти.

Особенности расстановки политических сил в постфевральский период, кризис государственности, отсутствие нормального функционирования всех институтов политической системы в центре и на местах, активизация центробежных сил на окраинах, резкое падение престижа верховной власти и ее лидеров, завышенные общественные ожидания, деструктивная политика большевиков привели к тому, что альтернативные пути развития России в сложившихся условиях не могли быть реализованы.

Примечания

- 1 Современные исследователи совершенно справедливо отмечают до сих пор сохраняющуюся в общественном сознании дихотомию восхваляющего мифотворчества («революция – локомотив истории») и идеологически ангажированного негативизма («революция – абсолютное зло»). См.: Российская революция 1917 года : власть, общество, культура / отв. ред. Ю. А. Петров : в 2 т. М., 2017. URL: <http://iriran.ru/?q=node/1697> (дата обращения: 15.09.2017) ; Февральская революция 1917 года : проблемы истории и историографии. СПб., 2017 ; Октябрьской революции – 100 лет. М., 2017 ; Революция 1917 года в России. Новые подходы и взгляды. СПб., 2015. *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010 ; Политические партии в Российской революции в начале XX века. М., 2005.
- 2 Напр. : «Столетие революции 1917 года в России» : междунар. науч. конф., 29–31 марта 2017 г. М., 2017.
- 3 И. С. Розенталь отмечает, с одной стороны, наличие нового осмысления важнейших проблем, с другой – «застарелых клише», «новейших штампов», «неожиданных новаций» в сфере изучения истории многопартийности за полтора последних десятилетия, в том числе и периода 1917 года. См.: *Розенталь И. С.* Рецензия на сборник научных статей «Политические партии в Российской революции в начале XX века» (М., 2005) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 159.
- 4 Пушкарева И. М. Г. Е. Львов // Россия на рубеже веков : исторические портреты. М., 1991. С. 179.
- 5 *Набоков В. Д.* Временное правительство // Наше наследие. 1998. № 5. С. 49–50.
- 6 См.: История политических партий России. М., 1994. С. 133.
- 7 Россия на рубеже веков : исторические портреты. М., 1991. С. 165 – 171 ; Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 197.
- 8 *Думова Н.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1998. С. 183.
- 9 История политических партий России. С. 182–190.
- 10 *Волобуев П. В., Булдаков В. П.* Октябрьская революция : новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 31. Это утверждение авторов требует некоторого уточнения, связанного с отсутствием единства в

- самой партии большевиков. Об этом свидетельствуют выступления Л. Б. Каменева по основным вопросам, обсуждаемым на конференции. См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. М., 1958. С. 84–86.
- ¹¹ История политических партий России. С. 145.
- ¹² Бунин И. Окаянные дни. М., 1995. С. 43.
- ¹³ Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1983. Т. 3. С. 35. Даже тогда, когда было сожжено родовое гнездо А. Блока Шахматово, поэт оправдывал крестьян, утверждая, что так выплеснулся гнев народа за вековое насилие над ним.
- ¹⁴ Блок А. Сочинения : в 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 485.
- ¹⁵ Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 77.
- ¹⁶ Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». 1909–1930. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 1. С. 66.
- ¹⁷ Иного мнения придерживался левый эсер И. З. Штейнберг, нарком юстиции Советской России, который считал, что на самом деле «бескровность февральской революции является мифом». См.: Штейнберг И. З. Нравственный лик революции / предисл. Е. Н. Морозовой. М., 2017. С. 7. В. Шульгин сравнивал народ в годы революционных потрясений с вырвавшимся на свободу «страшным зверем». Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1989. С. 179.
- ¹⁸ Цит. по: Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992. С. 178.
- ¹⁹ Из стройного строгого храма / Ты вышла на визг площадей... / – Свобода! – Прекрасная Дама / Маркизов и русских князей... (М. Цветаева).
- ²⁰ М. Пришвин сообщает, что когда торговец книгами на Невском проспекте «вынес томики в зеленой обложке – его окружила огромная толпа, и вскоре от них не осталось и следа. Эта книга была “История французской революции”». Пришвин М. Указ. соч. С. 66.
- ²¹ А. Ф. Керенскому посвящен значительный круг литературы. О путях формирования собственного культа Керенского см.: Колоницкий Б. «Товарищ Керенский» : антимоноархическая революция и формирование «культа вождя революции» (март – июнь 1917 года). СПб., 2017 ; Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905 – 1917). М., 2012 ; Голиков А. Г. Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5. С. 60–73 и др.
- ²² Сходство с Наполеоном Бонапартом в Керенском увидела М. Цветаева : *И кто-то, упав на карту, / Не спит во сне. / Повяло Бонапартом / В моей стране. / Кому-то гремят раскаты. / – Гряди, жених! / Летит молодой диктатор, / Как жаркий вихрь...*
- ²³ Леонидов О. Вождь свободы Керенский. М., 1917. Ср.: Леонидов О. Буденный – вождь Красной конницы. М., 1921.
- ²⁴ Успенский Л. Записки старого петербуржца. Л., 1991. С. 132.
- ²⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. С. 194–195.
- ²⁶ Набоков В. Д. Указ. соч. С. 44. Уже в сентябре 1917 г. «личный момент в политике Временного правительства» (издержки личной власти Керенского), по мнению участников Демократического совещания, ощущался всеми слоями общества как огромный недостаток установившейся системы управления и как результат допущенных просчетов в организации власти. См.: Руднева С. Е. Из истории предпарламента (1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 125. Н. Суханов скептически отмечал, что для Керенского-Бонапарта его Ватерлоо (побег из Зимнего дворца). См.: Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. М., 1992. Т. 3, кн. 6. С. 376.
- ²⁷ Напр. см.: Анненский Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., 1995. С. 72.
- ²⁸ Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция : новые подходы к изучению... С. 35–36.
- ²⁹ Горький М. Несвоевременные мысли. С. 79.
- ³⁰ См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней : в 3 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 25 ; История государственного управления России. Ростов н/Д, 2005. С. 323.
- ³¹ Воронов С. Н. Временное правительство и проблема выбора формы государственного устройства России // Проблемы истории государственного управления : государственный аппарат и реформы в России (к 200-летию министерской системы управления в России) / под ред. Д. И. Раскина : в 2 т. СПб., 2004. Т. 2. С. 524. В Манифесте об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти от 3 марта 1917 г. говорилось : «...призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа». См.: Российское законодательство Х–XX вв. : в 9 т. Т. 9. М., 1994. С. 126–127. Текст отречения Михаила был составлен правоведами, членами ЦК партии кадетов – В. Д. Набоковым и Б. Э. Нольде при участии В. Шульгина. См.: Власть и реформы : от самодержавной к советской России. М., 2006. С. 590 ; Искендеров А. А. Февральская революция и отречение Николая II от престола // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 78 – 121. Интересно, что М. Цветаева в поэтической форме высказала эту мысль так : *Пал без славы орел двуглавый! – Царь! – Вы были неправы / Помянет потомство / Еще не раз – / Византийское вероломство / Ваших ясных глаз.*
- ³² Власть и реформы : от самодержавной к советской России. С. 590 ; ср.: Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России : от рюриковичей до олигархов. М., 2005. С. 140.
- ³³ Власть и реформы : от самодержавной к советской России. С. 591.
- ³⁴ Соболев Г. Л. Ценный источник об истории революционного процесса в России в марте – октябре 1917 года // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 158–166. Для «непрерывного контроля над правительством была создана так называемая «контактная комиссия», в большинстве своем состоявшая из представителей меньшевиков различных направлений во главе с А. Церетели, авторитет которого, его способность к компромиссам,

- сразу выдвинули его на «ведущее положение» в исполкоме Петросовета. Там же. С. 159.
- ³⁵ См.: *Россия XX век. Документы и материалы* : в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 122.
- ³⁶ См.: *Пайнс Р.* Русская революция : в 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 324.
- ³⁷ *Гайда Ф. А.* Февраль 1917 года : революция, власть, буржуазия // *Вопросы истории.* 1996. № 3. С. 37.
- ³⁸ *Набоков В. Д.* Указ. соч. С. 75.
- ³⁹ См.: *Герасименко Г. А.* Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // *Вопросы истории.* 2005. № 7. С. 3–22 ; *Измозик В. С.* Временное правительство : люди и судьбы // *Вопросы истории.* 1994. № 6. С. 153–168 ; *Иоффе З. Г.* «Долой Временное правительство!» (судьбы «временных» после падения Зимнего // *Отечественная история.* 2006. № 5. С. 109–116 ; *Интеллигенция у власти : Временное правительство в 1917 г. : междунар. семинар историков // Отечественная история.* 1999. № 4. С. 103–112 ; *Розенберг У.* Формирование новой Российской государственности // *Отечественная история.* 1994. № 1. С. 3–22. Ряд проблем, связанных с формированием государственного аппарата в постфевральский период рассматриваются в статье : *Морозова Е. Н., Раскин Д. И.* Становление советской государственности : использование имперского наследия в сфере центрального управления // *Новейшая история России / Modern History of Russia. Междисциплинарный науч.-теор. журн.* 2017. № 3 (20). С. 7–20.
- ⁴⁰ *Герасименко Г. А.* Судьба демократической альтернативы в России 1917 года... С. 7.
- ⁴¹ См.: *Тютюкин С. В.* Новая книга об альтернативах российской истории : И. В. Карацуба, И. В. Курукин, Н. П. Соколов. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России : от Рюриковичей до олигархов (М., 2005) // *Отечественная история.* 2006. № 5. С. 141 ; *Гайда Ф. А.* Февраль 1917 года : революция, власть, буржуазия. С. 37 ; *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 117–120.
- ⁴² *Интеллигенция у власти : Временное правительство в 1917 г. ...* С. 103–112.
- ⁴³ *Геллер М., Некрич А.* Указ. соч. С. 27.
- ⁴⁴ Г. В. Плеханов считал «Апрельские тезисы» «бредом» и сравнивал их с «Записками сумасшедшего». Активным противником «Апрельских тезисов» был А. Церетели, который выступал против их основной идеи – перехода ко второму этапу революции – социалистическому. Он подчеркивал необходимость поддержки Временного правительства, указывая, что «это представители той буржуазии, которые на общей демократической платформе условились отстаивать русскую свободу вместе с демократией». См.: *Политические деятели России.* 1917. М., 1993. С. 339. Даже редакция «Правды», опубликовавшая эти тезисы 7 апреля, заявляла в редакционном комментарии о неприемлемости «общей схемы т. Ленина». См.: *Геллер М., Некрич А.* Указ. соч. С. 26–27.
- ⁴⁵ Показательно письмо А. Блока матери о происходящих событиях : «Произошло чудо, следовательно, будут еще чудеса. Никогда и никто из нас не мог думать, что будет свидетелем таких простых чудес, совершающихся ежедневно». См.: *Блок А.* Собрание сочинений : в 6 т. Л., 1983. Т. 6. С. 275.
- ⁴⁶ Несмотря на создание Министерства труда во главе с меньшевиком Скобелевым, имеющим достаточно широкие полномочия по закону от 11 июля 1917 г., оно не смогло их реализовать. См.: *Орлова Н. Е.* Министерство труда Временного правительства // *Проблемы истории государственного управления...* С. 177.
- ⁴⁷ *Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 29.
- ⁴⁸ Интересные мысли по этому поводу высказаны М. Пришвиным: «Земля – это закон необходимости. Так мыслит свободный. А раб мыслит: земля – свобода, воля – захват». См.: *Пришвин М.* Леса к «Осударевой дороге». С. 66.
- ⁴⁹ Уже в своем обращении «К населению России» от 6 марта Временное правительство заявляло о том, что «приложит все силы» для доведения войны до победного конца» и «будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзами и неуклонно исполнит заключенные союзниками обязательства». См.: *Россия. XX век : документы и материалы...* Т. 1. С. 124.
- ⁵⁰ *Архив русской революции* : в 22 т. М., 1991. Т. 1. С. 78.
- ⁵¹ Например, Н. Верт утверждает, что июльские события стали первой попыткой взять власть в свои руки путем заговора, который был спровоцирован «военкой». См.: *Верт Н.* История Советского государства. М., 1995. С. 92.
- ⁵² Подробнее см.: *Злоказов Г. И.* Материалы особой следственной комиссии Временного правительства об июльских событиях 1917 г. // *Отечественная история.* 1999. № 5. С. 73–87. Именно эта точка зрения, выраженная в указанных протоколах, стала официальной точкой зрения советской историографии.
- ⁵³ *Горький М.* Несвоевременные мысли. С. 91–92.
- ⁵⁴ *Орлова Н. Е.* Министерство труда Временного правительства. С. 177.
- ⁵⁵ *Кабытова Н. Н.* Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002 ; *Рейли Д.* Политические судьбы российской губернии : 1917 год в Саратове. Саратов, 1995 ; *Румянцев Е. Д.* К истории формирования комитетов общественной безопасности Казанской губернии в 1917 году // *Проблемы культуры и искусства : традиции и современность.* Казань, 1994. С. 134–172.
- ⁵⁶ *Кабытова Н. Н.* Власть и общество российской провинции... С. 40.
- ⁵⁷ *Кабытова Н. Н.* Компетенция министерства Внутренних дел Временного правительства в местном управлении (1917 г.) // *Проблемы государственного управления...* С. 178 ; *Баженова Т. М.* Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства // *Научные труды Свердловского юридического университета.* Свердловск, 1975. Вып. 44. С. 70–74. Проблема реформы земского самоуправления в постфевральский период рассматривается в весьма интересной статье : *Гордеев О. Ф.* Временное правительство и земская реформа в России // *Вестник КрасГу.* 2006. № 11. С. 361–373.

- ⁵⁸ Герасименко Г. А. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 244. В. Д. Набоков считал назначение комиссаров Временного правительства «легкомысленной и необдуманной импровизацией», ««лишенной» всякого смысла замены одних чиновников другими, далеко не лучшими». В целом он считал меры Временного правительства на местах крайне неудачными, повлекшими за собой самые печальные последствия. См.: Набоков В. Д. Указ. соч. С. 32–33.
- ⁵⁹ Вязникова Т. Г. Правовой статус органов местного самоуправления в России в марте-октябре 1917 года // Проблемы государственного управления... С. 255.
- ⁶⁰ Напр. см.: Кузьмин-Караваев В. Д. Земство и деревня. М., 1904.
- ⁶¹ Герасименко Г. А. История земского самоуправления. Саратов, 2003. С. 240.
- ⁶² Кабытова Н. Н. Власть и общество российской провинции... С. 6.
- ⁶³ Рейли Д. Указ. соч. С. 84.
- ⁶⁴ Кабытова Н. Н. Власть и общество российской провинции... С. 51.
- ⁶⁵ Рейли Д. Указ. соч. С. 332–333; Герасименко Г. А. Народ и власть... С. 247.
- ⁶⁶ Герасименко Г. А. Народ и власть... С. 261–263.
- ⁶⁷ Кабытова Н. Н. Власть и общество российской провинции... С. 122.
- ⁶⁸ Россия на рубеже веков : исторические портреты. С. 182.
- ⁶⁹ Тютюкин С. В. Меньшевизм : Страницы истории. М., 2002. С. 142.
- ⁷⁰ Краснов П. На внутреннем фронте // Архив русской революции : в 22 т. М., 1991. Т. 1. С. 186.
- ⁷¹ Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3, кн. 5–7. С. 120.
- ⁷² Рейли Д. Указ. соч. С. 331.
- ⁷³ Власть и реформы : от самодержавной к советской России... С. 615.
- ⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1962. Т. 34. С. 221, 236, 285.
- ⁷⁵ В агитационно-пропагандистской борьбе большевики привлекали и лозунги других партий. Впоследствии Н. Суханов, оценивая позиции социалистических партий, в том числе и меньшевиков, заявлял : «Мы ушли неизвестно куда и неизвестно зачем... Мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, уступив им арену революции». См.: Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3, кн. 6. С. 389 ; левый эсер И. З. Штейнберг также признавал вину своей партии перед революцией, ибо она «не совершила всего, что можно было сделать». Штейнберг И. З. Указ. соч. С. 55.

Образец для цитирования:

Морозова Е. Н. Великая русская революция 1917 года: от февральских событий до октябрьского переворота // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 35–44. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-35-44.

Cite this article as:

Morozova E. N. Great Russian Revolution of 1917: from the February Events to the October Overtturn. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 35–44 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-35-44.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(37).05

ЦЕЗАРИАНЦЫ В 44–42 ГГ. ДО Н. Э.: ГЕНЕЗИС ЛОЗУНГОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

С. Н. Ахиев

Ахиев Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, responsum@list.ru

В статье рассматриваются проблемы раскола цезарианцев в период 44–42 гг. до н.э., прослеживаются этапы генезиса и направленность лозунгов политической пропаганды, изучаются методы ведения борьбы. Опираясь на данные источников, автор выделяет основные темы, используемые цезарианцами в ходе идеологического противостояния, и приходит к выводу, что пропаганда цезарианцев ориентировалась на более широкие общественные круги. Заручившись поддержкой армии, склонив на свою сторону плебс, многих италиков, часть сенаторов, цезарианцы смогли преодолеть свои разногласия и объединиться перед лицом общего врага.

Ключевые слова: политическая пропаганда, гражданская война, Римская республика, Октавиан, Марк Антоний, общественное мнение.

Caesareans in 44–42 BC: the Genesis of the Slogans of Political Propaganda

S. N. Akhiev

Sergey N. Akhiev, ORCID 0000-0001-9875-2857, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, responsum@list.ru

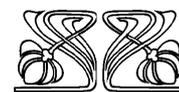
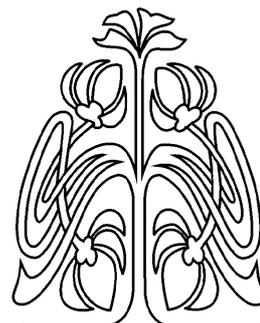
The article considers the problems of the Caesarians' split in the period 44–42. BC, the stages of genesis and orientation of the slogans of political propaganda are traced, the methods of conducting the struggle are studied. Based on the sources, the author outlines the main themes used by the Caesarians during the ideological confrontation. The analysis leads to the conclusion that the propaganda of the Caesarians was guided by wider public circles. With the support of the army, plebs, many Italians and some of the senators, the Caesarians were able to overcome their differences and unite against a common enemy.

Key words: political propaganda, Civil War, Roman Republic, Octavian, Mark Anthony, public opinion.

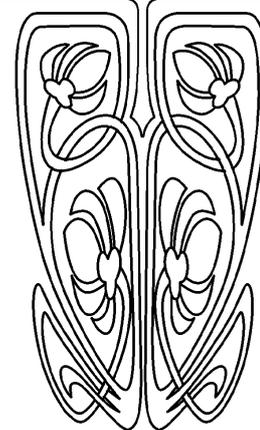
DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-45-51

В историографии достаточно полно исследованы действия Антония и Октавиана в период 44–42 гг. до н. э., проанализированы скрытые мотивы их действий¹. Высокая степень разработанности этой проблемы позволяет в данной статье остановиться только на идеологических аспектах раскола цезарианцев, проследить этапы генезиса и направленность лозунгов политической пропаганды, выделить особенности методов ведения борьбы.

Политическая пропаганда цезарианцев формировалась постепенно, включая в себя все новые и новые лозунги. Итогом такого «накопления» стали обвинительное заключение, приговор, вынесенный убийцам Цезаря в ноябре 43 г. до н. э. Во введении документа, получившего наименование проскрипционного эдикта, перечислены практически все лозунги политической пропаганды цезарианцев. Помимо обвинений в святотатстве и провозглашения себя спасителями римских граждан, в документе перечисляются следующие поступки, свидетельствующие

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

о преступности действий убийц Цезаря:

– подчеркивается подлость и вероломство заговорщиков, убивших пощадившего и возвысившего их человека²;

– говорится о том, что республиканцы виновны в развязывании войны, а действия триумвиров носили исключительно оборонительный характер;

– Брут и Кассий виновны в хищении государственных средств;

– более тяжкое обвинение заключалось в предательстве отечества, так как они призвали в армию войска «варваров, постоянных врагов римского могущества» (имелись в виду парфяне – App. В. С. IV. 8.31–35).

Как видно из документа, республиканцам предъявлен целый ряд обвинений, каждое из которых требует жесточайшего наказания по римским законам. В исследовательской литературе отмечалось, что опубликование проскрипционного списка преследовало, помимо доказательства справедливости мероприятий триумвиров, и иные цели. Как правило, констатируются социально-экономические мотивы действий триумвиров – уничтожение оппозиции и конфискация имущества проскрибированных, необходимая для расплаты с солдатами³. Однако следует признать, что идеологическое обоснование действий со стороны цезарианцев было великолепным. Многие из практики пропагандистской войны периода 44 – 42 гг. до н. э. было использовано триумвирами и позднее. Документ о проскрипциях, опубликованный в конце 43 г. до н. э., был венцом пропаганды цезарианцев. Его появлению предшествовал длительный период выработки лозунгов пропаганды, на которые значительное влияние оказал раскол партии цезарианцев.

Уже 16 марта 44 г. до н. э. Марк Эмилий Лепид, бывший начальником конницы, то есть по римским законам вторым человеком в государстве после Цезаря, выдвинул один из главных лозунгов политической пропаганды цезарианцев, актуальный на протяжении всех лет борьбы с республиканцами – призвал солдат отомстить за своего полководца (Dio Cass. XLIV.22.2; Nic. Dam. 27.103, 106; App. В. С. II. 118.496). Отношение к Цезарю – любимому полководцу и прославленному государственному деятелю – было важным показателем для солдат и плебса, определявшим степень популярности того или иного политического деятеля. Поэтому выдвижение лозунга мести встречало одобрение этих групп римского общества и позволяло тем самым приобрести поддержку и силу. Это прекрасно сознавали современники и не случайно, едва только Антоний или Октавиан официально начинали борьбу с сенатом, то есть (юридически) шли против закона, они тут же публично выдвигали этот лозунг⁴. С другой стороны, Цицерон и другие сенаторы, понимая влияние этих призывов, яростно выступали против законодательства Антония, пытаясь огра-

ничить засилье ветеранов Цезаря в идее отмщения за смерть диктатора (Cic. Phil. VIII. 3.9). Как подчеркнул Я. Ю. Межерицкий, по мере того как накалялась обстановка вокруг аграрного вопроса, среди солдатской массы все более актуализировался лозунг «отмщения». И, используя этот лозунг в своей пропаганде, вожди цезарианцев получили мощный козырь в своих притязаниях на власть⁵.

Еще одним важным политическим лозунгом пропаганды цезарианцев было обвинение заговорщиков в отцеубийстве (parricidae)⁶. Почетное прозвище «Отца отечества» Цезарь получил после битвы при Мунде в 45 г. до н. э. (Suet. Iul. 76.1; App. В. С. II. 106). Это подтверждается чеканкой монет с легендой CAESAR PARENS PATRIAE⁷. В пропаганде цезарианцев Юлий Цезарь, «Отец Отечества», неизменно выступал как «остановитель государства, избавитель от беспорядков и ужасов гражданской войны»⁸. Его убийство позволило пропаганде выдвинуть лозунг наказания убийц «отца отечества» с позиций обвинения не просто в тягчайшем преступлении против римских законов, но и в развязывании гражданской войны – величайшего преступления против государства. Не случайно свой окончательный разрыв с сенатом Антоний ознаменовал тем, что приказал воздвигнуть на рострах статую Цезаря с надписью «Отцу наилучшему заслуги» (Parenti optimo merito)⁹.

Пропагандистская направленность этой акции Антония четко прослеживается из письма Цицерона к Кассию: «так что вас признают не только убийцами, но уже отцеубийцами» (Cic. Ad fam. XII. 3.1). Сам Цицерон в своей контрпропаганде также использовал обвинение в отцеубийстве, но не человека, а республики¹⁰. Обвинение в отцеубийстве, выработанное пропагандой Антония, было настолько удачным, что оно было включено в число окончательных обвинений республиканцев триумвирами при обосновании закона о проскрипциях (App. В. С. IV. 8.33–34). Светоний говорит, что позднее в римском календаре 15 марта стал именоваться днем отцеубийственным и никогда в этот день не созывался сенат (Suet. Iul. 88.1).

Не менее значимым и противоречивым пропагандистским действием цезарианцев было обожествление покойного диктатора. В римской истории за исключением легендарного Ромула не было прецедентов обожествления человека¹¹. В современной историографии высказываются различные точки зрения на дату обожествления Цезаря, но преобладающее мнение таково: при жизни Цезарь был не обожествлен, а обоготворен, то есть не стал римским богом, но был удостоен божественных почестей¹².

Действительно, источники отмечают, что в 45 г. до н. э. Цезарь был удостоен многих необычных почестей: статуи в храме Квирина, публичных жертвоприношений, молебствий жрецов, переименования месяца квинтилия, посвящение

ему храмов¹³. Анализ монетной чеканки Цезаря приводит исследователей к выводу, что он сам не стремился к официальному обожествлению. Наоборот, практически на всех его монетах 45–44 гг. до н. э. присутствует изображение Венеры, потомком которой он себя называл, подчеркивая родство и покровительство этой богини¹⁴. Дж. Линдсей, исследуя отношение Цезаря к своему культу, отметил, что инициатива обожествления исходила от народа¹⁵. К такому же выводу пришел С. Вайншток: изучив поведение солдат и плебса, он отметил спонтанное возведение алтаря на месте гибели Цезаря¹⁶.

Несомненно, что культ погибшего диктатора, его религиозное почитание стало идейным знаменем, вокруг которого объединились антисенатские силы. На это прямо указали Брут и Кассий, высказав свое негодование по поводу намерения ветеранов восстановить разрушенный Долабеллой алтарь Цезаря (Cic. Ad fam. XI. 2.2.). Однако следует особо отметить различие в отношении Антония и Октавиана к обожествлению диктатора. Если для первого культ убитого вождя представлял собой лишь средство для сохранения влияния на солдат и идеологического обоснования своих антисенатских шагов, то для Октавиана обожествление становилось важным шагом в его политической карьере. А. Альфельди, изучая вопрос обожествления Цезаря, отметил, что этот акт неизменно встречал противодействие Антония¹⁷. Нельзя утверждать, что компромисс с сенатом, достигнутый весной 44 г. до н. э., вообще позволил ему выступить против культа Цезаря, хотя такой вывод напрашивается из факта подавления движения лже-Мария и разрушения алтаря Цезаря на форуме (Cic. Ad Att. XIV.15.2, 16.2, Ad fam. IX.14.1. Dio Cass. XLV.7.2. Ср.: Cic. Ad. Att. XIV. 12.9).

Действительно, как отмечает Аппиан, инициатива строительства алтаря принадлежала Герофилу (App. В.С. III. 3.7–9). Г. А. Цветаева признает эту информацию Аппиана достоверной¹⁸. Таким образом, можно предположить, что подавляя движение Герофила, Антоний выступил и против культа Цезаря. Однако доподлинно известно, что алтарь был разрушен Долабеллой во время отсутствия Антония в Риме. Более того, Антоний, по словам Цицерона, «привык уважать памятник на форуме» («quod tu venerari solebas...»), а узнав о разрушении – «упал» («concidisti», – Cic. Phil. II. 42.107). Значит, можно утверждать, что разгром движения лже-Мария не имеет ничего общего с посягательством на культ Цезаря.

Противодействуя Октавиану, Антоний всегда избегал в официальных речах именовать Цезаря «божественным». Кроме того, как отметил А. Альфельди, он никогда не использовал в титулатуре титул Flamen divi Iulii, который он получил после обожествления Цезаря¹⁹. Исследователи объясняют этот факт тем, что сан фламينا ставил Антония ниже Октавиана, поскольку тот являлся «сыном»

обоженного Цезаря. Очевидно, что только стремление Антония сохранить свое влияние на солдатскую массу, почитавшую Цезаря в качестве бога, заставило его согласиться на официальное обожествление Цезаря в январе 42 г. до н. э. Вероятно, Антоний понимал, что в случае открытого выступления против культа Цезаря, он лишится поддержки значительной части ветеранов и колонистов погибшего диктатора²⁰.

В отличие от Антония Октавиан сразу же после приезда в Рим принялся активно претворять в жизнь процедуру официального признания Цезаря богом. Он искусно подогревал подобные настроения плебса, всячески доказывал «божественность» своего приемного отца. Так, появление кометы во время игр, устроенных в честь побед Цезаря, было немедленно использовано пропагандой Октавиана в качестве довода, подтверждающего вознесение покойного диктатора на небеса²¹. С этих пор, по словам Светония, Октавиан стал изображать Цезаря со звездой над головой (Suet. Caes. 88.1). Это обстоятельство находит подтверждение и в монетной чеканке²².

После захвата Рима в августе 43 г. до н. э. и избрания консулом, Октавиан получил доступ к чеканке монеты. Им немедленно выпускается ряд монет с символикой, использовавшейся Цезарем – Цезарь в золотой короне, Venus Genetrix и т. п. Особый интерес для исследователей представляют серебряные денарии Октавиана, выпущенные в 43 г. до н. э. и содержащие легенду DIVVS IVLIVS и DIVI FILIVS²³. Эта легенда для 43 г. до н. э. была весьма необычна, так как официальное обожествление Цезаря произошло только в следующем году²⁴. Ж. Б. Жиар в этой связи высказал предположение, что выпуском подобной монеты со своим изображением Октавиан стремился как можно скорее воспользоваться предоставленным ему ius imaginis, которого у его соперников не было²⁵. Не вызывает сомнения, что эмиссия монет с такой легендой была чисто пропагандистским политическим актом. Этот поспешный и малый по объему выпуск, по оценкам исследователей, предназначался эвокатам и солдатам легионов, поддержавшим Октавиана в 43 г. до н. э.²⁶ Именно в этих кругах общества культивировалось религиозное почитание Цезаря в качестве бога. Действуя таким образом, Октавиан не только удовлетворял запросы своих солдат, но и предъявлял претензии на собственную божественность, что позволяло ему набрать очки, необходимые при готовящемся соглашении с Антонием и Лепидом.

Интересный сам по себе акт официального обожествления Цезаря приобретает особую значимость, если обратить внимание на его дату – 1 января 42 г. до н. э. Исследователи часто ограничиваются лишь указанием на выгоды, которые извлек из этого Октавиан²⁷. Однако признание Цезаря богом сразу же вслед за образованием второго триумvirата (27 ноября 43 г. до н. э.) явно преследовало важные политические цели.

Можно предположить, что признание жертвой мартовских ид «бога» должно было оправдать как чрезвычайную власть триумвиров, так и войну против его убийц. Кроме того, оно позволило Октавиану и Антонию обосновать проскрипции и последовавшие за ними репрессии против римских граждан. Таким образом, обожествление Цезаря было важным пропагандистским шагом триумвиров, направленным на доказательство «святотатства» убийц Цезаря. Это обстоятельство особенно выделила Е.М. Штаерман, подчеркнув, что дивинизация Цезаря не приняла бы таких масштабов, если бы ее не муссировали триумвиры²⁸.

Разбор основных направлений политической пропаганды периода 44–42 гг. до н. э. был бы неполным без рассмотрения приемов, с помощью которых лидеры Рима добивались расположения армии. Интересно, что они практически одинаковы как у Антония и Октавиана в период их противоборства между собой в 44–43 гг. до н. э., так и у цезарианцев и республиканцев в 43–42 гг. до н. э. Традиционно большую эффективность имели речи полководцев перед своими солдатами. Источники приводят примеры большого количества выступлений перед войсками Антония, Брута, Октавиана, Кассия²⁹. Обосновывая свои действия, военачальники тем самым влияли на солдат и повышали свою популярность.

Для агитации в армии противника, когда полководцы, естественно, были лишены возможности обратиться к солдатам враждующей стороны с открытой речью, в ход шли другие средства: письма, листовки, воззвания, разбрасываемые в людных местах агентами соперников. Методика была отработана до мелочей: широко применялись обещания, подкуп, игра на чувствах и жадности. Применение таких форм агитации было настолько распространенным явлением, что для их характеристики достаточно остановиться на примерах самых ярких пропагандистских кампаний.

Разрыв отношений Антония и Октавиана в 44 г. до н. э. знаменовался ожесточенной борьбой за умы и сердца солдат и ветеранов Цезаря. Оба, не жалея средств, набрали отряды «телохранителей» из числа колонистов Цезаря.³⁰ Даже размер выплачиваемого жалования (500 денариев) был выбран явно не случайно: Цезарь, начиная гражданскую войну, выдал своим легионерам именно такую сумму (Suet. Caes. 38.1; App. В.С. III. 40.165, 45.187). Эмиссары Антония и Октавиана, снабженные деньгами и инструкциями, разъезжали по колониям с агитационными речами. Особенно активен был Октавиан. Как отметил Николай Дамасский, Октавиан отправился в Кампанию с огромной суммой денег и целым караваном вьючных животных, перевозящих ценности и имущество³¹. Как подчеркнул В. Шмитхеннер, успехи Октавиана не в последнюю очередь связаны именно с его щедростью³². Х. Ботерман отмечает такую сторону пропаганды цезарианцев,

как создание у ветеранов представления, что они могут лишиться наград за военную службу³³. Но это направление агитации относится к противодействию республиканцам. Борьба между Октавианом и Антонием, по оценкам исследователей велась за расположение ветеранов³⁴. Особый интерес вызывает борьба не только за ветеранов-колонистов, но за уже набранные войска. В первую очередь это касается Октавиана, попытавшегося переманить к себе македонские легионы, которые подчинялись Антонию (консулу), а не Октавиану (фактически – частному лицу).

Главными источниками этих событий, позволяющими создать довольно целостную картину, являются Аппиан, Кассий Дион и Николай Дамасский. Так, Аппиан рассказывает, что Октавиан направлял в лагерь Антония своих эмиссаров, снабженных деньгами для подкупа солдат (App. В.С. III. 40–44). В устной пропаганде упор делался на том обстоятельстве, что Антоний якобы отказался от мести убийцам Цезаря, а следовательно, предал и его дело, и интересы его солдат³⁵. Примечательно, что агенты Октавиана отлавливались «контрразведкой» Антония (App. В.С. III. 44. 179). Эта информация находит подтверждение в данных других источников. Так, Николай Дамасский пишет, что если вести агитацию не удавалось, то эмиссарам надлежало подбрасывать прокламации «во многих местах»³⁶. Вероятно, и Аппиан, и Николай Дамасскому было известно содержание этих прокламаций, так как они оба подчеркивают, что речь в них шла об Октавиане как единственном наследнике Цезаря, то есть шла игра на верности солдат своему полководцу (*pietas*).

Анализ сведений источников позволяет говорить о высокой степени эффективности такой «подрывной работы». На это указывает тот факт, что Антоний, встретив открытое противодействие своих солдат и насмешки по поводу обещанных наград в 100 денариев (тогда как Октавиан раздавал по 500), в целях установления дисциплины прибегнул к казни некоторых солдат, прибывших в Брундизий легионов³⁷. Аппиан отмечает, что эта мера вызвала не столько страх, сколько гнев и ненависть к Антонию (App. В.С. III. 43.178). Современные исследователи довольно единодушны в том, что именно казни, предпринятые по приказанию Антония в ответ на действия Октавиана, ускорили переход двух легионов на сторону приемного сына Цезаря³⁸. Однако попытки склонить на свою сторону солдат других легионов не увенчались успехом, так как Антоний, осознав свою ошибку, выступил с оправдательной речью и раздал армии по 500 денариев³⁹.

Таким образом, можно говорить об эффективности мероприятий Октавиана. Его демагогия в сочетании с более радикальными средствами – рассылкой агентуры, подкупом, раздачей обещаний – существенным образом способствовали укреплению его позиций на политической арене в 44 г. до н. э. Весьма показательным, что Антоний

усвоил полученный им урок и уже в следующем году воспользовался этой методикой во время Мутинской кампании. Как подчеркнула Х. Ботерман, Антоний использовал по отношению к солдатам Поллиона, Децима Брута, Планка и Лепида те же средства, что Октавиан против него самого ранее⁴⁰.

Действительно, данные источников позволяют это утверждать. Так, Кассий Дион отметил, что Антоний направил в осажденную Мутину своих агентов, пытавшихся подкупить солдат Децима Брута⁴¹. Гораздо масштабней была подрывная деятельность эмиссаров Антония среди солдат Поллиона, Планка и Лепида. Азиний Поллион писал Цицерону из Кордубы 8 июня 43 г. до н. э., что в самом начале Мутинской кампании Антоний «не переставал подстрекать письмами и бесконечными обещаниями... его легионы» (Cic. Ad fam. X. 32.4). Из того же письма известно, что это были за «обещания»: 500 денариев каждому солдату немедленно по прибытии в лагерь Антония и награды в случае победы. Еще серьезнее дела обстояли с 28 легионом, где дело дошло до восстания отдельных когорт. Поллион пишет, что ему с большим трудом удалось «удержать легион» в своих руках⁴².

Подобные же обещания Антоний через свою агентуру давал легионерам Мунация Планка, так что тому пришлось затратить немало сил и средств, чтобы удержать свои войска от мятежа⁴³. Эмиссары Антония проникали в лагерь Лепида⁴⁴ и даже, возможно, действовали в лагере Октавиана. Х. Ботерман, основываясь на намеках Цицерона (Cic. Phil. XII. 28), считает, что ветераны Октавиана, находясь в зимнем лагере, отказались воевать против Антония⁴⁵. Цицерон в своих письмах также пытался воздействовать на поведение военачальников⁴⁶. Данная методика, таким образом, являлась весьма эффективной формой ведения пропагандистской войны, с успехом применявшейся всеми лидерами Рима.

Интересно отметить, что в качестве одного из средств политической пропаганды в эти годы использовались портретные геммы. Сохранились инталии с портретами Цезаря, Октавиана, Антония, Брута, Кассия. Говоря о портретах двух последних политиков, следует отметить, что их наличие дает некоторым историкам повод сомневаться в стойкости их республиканских убеждений⁴⁷. В. Н. Парфенов отметил, что наличие стеклянных отливок гемм с портретами Брута и Кассия дает основание считать, что они изготавливались в большом количестве для раздачи солдатам⁴⁸. Существование гемм с портретом Кассия примечательно само по себе, поскольку на выпускаемых им монетах портрет подчеркнута отсутствием⁴⁹. Из этого факта можно заключить, что пропаганда цезарианцев и республиканцев, таким образом, использовала единую общепринятую систему символов.

Заключая обзор политической пропаганды периода 44–42 гг. до н. э., следует, прежде всего отметить принципиальное сходство средств и

методов идеологического воздействия на общественное мнение, использовавшихся как республиканцами, так и цезарианцами. Заимствование лозунгов оппонентами свидетельствует, что эффективность политической пропаганды была весьма высока, и соперники, используя обвинения друг против друга, старались снизить действенность слов и дел противника. В то же время пропаганда цезарианцев оказалась весьма изобретательной и ориентировалась на более широкие общественные круги. Заручившись поддержкой армии, склонив на свою сторону плебс, многих италиков, часть сенаторов, цезарианцы смогли объединиться и разбить республиканцев в решающей битве при Филиппах.

Примечания

- 1 См.: *Holmes T. R.* The Architect of the Roman Empire. Oxford, 1928. Vol. I. P. 64–68 ; *Charlesworth M. P.* The Avenging of Caesar // The Cambridge Ancient History. Cambridge, 1934. Vol. X. P. 1–30 ; *Syme R.* Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 118–182 ; *Rossi R.* Marco Antonio nella lotta politica della tarda Repubblica Romana. Trieste, 1959. P. 67–97. Хронологию событий см.: *Ehrenwirth U.* Caesar's Final Aims // Harvard Studies in Classical Philology. 1964. Vol. 68. S. 17–95.
- 2 Эта же мысль четко фиксируется античными авторами. См.: *Vell. Pat. II. 52.6, 57.1.* Ср.: *Nic. Dam. 19. 62 ; Suet. Iul. 84. 2.*
- 3 См.: *Syme R.* Op. cit. P. 195 ; *Perowne S.* Death of the Roman Republic. From 146 B.C. to the birth of the Roman Empire. N.Y., 1968. P. 248 ; *Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992. S. 35 ; *Bunne P. J.* Очерки истории Римской империи. М., 1908. С. 294 ; *Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1948. С. 473 ; *Маукин Н. А.* История древнего Рима. М., 1956. С. 326.
- 4 Антоний – осенью 44 г. до н. э. *Cic. Phil. XIII. 10.21 ; App. B.C. III. 63.257.* Октавиан – в августе 43 г. до н. э. *RG. I.1 ; Vell. Pat. II. 62.5 ; Suet. Aug. 26.1 ; Dio Cass. XLVI. 45.2,* когда по закону Кв. Педия убийцы Цезаря лишались «огня и воды» (См.: *App. B.C. III.95 ; RG. II.1.*)
- 5 См.: *Межеричский Я. Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М. ; Калуга, 1994. С. 134. Даже «законно» утвердив свою власть, Антоний и Октавиан в качестве триумвиров активно использовали лозунг отмщения в борьбе с республиканцами. См.: *Dio Cass. XLVII. 42.5.*
- 6 *Parricidium* (отцеубийство) являлось тяжчайшим преступлением в Риме, за которое убийцу топили в кожаном мешке, в который зашивали кроме преступника еще собаку, петуха, обезьяну и змею. См.: *Утченко С. Л.* Цицерон и его время. М., 1972. С. 232 и сл.
- 7 См.: *Cohen H.* Description historique des monnaies frappees sous l'Empire Romain communement appelées medailles imperiales. Graz, 1955. Vol. 1, № 43. P. 16.
- 8 *App. B.C. IV.10.39.* Об идеологическом значении титула «*Parens patriae*» см.: *Weinstock S.* Divus Iulius. Oxford, 1971. P. 200–205.

- ⁹ Cic. Ad fam. XII. 3.1. См. также оценку : *Charlesworth M. P.* Op. cit. P. 11 ; *Kienast D.* Op. cit. S. 21. Ср.: *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С. 45 («отцу прекраснейшему за заслуги»).
- ¹⁰ Cic. Off. III. 83. См. подробнее: *Утченко С. Л.* Указ. соч. С. 229–234.
- ¹¹ Liv. I. 16.4. Следует подчеркнуть принципиальное отличие деификации Цезаря в Риме от обожествления римских полководцев на греческом Востоке, как это было, например, с Суллой.
- ¹² См.: *Weinstock S.* Op. cit. P. 26–27. X. Геше исследовала различия между обожествлением и обоготворением. См.: *Gesche H.* Die Vergottung Caesars. Kallmünz, 1968. S. 26 ; *Charlesworth M. P.* Op. cit. P. 22 ; *Fowler W. W.* Roman ideas of deity. L., 1914. P. 122.
- ¹³ См. например : Cic. Ad Att. XIII. 44.1 ; App. B.C. II.106.443 ; Suet. Iul. 76.1.
- ¹⁴ См.: *Cohen H.* Op. cit. P. 11. № 20, 22 ; P. 14. № 34, 37–41 ; *Alföldi A.* La divinisation de Cesar dans la politique d'Antoine et d'Octavien entre 44 et 40 Avant J.-C. // *Révue numismatique.* 1973. VI'Serie. T. 15. P. 106–111 ; *Syme R.* Op. cit. P. 209.
- ¹⁵ См.: *Lindsay J.* Cleopatra. N.Y., 1971. P. 89.
- ¹⁶ См.: *Weinstock S.* Op. cit. P. 200–205. Ср.: *Kienast D.* Op. cit. S. 23.
- ¹⁷ См.: *Alföldi A.* Op. cit. P. 113. К аналогичному выводу пришел Р. Росси, отметивший, что Антоний прекратил сопротивление введению культа Цезаря только в январе 42 г. до н. э. (*Rossi R.* Op. cit. P. 98). О сопротивлении Антония говорит и Цицерон, обращавшийся к нему с вопросом в октябре 44 г. до н. э., почему он вопреки всем решениям все еще не исполняет обязанностей жреца Цезаря (Cic. Phil. II. 43.110). В этой связи вряд ли можно согласиться с утверждением Ю.Г. Чернышова, что после гибели диктатора Антоний «приложил все усилия, чтобы официально приобщить его к богам». См.: *Чернышов Ю. Г.* Социально-утопические идеи и миф о «Золотом веке» в древнем Риме : в 2 ч. Ч. 1. До установления принципат. Новосибирск, 1994. С. 126.
- ¹⁸ См.: *Цветаева Г. А.* Народные волнения в Риме после убийства Юлия Цезаря (март-апрель 44 г. до н. э.) // *Вестник древней истории.* 1947. № 1. С. 226–232.
- ¹⁹ См.: *Alföldi A.* Op. cit. P. 114. Ср.: *Rossi R.* Op. cit. P. 98.
- ²⁰ См. оценку событий : *Парфенов В. Н.* Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 8.
- ²¹ Suet. Caes. 88.1 ; Plut. Caes. 69. См. оценку : *Axuev C. H.* Игры в политической жизни позднереспубликанского Рима : ludu veneris genetricis (44 г. до н.э.) // *Античный мир и археология.* Саратов, 2013. Вып. 16. С. 126–131 ; *Wissowa G.* Religion und Kultus der Romer. München, 1912. S. 292 f. ; *Weinstock S.* Op. cit. P. 370 f. ; *Gesche H.* Op. cit. S. 68 f. ; *Ehrenwirth U.* Op. cit. S. 61 f. ; *Kienast D.* Op. cit. S. 24. Как отметил К. Крист, игры в честь побед Цезаря вылились в мощную политическую демонстрацию. См.: *Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина / пер. с нем. ; под ред. Н. И. Диденко : в 2 т. Ростов н/Д, 1997. Т. 1. С. 69.
- ²² См.: *Cohen H.* Op. cit. P. 77. № 95. изображение на аверсе звезды и легенда DIVI F(ius).
- ²³ См.: *Sydenham E. A.* The coinage of the Roman Republic. L., 1952. № 1128–1130, 1132. *Cohen H.* Op. cit. P. 17. № 46.
- ²⁴ ILS. 73 ; Dio Cass. XLVII. 18. 3–4. *Charlesworth M. P.* Op. cit. P. 22. *Gesche H.* Op. cit. S. 198 ; *Fowler W. W.* Op. cit. P. 121 ; *Valvo A.* Ottaviano e l'opinione pubblica di Roma in un passo liviano sulla 'lex Pedia' // *Aspetti dell' opinione pubblica nel mondo antico.* Milano, 1978. P. 111. С. Вайншток говорит, что в 42 г. до н. э. сенат официально утвердил то, что было принято еще в 44 г. до н. э. (*Weinstock S.* Op. cit. P. 391).
- ²⁵ См.: *Giard J.-B.* Les monnaies du premier consulat d'Octave // *Revue Numismatique.* 1971. VI-ser. T. 13. P. 92.
- ²⁶ См.: *Giard J.-B.* Op. cit. P. 101 ; *Alföldi A.* Op. cit. P. 119.
- ²⁷ См. например : *Grant M.* Roman History from Coins : Some Uses of the Imperial Coinage to the Historian. N.Y., 1968. P. 19 ; *Levi M. A.* L'impero Romano. Torino, 1971. P. 69.
- ²⁸ См.: *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 167.
- ²⁹ Особенно много речей приводит Аппиан. См., например : App. B.C. III.41, III.86, IV. 93–95.
- ³⁰ RG. I.1 ; Cic. Phil. II. 39. См. анализ событий : *Botermann H.* Op. cit. S. 23–24 ; *Rossi R. F.* Op. cit. P. 79 ; *Kolbe W.* Der zweite Triumvirat // *Hermes.* 1914. 49. H. 2. S. 273–295 ; *Kienast D.* Op. cit. S. 25 ; *Игнатенко. В.* Борьба за войско в Римском государстве в 44 г. до н. э. // *Учен. зап. Казановск. пед. ин-та.* 1961. Т. 6. С. 146 слл. ; *Борухович В. Г.* После мартовских ид 44 г. до н. э. (ист. очерк) // *Античный мир и археология.* Саратов, 1983. № 5. С. 132 и сл.
- ³¹ Nic. Dam. 31. 131–133. Аппиан упоминает раздачу колонистам не только денег, но и продовольствия (App. B.C. III. 31.123, 40.164). См.: *Sordi M.* Ottaviano e l'Etruria nel 44 a. C. // *Studi Etruschi.* 1972. Vol. 40. P. 5 f.
- ³² См.: *Schmitthenner W.* Politik und Armee in der späten Römischen Republik // *Historische Zeitschrift.* 1960. Bd. 190. S. 15. Ср.: *Ehrenwirth U.* Op. cit. S. 91–94 ; *Sordi M.* Op. cit. P. 15 f.
- ³³ См.: *Boterman H.* Die Soldaten und die romische Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des zweiten Triumvirats. München, 1968. S. 4 f. Ср.: S. 20 f.
- ³⁴ См.: *Scott K.* The political Propaganda of 44 – 30 B.C. // *Memoirs of the American Academy in Roma.* 1933. Vol. 11. P. 9 f. По мнению исследователя, это особенно относится к Антонию, так как Октавиан в силу наследования имени Цезаря пользовался их расположением в большей степени. Ср.: *Sordi M.* Op. cit. P. 11 ; *Ehrenberg U.* Op. cit. S. 62 f., 91 f. ; *Alföldi A.* Octavians Aufstieg zur Macht // *Antike und Abendland.* 1975. Bd. 21. H. 1. S. 5 f. ; *Шифман И. Ш.* Указ. соч. С. 47 ; *Парфенов В. Н.* Начало военно-политической карьеры Октавиана // *Античный мир и археология.* 1979. Вып. 4. С. 107.
- ³⁵ Аппиан рассказывает о делегации центурионов к Антонию, упрекавших его именно в этом (App. B.C. III. 32. Ср. : Nic. Dam. 31.139). Антонию, как это следует из рассказа, удалось оправдаться перед посланцами («...центурионам показалось, что все, что он сделал, было сделано с ненавистью к убийцам и с хитростью»).

- к сенату» – App. В.С. III. 39), однако далее видно, что волнения ветеранов по этому поводу не успокоились.
- ³⁶ Nic. Dam. 31. 139. Ср.: Dio Cass. XLV. 12.1. Как подчеркнул В. Н. Парфенов, на практике именно этот способ оказался наиболее действенным. См.: *Парфенов В. Н.* Рим от Цезаря до Августа. С. 17.
- ³⁷ Цицерон говорил о казни трехсот «храбрейших мужей и лучших граждан» («trecentos fortissimos viros cuiusque optimos trucidavit» – Phil. III. 4.10). Ср.: «... delectos Martiae legionis centuriones trucidavit» (Cic. Phil. XIII. 8.18). См. также: Dio Cass. XLV. 13.1–2; App. III. 43.
- ³⁸ О переходе см.: Vell. Pat. II. 61.2; Cic. Phil. III. 3.7, IV. 2.6; App. В.С. III. 45.185; Dio Cass. XLV. 13.3; Liv. ep. 117. См. также оценку событий: *Scott K.* Op. cit. P. 17; *Rossi R. F.* Op. cit. P. 88; *Jal P.* La guerre civile a Rome. Etude litteraire et morale de Ciceron a Tacite. Paris, 1963. P. 125 ff.; *Парфенов В. Н.* Рим от Цезаря до Августа. С. 18.
- ³⁹ App. В.С. III. 44–45.181–187. См. оценку: *Boterman H.* Op. cit. S. 63; *Борухович В. Г.* После мартовских ид. С. 138.
- ⁴⁰ См.: *Boterman H.* Op. cit. S. 72–73. См.: *Bardt C.* Plancus und Lepidus im Mutinischen Kriege // *Hermes.* 1909. Bd. 44. S. 575 f.; *Hanslik R. L.* Munatius Plancus // *Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertums-wissenschaft, neue Bearbeitung von G. Wissowa.* 1933. Hbbd. 31. S. 548 f.
- ⁴¹ Dio Cass. XLVI. 36.1. Правда, Дециму удалось довольно быстро выявить и обезвредить эмиссаров Антония.
- ⁴² Cic. Ad fam. X. 32. 4. Подавлению восстания способствовало то обстоятельство, что легион был расквартирован отдельными когортами. «Если бы он находился у меня в одном месте, я не удержал бы его», – откровенно признавался Азиний Поллион. См. также: *Boterman H.* Op. cit. S. 73.
- ⁴³ Cic. Ad fam. X. 8.3. «Мне следовало укрепить настроение войска, которое не раз волновали большими наградами... Мне потребовалось время, большие труды и значительные расходы...», – писал Мунаций Планк 23 марта 43 г. до н. э. в отчете «консулам, преторам, народным трибунам, сенату, римскому народу и плебсу».
- ⁴⁴ См.: *Bardt C.* Op. cit. S. 591–593; *Welch K.* The Career of M. Aemilius Lepidus 49–44 B.C. // *Hermes.* 1995. Bd. 123. Hft. 4. P. 453 f.; *Scuderi R.* Marco Antonio dell' opinione publica dei militari // *Aspetti dell' opinione publica nel mondo antico.* Milano, 1978. P. 130.
- ⁴⁵ См.: *Botermann H.* Op. cit. S. 79. Ср.: *Парфенов В. Н.* Рим от Цезаря до Августа. С. 21.
- ⁴⁶ См., например, письмо Цицерона, адресованное Мунацию Планку (Cic. Ad fam. X. 10.2).
- ⁴⁷ См.: *Ковалев С. И.* История Рима. С. 474; *Alföldi A.* Portratkunst und Politik in 43 vols. Chr. // *Nederlands kunsthistorisch Jaarboek.* 1954. № 5. S. 163; *Mattingly H.* EID MAR // *Antiquite Classique.* 1948. 17. P. 451. Как отметил К. Крист, Брут и Кассий на Востоке использовали методы цезарианцев, поскольку они узурпировали власть в провинциях, присвоили казенные деньги, имения, открыто демонстрировали свою власть. Отсюда исследователь делает вывод, что уже в 42 г. до н. э. старая республика стала идолом, т. к. само понятие республики было наполнено антимонархически содержанием (см.: *Крист К.* Указ. соч. С. 76 и сл.).
- ⁴⁸ См.: *Парфенов В. Н.* Рим от Цезаря до Августа. С. 45 и сл. Портрет Брута имеется в собрании Эрмитажа. См.: *Неверов О. Я.* Портретные геммы республиканского Рима в собрании Эрмитажа // *История и культура античного мира.* М., 1977. Табл. 3. № 25; *Неверов О. Я.* Римские портретные геммы времени гражданской войны 1 в. до н. э. в собрании Эрмитажа // *Сообщения государственного Эрмитажа.* 1971. XXXII. С. 60–64; *Walters H.* Catalogue of the engraved gems and cameos (Greek, Etruscan and Roman) in the British Museum. London, 1926. № 3253. *Vollenweider M. L.* Verwendung und Bedeutung der Portratgemmen für das politische Leben der römischen Republic // *Museum Helveticum.* 1955. Bd. 12. S. 96. № 140. А. Альфельди отметил наличие гемм Кассия (*Alföldi A.* Portratkunst. S. 163. Табл. II. № 6).
- ⁴⁹ См.: *Cohen H.* Op. cit. P. 27–28; *Perez C.* Op. cit. P. 134–135. *Неверов О. Я.* Римские портретные геммы. С. 60. Причину использования гемм с собственными портретами, как цезарианцами, так и республиканцами, О. Я. Неверов связывает с тем, что портрету свойственна «особая эмоциональная сила убеждения», что и использовалось в пропаганде противоборствующих партий.

Образец для цитирования:

Ахиев С. Н. Цезарианцы в 44–42 гг. до н. э.: генезис лозунгов политической пропаганды // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 45–51. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-45-51.

Cite this article as:

Akhiev S. N. Caesareans in 44–42 BC: the Genesis of the Slogans of Political Propaganda. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 45–51 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-45-51.

УДК 94(37).05

АНТОНИЙ ДО КЛЕОПАТРЫ: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ М. АНТОНИЯ ДО 41 Г. ДО Н. Э.

Е. В. Смыков

Смыков Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Smykov61@list.ru

В статье рассматривается политическую роль Марка Антония до того, как он стал одним из лидеров, боровшихся за власть в Римской республике. Подчеркивается, что он происходил из семьи, не обладавшей ни политическим влиянием, ни связями, члены которой были замешаны в ряде скандалов. Сам Антоний до самой смерти Цезаря был всего лишь исполнителем его распоряжений. После смерти Цезаря он стал одним из лидеров цезарианцев, но при этом не имел иной опоры, кроме армии. Исходя из этого, делается вывод, что Антоний вряд ли претендовал на единоличную власть, скорее, он желал сохранить традиционный строй, обеспечив себе неформальное лидерство в государстве.

Ключевые слова: Антоний, Цезарь, нобилитет, политическая карьера, цезарианцы.

Anthony before Cleopatra: Some Remarks about the Political Role of M. Antonius before 41 BC

E. V. Smykov

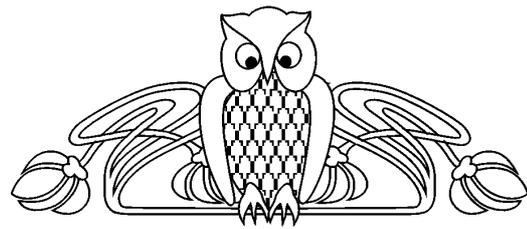
Eugeny V. Smykov ORCID 0000-0003-2475-2138, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Smykov61@list.ru

The article examines the political role of Mark Antony before he became one of the leaders who fought for power in the Roman Republic. It is stressed that he came from a family that did not have any political influence or connections, a family whose members were involved in a number of scandals. Until the death of Caesar Anthony was only the performer of his orders. After the death of Caesar, he became one of the leaders of the Caesarians, but he had no other support than the army. Proceeding from this, it is concluded that Antony hardly claimed sole power; he rather wanted to preserve the traditional system by ensuring his informal leadership in the state.

Keywords: Antony, Caesar, nobility, political career, Caesarians.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-52-55

Марк Антоний, безусловно, играл выдающуюся роль в политике поздней Римской республики, а на протяжении четырнадцати лет после смерти Цезаря был одной из важнейших фигур в борьбе за власть. Однако возникает неожиданный вопрос: а соответствовал ли реальный политический масштаб его фигуры тому значению, которое мы ему приписываем? Победитель в гражданских войнах определился 2 сентября 30 г.¹ в битве при Акции, им стал Октавиан, «молодой Цезарь». Этот человек «с пронизательными, но непроницаемыми глазами», как охарактеризовал его В. С. Сергеев², шел к власти энергично и

целестремленно, всеми средствами накапливая политический капитал, необходимый для победы. А была ли подобная целестремленность у Антония? Насколько сознательно он стремился к единоличной власти, господству над римским миром и т. п. масштабным целям? Его участие в финальном поединке за власть провоцирует на положительный ответ, однако спешить с выводами не стоит. Для более или менее корректного ответа следует рассмотреть карьеру Антония поэтапно, по возможности воздерживаясь от обобщенных суждений, основанных на знании всей деятельности Антония, от начала до трагического завершения. Между тем обстановка гражданских войн была такова, что ближайшие цели политиков и расклад сил менялись постоянно. Поэтому в настоящей статье внимание будет сосредоточено на вопросе о том, с каким багажом Антоний вступил в большую политику, т. е. на той роли, которую он играл при Цезаре и в первые два года после его смерти.

Поскольку влияние каждого римского политика определялось его происхождением и связями, рассмотрим эту сторону биографии Антония. Он принадлежал к достаточно древнему плебейскому роду, который, тем не менее, долго оставался на периферии римской элиты. Первый Антоний, известный нам из источников, это Т. Антоний Меренда, член второй коллегии децемвиров³; затем, в 422 г., должность военного трибуна с консульской властью занимал Кв. Антоний Меренда, по-видимому, его сын⁴. Пусть даже историчность первого из них вызывает определенные сомнения⁵, имя Кв. Антония Меренды, сына Тита, зафиксировано консульскими фастами⁶, так что в любом случае Антонии появляются в поле нашего зрения во второй половине V в. Однако в дальнейшем они не играют активной роли более трехсот лет, и упоминания о них случайны и разрозненны. Мы знаем за это время всего лишь четырех представителей этой семьи, причем никто из них не занимал курульных магистратур – М. Антоний был начальником конницы при диктаторе П. Корнелии Руфине в 334 или 333 г., еще один М. Антоний в 167 г. был плебейским трибуном, двое представителей рода были послами: Кв. Антоний в 190 г. и А. Антоний в 168 г.⁷ Это, конечно, не значит, что Антонии вообще не занимали никаких должностей, но до курульных магистратур, судя по всему, не поднялся никто из них.

Первым консулом из рода Антониев был М. Антоний, знаменитый оратор, достигший этой

должности в 99 г. Он, несомненно, являлся достаточно крупной фигурой, но преувеличивать его значение не стоит: он не играл самостоятельной роли и достиг консульства только благодаря поддержке Г. Мария, политическим союзником которого был одно время⁸. Еще меньше была роль его сына М. Антония Критского, которому обычно дается достаточно уничижительная характеристика. Однако есть все основания считать эту характеристику не вполне соответствующей действительности: он, конечно, не был выдающимся деятелем – но не был и такой алчной и самоуверенной бездарностью, каким его склонны изображать, опираясь на упоминания в речах Цицерона и фрагменты «Историй» Саллюстия. Это был вполне заурядный представитель римского нобилитета, ничем не лучше и не хуже других. Чрезвычайное командование на море с таким же успехом могло быть поручено любому из них – и почти наверняка каждый действовал бы сходным образом⁹. Любопытно, что у нас есть прямое указание на то, что Антоний был заурядной фигурой. Веллей Патеркул, говоря о сопротивлении, которое встретил закон Габиния, пишет: «Этот сенатус-консулт распространил власть одного человека почти на весь мир; но хотя такое же решение было принято семью годами ранее применительно к претору М. Антонию, – иногда личность вредит примеру, который она дает, уменьшая или увеличивая зависть, – в отношении Антония это восприняли равнодушно – ведь редко завидуют славе тех, чьею могуществу не боятся»¹⁰.

Столь же заурядным был и его младший брат Г. Антоний Гибрида, ставший консулом в 63 г. вместе с Цицероном¹¹. Этот человек имел скверную репутацию, вполне им заслуженную, стремился только к личному обогащению, и всю первую половину его консульского года мы не находим в источниках ни малейшего следа его активности¹². Будучи одним из союзников Катилины, он должен был по возможности нейтрализовать влияние коллеги по консулату, но говорить о его серьезном политическом значении не приходится.

Таким образом, вряд ли можно согласиться с тем, что род Антониев играл в политической жизни поздней республики важную роль¹³. Скорее, эта роль приписывается им *ex eventu*, учитывая политические достижения Антония-триумвира. Показательно и то, что мы практически ничего не знаем о родственных связях Антониев среди нобилитета. Единственный их представитель, о браках которого у нас есть информация, М. Антоний Критский. Его первой женой была Нумитория, дочь гражданина Фрегелл, предавшего свой город римлянам в 125 г.¹⁴, а второй – Юлия, дочь Л. Юлия Цезаря, консула 90 г.¹⁵ Безусловно, родство с Цезарями в перспективе способствовало укреплению положения семьи, однако этот брак не сулил немедленных выгод: супруги потеряли своих отцов во время марианского террора, так что их будущее в тот момент выглядело смутным и неопределенным. Стоит отметить также, что Юлия после смерти Антония

Критского пыталась исправить положение, вступив в брак с П. Корнелием Лентулом Сурой, сулланцем и консулом 71 г. Однако брак этот тоже не принес ожидаемых плодов: в 70 г. после восстановления досулланской конституции цензоры исключили Лентула Суру из сената¹⁶, и ему пришлось вновь начинать карьеру. В 63 г. он стал претором, но был казнен как активный участник заговора Катилины.

Таким образом, «стартовый капитал» политической карьеры Антония был достаточно незначительным и он вряд ли мог претендовать на заметное место в рядах римской элиты, тем более что престиж *gens Antonia* был сильно подорван скандалами, в которые были замешаны ее члены¹⁷. Сколько-нибудь подробный обзор ранней карьеры будущего триумвира не входит здесь в нашу задачу, отметим только, что первые его шаги на общественном поприще были сделаны в компании таких одиозных «возмутителей спокойствия», как Клодий и Курион. Затем он покинул Рим и служил на Востоке под командованием Габиния и в Галлии у Цезаря¹⁸. Именно последнее обстоятельство оказалось для него решающим, поскольку Цезарь оказал ему покровительство и начал активно содействовать его политической карьере. В итоге Антоний был избран квестором на 52 г., получил авгурат и был избран плебейским трибуном на 49 г.¹⁹ В общем, можно согласиться с М. Деттенхофер: Цезарь полностью руководил Антонием не только в делах войны, но и в политике²⁰.

В принципе такая же ситуация сохранилась и в годы гражданской войны. Антоний неоднократно выполнял важные поручения Цезаря, но никакой самостоятельной роли не играл и играть не пытался. Следует подчеркнуть, что Антоний в первую очередь проявлял себя как военный – он активно действовал во время похода на Рим, привел, невзирая на все препятствия, подкрепление Цезарю в Грецию, командовал одним из флангов армии Цезаря в битве при Фарсале. Вместе с тем в делах гражданских он проявлял гораздо меньше способностей, видимо, он не обладал достаточным политическим чутьем и гибкостью. Когда в 49 г. Цезарь поручил ему управление Италией на время своего отсутствия, он довольно успешно осуществлял распоряжения Цезаря, наблюдая за тем, чтобы никто из бывших помпеянцев не возвращался в Италию без разрешения победителя. Однако его личное поведение в это время уже вызвало значительное недовольство и жалобы. Ситуация еще обострилась после Фарсала, когда Антоний вновь был направлен Цезарем в Италию. Здесь он энергично и жестко подавил движение должников, которое возглавлял П. Корнелий Долабелла, один из трибунов 47 г. Хотя он в данном случае действовал в соответствии с волей сената, популярности ему это не добавило²¹. Кроме того, ему пришлось иметь дело с мятежом находившихся в Кампании легионов, который он на время успокоил, но не ликвидировал полностью²².

Реакция Цезаря на это была неоднозначной и интерпретируется по-разному. Р. Этьен считает,

что своим молчанием после возвращения с Востока Цезарь дал понять, что одобряет деятельность Антония, но в то же время и Долабелла не подвергся осуждению за свои действия²³. Однако более распространено мнение, что Цезарь не одобрил действия Антония, и это привело к длительному отчуждению между ними, когда Антоний был отстранен от всех дел и ушел в частную жизнь²⁴. Относительно недавно Дж. Рэмси показал, что разрыва между Антонием и Цезарем не было: в 46–45 г. Антоний выполнял финансовые поручения Цезаря, которые были тесно связаны с обеспечением успеха его кампаний, и сделал это успешно, за что и был вознагражден новым выдвижением в 44 г.²⁵ «Его вознаграждением за труды было возвышение до положения во власти и престижа... уступающих только Цезарю» – подчеркивает исследователь²⁶. При всей аргументированности статьи Дж. Рэмси хочется все-таки отметить, что реальное положение Антония было несколько иным. Каким бы ни было его формальное место в государстве, он никогда не входил в круг наиболее доверенных лиц Цезаря, был *amicus Caesaris*, но не был *familiaris Caesaris*²⁷. К числу последних принадлежали, например, Г. Вибий Панса, А. Гирций, Л. Корнелий Бальб, Г. Оппий, Г. Матий и др.²⁸, причём стоит особо отметить, что после убийства Цезаря все они поддержали Октавиана, а Оппий и Бальб даже играли исключительно важную роль на первых этапах его карьеры²⁹. Таким образом, Антоний был вторым не только с точки зрения власти и престижа, он был вторым как исполнитель чужих планов, который не имел никакого отношения к их разработке.

Эта роль «второго номера», видимо, отразилась и в нашей традиции о том, как сограждане воспринимали Антония в последние недели жизни Цезаря. С одной стороны, шли слухи о том, что он замышляет зло против диктатора³⁰, с другой – многие заговорщики считали, что он представляет опасность для их замыслов и предлагали убить вместе с Цезарем; верх одержало мнение, которое поддерживал Брут: Антоний может принести пользу государству после «освобождения от тирана»³¹, но перед заседанием его все равно предпочли нейтрализовать, задержав разговором у входа в курию³². Как видим, здесь речь идет о ликвидации Антония как потенциально опасного *помощника* Цезаря, но не его идейного единомышленника.

Время после мартовских ид, несомненно, было «звездным часом» Антония³³. «Антоний разыграл свою партию с холодным мастерством. Освободители и их друзья раз и навсегда утратили шанс на приобретение преобладающего влияния в Сенате. Народ, с самого начала недружелюбный, резко обрушился на них», – характеризует поведение Антония в первые дни после гибели Цезаря Р. Сайм³⁴. Здесь не место рассматривать все детали политической борьбы в 44–42 гг., следует подчеркнуть только несколько моментов. Во-первых, беспорядочная борьба за лидерство в партии цезарианцев, в кото-

рой Антоний на первых порах переиграл всех своих конкурентов. Во-вторых, бесспорным является стремление Антония не просто отомстить за смерть Цезаря, а выступить главным мстителем за него. Но вот с дальнейшим сложнее. Когда говорят, что Антоний сам не прочь был занять освободившееся место Цезаря³⁵, это верно только отчасти. Действительно, что это могло означать на практике? Пожалуй, ничего, кроме лидерства среди цезарианцев. Ведь статус Цезаря оформлялся постепенно, как ряд чрезвычайных полномочий, которые он получал и которые никто не мог унаследовать. Что же касается одной из основных почестей, должности диктатора, то Антоний провел закон, на будущее упраздняющий эту должность³⁶, и таким образом вопрос о его целях делается еще затруднительнее.

В общем, если говорить о ситуации после смерти Цезаря, Антоний сумел использовать год своего консулата для создания себе прочной опоры – легионов, набранных им из ветеранов Цезаря. В то же время отношения с сенатом, центром политической власти, оставались напряженными, и никакие меры, призванные продемонстрировать лояльность к нему, не имели необходимого воздействия³⁷. К моменту битвы при Филиппах Антоний был наиболее крупным военным лидером цезарианцев, которому полностью принадлежала честь разгрома последней армии Римской республики, и в то же время человеком, не имеющим серьезной политической базы. У него вне армии не было влиятельной группировки сторонников, он не имел прочных связей в кругах нобилитета, да и вообще создается впечатление, что с определенного момента он понял бесперспективность попыток достигнуть прочного компромисса с сенатом и перенес все свое внимание на укрепление своих позиций как военного лидера. Как мне кажется, действия Антония говорят в пользу того, что он намеревался идти, скорее, по пути Суллы, чем по пути Цезаря: одержав победу над армиями убийц Цезаря наказать врагов – и восстановить традиционную государственную систему с сохранением своего неформального лидерства в государстве.

Список сокращений

CAH The Cambridge Ancient History. Cambridge.
CIQ Classical Quarterly. Oxford.
RE Realencyclopddie der classischen Altertums-
wissenschaft.
Bd. 1–83. Stuttgart, 1894–1980.

Примечания

- ¹ Все даты в статье – до н. э.
- ² См.: *Сергеев В. С.* Очерки по истории древнего Рима: в 2 ч. М., 1938. Ч. 1. С. 352.
- ³ См.: *Broughton T. R. S.* The Magistrates of the Roman Republic. Philadelphia, 1951. Vol. 1. P. 46–47 + note 1.
- ⁴ Ibid. P. 69.
- ⁵ По мнению Дж. Пинсента, ранние Антонины были избреты Кальпурнием Пизоном, а затем через труд Ли-

- ция Макра вошли в сочинение Ливия (см.: *Pincent J. Military tribunes and Plebeian consuls : the Fasti from 444 V to 342 V. Wiesbaden, 1975. P. 42–43.*
- ⁶ CIL. I. P. 17
- ⁷ Детали и ссылки на источники см.: *Broughton T. R. S. Op. cit. (sub annis).*
- ⁸ См. об этом: *Короленков А. В. Гай Марий и Марк Антоний : от дружбы к вражде // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 2011. Вып. 10. С. 13–14.*
- ⁹ Подробное обоснование этого см.: *Смыков Е. В. Марк Антоний Критский – ординарный человек с неординарными полномочиями // Studia Historica XII. М., 2012. С. 105–118.*
- ¹⁰ Vell. II.31.3 (Пер. А.И. Немировского).
- ¹¹ См.: *Klebs E. Antonius (19) // RE. Stuttgart, 1894. Bd. 1. Sp. 2577–2582.*
- ¹² См.: *Грималь П. Цицерон. М., 1991. С. 179–180.*
- ¹³ См.: *Ladoń T. Mark Antony's Forefathers. Comments on the Role of the gens Antonia in the Final Period of the Roman Republic // Marcus Antonius. History and Tradition / eds. D. Słapek, I. Łuć. Lublin, 2016. P. 144.*
- ¹⁴ См.: *Münzer F. Numitoria (8) // RE. 1937. Bd. 17. Sp. 1406.*
- ¹⁵ См.: *Münzer F. Iulia (543) // RE. 1918. Bd. 10. Sp. 892–893.*
- ¹⁶ Gell. NA. 5.6 ; Plut. Cic. 17 ; Cass. Dio. 37.30.4. Попутно отметим, что тогда же из сената был исключен и дядя будущего триумвира, Г. Антоний Гибрида (Cic. Comm. petit. 8–9 ; Ascon. 84 Clarck).
- ¹⁷ См.: *Dettenhofer M. H. Perdita Iuventus. Zwischen den Generationen von Caesar und Augustus. München, 1992. S. 65.*
- ¹⁸ Курион : Cic. Phil. 2.44–46 ; Plut. Ant. 2.4–5 ; Клодий : Cic. Phil. 2.48 ; Plut. Ant. 2.6–7 ; служба у Габиния : Cic. Phil. 2.48 ; Plut. Ant. 3 ; первое пребывание у Цезаря в Галлии : Cic. Phil. 2.48.
- ¹⁹ См.: *Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Philadelphia, 1951. Vol. 2. P. 236 (квестор), 254 (авгур), 258 (плебейский трибун).*
- ²⁰ См.: *Dettenhofer M. H. Op. cit. S. 71.*
- ²¹ Попытка К. Велч доказать, что Антоний в 47 г., как и Фульвия и Долабелла, пытались укрепить свое положение, исходя из того, что «Цезарь не вернется, а если вернется – они будут достаточно сильны, чтобы его устранить (they would be too powerful to remove)» (*Welch C. Antony, Fulvia, and the Ghost of Clodius in 47 B.C. // Greece and Rome. 2nd Ser. 1995. Vol. 42.2. P. 195*), не кажется убедительной. Автор упускает из вида, что у нас нет никаких прямых свидетельств нелояльности Антония по отношению к Цезарю ; но даже если допустить какие-то тайные помыслы, то мог ли Антоний не понимать, какой силой являются легионы, на которые опирался Цезарь?
- ²² Cass. Dio. 42.30–31.1.
- ²³ См.: *Этьен П. Цезарь. М., 2003. С. 179.*
- ²⁴ См., напр. : *Groebe P. Antonius (80) // RE. Stuttgart, 1894. Bd. 1. Sp. 2597 ; Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von republicanischen zur monarchischen Verfassung. Zweite Auflage herausgegeben von P. Groebe. Berlin, 1899. Bd. 1. S. 54 ; Holmes T. R. The Roman Republic and the Founder of the Empire. Oxford, 1923. Vol. 3. P. 55 ; Meyer E. Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius³. Berlin ; Stuttgart, 1922. S. 379–380 ; Adcock F. E. The civil War // CAH. 1932. Vol. 9. P. 680 ; Gelzer M. Caesar. Der Politiker und Staatsmann⁶. Wiesbaden, 1983. S. 242 ; Bengtson H. Op. cit. S. 64–65 ; Huzar E. G. Mark Antony. A Biography. Minneapolis, 1978. P. 68 ; Rawson E. Caesar : civil war and dictatorship // CAH.² 1992. Vol. 9. P. 435 ; Traina G. Marco Antonio. Roma ; Bari, 2003. P. 23.*
- ²⁵ См.: *Ramsey J. T. Did Julius Caesar Temporarily Banish Mark Antony from His Inner Circle? // ClQ. 2nd Ser. 2004. Vol. 54.1. P. 161–173.*
- ²⁶ Ibid. P. 173.
- ²⁷ См.: *Заруцков А. В. Familiares et amici в структуре цезарианской партии // Античность : общество и идеи. Казань, 2001. С. 136–141.*
- ²⁸ См.: *Gelzer M. Op. cit. S. 253.*
- ²⁹ См.: *Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Саратов, 1987. С. 12 ; Alföldi A. Octavians Aufstieg zur Macht // Antike und Abendland. 1975. Bd. 21. S. 5.*
- ³⁰ Plut. Caes. 62.10 ; Ant. 11.6.
- ³¹ Vell. Pat. 2.58.2 ; Plut. Ant. 13.4 ; Brut. 18.3–6 ; App. BC. 2.114 ; Cass. Dio. 44.19.2.
- ³² Plut. Caes. 66.4 ; Ant. 13.4 ; Brut. 17.2 ; App. BC. 2.117.490 ; Cass. Dio. 44.19.1.
- ³³ Подробный анализ его действий в это смутное время см.: *Ахиев С. Н., Смыков Е. В. «Контролируемый мятеж» : манипулирование толпой в политике Марка Антония в марте – апреле 44 г. до н.э. // Народ и демократия в древности : докл. рос.-герм. науч. конф. Ярославль, 2011. С. 200–213.*
- ³⁴ См.: *Syme R. The Roman revolution. Oxford, 1939. P. 98.*
- ³⁵ См.: *Парфенов В. Н. Указ. соч. С. 7.*
- ³⁶ Cic. Phil. 1.3 ; App. BC. 3.25.94 ; Cass. Dio. 44.51.2.
- ³⁷ К этим мерам, наряду с уже упомянутым уничтожением диктатуры, можно отнести предложение вызвать из Испании Секста Помпея, возместить ему конфискованное имущество и назначить командующим флотом (App. BC. 3.4.11), лишение народа права избирать великого понтифика (Cass. Dio. 44.53.7), жестокий разгром движения Аматия-Герофила, за который он удостоился похвалы от самого Цицерона (Cic. Phil. 1.5 ; Att.14.8.1 ; App. BC. 3.3.6–9).

Образец для цитирования:

Смыков Е. В. Антоний до Клеопатры: некоторые замечания о политической роли М. Антония до 41 г. до н. э. // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 52–55. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-52-55.

Cite this article as:

Smykov E. V. Anthony before Cleopatra: Some Remarks about the Political Role of M. Antonius before 41 BC. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 52–55 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-52-55.

УДК 94(32).07

КЛЕОПАТРА – ЦАРИЦА, МЕНЯЮЩАЯ МАСКИ (Античность – Шекспир – Голливуд)

Н. С. Колоколова

Колоколова Наталия Сергеевна, аспирант кафедры истории древнего мира, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 12.natalia@mail.ru

В статье рассматривается образ египетской царицы Клеопатры VII, сложившийся в европейской культуре. В ней показана роль античной традиции (Плутарха прежде всего) в формировании основных черт этого образа, значение для его развития знаковых литературных произведений У. Шекспира и Б. Шоу и затем его развитие в кинематографе вплоть до начала XXI в. Рассмотрение кинематографических образов египетской царицы, созданных со времени одного из первых фильмов, снятого в 1917 г., демонстрирует, что каждой эпохе соответствует свой образ со своими доминирующими чертами. При этом хотя ни один из фильмов о Клеопатре не имел коммерческого успеха, интерес к ее многогранной личности у кинематографистов не исчезает вплоть до наших дней.

Ключевые слова: Клеопатра, Антоний, Рим, Египет, рецепция античности, массовая культура.

**Cleopatra – the Queen Changing Masks
(Antiquity – Shakespeare – Hollywood)**

N. S. Kolokolova

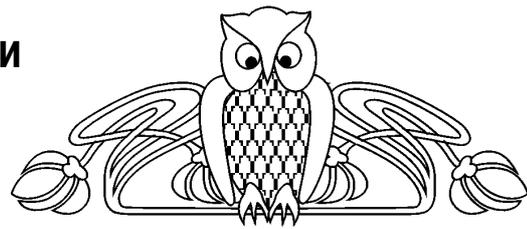
Natalija S. Kolokolova ORCID 0000-0001-8915-3641, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, 12.natalia@mail.ru

The article examines the image of the Egyptian queen Cleopatra VII, formed in European culture. It shows the role of the ancient tradition (Plutarch first of all) in the formation of the main features of this image, the importance of the iconic literary works of W. Shakespeare and B. Shaw for its development, and then its development in the cinema up to the beginning of the 21st century. Consideration of cinematic images of the Egyptian queen, created since one of the first films, shot in 1917, demonstrates that each epoch corresponds to its own image, with its dominant features. At the same time, although none of the films about Cleopatra had commercial success, interest in its multifaceted personality among filmmakers does not disappear until our days.

Key words: Cleopatra, Antony, Rome, Egypt, reception of antiquity, mass culture.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-56-60

Египетская царица Клеопатра VII является, пожалуй, одним из наиболее известных персонажей древней истории. При этом с самого начала ее образ окружен многочисленными подробностями, достоверность которых сомнительна, но которые, тем не менее, передавались из поколения в поколение в европейской культурной традиции.

Характер этой традиции определяется тем, что Клеопатра потерпела поражение в своей борьбе за восстановление былого могущества Птолемеевского Египта, и усилиями римской пропаганды времени Августа, а затем и трудами более поздних античных историков ее образ был во многом демонизирован.

Уже Гораций в оде, написанной в 30 г. до н. э. по случаю получения в Риме известия о падении Александрии и смерти Антония и Клеопатры, называет царицу «роковым чудовищем» (*monstrum fatale*), ведь она

...Капитолий
Мнила в безумье своем разрушить
Грозя с толпой уродливых внухов
Державе нашей смертью позорною
(*Hor. Carm. I.37.7–10*).

Гораций по политическим мотивам не акцентирует тему любви Антония и Клеопатры, но спустя полтора столетия она делается центральной для Плутарха в биографии Антония. Согласно его повествованию, любовь к Клеопатре – «страшная напасть» (Plut. Ant. 36), которая обрушилась на Антония, появилась «...разбудив и приведя в неистовое волнение многие страсти, до той поры скрытые и недвижимые, и подавив, уничтожив все здравые и добрые начала, которые пытались ей противостоять»¹. Рядом с Клеопатрой Антоний уже не владеет своим рассудком, а находится во власти колдовства или приторного зелья и совершает множество неразумных поступков.

Одновременно с этим, автор высоко оценивает незаурядность личности царицы, знавшей множество языков. Плутарх уделяет большое внимание описанию роскоши нарядов и украшений Клеопатры, ее пышному сопровождению и богатству убранства. Описание внешности Клеопатры также является важной составляющей образа. «Ибо красота этой женщины была не тою, что зовется несравненно и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу» (Plut. Ant.26).

Окончательно закрепил отрицательный образ Клеопатры, главной чертой которого стала порочность, автор сочинения «О знаменитых мужах», которое дошло до нас под именем Аврелия Виктора. Автор пишет, что Клеопатра «была так развратна, что часто проституировала, и облада-

ла такой красотой, что многие мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи» ([*Aur. Vict.*] *Devir. ill.* 86.2). Именно этот краткий рассказ во многом определил представления о египетской царице в Новое время. Среди прочих он привлек внимание и А. С. Пушкина, использовавшего его в повести «Египетские ночи». Таким образом, античность оставила яркий миф о египетской царице, который плавно перетекает не только в художественную культуру, но и в научную литературу, разумеется, после очистки от явно недостоверных сведений.

Что касается культуры, то, несомненно, этапным произведением здесь является трагедия У. Шекспира «Антоний и Клеопатра», созданная в 1606–1607 гг. Именно она во многом определила дальнейшую судьбу образа Клеопатры, который уже у Шекспира допускает самые различные трактовки. По мнению Г. Брандеса, «она является с первого шага в трагедии и почти до последнего великой кокеткой. Все, что она говорит и делает долгое время, лишь выражает потребность и способность кокетки очаровывать непредвиденными капризами»². А. Смирнов, наоборот, подчеркивает силу любви Клеопатры и Антония: «... Всякий оттенок иронии был бы здесь груб и неуместен – с такой проникновенностью и с таким достоинством обрисована в трагедии эта любовь»³. Хотя у Шекспира достаточно много деталей, позволяющих обвинить Клеопатру и в двуличии, и в расчетливости, для образа Клеопатры главным является не это, а, прежде всего страстность: «...Какая буря чувств пронесется в душе Клеопатры, чтобы завершиться в последнем акте аккордом освобожденной и просветленной любви-страсти, празднующей свой высший, скорбный триумф»⁴. Блестящую характеристику шекспировской Клеопатры дал Ф. Ф. Зелинский, именуя ее «царицей сказки», «ярким и ядовитым цветком»⁵. Он пишет: «...Клеопатра – натура двойственная; одной половиной своей души она управляет той сказкой, которой живет другая. Первая своим видимым коварством и вероломством вызывает иллюзию сознательности и расчета... Вторая – вся упоение, вся восторг, вся преданность и самоотвержение. Апофеоз же Клеопатры состоит в том, что эта вторая часть ее души освобождается от назойливого надзора и вмешательства первой и победоносно увлекает ее в тихую пристань смерти»⁶. При всех этих качествах Клеопатра у Шекспира – «бесконечно обаятельна, и именно в силу своей вечной изменчивости. ... В Клеопатре привлекательна даже ее порочность, и может быть, не «даже», а именно ее порочность»⁷. Так в культуру впервые приходит обаяние «грешной блудницы», как когда-то назвал Клеопатру Данте.

Важной гранью образа Клеопатры является его историко-политический контекст, попытка увидеть за рамками личной трагедии более масштабные процессы. «Как Антоний погибает вследствие союза своего с Клеопатрой, так погибает и

римская республика вследствие соприкосновения трезвого и закаленного запада с негой и роскошью востока. Антоний – Рим, как Клеопатра – Восток. Когда он гибнет жертвой восточной неги, то вместе с ним как бы угасает само величие Рима и сама Римская республика»⁸. Эту характеристику можно считать достаточно типичной, и лишь ее вариацией, приспособленной к новым веяниям в науке и культуре, является, например, характеристика, даваемая Л. Хьюз-Хэллет. С ее точки зрения, в шекспировской трактовке истории Клеопатры контрастно показаны Рим и Александрия, где Рим является символом целеустремленности, Александрия же – женской вседозволенности. Таким образом, возникает все та же дихотомия западного и восточного, мужского и женского. Шекспир воссоздает всё ту же октавиановскую версию Клеопатры, однако в его интерпретации легенда становится более утонченной⁹.

Таким образом, Клеопатра в произведении Шекспира – это многоликий образ. В сущности, она и является главной героиней трагедии. На смену плутарховой Клеопатре как фону для биографии Антония пришла Клеопатра, для которой фоном является сам Антоний и его политическая деятельность.

В самом конце XIX в. в 1898 г. создается произведение, внесшее свежую струю в восприятие образа Клеопатры, а в 1906 г. впервые поставлена на профессиональной сцене пьеса «Цезарь и Клеопатра» Бернарда Шоу. В противовес сложившейся к этому времени традиции, Клеопатра предстает не женщиной, а шестнадцатилетней девочкой. При этом Б. Шоу, в отличие от исторической реальности, не внес никакой романтической и любовной линии в отношения Цезаря и Клеопатры. Дерзкая, капризная девчонка – такова Клеопатра на страницах произведения. Шоу создал свою Клеопатру в противовес томным женщинам-вапм («шекспировским Клеопатрам»), представленным в огромном количестве на сцене того времени, посмеиваясь над трафаретным изображением царицы. Красноречивые ремарки, которые описывают чувства Клеопатры изобилуют сравнением ее с ребенком: «по-детски негодуя», «трясаясь от страха», «топая ногой», «нетерпеливо», «жалобно уговаривает его», «умоляюще жметесь к нему»¹⁰. Но за этими будто бы детскими чертами кроется не просто дерзкая девчонка, но и деспотичная царица, которая предстает перед читателем во второй половине пьесы. В одной из сцен Клеопатра говорит Цезарю «Когда я стану совсем большая, я буду делать все, что хочу. Я буду кормить ядом моих рабов и буду смотреть, как они корчатся»¹¹. Таким образом, Цезарь и Клеопатра противопоставлены как носители различных методов управления. Цезарь выступает как осторожный политик и гуманист, Клеопатра же мстительная, вероломная деспотичная царица, «жестокая, капризная, властная и трусливая, – создание своей эпохи и воспитания»¹². Главным героем у Б. Шоу является

Цезарь, а не Клеопатра. Это подчеркивается и концовкой пьесы, в которой Цезарь даже забывает попрощаться с Клеопатрой, что явно умаляет ее роль в происходящих событиях¹³.

Рассмотренные образы Клеопатры имели большое влияние на читателей и зрителей, но все-таки по-настоящему сверхпопулярной фигурой она становится только в XX в., и основную роль в этом сыграл, несомненно, кинематограф. По подсчетам немецкого египтолога Дианы Венцель, ко второй половине первого десятилетия XXI в. список фильмов о Клеопатре насчитывает более 90 названий¹⁴. Такое большое количество связано с тем, что ее история постепенно превращалась в «костюмированное шоу», а кинематограф с его аудио- и визуальными возможностями стал тем видом искусства, в котором наиболее ярко, отвечая запросам времени, смог быть отображен образ легендарной египетской царицы. По некоторым сведениям, первый фильм о ней был снят в 1898 г., в 1910, 1913 и 1914 гг. были сняты кинофильмы во Франции, в 1912 и 1917 гг. – в США¹⁵.

Кинофильм Дж. Гордона Эдвардса, выпущенный в 1917 г., стал наиболее знаковым из перечисленных картин. Ж. Садуль одним предложением очень точно охарактеризовал как задумку фильма, так и образ Клеопатры в нем: популярная актриса того времени Теда Бара сыграла «экстравагантную Клеопатру в помпезном фильме с декорациями в египетском стиле...»¹⁶ Бюджет картины составил 500 тысяч долларов – сумму по тем временам огромную; поражала и численность массовки, в которой было задействовано около двух тысяч человек. Такие расходы на фильм как бы приобщали его к истории Клеопатры, славившейся своими безрассудными тратами. Обстановка картины изобиловала восточными коврами, перьями, драгоценными камнями. Сам фильм рекламировался как «удивительный фильм о роскоши и потрясающем великолепии». «Поражаясь невероятным расходом, огромному бюджету фильма, зрители тогда (и сейчас) испытывали смешенное чувство зависти, неприятия и восхищения – те же самые чувства, что вызывала и сама легендарная царица»¹⁷. Как подчеркивают современные исследователи, фильм в гиперболической форме затрагивал кровоточащие раны американского общества того времени – гендер, сексуальность, этничность, расу, осторожно помещенные в отдаленное «где-то» и «когда-то»¹⁸.

Кинофильм не сохранился, копия пленки сгорела во время пожара, однако до нашего времени дошли рекламные плакаты, где актриса (игравшая Клеопатру как *femefatale*) изображена в чрезвычайно откровенных нарядах, оставляющих максимум обнаженного тела. «Ее «развратная красота», обещала реклама, способна причинить страдания и разрушения тысячам тружеников и их близким». Она «сладкий яд, шипы розы, аромат последнего букета Клеопатры»¹⁹. Такая степень порочности, обещанная студией «Фокс», была вполне ходо-

вым товаром. Однако, несмотря на подобные маркетинговые ходы, фильм особого успеха не имел, что было отчасти связано с возникновением ироничного отношения у зрителя к самому образу *femefatale*. Примерно с начала XX в. к Клеопатре перестали относиться серьезно, причем либо шуточный тон был направлен на саму Клеопатру (в продолжение традиции Б. Шоу), либо сама Клеопатра была насмешницей и оставляла за собой главную роль в повествовании. Шуточное отношение к царице позднее породило появление комедийных кинофильмов о ней²⁰.

Последним крупным проектом на римскую тематику в 30-е гг. становится «Клеопатра» (1934). Главную роль в картине сыграла Клодет Кольбер, известная по роли Пoppей в «Крестном знамении». Сессил Блаунт де Милль, режиссер фильма, предлагая актрисе главную роль, спросил: «Как Вы смотрите на то, чтобы стать порочнейшей женщиной мировой истории?» В 1934 г. ответ на такой вопрос мог быть только один: «Очень хорошо!». Подобный ответ, да и сам вопрос был связан с особым восприятием женской порочности в это время. «Старая оппозиция между величием и добродетелью выразилась в новой форме – разделением между добродетельностью и успехом. Приличным женщинам доставалось одобрение, а легкомысленным – мужчины»²¹. Так появляется новый кинематографический образ Клеопатры – привлекательной, сексуально раскрепощенной, а вместе с тем, самодостаточной женщины. Рим в данной картине противопоставлен Египту, и западная рациональность здесь контрастирует с восточной чувственностью. Порядочные римские матроны по сравнению с яркой Клеопатрой показаны в фильме довольно ограниченными и непривлекательными²². Кроме того, отчасти Цезарь, но особенно Антоний, образ которого де Милль превращает почти в карикатуру, погибают именно «вплоть до Востока» – Клеопатры. Это проявляется как в мелочах (так, Цезарь впервые в жизни опаздывает, находясь именно с Клеопатрой), так и в доводах убийц Цезаря: «Нет, Рим не станет очередным Востоком!».

Тенденция к грандиозности достигла кульминации в самом знаменитом фильме о Клеопатре, снятом Джозефом Лео Манкевичем в 1963 г., а Клеопатра в исполнении Элизабет Тейлор стала самой известной Клеопатрой из всех кинообразов египетской царицы. Съемки картины еще не начались, а в прессе уже активно обсуждался бюджет картины – неслыханный для того времени сумма, 44 млн долларов, многомиллионные гонорары Э. Тейлор, а также декорации картины, ставшей, пожалуй, одной из самых зрелищных в XX в. Картина провалилась в прокате, не оправдав столь большие затраты: студия «XX Century Fox» едва не стала банкротом. «Фильм, которого не мог дожидаться весь мир», согласно рекламному лозунгу, имел успех только в прокате США. Критика

приняла его в штывы, уделяя особое внимание исполнительнице главной роли. Сам же фильм был окрещен журналом «Ньюсуик» «самым дорогим в истории наркотическим снотворным»²³. Интересно, что при всей этой критике в прессе фильм был выдвинут на девять номинаций Оскара, включая лучший фильм, и стал лауреатом четырех, касающихся технических элементов картины; кинофильм был также номинирован на четыре «Золотых глобуса».

Несомненно, центральным образом фильма является сама Клеопатра, трактовка же ее личности Манкевичем отличается от более ранних картин. Клеопатра Манкевича – это уже не «роковая женщина», какой была Клеопатра Дж. Гордона Эдвардса, она обольстительная, тщеславная, одновременно с этим страстная и уязвимая. Манкевич пытался найти собственный, как ему казалось, психологически обоснованный путь к разгадке Клеопатры. Он не хотел изображать ее ни капризной девчонкой, как Б. Шоу, ни следовать трактовке Шекспира. Считая ее трагической фигурой, сердце которой разрывает конфликт двух отчаянных страстей – желание править миром и любовный огонь, он попытался показать, как воплотились эти страсти в двух любовных историях Клеопатры – с Цезарем и с Антонием. Антоний в фильме предстает тенью Цезаря, победить которого ему удалось лишь в одном – в завоевании любви Клеопатры²⁴.

Большое значение в фильме играет гендерная проблематика, и здесь фильм отличается от других киноэпосов. Это связано с тем, что примерно в 60-е гг. начинают изменяться гендерные роли, многие женщины активно участвуют в общественных и политических событиях времени. М. Сирино подчеркивает, что Манкевич изначально намеревался изобразить свою Клеопатру «как политическую провидицу, космополитическую женщину с большим опытом и интеллектуальным авторитетом»²⁵. Идея женщины как сильного и дальновидного политического лидера была особенно актуальна в период, когда премьер-министр Израиля Голда Меир добивалась преобладания на Ближнем Востоке. Меир ценилась за ее неустанную преданность своей стране и пламенную верность своему народу, теми же качествами Манкевич наделил свою Клеопатру – отмечает автор²⁶. Таким образом, вполне в духе своего времени Манкевич видел в Клеопатре первую женщину, одержавшую верх в мире, где господствуют мужчины²⁷.

Клеопатра здесь, как и в кинофильме 1934 г., не раз демонстрирует свою привлекательность. При этом историческая Клеопатра никогда не описывалась как красивая женщина. Сохранившиеся монеты демонстрируют, что она имела неправильные черты лица, и не была эталоном красоты, чего нельзя сказать об актрисах, исполнявших ее роль. Каждая из них была в определенной степени отражением той моды на женскую красоту, которая так стремительно менялась на протяжении

XX в. Кинематографическая Клеопатра просто обязана была обладать яркой и привлекательной внешностью, которая стала еще одним составляющим мифа о Клеопатре. В фильме Манкевича визуальный интерес начинается со знаменитого эпизода с ковром, когда Клеопатра неожиданно и грациозно появляется перед Цезарем. Но если ранее демонстрация привлекательности Клеопатры олицетворяла в большей степени просто черту ее женской сущности, то в этом фильме происходит некоторое изменение акцентов, и красота воспринимается уже и как часть ее могущества. Антоний, который довольно легко поддается ее влиянию, явно противопоставлен сексуально и политически сильной Клеопатре, и это, как отмечает М. Сирино, подрывает традиционные кинематографические характеристики «мужского» Рима и «женского» Египта. По мере развития сюжета одежда Антония становится все менее римской и все более египетской, как бы аллегорически подчеркивая утрату его римских качеств²⁸.

В середине 60-х гг. эра эпических пеплумов заканчивается. Фильмы о Клеопатре продолжают появляться, но они малозаметны и особой популярности не завоевывают, а образ самой царицы заметно мельчает. Во всех последних исторических кинопостановках, где фигурирует Клеопатра, акцент делается на гиперсексуальности и привлекательности героини, роли которой исполняют замечательные по красоте актрисы²⁹. Несколько выбивается из общего ряда образ Клеопатры в сериале «Рим», но там ее роль достаточно эпизодична, а практически каждый элемент ее характеристики можно найти в прежних рецепциях, особенно в театральных постановках и фильмах³⁰.

Интересно, что, по сути, ни один из фильмов о Клеопатре не был тепло принят ни публикой, ни критикой, не снискав, ни гонораров, ни наград. Однако к образу Клеопатры режиссеры возвращаться продолжали и продолжают – объявлен очередной посвященный ей американский кинопроект. Это связано, прежде всего, с тем, что, сколько бы ни писали и не снимали о Клеопатре, она остается загадкой, окутанной множеством легенд, а ее образ настолько многогранен, что дает богатый материал для интерпретации и формирования у зрителей определенных, в том числе и ценностных установок.

Примечания

¹ *Plut. Ant. 25*. Сравним характеристику отношений Антония и Клеопатры у Кассия Диона: «... При таких-то обстоятельствах, увидев в Киликии Клеопатру, он воспылил к ней страстью и уже не думал ни о чем доставляющем славу, но стал рабом египтянки и в бездействии предавался любви с ней. И из-за этого он совершил многие неслыханные поступки...» (*Cass. Dio. XLVIII.25.2*).

² *Брандес Г. Шекспир. Жизнь и произведения*. М., 1997. С. 493.

- ³ Смирнов А. Послесловие к «Антонию и Клеопатре» // Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. М., 1960. Т. 7. С. 779.
- ⁴ Там же. С. 781.
- ⁵ Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей : в 2 т. М., 1995. Т. 2. С. 37.
- ⁶ Там же. С. 36.
- ⁷ Аникст А. А. Творчество Шекспира. М., 1965. С. 517.
- ⁸ Брандес Г. Указ. соч. С. 501.
- ⁹ См.: Хьюз-Хэллетт Л. Клеопатра. М., 2009. С. 189.
- ¹⁰ Шоу Б. Полное собрание пьес : в 6 т. Л., 1979. Т. 2. С. 139, 144, 155, 224.
- ¹¹ Там же. С. 137.
- ¹² Гражданская З. Т. Бернанд Шоу : Очерк жизни и творчества. М., 1979. С. 57.
- ¹³ Пьеса Б. Шоу несколько раз переносилась на экран. Из экранизаций стоит отметить фильм Гэбриела Паскаля 1945 г., в котором главную роль исполнила знаменитая актриса Вивьен Ли. Это очень близкое воспроизведение пьесы, лишённое, однако, той иронии, которая ее пронизывает. Разумеется, экранные воплощения пьесы Б. Шоу (как и трагедии У. Шекспира) адресованы отнюдь не самой массовой аудитории.
- ¹⁴ См.: Wenzel D. Cleopatra im Film // Die Antike Welt. 2008. № 3. S. 30.
- ¹⁵ См.: Чиглицев Е. А. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. Казань, 2009. С. 233.
- ¹⁶ Садуль Ж. Всеобщая история кино : в 6 т. М., 1961. Т. 3. С. 72.
- ¹⁷ Хьюз-Хэллетт Л. Указ. соч. С. 363.
- ¹⁸ Wуke M., Montserrat D. Glamour Girls : Cleomania in Mass Culture // Cleopatra : A Sphinx Revisited / ed. M. Miles. Berkeley etc., 2011. P. 180.
- ¹⁹ Хьюз-Хэллетт Л. Указ. соч. С. 353.
- ²⁰ Мы не будем специально останавливаться на комедийных воплощениях образа Клеопатры, отметим только, что само ее появление в качестве персонажа комедии говорит о широкой известности и популярности ее. Характерно и то, что зачастую такие фильмы ориентировались на комически переосмысленный рассказ псевдоАврелия Виктора о сексуальной необузданности Клеопатры.
- ²¹ Хьюз-Хэллетт Л. Указ. соч. С. 345–346.
- ²² См.: Ford E., Mitchell D. Royal portraits in Hollywood : filming the lives of queens. Lexington, 2009. P. 78.
- ²³ Кукаркин А. В. Буржуазная массовая культура. М., 1985. С. 275.
- ²⁴ См.: Цыркун Н. А. Элизабет Тейлор. В кино и в жизни. М., 1997. С. 92.
- ²⁵ Cyrino M. S. Big screen Rome. Malden ; Oxford ; Carlton, 2005. P. 152.
- ²⁶ Ibid. P. 151.
- ²⁷ Любопытен набор оценок политического аспекта Клеопатры в этом фильме. Сам Манкевич называл ее «Кеннеди ранних времен», одна из рецензий на фильм – «всемирный федералист по духу», один из историков кино «своего рода Элеонорой Рузвельт, захваченной идеей общечеловеческого единства» (см.: Wуke M., Montserrat D. Op. cit. P. 188).
- ²⁸ Ibid. P. 156.
- ²⁹ См.: Daugherty N. G. Her First Roman : A Cleopatra for Rome // Rome, Season One : History Makes Television / ed. M.S. Cyrino. Oxford, 2008. P. 148. Что касается Клеопатры-политика, то она теперь является персонажем появляющихся время от времени документальных фильмов. Так, в США в 1999 г. вышел фильм «Клеопатра. Первая женщина у власти», который начинается с общепринятого и закрепленного в массовом сознании описания знаменитой царицы : «Самая красивая и самая опасная женщина в истории... Искусительница, которая околдовывала самых могущественных мужчин мира». В снятом спустя 10 лет в Великобритании фильме «Клеопатра. Портрет убийцы» (2009) Клеопатра предстает жестокой и властной правительницей, расправившейся со своими конкурентами за власть.
- ³⁰ См.: Daugherty N. G. Op. cit. P. 143.

Образец для цитирования:

Колоколова Н. С. Клеопатра – царица, меняющая маски (античность – Шекспир – Голливуд) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 56–60. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-56-60.

Cite this article as:

Kolokolova N. S. Cleopatra – the queen changing masks (Antiquity – Shakespeare – Hollywood). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 56–60 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-56-60.

УДК 94(410)/05

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РАННИХ АНГЛИЙСКИХ АНТИКВАРИЕВ

П. В. Мелихова

Мелихова Полина Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Melihovapolya@gmail.com

В статье на материале сочинений У. Гаррисона «Описание елизаветинской Англии» и У. Кемдена «Британия» предпринята попытка изучить способы отражения исторического прошлого ранними английскими антиквариями, которые положили начало «секуляризации историографии» и рациональной интерпретации исторического опыта. Автор показывает наличие определенной традиции антикварного историописания и общей исторической культуры, которая сформировалась к концу XVI столетия на почве становления национального самосознания англичан и, как следствие, зарождения интереса к истории своей страны. Благодаря работам ранних представителей антикварного сообщества стало возможным говорить об использовании определенной методологии, способах анализа исторических источников, языка и стиля изложения, ставших «стандартом» для последующего поколения ученых.

Ключевые слова: Англия конца XVI столетия, гуманизм, антиквариат, У. Кемден, У. Гаррисон, историческая культура, историческое прошлое, национальная история.

Historical Culture of Early English Antiquaries

P. V. Melihova

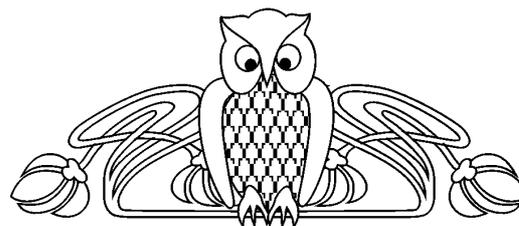
Polina V. Melihova ORCID 0000-0003-2192-379, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Melihovapolya@gmail.com

In the article, based on the material of "A Description of Elizabethan England" by W. Harrison and "Britain" by W. Camden, an attempt to explore ways of reflection of the historical past of the early English Antiquaries, which set the foundation of the «secularization of historiography» and a rational interpretation of historical experience, is made. The author shows the existence of a certain tradition of antiquarian historiography and common historical culture, which was formed at the end of the XVI century on the basis of British national identity and the emergence of interest in the history of their country. Due to the works of the early members of Antiquaries society, it became possible to speak about the use of a certain methodology, the ways to analyze historical sources, language and style of presentation, which became the «standard» for the next generation of scholars.

Key words: England of the late XVIth century, humanism, Antiquaries, W. Harrison, W. Camden, historical culture, historical past, national history.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-61-69

Вторая половина XVI столетия стала для Англии во всех отношениях переломным временем: экономический подъем страны на принципах

протекционизма, деформация традиционной социальной структуры, изменения в системе государственности и становление *État modern* при новой династии Тюдоров, Реформация, развитие науки¹, образования и культуры под все возрастающим влиянием европейского Ренессанса и проникновением идей гуманизма, изменение места и роли в мире. Хотя Англия не была в числе лидеров в начале Великих географических открытий, ей удалось закрепиться в Московском государстве² и обнаружить выгодный торговый путь в Персию по Волге и Каспию, установить регулярные дипломатические и торговые отношения с Турцией, благодаря созданной в 1600 г. Ост-Индской компании проникнуть в Индию, а затем в Китай и Японию. Поражение «Непобедимой Армады» в 1588 г. способствовало утверждению Англии в роли новой морской державы. В 1580-е гг. она превратилась также в европейского лидера протестантских государств³.

Все эти трансформации способствовали росту национального самосознания народа, стремившегося занять новое место в Европе и мире⁴. А реформационное движение, коренным образом изменившее сознание европейцев, внесло переоценку в отношении человека и социума к своему прошлому⁵. Не случайно зарождение национального самосознания проявилось во возраставшем интересе к истории своей страны. Распространению культуры исторического знания в Британии способствовали публикации и переводы трудов античных писателей (Тацита, Ливия, Светония, Аммиана Марцеллина, Фукидида, Плутарха и др.), издание произведений английских средневековых авторов (Беды Достопочтенного, Уильяма Мальмсберийского, Генри Хантингтонского и др.). Именно в это время формируется гуманистическая историография тюдоровской Англии, представленная, в частности, трудом Полидора Вергилия (1470–1555) «Английская история» (1533 г.), написанным по заказу двора и значительно повлиявшим на тогдашних английских историков⁶.

В Англии, как и в Европе в целом, появляются всевозможные общества и объединения, которые в дальнейшем внесут неоценимый вклад в развитие истории как научного направления и отдельной самостоятельной дисциплины. Очевидно, что именно в этот период история выделяется из философии и риторики и приближается к науке. Обретя свой предмет и метод исследования, правила отбора и организации материала, сфор-

мировав первичные представления о философии истории⁷, историческая наука становится в центре внимания европейских эрудитов: мавристов⁸ – во Франции, болландистов⁹ – в Антверпене, антиквариетов – в Англии.

Антикварное общество как интеллектуальное явление сформировалось на рубеже XVI–XVII столетий, став предтечей знаменитого Лондонского королевского общества. Одной из его целей стало «писать достойную историю... в которой историк видит лучшее будущее... Он должен очистить ее (историю) тело от старых ошибок... в чем ему помогут его красноречие и остроумие, откровенный стиль и яркая фантазия на всем пути»¹⁰.

Об обстоятельствах создания, времени, месте, составе и продолжительности работы Антикварного общества известно крайне мало. Очевидно лишь то, что его членами были не просто лучшие умы позднелизаветинской, а затем и яковитской Англии, но и деятели, которые активно участвовали в административной, политической, религиозной, придворной жизни, а также в осуществлении преобразований и реформ в стране¹¹.

Основателем Антикварного общества стал У. Кемден (1551–1623), в разные годы являвшийся директором Вестминстерской школы, герольдмейстером Геральдической палаты и основателем кафедры истории в Оксфордском университете, прекрасно знавший латынь, греческий, англосаксонский (который он специально изучал для написания «Британии»), разговаривавший не только на английском, но и французском языке¹². Его современником и соратником по интересам был священнослужитель У. Гаррисон, который остался менее заметным для исследователей на фоне известного герольда. Кемден не только был знаком с Гаррисоном, но во многом помогал викаррию в научных трудах¹³. Тем не менее Гаррисону удалось выработать собственный стиль и язык изложения, который гармонично вписался в антикварную «историческую культуру».

В данной статье на материале трактатов У. Гаррисона «Описание елизаветинской Англии»¹⁴ (1577 г.) и У. Кемдена «Британия»¹⁵ (1610 г.) предпринята попытка изучения способов отражения исторического прошлого у английских антиквариетов рубежа XVI–XVII вв., которые положили начало «секуляризации историографии» и рациональной интерпретации исторического опыта.

Людей, вошедших в Антикварное общество, объединили интересы изучения древностей своей страны, уходящих корнями в Античность, что было вполне созвучно с эпохой Возрождения. Благодаря своим научным интересам члены Общества и получили название «антиквариетов» (от лат. *antiquus* – древний), а само явление получило название «антикварианизм». Это интеллектуальное течение было связано с поиском, коллекционированием, систематическим описанием и классификацией исторических документов и памятников¹⁶.

Показательно, что сами себя антиквариетов историками не считали. Они были прежде всего эрудитами. А понятие «эрудиция» и «история» были не сопоставимы¹⁷. Это в полной мере соответствовало их общественному восприятию. А. Б. Фергюсон, исследователь средневековой и ренессансной Англии, писал, что историки исследуемого периода в глазах современников вообще считались людьми «с небольшим воображением, которые писали о великих мертвецах и их великих делах»¹⁸.

По словам английского философа, историка и политика Ф. Бэкона (1561–1626), антиквариетов занимались «несовершенной» историей и были авторами первоначальных и необработанных набросков, комментариев и перечней, так как изучение древности предполагало исследование лишь уцелевших фрагментов прошлого. «Несовершенная история», по мнению Ф. Бэкона, носила подготовительный характер. Результатами труда антиквара могли воспользоваться авторы политической – «совершенной» – истории¹⁹, которая существовала в контекстах интереса к национальному прошлому, формирования национальных государств в Европе²⁰.

Стиль, которым писали антиквариетов, был универсальным для всех, но в корне отличался от ранее использованного в исторических трактатах и хрониках предшествующей эпохи. У. Гаррисон пишет, обращаясь к читателю: «Я честен перед Богом и никогда не сделал никакого выбора в пользу стиля или слова, путая порядок, а передавал сведения такими, какими они были на самом деле, и ясно излагая все предметы, не принимая свои доводы как истину, называя вещи своими именами без лишнего красноречия, чтобы “закрасить гнилой гроб”, и без надежды на похвалу писателя, что низко по отношению к читателю. Поэтому не найдётся ни одного человека, который мог бы меня упрекнуть в халатности, нарушении и неправильном распоряжении материала...»²¹ У. Кемден во вступлении к «Британии» сообщает, что «... стиль, к которому я прибегал, более обширный (т. е. выходит за рамки общепринятых стандартов)... в отличие от той чистоты и краткости, которые являются главными спутниками исторических писаний. Но вина за это не должна быть возложена на меня...»²²

Предпочтения антиквариетов как историописателей определялись принадлежностью к историографической традиции, восходившей к древнегреческому историку Геродоту, подход которого базировался на универсализме, широте кругозора сообщаемых сведений, на внимании к географическим, этнографическим, культурным аспектам истории различных народов²³. Вследствие этого тексты, созданные антиквариетов, с известными оговорками могут быть отнесены к жанру хорографии – описания земель²⁴, к которому принадлежали и труды герольдмейстера У. Кемдена, и викаррия У. Гаррисона.

Исторические материалы, изложенные антиквариями в их сочинениях, приобретали следующие формы: 1) «мемории», «первоначальные и необработанные наброски истории», комментарии и перечни, «подготовительные материалы» для исследователя прошлого; 2) хроники, жизнеописания и повествования (политическая историография, сочинения с моральным и дидактическим подтекстом, посвященные деяниям великих людей прошлого, событиям государственного значения); 3) история, сосредоточенная на изучении «древностей» (*antiquitates*), «уцелевших от кораблекрушения в бурях времен» фрагментов прошлого²⁵.

Историописание опиралось на разные типы исторических источников (монеты, монументы и другие редкости) характер. А история, которую создавали антикварии, носила характер политизированный, национальный, патриотический. Сохраняя приверженность жанру хроники, антикварии создавали не столько историю, сколько историческую картину своего видения из фрагментов «римской» или «англосаксонской Британии». Как отмечает В. В. Зверева, «авторы антикварных сочинений начинали свою работу с путешествия, личного присутствия в “памятных” местах, выяснения точных деталей для досконального описания уцелевших древностей, следов прошлого в настоящем»²⁶. Благодаря этому работы антиквариев имели привычный для времени Елизаветы I энциклопедический характер.

Помимо заказа властей на приемлемую версию прошлого (обоснование тюдоровского мифа, легитимности династии, героическую преемственность от греков и римлян)²⁷, труды ранних британских антиквариев основывались на эмпирических штудиях, вследствие чего создаваемые ими тексты отличались особой вовлеченностью повествователя в описываемые события и явления²⁸. Именно путешествие по стране, переписка и обсуждение «дел», публикация результатов своих изысканий, позволяли постоянно вносить коррективы и уточнения в свои работы.

Всем этим особенностям антикварного дискурса конца XVI – начала XVII в. в полной мере отвечало творчество приходского священника, бакалавра богословия Уильяма Гаррисона (1534–1593) и королевского герольдмейстера Уильяма Кемдена (1551–1623) – ранних представителей общества антиквариев, на труды которых ориентировались многие последователи. Оба антиквария, работая с разными источниками, имея отличные подходы их анализа, непохожий стиль изложения, создавали тем самым общую антикварную «историческую культуру», следуя одной цели – «очищение истории... и приоткрытие завесы времени»²⁹.

У. Кемден был в первую очередь писателем, а сама история – повествованием, основанным на письменных данных, хрониках. Его предметом изучения была не столько история, сколько прошлое Англии, однородное и недифференцированное. У. Гаррисон, будучи бакалавром богословия, пре-

поднес свои «Описания» в качестве «исповеди» перед читателем. Описывая Англию, он наполовину сознательно описал себя³⁰, используя простой и понятный язык изложения, элементы разговорной речи, колоритные комментарии, пожелания и сожаления³¹.

Следуя общему принципу ссылаться на авторитет предшественников, антикварии не предавались простому копированию, что не соответствовало традиционным, характерным для средневековья компиляциям³², порождая тем самым новую историческую культуру историописания.

Исторической культурой Д. Р. Вульф когда-то назвал такое социальное явление, которое «порождает и питает официальное историописание эпохи и сама [историческая культура], в конечном счете, подвергается его обратному воздействию, но она также проявляет себя и в других отношениях... Историческая культура состоит из привычных способов мышления, языков и средств коммуникации, моделей социального согласия, которые включают элитарные и народные, нарративные и не-нарративные типы дискурса. Она выражается как в текстах, так и в общепринятой форме поведения – например, в способе разрешения конфликтов через отсылку к признанному историческому образцу, такому как “древность”. Характерные черты исторической культуры определяются материальными и социальными условиями, а также случайными обстоятельствами, которые, как и традиционно изучаемые интеллектуальные влияния, обуславливают манеру думать, читать, писать и говорить о прошлом. Сверх всего, представления о прошлом в любой исторической культуре являются не просто абстрактными идеями, зафиксированными для блага последующих поколений... Скорее, они являются частью ментального и вербального фонда того общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других средств коммуникации. Это движение или процесс обмена элементов исторической культуры можно для удобства назвать ее социальной циркуляцией»³³.

Несмотря на традиции антикварного историописания и общей исторической культуры, тексты антиквариев были узнаваемы и неповторимы одновременно³⁴. Используемый антиквариями материал из сочинений предшественников, как правило, либо свободно излагался, либо, что встречается чаще, «оформлялся в виде выделенной особым шрифтом цитаты с указанием автора»³⁵ и заключался в кавычки. Так, У. Кемден, описывая географическое положение Британии, цитирует Вергилия: «...англичане, полностью отделены от мира», что служит недостатком расположения острова. Это делает его доступным со всех сторон для окружения противником с моря. Кемден неоднократно прибегает к цитированию Цезаря, Тацита, Гальфрида Монмутского, Беды

Достопочтенного и других предшественников. Гаррисон также ссылается на античных авторов (Ливия, Тулия, Ксенофонта), когда делает исторические экскурсы в прошлое. Но, в отличие от Кемдена, он просто передает их высказывания, не отмечая источник информации³⁶, не критикуя и не споря с авторами, оставляя тем самым право на иное мнение.

Общим в антикварной культуре историописания было и то, что все факты и события, тщательно собранные, накопленные, систематизированные в интересах историописания, реконструируются в текст для того, чтобы читатель сам выделил черты необходимой действительности. А. А. Паламарчук называет этот прием «сворачивание» и повторное «разворачивание» действительности³⁷. Накопленный материал представлял не только античные памятники – древности и работы предшественников, часто это были труды современников. Кемден, например, приводит мнение своего современника о происхождении слова «Британия». Он пишет: «Сэр Томас Элиот, священнослужитель и рыцарь, человек необычного ума, относит название (Британия) к формам греческого фонтана «Притавия», т. е. источник богатства и доходов для империи»³⁸.

Как правило, англичанам, хоть сколько-нибудь интересующимся своей историей, в конце XVI – начале XVII в. было свойственно романтизировать германское прошлое британских островов, либо повторно германизировать предшественников или же ориентироваться на разумное сочетание каждого из упомянутых способа исторической памяти³⁹. Кемден был осторожен в своих высказываниях, поэтому, «внимательно изучив новые и старые документы, рукописные и печатные, из Оксфорда и Кембриджа, бумаги короля Генриха V», антикварий решается взять «... за начало своего повествования время господства римлян в Британии и заполнение острова иноземцами – англичанами, или валлийцами (так они теперь называются), примитивными и древними обитателям этой земли»⁴⁰, пришедшими с полуострова Бретань, т. е. группой народов, соседних с галлами. Если мы вспомним о том, что это был заказ властей, а сам Кемден – королевским герольдмейстером, то несложно проследить проведенную автором параллель национального прошлого с римской историей, вычерчивая тем самым легитимный и величественный профиль правящей династии. А германизация при этом усиливала восприятие современниками неповторимости и специфичности пройденного пути⁴¹. Кемден обращается к древней истории Британии и ее взаимоотношениям с Римом, постепенно расширяет поле исследования, включает приход англосаксов и норманнов. С помощью хорографии и истории выстраивает происхождение английской нации, а его «Британия», как и отдельные публикации и проекты, послужила для этого прочным фундаментом⁴².

О таком комбинированном подходе Кемдена говорит У. Рекетт: «Кемден ухватился за структурную схему, которая позволила бы ему интегрировать историю и топографию в работу, предназначенную для достижения трех целей: изобразить историю самых древних британцев, раскрыть происхождение английского народа и идентифицировать британские города, упомянутые в Географии Птолемея, маршруте Антонина и других древних географических путеводителях»⁴³.

Если мы обратим внимание на титульный лист (верхняя часть) работы 1600 г. издания [рис. 1], то увидим, что Кемден придает Британии символический образ женщины, сидящей на скалах. Британия держит копьё в левой руке, которая опирается на щит. Справа она держит скипетр. Это олицетворяет сильную страну со сложившимися национальными традициями и языком. Голова копия направлена вверх, что говорит о военной готовности Англии защитить свои границы, но и о способности и готовности Англии для их расширения⁴⁴. Справа от центрального изображения карты стоит Церера, взяв серп в правую руку, в левой руке у нее початки кукурузы. Над головой расположена копна из фруктов, овощей, цветов и листьев. Слева находится Нептун, держа трезубец в правой руке. Над его головой мы видим омара, рыбу и ракушку. Эти два римских божества подчеркивают плодovitость британской земли и ее окружающих вод, а украшение плинтуса предполагает, что сила британского народа основана на силе его флота, а также на пыле и святости его религиозных институтов. В нижней центральной части фасада мы видим композитный пейзаж, в котором подробно изложено древнее сооружение Стоунхенджа рядом с римскими курортами в Бате. Здесь географическая точность приносится в жертву, чтобы показать долгую историю населения в Британии: сочетание этих образов подчеркивает важность всего исторического повествования Британии, включая время до римской оккупации.

Карта острова (в самом центре обложки) сама по себе является поистине увлекательной. На ней отмечены латинскими названиями некоторые крупные поселения, такие как Лондинум (Лондон) и Эборакум (Йорк), а также латинские названия морей, окружающих острова: Океан Хиберникус (Ирландское море), Океан Германик (Северное море). На карте также указаны имена древних племен англичан, таких как бриганты, ицены и тринобанты. Эта карта призвана напоминать не только о римской оккупации островов и её влиянии на британскую культуру, но и то, что до римского вторжения существовала долгая история иной оккупации. Мы можем видеть, что изображение на титульной странице «Британии» отражает стремление Кемдена выполнить свои задачи, описанные выше Рекеттом⁴⁵.

Именно такой тип исторической памяти полностью соответствовал вкусу политической элиты Англии.

Кемден не был одинок в своем поиске истока английской нации. Тем временем Гаррисон изучал прошлое Англии в своем поместье близ Радвинтера в Уэссексе, где его жена и дочери варили пиво, а он занимался своим любимым садом, размером немного больше 300 футов земли. Будучи человеком глубокой веры, У. Гаррисон использует иной подход к изучению прошлого. Его труд представлен в качестве сознательного обращения к картинам елизаветинской Англии⁴⁶. Он не боится осуждать своих соотечественников, выражая сожаление о неводержанности в еде и несоблюдении постных дней. Он – решительный враг иностранной моды, сетует на то, что в Англии «нет ничего более постоянного, чем непостоянство одежды»⁴⁷. В том же духе он описывает дома и мебель англичан, жизнь городов и деревень, ярмарки и рынки, сады и леса, собак, домашний скот и лесную дичь. И ко всему, что живое и неживое, он взывает критику своего острого ума. В «Описании», кажется, совсем нет патриотизма, и сложно определить какой-либо системный подход, используемый автором. Но при тщательном изучении источника видно, что Гаррисон по примеру хронологии церковной истории, которую он прекрасно освоил, разработал собственную хронологию событий, которая легла в основу истории Англии в «Описании»⁴⁸. Следуя такому хронологическому принципу, Гаррисон склонен преуменьшать римское влияние на английскую нацию.

А. А. Паламарчук отмечает также важность социо профессиональной принадлежности антиквариев, что напрямую влияет на их культуру историописания и отражается на подходе к подбору источников и работе с ними, выборе методологии и т. д.⁴⁹ Отчетливо это прослеживается у Кемдена и Гаррисона.

Кемден провел 22 года в Вестминстерской школе, которая «стала академически одной из самых престижных в королевстве»⁵⁰. Он внес значительный вклад в ее развитие – сначала как второй мастер в течение 18 лет, а затем в качестве директора школы с 1593 по 1597 год⁵¹. Назначение Кемдена королевским герольдом провинции – Кларенсо (Clarenceux) – в 1599 г. позволило ему в рамках должностных обязанностей⁵² обладать всеми возможностями для того, чтобы развивать исследования по британскому прошлому в совокупности с социальными явлениями. Герольду следовало «проникать в любые церкви, замки, дома и прочие места по его усмотрению, чтобы отыскивать, опознавать, рассматривать и описывать всевозможные геральдические знаки ... и другие интересные вещи»⁵³.

Гаррисон, будучи коренным лондонцем, тоже получил образование в Вестминстерской школе. Выросший в протестантских кругах, он во времена правления королевы Марии I Тюдор (1553–1558) перешел в католицизм, но вернулся к протестантской вере еще до смерти королевы в

1558 г., услышав проповеди Кранмера, Ридли и Латимера. Был капелланом сэра Уильяма Брука, господина Кобэма, которому он был обязан своим домом с приходом в Эссексе и своим положением⁵⁴. Жил спокойной жизнью священнослужителя с доходом в 40 фунтов в год, изучал окрестности, общался с жителями, собирал и коллекционировал все, что могло бы ему пригодиться для «Описаний».

Постепенно знания антиквариев перестали ограничиваться исключительно практической деятельностью, а стали подразумевать интеллектуальную составляющую, сближающую их профессиональное служение герольда и пастора с миссией историка и антиквария⁵⁵.

Рассуждая о способах отражения истории антиквариями, нужно сказать о методах, к которым они прибегали в своих работах. У. Кемден высоко ценил эмпирические данные как источник информации, его скептицизм и эмпиризм не уступают бэконовскому, а как практикующий историописатель он превзошел Ф. Бэкона – и в объективности, и в отсутствии тенденциозности при выборе источников⁵⁶. У. Кемден отказывался признавать как нечто заведомо верное какие бы то ни было истины, даже считавшиеся общеизвестными. Он подходил к исследованию очень осторожно и двигался от эмпирических данных к гипотетическим утверждениям. Его «Британия» построена на основе принципов скептицизма и «методологического сомнения». Он скрупулезно сравнивал и анализировал данные, останавливался только на достоверных, с его точки зрения, вариантах, порой указывая на ошибочность суждений классических авторов. Одновременно Кемден признавал необходимость сочетания очевидности с верой в случаях невозможности определенного вывода. Он прибегал к неоднократному использованию термина «гипотеза» или «conjecture» – это критический термин, который встречается в тексте «Британии» более ста пятидесяти раз⁵⁷. Тем не менее Кемден всегда стремился как можно лучше обосновывать свои гипотезы и в обращении к читателю оговаривался, что в своих предположениях стремился не быть «опрометчивым». Кроме того, он обещал придерживаться лишь достоверной информации («я не буду подтверждать недостоверное, также я не скрываю вероятности»⁵⁸) и отказывался приводить в своей работе данные, за которые не мог поручиться, например, сведения о долготе и широте расположения Британии, которые различались у разных авторов, и об истинности которых сам Кемден не мог дать определенного суждения⁵⁹.

У. Гаррисон работал с источниками иного характера. Он не был профессиональным историком как Кемден. Главные черты метода Гаррисона – доминирование теоретических методов над эмпирическими. Он не ставил эксперименты, не измерял, только лишь наблюдал: часто прибегая к идеализации, формализации, мысленно совершая восхождения от конкретного к абстрактному и от

абстрактного к конкретному. Всю свою жизнь он посвятил поисками исторической истины через Библию, которая непременно была его настольной книгой. Кроме того, он изучил архивные документы монастырей и приходов, имея к ним неограниченный доступ.

Его взгляд на источник в корне отличался от кемденовского. Он не старался отвергнуть античные источники, а стремился увязать все события между собой и свести их к найденному объекту. Он был далек от политики, математических наук, скептически мыслящих и радикально настроенных к власти людей. Гаррисон рассматривает исторические, церемониальные, властные, иерархические, правовые, бытовые вопросы, при этом не применяя кемденовский метод критического анализа. Используя пространственный авторский стиль и небольшое количество цитируемых источников, Гаррисон ведет повествовательную беседу с потенциальным читателем, позволяя оставаться при своем мнении каждой из сторон дискуссии. Гаррисон просил снисходительно относиться ко всему, что он отражает на бумаге, осознавая точность и достоверность добытой им через источник информации. Для У. Гаррисона было характерным использовать общелогические приемы: сравнение, обобщение, абстракцию. Такая «простота» в изложении помогла автору сгладить острые углы при описании существовавших проблем.

В интерпретации истории У. Гаррисон использовал статичность, лишённую внутренних переходов и качественных изменений. Он просто повествует о находках и их историческом месте. Всем «древностям» ученый придавал какое-то особое, символическое значение – руины, странные предметы, «выкопанные из земли», предания, наделяя их особым статусом, воспроизводя в описании события, связанные с каждой находкой, тем самым как бы очеловечивая предметы своей коллекции. Но именно такой метод работы с «источниками» помог антикварию тщательно выстраивать гипотезы об устройстве мира, частью которого эти предметы являлись. Специфика его работы подразумевала общение на личные, интимные, бытовые темы. Поэтому для Гаррисона методом служили сбор, систематизация и анализ информации.

Таким образом, члены раннего антикварного общества участвовали в создании общей антикварной исторической культуры, которая стала возможной благодаря тем изменениям, которые происходили во многих сферах жизни государства. Реформация открыла доступ не только к церковным и монастырским богатствам, но и документам, рукописям, дневникам. На руинах разрушенных монастырей антикварию создавали свои «полевые кабинеты». Их методы работы были новыми. Это касается не только подбора источников и их критики, но и их использования в исторических трудах. Документы, тексты и артефакты получили широкое распространение,

и «историописатели» всех толков стали вырабатывать новые методы понимания и интерпретации прошлого, формируя антикварную историческую культуру.

«Описание» У. Гаррисона и «Британия» У. Кемдена задали «стандарт» исторического антикварного дискурса и пережили несколько переизданий с добавлением обширных комментариев и перечней вновь открытых источников⁶⁰, что придавало этим трудам характер национального достояния. Ранние антиквари не только имели индивидуальное видение истории и отражение ее в своих работах. Но их труды, являясь большой коллективной работой по истории Англии, легли в основу научных энциклопедий по географии, нумизматике, топонимике страны, формируя историческую культуру антиквариев.

Примечания

- ¹ Надо отметить, что научное знание уже не было тесно переплетено со средневековым представлением о мире. С другой стороны, научная мысль и язык науки все еще опирались на авторитет богословия и Писания святых отцов. См.: *Stone L. The Educational Revolution in England 1560–1640 // Past and Present. 1964. № 28. P. 41–80.*
- ² В 1554 г. благодаря усилиям Московской компании англичане установили дипломатические отношения с Московией и основали торговые фактории в Холмогорах, Ярославле, Вологде, Устюге, Пскове и Новгороде. Московская компания экспортировала в Русское государство сукна и оружие, вывозила пеньку, корабельный лес, мед и воск. См.: *Винокурова М. В., Дмитриева О. В., Федосов Д. Г. Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV–XVI века // Всемирная история : в 6 т. Т. 3 : Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. С. 205.*
- ³ Там же. С. 208.
- ⁴ См.: *Дмитриева О. В. Елизавета I. Семь портретов королевы. М., 1998. С. 3–4 ; Она же. Самоидентификация английской нации в парламентских дебатах второй половины XVI – начала XVII в. // Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 161–178.*
- ⁵ См.: *Бобкова М. С. Преемственность и новации в исторической культуре позднего Средневековья и начала Нового времени // История и память : Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 456.*
- ⁶ Появляются также исторические сочинения, созданные людьми незнатными : «Новая хроника Англии и Франции» лондонского суконщика Роберта Фабиана, с 1502 по 1559 г., выдержавшая пять изданий, хроника столичного юриста Эдуарда Холла «Соединение двух благородных и славных домов Ланкастеров и Йорков» (1548 г.), которая не только существенно дополнила труд Полидора Вергилия, но и стала одним из источников «Истории Генриха VII» Фрэнсиса Бэкона. Исторические хроники и трактаты по политической истории, представлявшие читателям уроки через рассказы прошлого, сохраняли свои

- позиции и приобретали постепенно всеобщую ценность. См.: Чернова Л. Н. Дневник Генри Мэчина в контексте культурных практик Англии XVI века // Модернизация культуры : от культурной политики к власти культуры : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 23–24 мая 2016 г.) : в 2 ч. / под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова, Л. М. Артамоновой. Самара, 2016. Ч. I. С. 276–277.
- ⁷ См.: Бобкова М. С. Указ. соч. С. 456.
- ⁸ Мавристы, или Конгрегация святого Мавра, – французская учёная конгрегация ордена бенедиктинцев, получившая своё название от св. Мавра (ум. 565 г.), одного из непосредственных учеников св. Бенедикта, и существовавшая с 1618 года. Сначала конгрегация занялась историей ордена, его монастырей и его наиболее значительных деятелей. Затем круг интересов был расширен, и мавристы занялись собиранием и изданием рукописей по древней литературе, в особенности христианской, оказав очевидные услуги истории и археологии вообще. Мавристами осуществлены превосходные издания сочинений Афанасия Александрийского, Григория Назианзина, Кирилла Иерусалимского, Иоанна Златоуста, Августина Блаженного, Льва Великого. Также ими немало издано сочинений, относящихся к древней истории Греции и Рима и средневековой истории Византии и Западной Европы. Мавристы выработали правила установления подлинности места и времени составления документа, положили начало палеографии, дипломатике и другим вспомогательным историческим дисциплинам. См.: Мавриниане // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1896. Т. 18. С. 287.
- ⁹ Болландисты – группа бельгийских историков, филологов и теологов, преимущественно иезуитов, осуществляющих, начиная с XVII в., сбор документов и издание фундаментальной серии «Житий святых» («Acta Sanctorum»). Группа названа по имени её основателя – бельгийского учёного-иезуита Жана Болланда (1596–1665 гг.). Подробнее см.: Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987. С. 54–59; Болландисты // Православная энциклопедия : в 46 т. М., 2002. Т. 5. С. 651–652. URL: <http://www.pravenc.ru/text/149687.html> (дата обращения: 08.05.2017); Намазова А. С. Болландисты // Российская историческая энциклопедия : в 18 т. М., 2016. Т. 3. С. 100–101.
- ¹⁰ Sprat T. The history of the Royal-Society of London for the improving of natural knowledge. 1618–1667. L. : Printed by T.R. for J. Martyn, 1667. URL: <http://name.umdl.umich.edu/A61158.0001.001> (дата обращения: 11.04.2017). Свой официальный статус Королевское общество получит в 1662 г., когда корона пожалует ему хартию.
- ¹¹ В разное время в общество входили : Джеймс Ашер (1581–1656), архиепископ Армага и примас Ирландии ; юрист Томас Смит (1513–1577), английский ученый и дипломат, профессор Кембриджского университета ; Рафаэль Холинshed (1529–1580), английский хронист, один из авторов «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии» ; Уильям Гаррисон (1534–1593), священник, бакалавр богословия в Виндзоре ; Артур Агард (1540–1615), сначала клерк Казначейства, а затем вице-чемберлен, собиратель и каталогизатор архива Казначейства и дипломатических документов ; сэр Роберт Брюс Коттон (1571–1631), основатель знаменитой Коттонианской библиотеки, ставшей основой современной Британской библиотеки, член парламента, тесно связанный с лидерами оппозиции стюартовского периода ; Джон Стоу (1525–1605), собиратель и издатель материалов по английской истории, автор «Общей хроники Англии» и «Описания города Лондона» и др. См.: Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии / отв. ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 6–7, 11.
- ¹² См.: Thompson Ed. M. Camden William // Dictionary of National Biography : in 63 vols. Oxford, 1886. Vol. 8. URL: http://www.en.wikisource.org/wiki/Dictionary_of_National_Biography_1885-1900/Vol_8_Burton_-_Cantwell (дата обращения: 15.04.2017).
- ¹³ См.: Whibley Ch. Chroniclers and Antiquaries // The Cambridge History of English and American Literature : in 18 vols. (1907–1921). Vol. 3 : Renaissance and Reformation. URL: <http://www.bartleby.com/213/1503.html> (дата обращения: 15.04.2017).
- ¹⁴ Harrison W. A Description of Elizabethan England. L., 1577 // The Harvard Classics. N. Y., 1909–1914. Vol. XXXV. URL: <http://www.bartleby.com/35/3/> (дата обращения: 15.04.2015).
- ¹⁵ Camden W. Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdome, England, Scotland, and Ireland. URL: http://www.visionofbritain.org.uk/text/contents_page.jsp?t_id=Camden (дата обращения: 27.01.2016).
- ¹⁶ См.: Зверева В. В. Антикварианизм XVI–XVII веков. Представление прошлого в контексте научной революции // Образы времени и исторические представления : Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. С. 756.
- ¹⁷ См.: Woolf D. R. Erudition and the Idea of History in Renaissance England // Renaissance Quarterly. Vol. 40. № 1. Chicago, 1987. P. 11–48.
- ¹⁸ Ferguson A. B. Clio Unbound : Perception of the Social and Cultural Past in Renaissance England. Durham, N.C., 1979. P. 78–125.
- ¹⁹ См.: Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 129.
- ²⁰ Лишь позже, в XVII в., некоторые исследователи древностей, особенно Джон Селден, перестали отрицать свою причастность к историкам и утверждали, что независимо от того, какие источники они изучали, каков бы ни был аспект прошлого, о котором они писали, и независимо от формы их письма, они действительно были историками, а то, что они делали, было историей (Там же. С. 130).
- ²¹ Harrison W. A Description of Elizabethan England. L., 1577 // The Harvard Classics. N. Y., 1909–1914. Vol. XXXV. URL: <http://www.bartleby.com/35/3/> (дата обращения: 15.04.2015).
- ²² Camden W. Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdome, England, Scotland,

- and Ireland. URL: http://www.visionofbritain.org.uk/text/contents_page.jsp?t_id=Camden (дата обращения: 27.01.2016).
- 23 Другая историографическая традиция тоже восходит к древнегреческому историку – Фукидиду, с сочинениями которого соотносятся нарратив, построенный на линейном повествовании, с особым вниманием к политическому контексту событий. Эта традиция транслировалась через римского историка Тацита и нашла свое воплощение в так названном «неоримском» дискурсе британского историописания эпохи Просвещения. В противоборстве двух этих тенденций в эпоху Просвещения формировался историзм как ключевой принцип научного историописания.
- 24 См.: *Morrison S.* Viewing the Changing 'shape or pourtraicture of Britain' in William Camden's Britannia, 1586–1610 // *Early Modern Literary Studies*. Vol. 18, № 1–2. 2015. P. 215–235. URL: <http://www.Extra.shu.ac.uk/emls/journal/index.php/emls/issue/view/11> (дата обращения: 02.03.2017).
- 25 См.: *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннеэпохальной Англии. С. 8.
- 26 *Зверева В. В.* Указ. соч. С. 756.
- 27 Там же. С. 760.
- 28 См.: *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннеэпохальной Англии. С. 39.
- 29 *Sprat T.* The history of the Royal-Society of London for the improving of natural knowledge. 1618–1667. L.: Printed by T.R. for J. Martyn, 1667. URL: <http://name.umd.umich.edu/A61158.0001.001> (дата обращения 11.04.2017).
- 30 См.: *Whibley Ch.* Chroniclers and Antiquaries // *The Cambridge History of English and American Literature*: in 18 vols. (1907–1921). Vol. 3: Renascence and Reformation. URL: <http://www.bartleby.com/213/1503.html> (дата обращения: 15.04.2017).
- 31 Несмотря на то, что работа Гаррисона предназначалась широкому кругу читателей, она долго не тиражировалась, а после смерти автора была отдана сыном на хранение в Котонновскую библиотеку.
- 32 См.: *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Историческая память и технологии антикварного дискурса: Англия раннего Нового времени // *Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории* / под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 496.
- 33 *Woolf D. R.* The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford, 2003. P. 9–10.
- 34 См.: *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Историческая память и технологии антикварного дискурса: Англия раннего Нового времени. С. 496.
- 35 Там же.
- 36 *Harrison W.* A Description of Elizabethan England. L., 1577. Ch. I. The degrees of people in the Commonwealth of Elizabethan England // *The Harvard Classics*. N. Y., 1909–1914. Vol. XXXV. URL: <http://www.bartleby.com/35/3/1> (дата обращения: 15.04.2015).
- 37 См.: *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннеэпохальной Англии. С. 39.
- 38 *Camden W.* Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland. URL: http://www.visionofbritain.org.uk/text/contents_page.jsp?t_id=Camden (дата обращения: 27.01.2016).
- 39 *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннеэпохальной Англии. С. 41.
- 40 *Camden W.* Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland. URL: http://www.visionofbritain.org.uk/text/contents_page.jsp?t_id=Camden (дата обращения: 27.01.2016).
- 41 См.: *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннеэпохальной Англии. С. 41.
- 42 См.: *Christopher L., Morrow B. A.* Speaking England: Nationalism(s) in Early Modern Literature and Culture. Texas: University of Wyoming, 2006. P. 120.
- 43 *Rockette W.* The Structural Plan of Camden's Britannia // *The Sixteenth Century Journal*. 1995. Vol. 26 (4). P. 831.
- 44 Эта версия титульной страницы была использована только для издания 1600 года и была заменена гравировкой Уильяма Хола в изданиях 1607 и 1610 годов [рис. 2]. Это показывало, что острова Британии достигли своего благополучия из-за объединения королевств Шотландии и Англии под властью короля Якова VI Шотландского и I Английского.
- 45 См.: *Rockette W.* Op. cit. P. 831.
- 46 См.: *Harrison W.* A Description of Elizabethan England. L., 1577. Ch. I. The degrees of people in the Commonwealth of Elizabethan England // *The Harvard Classics*. N. Y., 1909–1914. Vol. XXXV. URL: <http://www.bartleby.com/35/3/1> (дата обращения: 15.04.2015).
- 47 Ibid.
- 48 *Whibley Ch.* Chroniclers and Antiquaries // *The Cambridge History of English and American Literature*: in 18 vols. (1907–1921). Vol. 3: Renascence and Reformation. URL: <http://www.bartleby.com/213/1503.html> (дата обращения: 15.04.2017).
- 49 См.: *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннеэпохальной Англии. С. 43.
- 50 *Morrison S.* Viewing the Changing 'shape or pourtraicture of Britain' in William Camden's Britannia, 1586–1610 // *Early Modern Literary Studies*. Vol. 18, № 1–2. 2015. P. 215–235. URL: <http://www.Extra.shu.ac.uk/emls/journal/index.php/emls/issue/view/11> (дата обращения: 02.03.2017).
- 51 Ibid.
- 52 В обязанности королевских герольдов входило проведение визитаций знати, подготовка церемоний креации, разработка придворного церемониала, дипломатические миссии, написание генеалогий, составление гербов и организация похоронных процессий пэров.
- 53 *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннеэпохальной Англии. С. 55.
- 54 См.: *Ferguson A. B.* Op. cit. P. 78–125.
- 55 См.: *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннеэпохальной Англии. С. 55.
- 56 См.: *Барг М. А.* Историзм Фрэнсиса Бэкона // *Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII. М., 1990. С. 208; *Терентьева Е. А.* Рассуждение о методе Уильяма Кемдена // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. М., 2015. Вып. 51. С. 301.

⁵⁷ См.: Терентьева Е. А. Указ. соч. С. 301.

⁵⁸ *Camden W.* Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland. URL: http://www.visionofbritain.org.uk/text/contents_page.jsp?t_id=Camden (дата обращения: 27.01.2016).

⁵⁹ См.: Терентьева Е. А. Указ. соч. С. 301.

⁶⁰ Первое издание «Британии» вышло на латыни в 1586 году. Оно оказалось очень популярным и пережило еще пять изданий : в 1587, 1590, 1594, 1600 и 1607 гг., каждое из которых было значительно расширено по сравнению с предшественником как в текстовом плане, так и в иллюстративном. В издании 1607 г. впервые был представлен полный набор карт английских графств, составленных Кемденом собственноручно. Первое издание на английском языке было сделано Филимоном Холландом в 1610 г., снова с дополнениями, предоставленными самим Кемденом. С конца XVII в. перевод «Британии» осуществлялся регулярно практически на все европейские языки, а работа вызвала большой интерес ученых эпохи Просвещения. Самым популярным английским переводом стал перевод Э. Гибсона в 1722 году. Это издание фактически яви-

лось коллективным антикварным проектом с участием выдающихся лексикографов того времени Эд. Ллуйда, У. Николсона и некоторых других. Наиболее полное и последнее издание «Британии» У. Кемдена вышло в трех томах в 1789 г., работа над которыми велась под руководством самого председателя Лондонского антикварного общества Р. Гофа. На это ушло 25 лет, а 3-томник стал настольной книгой научного общества вплоть до XIX века (см.: *Camden W.* Britannia / Trans. in English by Ph. Holland in 1610. L., 1610. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/cambrit/fronteng.html> (дата обращения: 27.01.2016). В отличие от «Британии» «Описания» Гаррисона не были самостоятельным произведением и впервые вышли как часть хроник Р. Холиншеда в 1577 году. В 1807–1808 гг. хроники были переизданы и исправлены согласно заказу Тайного совета. Постепенно интерес к хроникам угасает, и появляются новые исторические тексты о елизаветинской Англии. Так «Описания» Гаррисона попадают в сборник «Жизнь англичан во времена Шекспира» (под редакцией Ф. Дж. Фурнивалла) в 1877–1881 гг. В таком контексте они дошли до нас с переизданием 1965 г. См.: *Hathi Trust Digital Library. Research Center* URL: <https://www.hathitrust.org/> (дата обращения: 04.07.2017).

Образец для цитирования:

Мелихова П. В. Историческая культура ранних английских антиквариев // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 61–69. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-61-69.

Cite this article as:

Melikhova P. V. Historical Culture of Early English Antiquaries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 61–69 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-61-69.

УДК 94(415).06

ДЕСЕРТЫ КУХНИ АНГЛИИ XVII ВЕКА: КОТИНЬЯК, МАРМЕЛАД, ПАСТИЛА, МАРЦИПАНЫ И МНОГО-МНОГО САХАРА...

М. В. Третьякова

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал), marinatretyakova@mail.ru

В статье рассматриваются десерты в кулинарной практике Англии XVII в. В центре внимания автора статьи находится сборник кондитерских рецептов 1608 г. «A Closet for Ladies and Gentlewomen», который неоднократно переиздавался. Рассматривая особенности приготовления котиньяка, мармелада, пасты/пастилы, автор статьи приходит к выводу, что данные блюда отражали модные кулинарные тенденции англичан XVII в., демонстрировали статусность их потребителей, а появление специального сборника рецептов кондитерских изделий свидетельствовало о специализации поваренного искусства.

Ключевые слова: английская кухня, рецептарий 1608 г., котиньяк, марципан, пастила.

The Desserts of the English Cuisine of the Seventeenth Century: Cotignac, Marmalade, Paste, Marzipan and Lots of Sugar...

М. V. Tretyakova

Marina V. Tretyakova, ORCID 0000-0002-6158-8800, National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, 36, K. Marx Str., Arzamas, Nizhny Novgorod Region, 607200, Russia, marinatretyakova@mail.ru

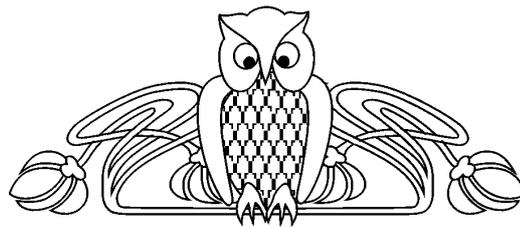
The article deals with the desserts in the culinary practice of England of the XVII century, the focus of the author is the collection of confectionery recipes of 1608, «A Closet for Ladies and Gentlewomen» which was repeatedly reprinted. Considering making cotignac, marmalade, paste, the author comes to the conclusion that these dishes reflect fashionable culinary trends of the British XVII century, showed the status of their consumers, and the emergence of a special collection of confectionery recipes showed the specialization of the cooking art.

Key words: English cuisine, receptury of 1608, cotignac, marzipan, paste.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-70-76

На протяжении трех столетий европейской истории – с XVI по XVIII в. – средневековая Западная Европа становилась Западной Европой Нового времени, осуществлялась трансформация общества от традиционного к новационному. Свидетельства тому мы находим в самых разных сферах жизни европейского социума, в том числе – в повседневной жизни¹, важную часть которой составлял режим питания.

Украшением (и гордостью любой хозяйки/хозяина любого дома – добавим от себя) любого

банкета являются сладости... Их подают в начале трапезы, они стоят на столе во время банкета, их подают в конце перед тем, как попрощаться с гостями, приглашают и просто на чай/кофе... Правда, если на чай и кофе в начале XVII в. в Англии еще не приглашали, то сладости в стране Туманного Альбиона любили всегда². Швейцарский путешественник Т. Платтер, посетивший Лондон в самом конце XVI в., так описывает завершение обеда у столичного мэра 13 октября 1599 г.: «... был подан десерт: цукаты, пирожки и пирожные, которые нельзя сравнить по изысканности с основными блюдами»³.

Не были исключением и состоятельные англичане XVII в.⁴, отдававшие дань блюдам, рецепты которых в рецептариях разных веков шли в разделах, именуемых в современных поваренных книгах под названием «Десерты», «Сладкие блюда». Например, как в классическом издании советской поры «Книга о вкусной и здоровой пище»⁵. В то же время есть специальные издания, посвященные исключительно кондитерским изделиям⁶. Одним из ранних таких изданий является рецептарий 1608 г. – «A Closet for Ladies and Gentlewomen»⁷. Название можно, наверное, перевести как «Секреты для леди и благородных дам». Отметим, что переиздавался он неоднократно – переиздавали этот сборник в 1611, 1630, 1632, 1636, 1647, 1651, 1654, 1656 гг.⁸, что, несомненно, свидетельствует о его востребованности и популярности.

Сборник состоит из 90 основных рецептов и трех дополнительных, разделен на 6 разделов. Первый раздел состоит из 18 рецептов, посвящен тому, как сохранить яблоки (пепин красный⁹ пепин белый¹⁰, зеленый пепин)¹¹, абрикосы¹², миробалан¹³, лимон¹⁴, вишни¹⁵, лепестки красной розы¹⁶, апельсины и лимоны¹⁷, айву¹⁸, персики¹⁹, корни синеголовника приморского (*Eryngium maritimum*)²⁰, барбарис²¹, крыжовник²², терносливу²³, малину²⁴, девясил²⁵, ятрышник мужской (*Satyrium*)²⁶. Второй раздел, состоящий из 13 рецептов, носит название «Все виды sandy». Третий раздел – из 7 рецептов различных видов пасты/пастилы, в нем 7 рецептов, пасту/пастилу можно сделать из пепина по-генуэзски²⁷, из эглантерии цвета красного коралла²⁸, королевскую пасту/пастилу (Paste-Royall)²⁹, королевскую пасту/пастилу со специями³⁰, пасту/пастилу а-ля Генуя («как настоящая из Генуи») ³¹, пасту/пастилу из фиалок³², пасту/пастилу из крыжовника³³. Четвертый раздел носит название «Банкетные украшения

(изысканные лакомства) такие, как мармелад, Quodiniackes и тому подобное», в нем 21 рецепт: Muskadine драже (muskadines – это сладости, приправленные мускусом)³⁴, Diacitonium из айвы³⁵, «превосходное желе»³⁶, leach creame³⁷, паста/пастила из грецкого ореха³⁸, Quodiniacke из сливы³⁹, Biskatello (небольшие конфетки/сладости из сахарной пасты, смешанной с крахмалом и мускусом, вылепленные в форме крошечных хлебцев (manchet loaves), запеченные на вафлях в остывшей печи и украшенные позолотой)⁴⁰⁴¹, особая сладкая вода (духи) для парфюмирования одежды⁴², пудра⁴³, ароматические леденцы (Lozenges)⁴⁴, марципан⁴⁵, все виды лакомств на основе марципана в виде пирогов, птиц, корзины и других форм⁴⁶, фигурки птиц и зверей⁴⁷, украшения в виде фигурок различных плодов таких, как апельсины, лимоны и тому подобное⁴⁸, бисквит⁴⁹, обычный бисквит, который продается в Confitmakers⁵⁰, специальная сладкая пудра для bagges⁵¹, отличный мармелад (Marmelate), который был преподнесен королеве Марии как новогодний подарок⁵², мармелад весьма предпочтительный для любого Лорда или Леди⁵³, косметический порошок для отбеливания кожи⁵⁴, Quodiniacke из айвы⁵⁵, Quodiniackes из малины⁵⁶. Пятый раздел – «Настойки» (Cordial Waters), в нем 7 рецептов Аква Челестис⁵⁷ (Aqua Coelestis)⁵⁸, настойка из корицы⁵⁹, настойка доктора Steeuens⁶⁰, бальзам⁶¹, Aqua Angellica (настойка ангела)⁶², Rosa Solis⁶³, полынная настойка⁶⁴.

Шестой раздел – «Consarues». Слово «Consarues» – многозначное, его можно перевести и как глагол «сохранять, сберегать, сохранить, экономить, сэкономить, сберечь, беречь, охранять, консервировать, законсервировать», и как существительное «варенье, джем, сохранение, консервация». Все зависит от контекста. Какие-то рецепты – это способы варки варенья, какие-то – способы хранения продуктов. В этом разделе 23 рецепта: мармелад из айвы⁶⁵, как сохранить красные и дамасские розы⁶⁶, как сохранить фиалки⁶⁷, грудной ролл⁶⁸, как сохранить цветы огуречника⁶⁹, как сохранить цветы розмарина⁷⁰, как сохранить цветы анхузы⁷¹, ароматические шарики⁷², как сохранить барбарис⁷³, как сохранить цветы цикория⁷⁴, как хранить огурцы в рассоле весь год⁷⁵, чрезвычайно хорошие таблетки от подагры⁷⁶, средство от подагры⁷⁷, сироп из граната⁷⁸, сироп фиалки⁷⁹, сироп⁸⁰, сироп из шандры⁸¹, сироп из адиянта (папоротника кудрявого)⁸², сироп из иссопа⁸³, как сохранить вишни до рождества⁸⁴, сироп из шелковицы⁸⁵, сироп из лимонов⁸⁶, сироп из роз sollitine⁸⁷, сироп из сухих роз⁸⁸.

Завершают сборник 3 дополнительных рецепта: как сделать свежий сыр⁸⁹, как сделать снежки⁹⁰, парфюм короля Генриха VIII⁹¹.

Из всего многообразия рецептов, приведенных в «Closset», в этой статье остановимся лишь на тех, в которых речь идет о котиньяке, мармеладе, пасте/пастиле, марципане.

Must have любого банкета или просто английского стола XVI–XVIII вв., естественно, тех социальных слоев, что могли себе это позволить, был Quodiniacke, котиньяк, котоньята в Италии, у нас бы сказали варенье из айвы. Но котиньяк не совсем варенье, вернее, варенье, сваренное по определенной технологии и до определенной консистенции. Айва – фрукт весьма интересный. Все зависит от того, насколько вам повезет выбрать/найти правильный фрукт. Лучше, конечно, сорвать с дерева, которое растет в шаговой доступности... Мне в детстве довелось есть айву, которая была спелая, сочная и пахла изумительно так, что казалось, что аромат намного превосходил вкус... Но это было давно, и когда по прошествии многих лет мне попала айва, не передать, как глубоко было мое разочарование... Айва, конечно, пахла (слегка, я долго ее старательно нюхала) и вид у нее был как из моего детства, но ее вкус был отнюдь не вкус айвы из детства... Хотя до сих пор, выбирая айву в магазине, ориентируюсь исключительно на ее аромат... Такое долгое вступление объясняет во многом любовь англичан (да и не только англичан) к айве... Вернусь к тому, что если вам попался правильный фрукт, то вам несказанно повезло, и вы сможете сварить восхитительный продукт, который в Англии носил название quidony, quiddany, quidoniac, codinacs, котиньяк и который вызывал у каждого предвкушение удовольствия от его поедания.

В Англию котиньяк и мармелад попали из Португалии и Италии в период Ренессанса⁹². Популярны сии сладости были на протяжении XVI–XVIII вв.⁹³, хотя и сегодня они не менее любимы сладкоежками всех возрастов и социальных слоев любой страны мира (за редким, наверное, исключением...). В рецептарии XVII в. приведены 5 рецептов приготовления котиньяка, это собственно рецепты котиньяка (рецепт 39, 58, 59 – котиньяк из малины, 43 – котиньяк из сливы), мармелада из айвы (рецепт 67), способ хранения айвы, который не слишком отличается от котиньяка и мармелада (рецепт 10). Автор рецептов «Closset» знает, что айву нужно готовить с некоторыми нюансами. Да и иначе ее сложно приготовить, технология у нее такая приготовления просто. Прежде чем класть сахар, фрукт моют, убирая белый пушок со шкурки, именно он и придает аромат фрукту, режут на кусочки и отваривают их в воде до мягкости, на этой стадии (об этом пишут все, кто готовил айву) помещают, где варится айва, окутывают изумительные запахи. Только после того как айва будет сварена, в сосуд, где она варилась, добавляют сахар. В современном варианте добавляют лимон/лимонную кислоту. В стародавние английские времена добавляли капли масла корицы, просто корицу, мускатный орех, листики золота (это уже в самом конце, когда остынет, для эстетичности и придания пафосности блюду)⁹⁴.

Следует заметить, что автор рецептария XVII в. предлагал сделать котиньяк из малины,

принцип приготовления такой же, за исключением того, что воду брали для этого розовую.

Котиньяк из сливы варился из слив и бразилльского сахара по обычной технологии такой, по какой варился котиньяк из айвы⁹⁵.

Пропорции 1:1, либо 2:1, если речь идет об айве, когда же дело касается котиньяка из малины, то просто указывается, что нужно положить сахар по вкусу, но «чтобы было сладко», котиньяк из сливы варился в соотношении 2:1,⁹⁶ время приготовления не указывается, степень готовности определяется мягкостью айвы, когда ее отваривают в воде (свежей), и затем уже цветом и консистенцией котиньяка, когда мякоть айвы варится с сахаром. Готовый мармелад, котиньяк укладывают в коробочки, деревянные ли, стеклянные (хрустальные) ли и хранят год. Автор сборника пишет, что «чем лучше ваш сахарный сироп, то тем лучше будет храниться айва»⁹⁷. Время и затраты на приготовление котиньяка с лихвой покрываются его вкусом – нежным, восхитительным, с легкой кислинкой, собственно айвовым, который невозможно ни с чем иным спутать, вкусом.

Следует сказать, что аналогичные рецепты приготовления айвы встречаются и в более ранних английских рецептариях, например, в сборниках 1591, 1615 гг. Правда, по этим рецептам иногда во время варки добавлялись розовую воду помимо свежей⁹⁸.

Испанский автор «Справочника для дам» был изысканнее в приготовлении айвы. Он предложил испечь пирог из айвы. Пирог пекся закрытым, внутри теста клали айву, подготовленную определенным образом: ее чистили, делали отверстие с размером в реал там, где был хвостик у фрукта, вытаскивали косточки и начиняли это отверстие сахарной водой, корицей и сливочным маслом в равных количествах, наверху отверстия должно быть сливочное масло, в каждую айву втыкали дюжину гвоздик, в каждый пирог предлагалось положить 3 или 4 айвы, затем пирог заполнялся желтками яиц, запекался в печи⁹⁹.

Разновидностью сладости из айвы был в XVII в. мармелад. Свое название этот хорошо известный современному любителю сладкого продукт получил от либо испано-португальского, либо французского слова (есть несколько версий, объясняющих происхождение его названия) «marmelade», что переводится как либо «пастила из айвы», либо (что чаще) «айвовое варенье»¹⁰⁰. С течением времени в Великобритании мармеладом стали называть варенье, джем или повидло, приготовленное из цитрусовых (апельсинов, преимущественно), а во Франции так еще называли варенье из яблок.

В сборнике 1608 г. приведены два рецепта мармелада (Marmelate). Первый описывается как «мармелад, который был поднесен королеве Марии как новогодний подарок». Он готовился из 1,5 фунта сахара, сваренного с пинтой свежей

воды по технологии Манус Кристи¹⁰¹ (Manus Christi), куда клали три или четыре айвы, один очищенный апельсин, три унции миндаля, две с половиной унции корней синеголовника приморского/морского (морского падуба), все это смешивали с сахаром до загустения, затем добавляли мускус и амбру, разведенные в розовой воде, каждого по четыре grains¹⁰², корицу, имбирь, гвоздику, мацис, каждого по три drammes¹⁰³, масла корицы 2 капли (dropes). Готовый мармелад остужался и укладывался в коробки и «так можешь преподнести кому угодно»¹⁰⁴.

Второй рецепт мармелада, который именовался «чтобы приготовить еще один вид Marmelate весьма предпочтительный для любого Лорда или Леди» скорее напоминал некое средство, которое комментатор Дж. Холлоуэй (Johnna H. Holloway) назвала «лекарственным и общеукрепляющим»¹⁰⁵.

Этот мармелад состоял из имбиря, корней синеголовника приморского и ятрышника мужского, ядер орехов, миндаля, тестикул петуха, эти все компоненты пропитывались в меду 12 часов и затем варились в молоке, после их смешивали с порошками семян крапивы, рукколы, подорожника, желудка и спинки *Scincus marinus* (обыкновенный сцинк или аптечный сцинк), *Cantarides* (шпанские мушки), соединяли с фунтом сахара, разведенного в розовой воде и сваренного снова, затем после того как все смешивали с сахаром, клалося 6 листочков золота, две драхмы жемчуга, масла корицы 5 капель, все это сушилось и клалося в коробки, и золотилось, и можно «пользоваться всем этим в свое удовольствие»¹⁰⁶.

Трудно этот продукт назвать лакомством, хотя если посмотреть на состав ингредиентов, то можно счесть это лакомством, но особого свойства, ибо больше половины, если не почти все компоненты считались афродизиаками, особенно сцинк и шпанские мушки. Правда, следует помнить, что котиньяк и мармелад в XVII в. выполняли еще функцию лекарства, что, видно, и показали эти рецепты. По мнению И. Дзя, котиньяк и мармелад в XVII и XVIII вв. имели широкий спектр применения. Так, они могли быть как рвотным средством, так и средством от слабости желудка, средством для повышения аппетита. Поэтому многие английские домохозяйки готовили такие десертно-медицинские средства из сахара, ягод, фруктов, цветов и корней растений, беспокоясь о здоровье своих близких. Кроме того, котиньяк и мармелад играли роль *voidée* (закуска перед сном, последний бокал (перед уходом гостей)) или *void*, что завершали трапезу¹⁰⁷.

Полезность айвы (пасты из айвы) как медицинского средства известна еще с XIII в. Так, например, в андалузской поваренной книге XIII в. неизвестного автора пишется, что «достоинства пасты из айвы заключаются в том, что она облегчает желудок, который страдает от желчи, подавляет горечь во рту и возбуждает аппетит. Она

препятствует проникновению плохих испарений, поднимающихся из желудка к мозгу»¹⁰⁸.

Еще одной усладой вкуса, рецептами которой с щедростью со своими читательницами делится автор «Closet», является паста/пастила (paste). Слово «paste» имеет несколько значений, его можно перевести и как «паста», и как «мастика», и как «пастила», и как «тесто». Трудно сказать, что правильно, пастила или паста. В некоторых рецептах как-то хочется считать, что речь идет именно о сахарной пасте (массе), из которой можно делать разные фигурки, в других случаях хочется именовать продукт пастилой, особенно, когда речь идет о добавках в виде фруктов, ягод, цветов.

Сырьем для нее могут служить фрукты, ягоды, лепестки цветов и собственно сахар. Начнем с последнего. В этом случае паста / пастила будет называться королевской (рецепт 33). Делается она из сахара, вернее сахарной пудры, т. е. сахар должен быть растолченным и хорошо просеянным, его в алебастровой ступке смешивают с гумми-трагакантом (камедью растений рода астрагал, выступает как эмульгатор), разведенным в розовой воде, регулируя нужную консистенцию, или сахаром (если слишком жидкая), или камедью (если слишком сухая), в эту смесь добавляют несколько капель масла корицы и взбивают, в иных рецептах можно к этой массе добавить имбирь, придать разные формы, подсушивают и, когда она подсохнет, ее золотят, и можно хранить¹⁰⁹.

Если же в сахар добавить не масло, а молотую корицу и имбирь, то в этом случае она будет называться королевской пастой/пастилой со специями (рецепт 34)¹¹⁰.

Считается, что первый рецепт в Англии сахарной пасты относится к 1558 г. Он появился после того, как появились переводы с итальянского на многие другие европейские языки книги «De secreti» Джироламо Руселли (Giralamo Ruscelli) (1520–1566)¹¹¹. Знакомство с книгой Руселли ввело моду в Англии делать из сахара съедобную посуду: «тарелки, стаканы, чашки и тому подобные вещи, которыми вы можете обставить стол, и, когда все закончится, съесть их. Приятная вещь для тех, кто сидит за столом»¹¹². Такая практика была в Венеции, когда для банкетов делалась посуда из сахара.

Технология изготовления пасты/пастилы из ягод и фруктов была в принципе такая же, только фрукты – яблоки сорта пепин (рецепт 31), персики и айву (рецепт 35) варят, потом в эту мякоть кладут сахар, опять варят и выдерживают с перерывами, периодически вытаскивая и снова кладя в специальную кастрюлю на углях до тех пор, пока они не достигнут нужного состояния. У ягод – эглантирии (рецепт 32), крыжовника (рецепт 37), лепестков фиалок (рецепт 36) – отжимают сок, смешивают его с гумми-трагакантом, смоченным в розовой воде, и вводят сахар, доводя до правильного состояния в печи. По желанию пасту/пастилу присыпают золотом. Завершая рецепт о пасте/пастиле

из фиалок, автор пишет, что это «прекрасное украшение банкетов», что называется «последний писк» моды¹¹³.

Пропорции 1:1 за исключением пасты/пастилы из крыжовника здесь 1:2, потому что «сок кислый», и поэтому автор сборника пишет, что лучше «взять сахара в два раза больше, чем сока крыжовника»¹¹⁴.

И наконец, о марципане. Несколько стран бассейна Средиземного моря претендуют на честь считаться страной его происхождения. Одной из таких стран называют Францию. Во всяком случае, так пишет В. В. Похлебкин¹¹⁵. Хотя нам предпочтительнее мнение авторов глоссария терминов средневековой кулинарии, которые утверждают, что страной происхождения марципана является Италия. Этимологию слова «марципан», по одной версии, выводят от венецианского праздника в честь св. Марка, перевода «Marchpane» как «хлеб св. Марка», по другой версии, от римских времен, от названия месяца «март», перевода «Marchpane» как «мартовский хлеб»¹¹⁶. Есть и такая точка зрения, что, вероятнее всего, марципан свое начало берет в кулинарной практике византийцев, а затем уже через Италию (возможно, арабов) и государства Пиренейского полуострова входит в обиход и других европейских стран.

Технология изготовления марципана не претерпела почти никаких изменений до наших дней. Это миндальная паста, смешанная с сахарной пастой, т. е. сахаром растолченным, и розовой водой. Иногда добавляют фруктовую и иную эссенцию, чтобы добиться разного колера и вкуса. Сейчас добавляют и шоколад. Во всяком случае больших различий в рецептах марципана у автора «Испанского женского справочника» XVI в. и автора английского сборника 1608 г. нет. Оба они пишут, что марципан делается из миндальной пасты, сахара и розовой воды (так делали со времен XIII в., например, рецепт «Как сделать фрукты из сахара» андалузской поваренной книги неизвестного автора XIII в. гласит: «добавь одну часть просеянного сахара к одной части очищенного и измельченного миндаля, замеси с розовой водой, из полученной массы можешь делать любые фрукты и фигурки, если господь пожелает»¹¹⁷). Правда, пропорции разные. В испанском справочнике 1:1, в английском – 2:1. Кроме того, оба автора в одном из рецептов (в испанском справочнике 139¹¹⁸, а в английском 48¹¹⁹) после того как будет готов марципан, во время подачи его айсируют розовой водой и сахаром, бисквитами, палочками Comfits¹²⁰, декорируют золотом.

Украшением банкета, по мысли автора сборника рецептов 1608 г., могут быть фигурки, сделанные на основе марципана (рецепт 49). Они могут быть просто пирогами, а также быть выполнены в форме птиц, корзин и прочего, в форме того и чего, что сможет подсказать фантазия и умение их исполнителя. Он пишет, что все эти фигурки делаются из массы марципановой, разогретой в

кастрюле на каменных углях до определенной температуры («пока вы не увидите белый воск, тогда вы можете (массе. – М. Т.) придавать разные формы»), их тоже можно декорировать золотом и можно хранить год. Он пишет, что «эти фигурки очень радуют детей»¹²¹.

Сроки хранения котиньяка, мармелада, специально приготовленной для хранения айвы, пасты/пастилы, марципана автор «Closet» определял в один год. По предписаниям современных правил хранения мармелад на агаре и желатине положено хранить около года, при этом категорически не рекомендуется подвергать его воздействию прямого солнечного света, поэтому лучше всего мармелад хранить в прохладном и темном месте, где на продукт не будут попадать лучи солнца¹²².

Сроки хранения пастильных изделий со дня изготовления устанавливают следующие: зефира и клеевой пастилы, зефира в шоколаде – 1 месяц; заварной пастилы в шоколаде – 3 месяца¹²³. На коробке «Белевской пастилы» написано, что срок ее хранения составляет 9 месяцев. Марципаны хранят несколько месяцев. Хотя фигурки и композиции из марципановой массы в музеях марципана разных стран хранятся чуть ли не вечно; правда, съесть их вряд ли кто решится... Поэтому, чем руководствовался автор сборника кулинарных рецептов 1608 г., когда определял срок хранения своей сладкой продукции в один год, сложно сказать. Может быть, проверенной практикой сроков хранения... Но, во всяком случае, наверное, напрашивается вывод, что составитель «Closet» был обеспокоен качеством продукции и здоровьем ее потребителей.

Основой любого рецепта данной кулинарной коллекции являлся сахар. В XVII в., как и в предшествующие столетия, он относился к дорогостоящим и пафосным продуктам¹²⁴. Сахар выполнял функции консерванта и ингредиента блюда. Судя по рецептам, сахар был разного качества и происхождения. Упоминается сахар из Бразилии, из Северной Африки, так называемый берберийский сахар. Под берберийским сахаром (Barbary Sugar) понимали сахар, который производился на территории государств Варварского берега, главным образом в Марокко. По своим качествам берберийский сахар считался хуже, чем сахар, привозимый с о. Мадейры, но лучше, чем коричневый сахар.

Сахар толкли до измельченного состояния (пудры), просеивали, варили до определенной консистенции, чаще всего до состояния Манус Кристи (Manus Christi), осветляли с помощью белка яиц, во время варки снимали пену. В Англию сахар попадал через португальских торговцев. Португальцы первыми из европейцев в XV в. стали выращивать сахарный тростник на о. Мадейре, а с XVI в. и в Бразилии¹²⁵. Сахар из Северной Африки на английский рынок поставляла Марокканская компания (Barbary Company, или Marocco Company) (основана в 1585 г.)¹²⁶.

Как всегда, остается открытым вопрос: кто непосредственно готовит кондитерские изделия – все эти конфеты, леденцы, марципаны, котиньяк, мармелад, пастилу и т. п.? Сама хозяйка или ее повар / кухарка, или приглашенные повара / кухарки? Либо, следуя инструкциям этого рецептария, хозяйка руководит процессом приготовления лакомств, давая указания, а все действия выполняет ее прислуга? Здесь сложно ответить, потому что могут быть всевозможные варианты. Кроме того, известно, что многие леди и благородные дамы являлись составителями поваренных книг, поэтому возможно предположить, что собственноручное изготовление кондитерских изделий не считалось зазорным занятием. Занималась же Елизавета I рукоделием... Чаще всего все-таки исследователи склоняются к той мысли, что кондитерские изделия из-за дороговизны ингредиентов – это исключительно прерогатива хозяйки¹²⁷. По нашему мнению, наверное, можно предположить, что если объемы готовки были невелики, то хозяйка лично занималась ею, если же речь шла о грандиозном банкете, то, скорее всего, приходилось прибегать к услугам специально обученного персонала, но при этом внимательно наблюдая за процессом, и особенно за тем, как расходуется столь ценное сырье.

Таким образом, задача автора рецептария 1675 г. «Секреты для леди и благородных дам» состояла в том, чтобы раскрыть некоторые тайны приготовления блюд, составляющих десертную часть банкета, чтобы дамы разного социального статуса могли блеснуть своими навыками в кулинарии. В любом случае следует признать, что и конфеты/цукаты/леденцы, как и котиньяк, мармелад, марципаны, несомненно, являлись украшением любого застолья. Надо полагать, что появление в начале XVII в. отдельного сборника рецептов только кондитерских изделий говорит о выделении кондитерства в отдельную сферу кулинарной практики, достаточно востребованную и трендовую.

Примечания

- 1 См.: Киясов С. Е., Мосолкина Т. В., Чернова Л. Н. Лондон на рубеже эпох : мозаика повседневности (XVI – XVIII вв.). Саратов, 2015. С. 4.
- 2 См.: Чернова Л. Н. Томас Платтер и культурное пространство Лондона конца XVI века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 40, 41.
- 3 Цит. по: Киясов С. Е., Мосолкина Т. В., Чернова Л. Н. Указ. соч. С. 49.
- 4 См.: Бартон Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. М., 2005.
- 5 См.: Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1954. С. 294–327.
- 6 Например : Кенгис Р. П. Домашнее приготовление тортов, пирожных, печенья, пряников, пирогов. М., 1992.

- В книге приведены рецепты помады, сиропов, желе, домашних заготовок из фруктов и ягод, кроме конфет и марципана.
- ⁷ A Closet for Ladies and Gentlewomen. Or, The Art of Preseruing, Conseruing, and Candyng. With the manner hovve to make diuers kinds of syrups : and all kind of banqueting stuffes. London : Printed [by F. Kingston] for Arthur Iohnson, dvvelling neere the great north dore of Paules, 1608 / Edited and Annotated by Johnna H. Holloway. URL: <http://www.medievalcookery.com/notes/1608closet.pdf> (дата обращения: 31.12.2016). Далее – Closet.
- ⁸ *Whitaker A.* English Cookery Books to the year 1850. London, Edinburg, New York, Toronto, Melburne, Bombay, 1913. URL: <http://www.archive.org> (дата обращения: 25.01.2017).
- ⁹ Closet.... P. 20, 21.
- ¹⁰ Ibid. P. 20.
- ¹¹ Ibid. P. 21.
- ¹² Ibid. P. 22.
- ¹³ Ibidem. О миробалане см.: Mirabolans // Glossary of Medieval & Renaissance Culinary Terms. URL: <http://www.pbm.com/~lindahl/food.html>, <http://www.xmarks.com/site/www.medievalcookery.com/> (дата обращения: 25.01.2017). Полагают, что это темно-пурпурные сливы. Иногда их называют «индийскими сливами».
- ¹⁴ Closet.... P. 23.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ Ibid. P. 24.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Ibid. P. 25.
- ¹⁹ Ibid. P. 26.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ Ibid. P. 27.
- ²² Ibidem.
- ²³ Ibid. P. 28.
- ²⁴ Ibidem.
- ²⁵ Ibid. P. 29.
- ²⁶ Ibid. P. 30.
- ²⁷ Ibid. P. 37.
- ²⁸ Ibid. P. 38–39.
- ²⁹ Ibid. P. 39.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ Ibid. P. 40.
- ³² Ibid. P. 41.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ Ibid. P. 42.
- ³⁵ Ibidem.
- ³⁶ Ibid. P. 43.
- ³⁷ Ibid. P. 44. Под leach понимают блюдо, которое содержит желатин и которое может быть порезано на кусочки (Leach, lese, lesse, leshe, lesk) // Glossary of Medieval & Renaissance Culinary Terms...
- ³⁸ Closet.... P. 44.
- ³⁹ Ibid. P. 45.
- ⁴⁰ Biskettello // Glossary of Medieval & Renaissance Culinary Terms...
- ⁴¹ Closet.... P. 45.
- ⁴² Ibid. P. 46.
- ⁴³ Ibid. P. 46–47.
- ⁴⁴ Ibid. P. 47.
- ⁴⁵ Ibidem.
- ⁴⁶ Ibid. P. 48.
- ⁴⁷ Ibid. P. 49.
- ⁴⁸ Ibidem.
- ⁴⁹ Ibid. P. 50.
- ⁵⁰ Ibidem.
- ⁵¹ Ibid. P. 51.
- ⁵² Ibid. P. 52.
- ⁵³ Ibid. P. 52–53.
- ⁵⁴ Ibid. P. 53–54.
- ⁵⁵ Ibid. P. 54.
- ⁵⁶ Ibid. P. 55.
- ⁵⁷ Aqua celestis – алкогольный напиток, использовался в медицинских целях // Glossary of Medieval & Renaissance Culinary Terms....
- ⁵⁸ Closet.... P. 56.
- ⁵⁹ Ibidem.
- ⁶⁰ Ibid. P. 57.
- ⁶¹ Ibid. P. 57–58.
- ⁶² Ibid. P. 58.
- ⁶³ Cordial Waters. URL: <http://www.historicfood.com/rosolio.htm> (дата обращения: 25.01.2017).
- ⁶⁴ Closet.... P. 58.
- ⁶⁵ Ibid. P. 59.
- ⁶⁶ Ibid. P. 60.
- ⁶⁷ Ibid. P. 61.
- ⁶⁸ Ibidem.
- ⁶⁹ Ibid. P. 62.
- ⁷⁰ Ibidem.
- ⁷¹ Ibid. P. 62–63.
- ⁷² Ibid. P. 63.
- ⁷³ Ibid. P. 63–64.
- ⁷⁴ Ibid. P. 64.
- ⁷⁵ Ibid. P. 65.
- ⁷⁶ Ibidem.
- ⁷⁷ Ibid. P. 66.
- ⁷⁸ Ibidem.
- ⁷⁹ Ibid. P. 67.
- ⁸⁰ Ibidem.
- ⁸¹ Ibid. P. 68.
- ⁸² Ibidem.
- ⁸³ Ibid. P. 69.
- ⁸⁴ Ibidem.
- ⁸⁵ Ibid. P. 70.
- ⁸⁶ Ibidem.
- ⁸⁷ Ibid. P. 71.
- ⁸⁸ Ibidem.
- ⁸⁹ Ibid. P. 72.
- ⁹⁰ Ibid. P. 73.
- ⁹¹ Ibidem.
- ⁹² *Day I.* The Art of Confectionery. URL : <http://www>.

- historicfood.com/The Art of Confectionery.pdf (дата обращения: 25.01.2017).
- ⁹³ Ibidem.
- ⁹⁴ Closet... P. 43, 60, 25.
- ⁹⁵ Ibid. P. 49.
- ⁹⁶ Ibid. P. 55, 49.
- ⁹⁷ Ibid. P. 25.
- ⁹⁸ Book of Cookery, 1500 ; The Book of Carving. W. de Worde. 1508, 1513 ; A Proper New Book of Cookery. 1546 ; The Treasury of Commodious Conceits and Hidden Secrets. By John Partridge. 1580, 1586 ; позже она издавалась под названием «Treasury of Hidden Secrets», 1596, 1600, 1637, 1653 ; A Book of Cookery. Gathered by A. W. 1584, 1591 ; The Good Housewife's Jewel. By Thomas Dawson. In two Parts, 1585 ; The Good Housewife's Treasury. 1588 ; Cookery for all manner of Dutch Victual. Licensed in 1590. См.: *Hazlitt W. C. Old Cookery Books and Ancient Cuisine. L., 1902.* URL: <http://www.gutenberg.net/> (дата обращения: 20.02.2017) ; *Whitaker A. English Cookery Books to the year 1850. L. ; Edinburg ; New York ; Toronto ; Melbourne ; Bombay, 1913.* URL: <http://www.archive.org> (дата обращения: 25.01.2017) ; A Book of Cookrye. Very Necessary for all such as delight therein. Gathered by A. W. London Printed by Edward Allde. 1591. URL: <http://www.medievalcookery.com> (дата обращения: 20.02.2017).
- ⁹⁹ Manual de mujeres en el cual se contienen muchas y diversas recetas muy buenas. URL: <http://www.cervantesvirtual.com> (дата обращения: 25.01.2017) ; есть английский перевод Карен Ларсдаттер : Manual of Women in which is contained many and diverse very good recipes. URL: <http://www.larsdatter.com/manual.htm> (дата обращения: 25.01.2017).
- ¹⁰⁰ *Похлебкин В. В. О кулинарии от А до Я : словарь-справочник. Минск, 1988. С. 95–96 ; Albala K. Cooking in Europe, 1250–1650. Westport ; Connecticut ; London, 2006. P. 129.*
- ¹⁰¹ Manus Christi, manis Christi – сахар-кандис из сахара, розовой воды и листочков золота. Технология приготовления – сахар варится до 220 градусов по Фаренгейту (Manus Christi, manis Christi // Glossary of Medieval & Renaissance Culinary Terms... ; *Day I. The Art of Confectionery...*).
- ¹⁰² Graines – мера веса, тройский гран = 64,798 91 мг.
- ¹⁰³ Drammes – мера веса, драхма была равна 3 скрупулам, 1 скрупул = 20 гран.
- ¹⁰⁴ Closet... P. 52.
- ¹⁰⁵ Ibid. P. 53.
- ¹⁰⁶ Ibidem.
- ¹⁰⁷ *Day I. The Art of Confectionery...*
- ¹⁰⁸ An Anonymous Andalusian Cookbook of the 13th Century Translated by Charles Perry. URL: http://www.daviddfriedman.com/Medieval/Cookbooks/Andalusian/andalusian_contents.htm (дата обращения: 20.02.2017).
- ¹⁰⁹ Closet... P. 38–39.
- ¹¹⁰ Ibid. P. 39.
- ¹¹¹ De secreti del reuerendo donno Alessio Piemontese, prima parte, diuisa in sei libri, In Venetia : per Sigismondo Bordogna, 1555. URL: [http://dfg-viewer.de/show/?set\[mets\]=http3A//digital.ub.uni-duesseldorf](http://dfg-viewer.de/show/?set[mets]=http3A//digital.ub.uni-duesseldorf) (дата обращения: 18.02.2017). Есть и переиздание 1562 г. : De secreti del reverendo donno Alessio Piemontese. Venetia : de gli Antonii, 1562. Например, на французском : Les secrets de reverend Alexis Piémontois : contenant excellens remedes contre plusieurs maladies, playes et autres accidens ; avec la manière de faire distillations, parfums, confitures, teintures, couleurs et fusions ; oeuvre bien approuvé, très utile et nécessaire a un chacun. Anvers, 1557.
- ¹¹² *Day I. The Art of Confectionery...*
- ¹¹³ Closet... P. 40.
- ¹¹⁴ Ibid. P. 41.
- ¹¹⁵ *Похлебкин В. В. О кулинарии... С. 96.*
- ¹¹⁶ Glossary of Medieval & Renaissance Culinary Terms...
- ¹¹⁷ An Anonymous Andalusian Cookbook ...
- ¹¹⁸ Manual de mujeres en el cual se contienen muchas y diversas recetas muy buenas ...
- ¹¹⁹ Closet... P. 48.
- ¹²⁰ Comfits – драже, мелкие конфеты/конфетки, их могли делать из фруктов, ягод, семян (аниса, тмина), палочек корицы, хлебных крошек, которые покрывали сахаром (Comfits // Glossary of Medieval & Renaissance Culinary Terms...).
- ¹²¹ Closet... P. 48.
- ¹²² Хранение мармелада и срок его годности. URL: <http://marmeladland.com/poleznyie-materialyi/hraneniemarmelada> (дата обращения: 16.02.2017).
- ¹²³ Хранение мармелада, пастилы : URL: https://znaytovar.ru/s/Tovarovedenie_i_ekspertiza_pas.html (дата обращения: 17.02.2017).
- ¹²⁴ *Mintz S. W. Sweetness and Power. The place of sugar in Modern History. Harmomworth, 1985. P. 30, 31, 78, 79, 82, 84 ; Albala K. Cooking in Europe... P. 3.*
- ¹²⁵ *Galloway J. H. Sugar // The Cambridge World History of Food. 2000. 1–2. Vol. 1. P. 442.*
- ¹²⁶ Barbary Sugar // Glossary of Medieval & Renaissance Culinary Terms...
- ¹²⁷ *Day I. The Art of Confectionery...*

Образец для цитирования:

Третьякова М. В. Десерты кухни Англии XVII века: котиньяк, мармелад, пастила, марципаны и много-много сахара... // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 70–76. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-70-76.

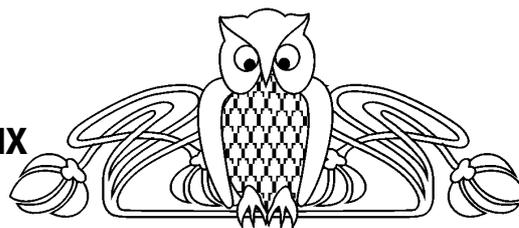
Cite this article as:

Tretyakova M. V. The Desserts of the English Cuisine of the Seventeenth Century: Cotignac, Marmalade, Paste, Marzipan and Lots of Sugar... *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 70–76 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-70-76.

УДК 94(470)16/18

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС, КРЫМСКАЯ ВОЙНА И КОНЕЦ «СВЯЩЕННОГО АЛЬЯНСА» В АВСТРИЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Е. В. Сироткина

Сироткина Евгения Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и гуманитарных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Тамбовский филиал), evgsirotkina@yandex.ru

В статье рассматриваются причина краха Венской системы и Священного союза в ходе обострения Восточного вопроса и Крымской войны 1853–1856 гг. Автор подчеркивает старания руководства внешней политики Австрии сохранить австрийско-российские отношения на первом этапе Крымской войны и в конечном итоге стратегическую ошибочность курса Австрии, приведшего ее к изоляции.

Ключевые слова: австрийско-российские отношения, Восточный кризис, Крымская война.

The Eastern Question, the Crimean War and the End of the «Holy Alliance» in Austrian-Russian Relations

E. V. Sirotkina

Evgeniya V. Sirotkina, ORCID 0000-0002-8905-6996, Tambov branch of the Russian Academy of national economy and public administration of the President of the Russian Federation, 14 a, Morshanskoe Shosse, Tambov, 392008, Russia, evgsirotkina@yandex.ru

The article discusses the reason for the collapse of the Vienna system and the Holy Alliance, during the exacerbation of the Eastern question and the Crimean war of 1853–1856. The author emphasizes the efforts of the Austrian foreign policy leaders to save the Austrian-Russian relations in the first phase of the Crimean war and, ultimately, the strategic fallacy of course Austria, which led her to isolation.

Key words: Austrian-Russian relations, Eastern crisis, Crimean war.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-77-83

Восточный вопрос оставался одной из самых долговременных и сложных проблем в австрийско-российских отношениях в XIX столетии, и именно он станет причиной крушения, казалось бы, крепкого международного союза двух континентальных европейских империй.

Накануне возникновения Восточного кризиса середины 1850-х гг. в Австрии произошли значительные изменения в руководстве внешней политикой. 5 апреля 1852 г. прямо во время заседания Совета министров умер от апоплексического удара князь Шварценберг. Смерть Шварценберга – выдающегося государственного деятеля, которым юный император искренне восхищался и которому во многом, подобно отцу, подражал, – стала для Франца Иосифа весьма печальным событием, но в то же время и осво-

бождением от опеки¹. Само собой разумеется, Франц Иосиф считал внешнюю политику именно той областью, которая согласно всем классическим канонам должна быть вотчиной монарха. Так что император, не колеблясь ни минуты, сам заполнил образовавшийся вакуум и был настолько уверен в себе, что открыто заявил о своем намерении впредь самостоятельно руководить политикой, продолжая дело Шварценберга.

Внешняя политика Франца Иосифа будет проводиться под знаком двух фундаментальных и роковых ошибок в оценке ситуации: переоценке сил и мощи Австрии и иллюзий относительно ее влияния в Германском союзе. Император был юн и неопытен, а юности присущи оптимизм и склонность верить и действовать без излишних сомнений и размышлений. К этому следует добавить впечатления от успешного подавления революции военной силой, от удачного исхода смелого дипломатического наступления, в результате которого удалось сохранить и укрепить внешнеполитические позиции монархии, от прекрасноречивых речей реформаторов о предстоящих преобразованиях в Центральной Европе. Все это в сочетании с приверженностью династическому принципу и верой в силу солидарности консервативных режимов и определило стратегические линии в политике Австрии².

Во время как в российской историографии существует относительное единство мнений о том, что именно Николай I являлся лидером внешней политики Российского государства, а канцлер К. В. Нессельроде оставался лишь «ведомым» в этом тандеме³, общности взглядов среди австрийских историков на то, кто именно несет большую ответственность за крах австрийской внешней политики в это десятилетие – Франц Иосиф или его министр Карл Фердинанд граф Буоль-Шауэнштайн – до сих пор нет. Так, Б. Ункель в своей работе «Австрия и Крымская война. Исследования политики Дунайской монархии в 1852–1856 гг.» утверждает, что именно «император был своим собственным министром иностранных дел»⁴. По его мнению, вина за события Крымской войны для Австрии не может быть возложена на одного Буоля. «Ответственность, – пишет он, – прежде всего ложится на императора, который руководствовался, конечно, юношеской неопытностью и прислушивался к мнению той партии, которая подталкивала его к авантюрам с неизвестным исходом, в то время как Монархия находилась в тяжелом состоянии»⁵. Его оппонент В. Хайндль

в своем труде «Граф Буоль-Шауэнштайн в Санкт-Петербурге и Лондоне (1848–1852). О генезисе антагонизма между Австрией и Россией», напротив, доказывает, что «Франц Иосиф предоставлял своему министру иностранных дел свободу действий», и тот всегда имел возможность влиять на формирование внешнеполитического курса Австрии⁶.

Восточный кризис 50-х гг. XIX в. нес в себе для Австрии и ее руководителей одни только трудности. Они считали важной традиционную дружбу с Россией, одновременно опасаясь, что продвижение русских на Балканы может вызвать беспокойство среди славянского населения Австрийской империи. Русская политика была нацелена на восстание южных славян, а это означало бы разрушение существующего порядка. Заботило и другое: а вдруг выступление на стороне своего «старого друга» России в Крыму даст Франции предлог напасть на итальянские территории Австрии. О наличии этой угрозы свидетельствовала продолжительная поездка по Италии осенью 1853 г. французского министра иностранных дел Бренье, демонстративно подготавливавшего создание Французской лиги⁷. Перед Австрией стояла и еще более неотложная проблема: поскольку ее торговля с внешним миром шла главным образом по Дунаю, она не могла допустить пребывания русских в Дунайских княжествах.

И все же Австрия не хотела войны с Россией – войны, в которой она должна была принять на себя главный удар. Она желала невозможного, чтобы Николай I отказался от своих требований к Турции, не считая себя при этом униженным. Отсюда усилия Австрии придумать план, который удовлетворил бы царя, но сохранил независимость Турции – политика, которая закончилась бы обманом или попыткой обмануть обе стороны.

Имеющиеся источники подтверждают, что министр иностранных дел Австрии Буоль до марта 1854 г. не имел никаких причин желать войны, напротив, он делал все для того, чтобы добиться мирного разрешения конфликта⁸. К основным приоритетам внешней политики Австрии в этот период по-прежнему относились: сохранение Османской империи, европейского равновесия и мира в целом. Эту программу Буоль заимствовал у своего предшественника Меттерниха. Меттерних, в свою очередь, писал Буолю: «Австрия может желать только сохранения Турецкой империи в Европе, не из-за пристрастия к последней, а вследствие того, что от любого иного соседства потерпит одни только убытки, а через его территориальное расширение – издержки, ничего не приобретя взамен»⁹. (Очевидно, что Меттерних при этом имел в виду опасное соседство Российской империи. – Е. С.).

С самого начала Австрия заявила о своем нейтралитете, что было разумным шагом. В соответствии с сохранением принципов европейского мира и политического равновесия Буоль

попытался, как только к нему пришло понимание всей серьезности осложнения восточного вопроса, т. е. с мая 1853 г., взять на себя роль посредника между Санкт-Петербургом, Константинополем, Парижем и Лондоном. Это было обусловлено его опасениями, что Австрия просто окажется неспособна пережить европейскую войну. «Мы пытаемся умиротворить все стороны и избежать европейского осложнения, которое *прежде всего* может всей своей тяжестью пасть на Нас»¹⁰, – писал Буоль 1 июля 1853 г. (курсив автора. – Е. С.).

14 июня 1853 г., когда разрыв между Россией и Турцией уже стал очевидным, Буоль писал австрийскому послу в Берлине Фридриху Туну: «Мы не преследуем на Востоке никакой иной цели, кроме как сохранение Османской империи, а также связанных с этим политического равновесия и внешнего и внутреннего мира среди европейских соседей»¹¹. В этом же письме Буоль высказывает опасение, что военное противостояние на Востоке способно снова оживить силы революции. Опасения своего министра иностранных дел разделял и Франц Иосиф. В июле 1853 г. австрийский император назвал революцию «худшим наследственным врагом для христианского мира, чем турки»¹².

Со своей стороны Николай I предпринимает попытки окончательно привлечь Австрию на свою сторону. В двух личных посланиях к Францу Иосифу, а также через своего посла в Вене он делает Австрии заманчивое предложение. В случае европейской войны и начавшегося восстания южных славян против Турции Россия и Австрия смогут приобрести совместный протекторат над Сербией и Герцеговиной, а также провозгласить Константинополь свободным городом¹³.

Однако Франц Иосиф отказался от подобного настойчивого предложения царя, а Буоль заметил, что Австрия и без того уже сдерживающим образом влияет на Константинополь¹⁴. В письме военному министру Францу Дьюлаи от 30 июня 1853 г. Буоль писал: «Император должен, как мне кажется, теперь признать, что он не сможет воевать против Турции без того, чтобы Англия и Франция не объединились в тесный союз *с целью* открытого противодействия; что Австрия в любом случае не вынет меч за религиозные и политические цели противоположные ее собственным, и вообще ее положение в Европе не может быть поставлено на карту из-за авантюрных проектов на Востоке, что, наконец, против этого несправедливого нападения более или менее открыто высказываются общественное мнение и все кабинеты»¹⁵ (курсив автора. – Е. С.). Приведенные суждения официального лица опровергают до сих пор часто встречающуюся точку зрения, что австрийская внешняя политика изначально носила экспансионистский характер. Напротив, Буоль и Франц Иосиф действовали как «реальные политики», осознавая, что принятие русского предложения неизбежно приведет к общеевропейской войне.

Хотя австрийцев чрезвычайно раздражала негибкая позиция обеих сторон, все же им казалось, что непосредственная угроза исходит именно от России. Даже в те времена, когда Россия сохраняла лояльность консервативному союзу Мюнхенгнца и ограничивала себя непрекращаемыми условиями этого договора, она представляла известную опасность для Австрии. Так, в своей решимости защитить экспорт южнороссийского зерна от румынской конкуренции Россия использовала свое право владельца с 1829 г. участка Дунайской дельты и свои позиции как защитницы Дунайских княжеств с 1829 г., чтобы затормозить ирригационные работы, направленные против обмеления рек, что привело к крайне убыточным последствиям важной для Австрии дунайской торговли¹⁶.

С вступлением России в Дунайские княжества в начале июля 1853 г. в Восточном кризисе наступила новая фаза, которая продолжалась почти до конца 1853 г. В этот период завершается отход Австрии от России. Попытки Буоля в эти месяцы достичь любыми способами компромисса и мирного разрешения Восточного кризиса доказывают, с каким терпением и настойчивостью действует первоначально Австрия. Естественно, что подобная политика была продиктована, прежде всего, жизненными интересами самой Дунайской монархии. Как реальный политик, Буоль слишком хорошо осознавал, что направленный против России военный альянс средиземноморских держав и Турции мог привести и Австрию к чрезвычайно тяжелому изолированному положению. Для Буоля, так же как и для Меттерниха, непрекращаемым правилом являлось то, что совместная работа Австрии с Россией не ставится под сомнение до тех пор, пока Россия не попытается изменить существующий *status quo* на Балканском полуострове в свою пользу. Миссия Меншикова и оккупация Дунайских княжеств стали доказательством для Австрии того, что Россия разрывала с политикой, которая прямо поддерживала *status quo*, с той политикой, на которой основывался австрийско-российский союз, начиная с Мюнхенгнца. В тот момент, когда Россия дала почувствовать султану свою силу, которой она располагала в Дунайских княжествах и которая пробудила беспокойство в западных балканских землях, возникла прямая угроза и стратегическому положению Габсбургской империи.

Вена отчаянно пыталась воспрепятствовать обострению положения, которое бы привело к настоящей войне между Россией и западными державами. Подобная война поставила бы Австрию перед выбором принять чью-либо сторону – выбор, для которого Австрия со своим уязвимым положением на Востоке и в Италии была плохо подготовлена. По этой причине Буоль был занят разработкой компромиссных предложений в рамках Священного альянса, которые бы позволили России отказаться от политики с позиции силы,

не потеряв лицо. Но все попытки Буоля оказались безуспешными. С одной стороны, ему создавали препятствия британцы, которые были настроены вытеснить Россию из Европы и с Востока, с другой стороны, сам царь, который, напоминая о своих заслугах перед Австрией в 1849 г., рассчитывал на безусловную поддержку со стороны Австрии. Николаем I предложения о компромиссе Буоля воспринимались как предательство Священного союза¹⁷.

Следует признать, что, взяв стратегический курс на разгром России в войне, правительства западных держав не сразу отказались от поисков иных путей урегулирования Восточного кризиса. Поэтому наряду с военными приготовлениями продолжалась и напряженная дипломатическая работа, в которой участвовала и Австрия. Наиболее известным проектом мирного урегулирования русско-турецкого конфликта летом 1853 г. стала так называемая «Венская нота».

В конце сентября – начале октября 1853 г. в Ольмюце, Варшаве и Потсдаме состоялись встречи царя с политическими лидерами Австрии и Пруссии¹⁸. Основной целью этих осенних встреч было, конечно, уяснение позиций Австрии и Пруссии. К этому времени царь начинает осознавать, что единство трех северных дворов являлось скорее желаемым, чем действительным. О безоговорочной поддержке обеими державами восточной политики России не могло быть и речи. Оккупация Дунайских княжеств была встречена без малейших признаков энтузиазма. Приходилось довольствоваться тем, что «несмотря на настоятельные требования морских держав, берлинский кабинет отказался протестовать». Венский же кабинет «запрашивал нас снова и снова о продолжительности оккупации», – так писал Нессельроде в годовом (1853 г.) министерском отчете¹⁹.

В Ольмюце Николай I думал привлечь Австрию новыми планами раздела Турции. Он опять говорил о Константинополе как о «вольном городе», предлагал Австрии западные Балканы и даже высказывал мысль о совместном с ней протекторате над Дунайскими княжествами, делая все, что было в его силах, чтобы нарушить солидарность «Европы». Ничто не могло больше встревожить Австрию, чем перспектива постоянно иметь русских на Дунае даже в качестве партнеров. Франц Иосиф сказал мрачно: «Нам придется поддерживать порядок в этих странах, а это неосуществимо»²⁰. Так как Восточный вопрос ожил, Священный союз превратился в не более чем призрак.

Развитие Восточного конфликта вынуждало Буоля в интересах Австрийской империи все сильнее дистанцироваться от России. Это будет подчеркнуто двумя актами: во-первых, провозглашением нейтралитета Германским союзом 10 ноября 1853 г. и, во-вторых, подписанием Венского протокола 5 декабря 1853 г. Венский протокол напоминал царю о его обещании не

разрушать неприкосновенность Турции и не ослаблять власть султана над его христианскими подданными. В то же время он снова призывал султана пойти на уступки христианам. Венский протокол являлся предложением: Австрия и еще более Пруссия соглашались на него с намерением предостеречь царя, что против него «вся Европа», но ни та, ни другая держава не имела в виду брать на себя обязательства действовать активно²¹. И снова Венский протокол не привел к мирному урегулированию конфликта.

В ночь с 3 на 4 января 1854 г. англо-французская эскадра вошла в Черное море и взяла «под защиту османский флаг и территорию». Это означало фактическое вступление в войну западных держав против России. Одновременно усиливается давление на Австрию с той и другой стороны, дабы заставить ее, наконец, определить свою позицию и окончательно принять чью-либо сторону в этом противостоянии.

После того как Венский протокол от 5 декабря 1853 г. не принес никакого прогресса в разрешении затянувшегося конфликта, в условиях усилившегося давления на Австрию Буоль 16 января 1854 г. представил императору верноподданный доклад о политических возможностях, которые предоставляет Австрии сложившаяся ситуация. В своем докладе он со всей ясностью возложил ответственность на русскую политику за то роковое развитие событий, которое принял Восточный кризис. Для Австрии, по мнению Буоля, теперь оставались три возможности, которые зависели от образа действий России:

1) если Россия в соответствии с постоянно повторяющимися обещаниями не перейдет Дунай, Австрия может остаться нейтральной;

2) если Россия перейдет Дунай, Австрия должна заявить о вооруженном нейтралитете и достичь соглашения с западными державами;

3) если Россия однозначно покажет, что намерена проводить экспансионистскую политику, Австрия должна будет заключить альянс с западными державами и выступить против России с оружием в руках²². Последняя возможность, впрочем, пока еще казалась Буолю маловероятной.

В конце января 1854 г. в Вену был отправлен один из любимцев русского императора – граф Алексей Федорович Орлов, для окончательного выяснения позиции Австрии. Официальным предложением путешествия А. Ф. Орлова являлась необходимость доставки в Вену новых русских условий урегулирования конфликта с Портой в связи с нотой, которую четыре державы (Англия, Франция, Австрия и Пруссия) адресовали Турции в декабре 1853 г.

Орлов передал Францу Иосифу предложение объявить о дружественном нейтралитете Австрийской империи в случае войны России с западными державами. Взамен Россия взяла бы на себя обязательство гарантировать неприкосновенность австрийских владений, в том

числе и Ломбардии, что было особенно важно. Кроме того, Австрии предлагалось в случае победы России в войне разделить с ней на равных правах протекторат над Сербией, Болгарией, Молдавией и Валахией. Император Франц Иосиф и венский кабинет сочли русские предложения невыгодными.

В конце концов император, военное руководство и министр иностранных дел Австрии пришли к выводу, что на фоне высокой степени готовности к войне следует активными политическими действиями пресечь экспансию России и ее проникновение на Балканы, стремясь попутно в рамках европейского концерта к усилению собственного влияния на территориях, находившихся в зоне контроля Османской империи. Австрийские интересы были устремлены в направлении устья Дуная и, таким образом, вступали в противоречие с интересами России. Россия разжигала национализм балканских народов, что было опасно в плане дестабилизации австрийской монархии и противоречило общей антиреволюционной тенденции ее политики. Эти соображения переплетались с «центральноевропейскими» целями Австрии, т. к. перенос основной направленности и австрийской, и общегерманской политики на юго-восток должен был способствовать повышению веса монархии Габсбургов в Германии и легитимизировать ее притязания на ведущую роль в Германском союзе²³.

Уже в конце марта 1854 г. Буоль в своих письмах убеждает Франца Иосифа: «Русско-турецкая война наносит ущерб жизненно важным интересам Австрии и принуждает к альянсу со средиземноморскими морскими державами»²⁴, и «Австрия, наряду с остальными державами, не может согласиться с исключительным преобладанием России на Востоке»²⁵.

Решение Австрии отказаться от консервативного союза с Российской империей будет иметь для нее долговременные стратегические последствия. Г. Киссинджер в своей работе «Дипломатия» пишет: «Так Австрия выбросила за борт Николая I и постоянную, прочную дружбу с Россией со времен наполеоновских войн. Безответственность, граничащая с паникой, заставила преемников Меттерниха отбросить наследие консервативного единения, которое накапливалось столь тщательно – порой болезненно – десятилетиями. В один миг Австрия сбросила с себя оковы общности ценностей, что также освободило от обязательств Россию, позволив ей вести свою собственную политику, основывающуюся исключительно на геополитических выгодах. Следуя подобным курсом, Россия вынуждена была резко разойтись с Австрией по поводу будущего Балкан и в свое время заняться попытками подрыва Австрийской империи»²⁶.

Вскоре выяснилось, что даже и в рамках традиционной для Европы «концертной» дипломатии сил Австрии недостаточно для того, чтобы занять

ключевую позицию и оттуда дирижировать заключением выгодного для нее мира, одновременно укрепив свои позиции на Востоке, в Германии и в Италии. Не став ведущими, Франц Иосиф и Буоль все больше превращались в ведомых и в конечном итоге стали жертвой более сильных держав, однако из этого урока не были сделаны правильные выводы.

Под влиянием французской дипломатии венский двор отказался связать себя обязательством остаться нейтральным в войне. Более того, австрийцы заявили о намерении содержать на границе с Дунайскими княжествами в тылу русской армии наблюдательный корпус, который и был снаряжен сразу же по отбытии царского посланца из Вены²⁷. Рассказывают, как только Николай узнал о том, что Орлов, дипломат ловкий и умелый, вернулся с пустыми руками, он повернул к себе висевший в его личных покоях портрет Франца Иосифа и в сердцах написал на оборотной стороне холста по-немецки «Du Undankbare» (неблагодарный)²⁸.

Обида и боль от «предательства» Австрией будут преследовать Николая Павловича до последних дней. 1 (13) июня 1854 г. он напишет Паскевичу: «Настало время готовиться бороться уже не с турками и их союзниками, но обратить все наши усилия против вероломной Австрии и горько покарать ее за бесстыдную неблагодарность»²⁹. И в другом письме от 3 (15) июля 1854 г.: «Меня всякий может обмануть *раз*, но зато после обмана я уже никогда не возвращаю утраченного доверия»³⁰ (курсив автора. – Е. С.). Наконец, в письме главнокомандующему Южной армией, князю М. Д. Горчакову, государь восклицал: «Бог накажет их (австрийцев. – Е. С.) рано или поздно!»³¹.

Австрия сумела преградить России дорогу на Балканы и к Константинополю, решившись на длительную вражду с державой, которая видела свое особое историческое призвание в освобождении христианских подданных от власти султана и в открытии турецких морских проливов. Едва ли австрийский император и его министр иностранных дел полностью отдавали себе отчет во всех тонкостях и возможных внешне- и внутривосточных последствиях проведения активной Восточной политики, острие которой неизбежно должно было быть направлено против России. В письме матери Франц Иосиф писал о своей Восточной политике и об отношениях с Россией так: «Вопреки всем политическим осложнениям, я не теряю мужества, и, по моему мнению, если мы будем действовать смело и энергично, то эта восточная заваруха сулит нам определенные выгоды. Наше будущее – на Востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желательно незаметно для царя Николая, но верно мы доведем русскую политику

до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе, а наш естественный противник на Востоке – Россия. Мы боимся революции, но мы в случае чего справимся с нею и без России... Прежде всего надо быть австрийцем, и безотносительно личности царя Николая, я радуюсь нынешней слабости России»³².

В Австрии одновременно велись оживленные споры о правильности избранного пути. Споры вызывал следующий вопрос: должна ли Австрия после утраты русской дружбы опираться на Центральную Европу или на западные державы? С этим вопросом тесно связана была и другая проблема: готова ли Австрия вступить непосредственно в войну с Россией на стороне западных союзников?

Немногие голоса в австрийских правящих кругах осмеливались выступать с робкими попытками протеста против официального внешнеполитического курса. Лидером этой ультраконсервативной партии был в первую очередь князь А. К. Виндишгрец. Граф Ф. Ф. Грюнне – первый адъютант императора Франца Иосифа на протяжении 1854–1855 гг. – выступал последовательным противником невыносимо высоких военных расходов³³. Ранее он слыл политиком, расположенным к России, и пока это было возможно, пытался оказывать влияние на своего государя в этом направлении.

Еще один противник официального курса фельдмаршал Гесс 10 ноября 1854 г. написал Францу Иосифу письмо, в котором убедительно высказался против наступательной войны, а вместе с тем и против военного противостояния с Россией. По его мнению:

«1. Австрия без сотрудничества с Пруссией и, в целом, с Германией не могла рассчитывать на гарантированный успех, а в случае поражения подверглась бы большей опасности, чем западные державы.

2. Европейская коалиционная война неизбежно приведет к значительному изменению status quo для воюющих стран.

3. Монархия в результате территориальных приращений – в противоположность своим западным союзникам – никогда не сможет увеличить вместе с тем и свою мощь»³⁴.

Противником официальной политики являлся и президент рейхсрата Карл Фридрих Кюбек, который полагал, что военный поход на Восток не только с политической точки зрения нежелателен, но и с точки зрения справедливости в высшей степени сомнителен, а с финансово-экономической точки зрения, и вовсе едва ли осуществим. Следовательно, войну можно принимать во внимание лишь в случае крайней необходимости, которая в данный момент ни в коем случае не грозит Австрии. Любые меры, которые имеют отношение к началу войны – как то мобилизация почти всей армии, должны приниматься лишь с учетом интересов государственных

финансов³⁵. Однако эти голоса едва ли достигали ушей Франца Иосифа.

Большинство в Австрии все же поддерживало избранный молодым австрийским императором и его министром иностранных дел курс. Австрийский генерал Антон фон Прокеш утверждал, что вступление Австрии в войну является естественным логическим следствием осуществлявшейся с марта 1854 г. политики³⁶. Министр внутренних дел Бах не уставал напоминать, что политика императора с начала 1854 г. как минимум не исключала войны с Россией, а возможно, даже предусматривала ее. Интересы империи и престиж ее императора требовали, чтобы этот выход и в будущем оставался открытым. Защита позиций Австрии на Востоке и установка на предотвращение революций в Европе могли сделать неизбежным выступление Австрии против России³⁷. Дипломатический корпус Монархии начиная с 1854 г. также рассматривал Россию как главного противника Австрии. Приписываемые Шварценбергу слова о неблагодарности, которая еще удивит мир, нашли при Буоле свое конкретное воплощение³⁸.

Стратегическая ошибочность курса Франца Иосифа и Буоля проявилась и в 1856 г. во время Парижского конгресса держав, который подвел итоги Крымской войны. Вопреки ожиданиям, в изоляции на нем оказалась не проигравшая Россия, а Австрия, не сумевшая извлечь никаких существенных выгод из своих дипломатических маневров двух предыдущих лет. Крымская война оставила Австрию без друзей. Россия, в свою очередь, приписывала свое поражение австрийской угрозе выступить на стороне западных противников. Наконец, Англия и Франция полагали, что Россия не стала бы воевать, присоединись к ним Австрия с самого начала.

Моментом истины стала Крымская война. «Священный альянс» двух держав окончательно рухнул под тяжестью противоречий вокруг Восточного кризиса. «Неблагодарность» Австрии больше никогда не будет забыта в Петербурге, а для Вены Россия из союзника и конкурента превратилась во врага. Впрочем, гнев России не сводился к эмоциональным словам и жестам ее императора: отныне в Петербурге считали Австрию своим главным соперником на юго-востоке Европы и делали все, чтобы нанести австрийским интересам максимальный ущерб – хотя из тактических соображений Россия и Австрия еще не раз заключали между собой различные соглашения. Тем не менее опрометчивые решения, принятые Францем Иосифом и Буолем, аукнутся Австрии 60 лет спустя. Путь к роковому для двух монархий столкновению 1914 г. начался в дни Крымской войны.

Примечания

¹ См.: Брандт Х.-Х. Франц Иосиф I Австрийский (1848–1916) // Шидлинг А., Циглер В. Кайзеры. Сер.

Исторические силуэты / пер. с нем. Ростов н/Д, 1997. С. 431.

² Там же. С. 432.

³ См.: Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1941; Виноградов В. Н. О личной ответственности императора Николая I за развязывание Крымской войны // Балканские исследования: материалы междунар. науч. конф. «Россия и славяне XVIII в. – 1918 г.» Вып. 15. М., 1992. С. 87–99; Маринин О. В. Венские конференции: Из истории дипломатической борьбы России на завершающем этапе Крымской войны (1855–1856) // Россия в XVIII–XX веках: К 50-летию научной и педагогической деятельности в МГУ проф. Н. С. Киняпиной / отв. ред. Л. В. Кошман. М., 2000. С. 142–177; Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 192–210; № 2. С. 139–152; История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999 и др.

⁴ Unckel B. Österreich und der Krimkrieg. Studien zur Politik der Donaumonarchie in den Jahren 1852–1856. Lübeck; Hamburg, 1969. S. 180, 244, 296.

⁵ Ibid. S. 294.

⁶ Heindl W. Graf Buol-Schauenstein in St. Petersburg und London (1848–1852). Zur Genesis des Antagonismus zwischen Österreich und Russland. Wien; Köln; Graz, 1970. S. 115–116.

⁷ См.: Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918 / пер. с англ. М., 1958. С. 96.

⁸ Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkrieges. Band 1. 27 Dezember 1852 bis 25 März 1854. München; Wien, 1980. Doc. № 275, 292, 317, 319.

⁹ Ibid. Einleitung. S. 20–21.

¹⁰ Ibid. Doc. № 98. S. 235.

¹¹ Ibid. Doc. № 76. S. 190–191.

¹² Ibid. Doc. № 111. S. 256–257.

¹³ Ibid. Einleitung. S. 23.

¹⁴ Ibid. Doc. № 12. S. 71.

¹⁵ Ibid. Doc. № 95. S. 228.

¹⁶ Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Im Auftrag der Kommission für die Geschichte der österreichisch-ungarische Monarchie (1848–1918) / Hrsg. A. Wandruzka. Wien, 1993. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. T. 1. S. 215.

¹⁷ Ibid. S. 214–215.

¹⁸ См.: Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 116.

¹⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.: Отчеты МИД. 1853 г. Л. 84.

²⁰ Тэйлор А. Дж. П. Указ. соч. С. 98.

²¹ Там же. С. 99.

²² Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkrieges. Band 1... Doc. № 279. S. 510–512.

²³ Брандт Х.-Х. Указ. соч. С. 432–433.

²⁴ Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkrieges. Band 1... Doc. № 393. S. 688.

²⁵ Ibid. Doc. № 393. S. 690.

²⁶ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 81.

- ²⁷ См.: История внешней политики России. Первая половина XIX века... С. 392.
- ²⁸ См.: Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990. С. 194.
- ²⁹ Татищев С. С. Указ. соч. С. 118.
- ³⁰ Там же. С. 119.
- ³¹ Там же.
- ³² Briefe Kaiser Franz Joseph I an seine Mutter 1838–1872. München, 1930. S. 232.
- ³³ Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkrieges. Band 2. 30 März 1854 bis 9 September 1855. München ; Wien, 1980. Doc. № 204. S. 401–458.
- ³⁴ Ibid. Doc. № 256. S. 553–559.
- ³⁵ Ibid. Einleitung. S. 20–21.
- ³⁶ Ibid. Einleitung. S. 21.
- ³⁷ Ibid. Doc. № 263. S. 463.
- ³⁸ Ibid. Doc. № 3. S. 73.

Образец для цитирования:

Сироткина Е. В. Восточный вопрос, Крымская война и конец «Священного альянса» в австрийско-русских отношениях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 77–83. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-77-83.

Cite this article as:

Sirotkina E. V. The Eastern Question, the Crimean War and the End of the «Holy Alliance» in Austrian-Russian Relations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 77–83 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-77-83.

УДК (94+73)(08)

НАЦИОНАЛЬНАЯ АФРОАМЕРИКАНСКАЯ ЛИГА: НА ЗАРЕ НЕГРИТЯНСКОГО ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В США (1887–1894)

Д. Н. Воробьев

Воробьев Дмитрий Николаевич, аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, worobjowdmitrij@gmail.com

Статья посвящена анализу деятельности Национальной афроамериканской лиги – первой негритянской протестной организации, созданной под руководством известного чернокожего журналиста Тимоти Томаса Форчуна. Главной задачей этой организации была борьба с законодательными притеснениями афроамериканцев, а также достижение гражданского равноправия вне зависимости от цвета кожи. В качестве методов борьбы Национальная афроамериканская лига использовала агитацию в прессе, проведение митингов и составление петиций в органы власти. Несмотря на то что ввиду финансовых трудностей и внутренних разногласий история данного движения была короткой, программа Национальной афроамериканской лиги стала основой для большинства успешных негритянских протестных движений XX века.

Ключевые слова: история США, афроамериканцы, Национальная афроамериканская лига, Тимоти Т. Форчун, протестное движение, межрасовые отношения.

**The National Afro-American League: At the Dawn
of the Black Protest Movement in the USA (1887–1894)**

D. N. Vorobyev

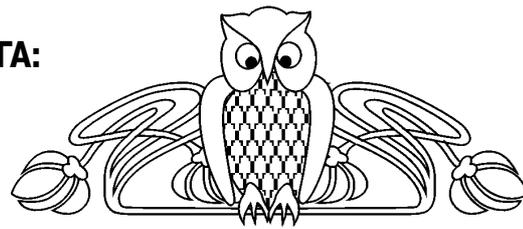
Dmitry N. Vorobyev, ORCID 0000-0002-3585-620X, Lomonosov Moscow State University, 27–4, Lomonosovsky Prosp., Moscow, 119192, Russia, worobjowdmitrij@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the creation and activities of the National Afro-American League – the first black protest organization established under the leadership of the black journalist Timothy Thomas Fortune. The main goal of this organization was the struggle against the legislative oppression of the African Americans, as well as the achievement of equal human rights and freedoms regardless of the color of skin. The methods of the National Afro-American League's struggle included campaigning in the press, holding rallies and drawing up petitions to the authorities. Despite the fact that due to financial difficulties and internal disagreements the history of this movement was quite short, the program of the National Afro-American League became the basis for most successful black protest movements of the XX century.

Key words: U. S. history, African Americans, National Afro-American League, Timothy T. Fortune, protest movement, race relationships.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-84-89

Реконструкция Юга (1865–1877 гг.), последовавшая за окончанием гражданской войны в США, ознаменовалась принятием XIV и XV поправок

к Конституции, даровавших бывшим рабам политическое, гражданское и социальное равенство с другими гражданами страны. Желая укрепить свою силу в штатах бывшей Конфедерации, Республиканская партия всячески поддерживала политическую активность чернокожего населения. Негры активно вступали в ряды «партии Линкольна», избирались на важные муниципальные и федеральные должности, надеясь на полную интеграцию в американский социум. Однако террор в отношении чернокожих избирателей, применяемый белыми южанами, а также коррупционные скандалы, поразившие республиканцев в условиях экономического кризиса, привели к тому, что в 1877 г. Демократическая партия сумела вернуть власть на Юге США. Вернувшиеся к власти бурбоны – южные демократы – взяли курс на законодательное лишение негритянского населения гражданских прав, не давая им возможности участвовать в выборах, а также вводя сегрегацию общественных мест, стремясь закрепить тем самым второсортное положение афроамериканцев в регионе. Лишение поддержки Республиканской партии, которая фактически отказалась от дальнейшего вмешательства в дела Юга, ознаменовало окончательное политическое поражение негров в регионе.

В результате активная борьба афроамериканцев за свои права сместилась на Север, свободный от сегрегации и прочих законодательных притеснений чернокожего населения. Здесь формировалось новое поколение чернокожих активистов, целью которых было вернуть афроамериканцам гражданские и политические права, дарованные Конституцией. Это были молодые, хорошо образованные люди, не связанные с Демократической или Республиканской партией. Т. Гринер, первый чернокожий выпускник Гарварда, назвал их «Молодой Африкой». Негритянская интеллектуальная молодежь, по мнению Гринера, должна была направить свою энергию на продвижение идей свободного волеизъявления и саморазвития черной расы¹. Большинство представителей «Молодой Африки» были журналистами, среди которых в наибольшей степени выделялся Тимоти Томас Форчун. Именно он создал в 1887 г. первую негритянскую протестную организацию за гражданские права – Национальную афроамериканскую лигу (НАЛ).

Деятельность данной организации до недавнего времени оставалась практически неизученной. В американской историографии долгое

время первой цветной протестной организацией считалось движение «Ниагара», с 1905 г. считающееся предтечей создания первой успешной межрасовой организации по борьбе за гражданские права афроамериканцев – Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН)².

В гораздо большей степени ученые уделяли внимание Национальному афроамериканскому совету (НАС), являвшемуся наследником НАЛ, в рамках сотрудничества данной организации с негритянским лидером рубежа XIX–XX вв. Букером Вашингтоном³. Однако в настоящее время Национальная афроамериканская лига становится популярным объектом для изучения: исследователи отмечают, что именно программа НАЛ легла в основу «Ниагары» и большинства остальных негритянских протестных движений США⁴. В свою очередь, отечественная историография в лице советских ученых не разделяла деятельность НАЛ и НАС ввиду того, что обе организации были созданы при участии Т. Форчуна, имея одинаковые цели и задачи. Не уделяя должного внимания периоду активности Национальной афроамериканской лиги, советские исследователи подвергли критике ее наследника, называя НАС послушным инструментом в руках Б. Вашингтона для подавления протестных выступлений в негритянском обществе⁵.

Таким образом, представляется необходимым раскрыть основные стороны программы Национальной афроамериканской лиги, акцентируя внимание на ее борьбе с расовой дискриминацией. Необходимо также показать роль Т. Форчуна в создании, а также организации работы НАЛ. Наконец, важно понять основные причины, приведшие к скорому кризису в работе организации, в результате чего она фактически перестала существовать.

С провалом афроамериканцев в большой политике, последовавшим за окончанием Реконструкции, именно негритянская пресса становилась голосом расы, активно критикуя расизм и призывая к борьбе. На Севере, куда из южных штатов активно перебиралась афроамериканская интеллектуальная элита, были сосредоточены наиболее влиятельные негритянские периодические издания – «Cleveland Gazette», «Washington Bee», а также «New-York Globe» (в дальнейшем известная под названиями «New-York Freeman» и «New-York Age»), главным редактором которой был Томас Форчун, сын республиканского политика эпохи Реконструкции. Уехав с Юга и обосновавшись в Нью-Йорке, он основал собственную газету, ставшую самым читаемым негритянским изданием.

Форчун активно критиковал расизм белых южан, призывая негров к солидарности и единству в бескомпромиссной борьбе за свои гражданские и политические права. Он обличал насилие по отношению к цветному населению,

плохое финансирование негритянских школ, а также несправедливость сегрегации⁶. В отличие от негритянских политиков эпохи Реконструкции, уповавших на поддержку федерального правительства, Форчун заявил о том, что американские власти не заслуживали уважения и лояльности черного сообщества⁷. Сформулировав лозунг «сначала раса, затем партия», он призвал к созданию национальной негритянской организации, способной эффективно протестовать против сегрегации, линчеваний и расистских законов. «Давайте агитировать! Пока протест не разбудит нацию от ее безразличия!»⁸, – неустанно взывал редактор «New-York Globe». Национальная организация Форчуна должна была иметь отделения в каждом штате для выявления всех фактов проявления расизма, с тем чтобы в дальнейшем можно было привлечь внимание Верховного Суда и администрации президента. В XX в. негритянское протестное движение активно использовало подобную тактику.

Пример для подражания Форчун усматривал в ирландском сопротивлении, в частности в деятельности Ирландской национальной лиги (ИНЛ). Для достижения своих политических требований данная организация использовала не только мирные акции, но и насилие. Журналисту нравилась не только организованность ирландцев, но и их верность принципам, благодаря которым проблема Ирландии была все время на слуху. Форчун также призывал своих читателей жертвовать средства в фонд ИНЛ: «Борьба в Ирландии такая же, как и борьба в Америке – это сражение против легализации форм угнетения»⁹, – считал негритянский деятель.

В 1887 г. Форчун заявил о создании Национальной афроамериканской лиги, желая устроить ее по образцу ИНЛ. Ее главными принципами являлись: борьба с линчеваниями, сегрегацией и ограничением избирательных прав негров, а также требование равного распределения средств для белых и негритянских школ¹⁰. Более того, Форчун призывал негров к самозащите, требуя применять силу в ответ на насилие: «Мы предполагаем достигнуть наших целей мирным путем посредством агитации, через право голоса и правосудия, но если другие лица будут использовать орудия насилия, чтобы сражаться с нашими мирными аргументами, мы не станем уклоняться от насилия»¹¹. По мнению Форчуна, приверженность идеалам НАЛ формировала образ «нового негра» как «афроамериканского агитатора»: «Этот новый негр – выглядит, как человек... Он не имеет отношения к рабству, трусости или невежеству и Афроамериканская лига является силой его духа»¹², – заявлял негритянский журналист.

Создание Национальной афроамериканской лиги вызвало большой энтузиазм среди негритянского сообщества. Редактор «Memphis Free Speech» Ида Б. Уэлс заявила о том, что настало

время, когда неграм нужно перестать быть пассивными наблюдателями, присоединившись к борьбе¹³. Поддержал идею общего единства и Дж. Митчелл, редактор «Richmond Planet», создавший первый филиал НАЛ в Ричмонде 22 июня 1887 г.¹⁴ В то же время многие черные деятели, в первую очередь с Юга, с опасением встретили идею создания лиги, считая, что ее деятельность могла привести к еще большему всплеску насилия на Юге. Более того, по мнению редактора «Southwest Christian Advocate» М. Тэйлора, негры не обладали достаточной экономической самостоятельностью, чтобы материально поддерживать существование организации¹⁵. Резкие высказывания Форчуна в адрес Республиканской партии также приходились многим негритянским деятелям не по вкусу.

Однако развязанный демократами террор на Юге во время президентской кампании 1888 г. показал, что федеральное правительство не желало оказать неграм помощь. Это помогло Форчуну вновь привлечь негритянское общественное мнение к вопросу национальной гражданской организации, в результате чего к весне 1889 г. Афроамериканская лига имела более 40 филиалов, многие из которых находились в южных штатах¹⁶. Ида Б. Уэллс вновь поддержала идею объединить усилия афроамериканцев в борьбе за свои права под руководством единой организации: «В свете последних событий все больше думающих людей понимают, что наша единственная надежда в единстве. Конгресс бессилен помочь нам, исполнительная власть государства также не собирается делать это»¹⁷, – писала редактор «Memphis Free Speech».

Несмотря на то что дату общенационального собрания филиалов НАЛ удалось назначить на 15 января 1890 г. в Нэшвилле, между сторонниками Афроамериканской лиги оставался ряд организационных противоречий. Редактор «Washington Bee» У. Чейз, поддерживая цели и задачи организации, выступал против именовании ее Афроамериканской лигой. Он предлагал название «Лига за равные права Соединенных Штатов», заявив, что таким образом можно избежать дискриминации белых сограждан, считая, что любой американец мог вступить в организацию¹⁸. Форчун, в свою очередь, ратовал за исключительно негритянское движение, в то же время поддерживая необходимость сотрудничать с лучшей частью белого населения¹⁹.

Со страниц своей газеты Форчун обратился ко всем американцам, для которых «слово „справедливость“ было не пустым звуком», прося поддержать негров в борьбе за их права, подобно тому, как белые интеллектуалы в свое время поддержали аболиционистское движение. Форчун считал, что позитивное отношение общественности к Афроамериканской лиге могло помочь при организации петиций и прочих акций протеста²⁰.

Нерешенным оставался вопрос о руководстве в организации. Популярный вашингтонский адвокат У. Мэттьюз предлагал избрать президентом Афроамериканской лиги известного негритянского аболициониста, публичного деятеля и дипломата Дж. М. Лэнгстона, на что тот дал согласие. Однако Форчун, поддерживая его кандидатуру, считал, что вопрос об избрании руководящего состава должны были решать делегаты филиалов, в то время как ни Мэттьюз, ни Лэнгстон не были членами организации на тот момент²¹. Более того, многие члены НАЛ были против назначения Лэнгстона на пост президента из-за его тесных связей с Республиканской партией, видя Форчуна в роли главы организации. Как отмечала выпускница Гарварда журналистка Дж. Т. Вашингтон, он был «действительно человеком своей расы, ставившим личные интересы и партийную принадлежность в зависимость от того, что, по его мнению, приносит пользу расе»²². Однако сам Форчун не проявлял интереса к этой высокой должности²³.

Наконец, серьезное разногласие возникло по поводу места проведения собрания филиалов лиги, которое должно было состояться в Нэшвилле (штат Теннесси). Этот южный штат первым приступил к законодательному введению сегрегации, когда в 1871 г. местные власти ввели запрет на межрасовые браки. В 1881 г. штат Теннесси первым узаконил расовую сегрегацию в железнодорожных вагонах, депо и причалах, введя в 1883 г. также разделение общественных мест по расовому признаку²⁴. Некоторые делегаты, такие как редактор «Detroit Plaindealer» Р. Пелхэм, заявили о своих опасениях насчет мероприятия в Нэшвилле, полагая, что делегатам не стоило ждать теплого приема²⁵. Чикагский юрист Ф. Л. Барнетт настаивал на переносе места заседания на Север, где делегаты могли бы свободно выражать свое мнение²⁶.

Под напором критики было принято решение перенести собрание в Чикаго, куда прибыл 141 делегат из 21 штата²⁷. Среди его участников были представители негритянского среднего класса – священники, журналисты, педагоги, политики и прочие общественные деятели. В качестве конституции Национальной афроамериканской лиги была принята ранее написанная Форчуном программа создания общественной беспартийной организации. Ее целями назывались расследование случаев расового насилия, а также юридическая борьба с распространением сегрегации и прочего расистского законодательства. Организация была открыта для всех граждан старше 18 лет вне зависимости от пола и расы²⁸. По итогам голосования президентом Лиги был избран Дж. Ч. Прайс, основатель и президент ливингстонского колледжа в Северной Каролине, в то время как Форчун был назначен секретарем организации.

Белая пресса отрицательно отозвалась о прошедшем мероприятии: «Chicago Tribune» назвала

Форчуна «негром, работающим на Демократическую партию», а газета «The Nation» обвинила делегатов в разжигании сепаратизма в обществе²⁹. Беспартийность организации также пришлась по вкусу не всем делегатам. Республиканские политики, в основном из округа Колумбия, среди которых были П. Пинчбэк, Дж. Лэнгстон и Э. Маккейб, недовольные решением НАЛ отказаться от поддержки «Великой старой партии», провели отдельную конференцию и заявили о создании Ассоциации равных прав американских граждан (АСЕРА), чья программа, не считая отказа от беспартийного принципа, повторяла задачи лиги³⁰. Ввиду сходства целей, а также недостатка финансовых средств это движение и Лига вступили в союз, однако так никогда и не объединились в единую организацию.

Осознавая сложность в защите гражданских прав афроамериканцев на Юге, НАЛ сосредоточилась на отстаивании равноправия негров на Севере, куда постепенно проникала сегрегация общественных и публичных мест. Деятельность местных филиалов лиги отличалась по степени активности: от формального заявления о своем создании до активной подачи исков в местные суды по защите гражданских прав чернокожего населения. Например, филиал в Висконсине активно боролся с отказом пускать негров в партер местной оперы, в результате чего по решению суда истец получил 200 долл. компенсации³¹. В 1890 г. в Огайо местные филиалы выступили против сегрегации школ, обращаясь с петициями к местным политикам-республиканцам³². В Мичигане афроамериканцы сумели выиграть в 1890 г. дело «Фергюсон против Гиза», по итогам которого верховный суд штата признал незаконной сегрегацию публичных мест по расовому признаку³³. Нью-йоркский филиал лиги во главе с Форчуном добивался запрета на дискриминацию негров страховыми компаниями. Под их давлением в марте 1891 г. в Нью-Йорке был принят билль Чейза–Уорда, запрещавший страховым компаниям «делать какие-либо различия между белыми и черными лицами при выдаче страховых премий и оплаты тарифов»³⁴. Фактически Афроамериканская лига использовала тактику создания судебных прецедентов, при этом каждое выигранное дело в одном штате могло стать залогом успеха в другом.

Однако многих деятелей лиги не устраивало, что организация крайне медленно продвигалась в осуществлении поставленных задач, в то время как большинство афроамериканцев практически ничего о ней не знало. Форчун считал, что организовать сильную кампанию против расизма в южных штатах было невозможно без крупного бюджета, в то время как местные филиалы лиги не вносили достаточно средств в общую казну даже для оплаты марок и печати офиса секретаря³⁵. Редактор «New-York Globe» предлагал постепенно образовывать массы, объяснять им важность

организации, отмечая, что этим должны были в первую очередь заниматься местные лиги³⁶.

Следует отметить, что взаимосвязь между филиалами была действительно плохо налажена. Отделения лиги жили автономно, практически не интересуясь действиями филиалов в соседних штатах – например, о борьбе лиг Огайо с сегрегацией школ писала лишь «Cleveland Gazette». Многие периодические издания, поддерживавшие НАЛ, излишне пристально освещали наиболее важные, по их мнению, события, не уделяя внимания деятельности филиалов в своих штатах. Например, «Indianapolis Freeman» занималась освещением в основном лишь судебного иска Форчуна к отелю Трэйнер, в баре которого его отказались обслужить³⁷.

Второе собрание делегатов Афроамериканской лиги, проведенное в Ноксвилле (штат Теннесси) в июле 1891 г., оказалось более скромным в своем масштабе. На встречу прибыло всего лишь 32 делегата из 12 штатов, а причиной тому было не только нежелание активистов «ощутить на себе сегрегацию», но и отсутствие у многих филиалов денежных средств на организацию поездки своих членов³⁸. Ввиду финансовых и организационных сложностей делегация лиги приняла решение исключить поправку о беспартийности, а также избрать Форчуна президентом.

Тем не менее все большее число негритянских деятелей, особенно в южных штатах, скептически относилось к работе Афроамериканской лиги. Как отмечала И. Уэллс, организация, имея лишь список резолюций, не только не сумела выйти на национальный уровень, но и не выработала эффективную стратегию противодействия расистскому законодательству, набравшему силу на Юге³⁹. Занимаясь заботами черного среднего класса на Севере, Афроамериканская лига не имела влияния среди сельских жителей Юга, составляющих большинство негритянского населения. Попытка филиала организации в Ноксвилле получить финансовую поддержку в судебной тяжбе в отношении сегрегированных железнодорожных вагонов в Теннесси не встретила большого энтузиазма других отделений. Например, филиалы из Сент-Пола создали отдельную от НАЛ организацию «Комитет гражданских прав Миннесоты», решив заняться собственными судебными тяжбами⁴⁰. Вскоре от Афроамериканской лиги отделилась еще часть членов, создавших независимую Национальную ассоциацию гражданских прав, с тем же набором целей и задач⁴¹. Фактически распадавшаяся на мелкие кусочки НАЛ переставала являть собой единую организацию – третье общее собрание лиг в Филадельфии так и не состоялось, более того, за это время практически не появились новые филиалы.

Попытки И. Уэллс призвать чернокожее население к сопротивлению расовому насилию привели к разгрому офиса ее газеты в Мемфисе белой толпой, в результате чего она приняла решение

не возвращаться на Юг и остаться в Нью-Йорке. Погромы южных негритянских газет, заявлявших о необходимости борьбы за свои права, привели к тому, что никто из афроамериканцев на Юге более не пытался открыто выражать свое отношение к расовому вопросу.

Невозможность что-либо противопоставить наступлению на права негров убедила разочаровавшегося Форчуна сообщить в 1894 г. о фактической «смерти» НАЛ, причина – отсутствие массовой поддержки со стороны негритянского населения и финансовые проблемы⁴². Несмотря на это, часть местных филиалов лиги продолжала свое существование и дальше. На деле это было лишь констатацией факта кончины организации, так и не сумевшей выработать стратегию, способную объединить чернокожее население Севера и Юга.

Создание Национальной афроамериканской лиги стало попыткой организовать самостоятельную гражданскую силу чернокожего населения. Негритянская интеллигенция, испытывавшая разочарование в недостаточной поддержке федерального правительства, хотела сплотить афроамериканцев единой программой действия, способной помочь отстаивать их права. Такие идеи Т. Форчуна, главного инициатора учреждения Афроамериканской лиги, как самопомощь, расовая гордость, использование протеста и агитации в борьбе с расистским законодательством, в дальнейшем были успешно использованы негритянским протестным движением в XX в.

Однако Афроамериканская лига так и не сумела стать заметной силой. Плохо налаженные связи между филиалами организации, распри в отношении поддержки Республиканской партии, а также финансовые трудности привели к быстрому параличу работы НАЛ. Более того, состоя преимущественно из хорошо образованных представителей среднего класса, организация не смогла получить поддержку бедного негритянского сельского населения Юга, чье внимание в гораздо большей степени привлекало популистское движение, обещающее экономические улучшения в их жизни. В отсутствие финансовой и общественной поддержки белых американцев Национальная афроамериканская лига упустила шанс на реализацию своей программы. Становилось ясно, что ей не удалось защитить гражданские и политические завоевания Реконструкции. В этих условиях негритянская общественность переключилась на не менее существенные экономические и социальные проблемы. Поражение лиги ознаменовало быструю популяризацию идеологии «приспособления» к гражданскому неравенству Б. Вашингтона, доминировавшую в афроамериканской общности более десяти лет.

Примечания

¹ *Gilbert P.* The Selected Writings of John Edward Bruce : Militant Black Journalist. N.Y. : Arno Press, 1972. P. 23.

- ² *Lewis D. L.* W.E.B. Du Bois : Biography of the Race 1868–1919. N.Y. : Henry Holt & Co, 1993. P. 375.
- ³ *Harlan L. R.* Booker T. Washington : The Wizard of Tuskegee, 1901–1915. N.Y. : Oxford University Press, 1983. P. 94.
- ⁴ *Alexander S. L.* An Army of Lions : The Civil Rights Struggle Before the NAACP. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2011. P. 3.
- ⁵ См.: *Хумоуэр Э. Л.* Негры США. XVII – начало XX вв. М. : Наука, 1979. С. 280.
- ⁶ *Alexander S. L.* Op. cit. P. 9.
- ⁷ *Fortune T. T.* A Civil Rights Decision // The New York Globe. 1883. October 20. P. 11.
- ⁸ *Fortune T. T.* The Old Dominion // The New York Globe. 1884. January 19. P. 3.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ *Fortune T. T.* The National Afro-American League // The New York Freeman. 1887. June 4. P. 2.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² *Fortune T. T.* The New Negro // The New York Age. December 21. 1889. P. 4.
- ¹³ *Fortune T. T.* Meets with Approval // The New York Freeman. 1887. July 9. P. 3.
- ¹⁴ *Fortune T. T.* First Branch // The New York Freeman. 1887. September 10. P. 10.
- ¹⁵ *Taylor M.* The National Afro-American League // The Southwestern Christian Advocate. 1887. September 1. P. 13.
- ¹⁶ *Fortune T. T.* The News // The New York Age. 1889. October 19. P. 18.
- ¹⁷ *Wells I. B.* They Hanged Him // The New York Age. 1889. November 9. P. 14.
- ¹⁸ *Chase C.* The Equal Rights League of The United States // The Washington Bee. 1889. November 16. P. 5.
- ¹⁹ *Fortune T. T.* Black and White // The New York Age. 1889. November 9. P. 7.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ *Alexander S. L.* Op. cit. P. 28.
- ²² *Washington J. T.* Timothy Thomas Fortune // The Cleveland Gazette. 1889. November 9. P. 10.
- ²³ *Thornbrough E. L.* T. Thomas Fortune : Militant Journalist. Chicago : University of Chicago Press, 1972. P. 99.
- ²⁴ *Stephenson G. T.* Race Distinctions in American Law. N.Y. : Appleton, 1911. P. 110.
- ²⁵ *Pelham R. Jr.* Nashville // The Detroit Plaindealer. 1889. November 29. P. 12.
- ²⁶ *Alexander S. L.* Op. cit. P. 34.
- ²⁷ *Thornbrough E. L.* Op. cit. P. 112.
- ²⁸ *Fortune T. T.* Official Compilation of Proceedings of the Afro-American League National Convention // The New York Age. 1890. January 25. P. 1–10.
- ²⁹ *Alexander S. L.* Op. cit. P. 36.
- ³⁰ Ibid. P. 40.
- ³¹ Ibid. P. 44.
- ³² *Smith H. C.* First Graduate // The Cleveland Gazette. 1890. May 24. P. 10.
- ³³ *Pelham R. Jr.* Ferguson v. Gies // The Detroit Plaindealer. 1890. October 24. P. 8.

- ³⁴ Fortune T. T. The Chase–Word Bill // *New York Age*. 1891. March 28. P. 5.
- ³⁵ Fortune T. T. My Respond to the Critics // *The New York Age*. 1890. December 6. P. 12.
- ³⁶ Thornbrough E. L. Op. cit. P. 126.
- ³⁷ Alexander S. L. Op. cit. P. 49.
- ³⁸ Fortune T. T. The Second Convention of the Afro-American League // *The New York Age*. 1891. July 11. P. 4.
- ³⁹ Wells I. B. Make the League a Power // *The Cleveland Gazette*. 1891. August 1. P. 17.
- ⁴⁰ Alexander S. L. Op. cit. P. 56.
- ⁴¹ Olsen O. H. *Carpetbagger's Crusade: The Life of Albion Winegar Tourgee*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1965. P. 312.
- ⁴² Fortune T. T. The Death of the National Afro-American League // *The Indianapolis World*. 1893. August 26. P. 24.

Образец для цитирования:

Воробьев Д. Н. Национальная афроамериканская лига: на заре негритянского протестного движения в США (1887–1894) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 84–89. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-84-89.

Cite this article as:

Vorobyev D. N. The National Afro-American League: At the Dawn of the Black Protest Movement in the USA (1887–1894). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 84–89 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-84-89.

УДК 327.594(460)

Ф. ФРАНКО. ПОЛИТИКА ЛАВИРОВАНИЯ (1943–1945 годы)

Е. В. Крюкова

Крюкова Елена Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры испанского языка, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, lenakryukova@yandex.ru

В статье рассматривается внешняя политика Испании в годы Второй мировой войны. Автор анализирует поиск особого пути, позволившего Франсиско Франко избежать участия в войне, сохранить власть и относительную стабильность внутри страны. Особое внимание уделено развитию отношений франкистской Испании с Германией, Италией, США и Англией.

Ключевые слова: франкизм, фашизм, Вторая мировая война, Испания, Германия, внешняя политика, политика нейтралитета.

F. Franco. Prevarication (1943–1945)

E. V. Kryukova

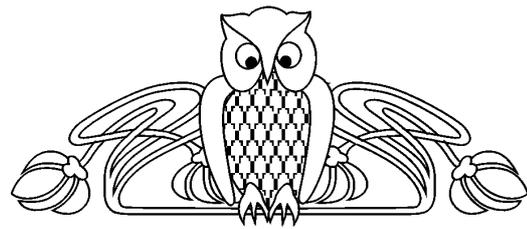
Elena V. Kryukova, ORCID 0000–0002–0174–1252, Moscow State Institute of International Relations (University) of Russian Ministry of Foreign Affairs, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russia, lenakryukova@yandex.ru

The article deals with the foreign policy of Spain in the period of the Second World War. The author analyses the search of a special political way, which allowed Francisco Franco to prevent the participation in the war, retain the power and preserve the relative stability in the country. Special attention is paid to the development of relations between Francoist Spain with Germany, Italy, USA and Great Britain.

Key words: Francoism, fascism, the Second World War, Spain, Germany, foreign policy, policy of neutrality.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-90-95

Испанский диктатор Франсиско Франко Баамонде, находившийся много лет во главе созданного им государства, представляет уникальный вариант связи судьбы одного человека с судьбой политического режима, прошедшего все этапы внутренней эволюции и сошедшего с исторической арены без внешнего вмешательства. С установлением в Испании франкистского режима и вплоть до окончания Второй мировой войны внешняя политика Испании была подчинена решению одной задачи – защите интересов страны. Франсиско Франко в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, оказавшись между двух противоборствующих лагерей, хитро и осторожно осуществлял политику лавирования, которая помогла избежать участия Испании в вооруженном конфликте, сохранить относительную внутреннюю стабильность и выстоять в годы изоляции.

Сегодня мировое сообщество вновь вовлечено в обсуждение проблем демократии и авторитаризма, вмешательства и невмешательства во внутренние дела государств, политические режимы которых кажутся ему одиозными, противными духу времени, оно вновь, как и в середине сороковых годов, стоит перед трудным политическим выбором – активный интервенционизм или последовательное умиротворение, основанное на компромиссе. И даже некоторые дефиниции, такие как «ось зла», «государства-изгои», напоминают о других «империях зла», существовавших в другие времена. Не говоря уже о том, что многие линии напряженности, возникавшие тогда, вновь просматриваются в современных международных отношениях. Решение тех проблем, последствия, к которым они привели, может служить отправной точкой для формирования более продуманных позиций международного сообщества по схожим вопросам.

Литература о Франко и франкизме весьма многочисленна. Особый интерес имеют работы: Ф. Тапия «Франко перед Историей»¹, П. Престона «Франко. Каудильо Испании»², Хавьера Тюсселя «Франко, Испания и Вторая мировая война. Между «Осью» и нейтралитетом»³, С. П. Пожарской «Генералиссимус Франко и его время»⁴, «Испания и США. Внешняя политика и общество. 1936–1976»⁵, «Тайная дипломатия Мадрида»⁶, Д. Прякина «Внешняя политика Испании»⁷, Д. М. Креленко «Франсиско Франко. Путь к власти»⁸.

Внешняя политика франкистской Испании в годы Второй мировой войны и в годы изоляции была откровенно «корыстно-эгоистической». Напряженная и неопределенная международная обстановка начала войны подталкивала Франко к поискам особого выхода. С одной стороны, пылкий и полный решимости каудильо мог войти в союз с фашистскими режимами в Европе, с другой стороны, он, как опытный солдат, признавал, что Испания, чья экономика лежала в руинах, была не в состоянии участвовать в войне. Именно тогда Франко и затеял дипломатически опасную, но психологически полезную игру.

4 сентября 1939 г., спустя три дня после начала Второй мировой войны, франкистская Испания издала декрет, призывавший всех испанцев придерживаться самого строгого нейтралитета. В то же время каудильо не устает заверять Гитлера и Муссолини в своей верности и готовности сражаться.

12 июня 1940 г., через два дня после вступления в войну Италии, Франко отказывается от политики нейтралитета и объявляет Испанию невоюющей страной. Но в то же время франкистская диктатура продолжает приспосабливаться к Германии, не забывая о своих собственных интересах. 18 июля, в день годовщины начала гражданской войны, Франко произносит достаточно агрессивную речь. Он считал долгом завоевание господства на Гибралтаре и упрочение влияния Испании в Африке. Однако в Берлине этот воинственный пыл франкистской Испании не был оценен. Гитлер в то время не считал нужным и полезным вступление Испании в войну.

Тем не менее значительная часть испанской экономики была приспособлена к германской военной машине. В 1942 г. свыше 20% промышленных предприятий Испании находились под контролем германских монополий, а 69% испанского экспорта направлялось в Германию. От 80 до 90% вольфрама получала Германия из испанских рудников. В то время как Испания голодала, в Германию направлялись тысячи тонн испанских сельскохозяйственных продуктов. Доля вывоза в Германию в общем экспорте страны выросла с 24,8% в 1939 г. до 46,5% в 1941 г.⁹

В портах Испании находили убежище немецкие подводные лодки, топившие английские и американские корабли в Атлантическом океане. Более 100 немецких радиостанций, установленных на Пиренейском полуострове, передавали германскому командованию самые различные секретные сведения, добытые франкистской разведкой. В июле 1941 г. Испания приступила к формированию «Голубой дивизии», которая под номером 250 участвовала в военных действиях вместе с немецкими войсками с октября 1941 по ноябрь 1943 г. Первоначальный состав дивизии равнялся 20 тыс., но вместе с полученным ею подкреплением на советско-германский фронт было отправлено около 50 тыс. испанских солдат и офицеров. С октября по декабрь 1942 г. против Советского Союза действовала франкистская воздушная эскадрилья «Сальвадор».

Участие испанских частей на стороне гитлеризма преподносилось тогда как священная миссия Испании в защиту западной цивилизации от коммунизма. Вокруг героических подвигов «Голубой дивизии» франкистская пропаганда поднимала невиданный шум. Иначе освещается эта страница истории франкистской Испании после войны. В официальных публикациях, выпущенных по случаю 25-й годовщины франкизма, пишется, что «отправка “Голубой дивизии” добровольцев на войну в Россию не означала участия в мировой войне, а явилась лишь ответом на коммунистическое нашествие и решительным свидетельством сотрудничества с Европой перед общей опасностью»¹⁰.

В 1942 г. немецкие войска ещё вели успешные наступательные действия на советском фронте. В

июле немецкая армия захватила Севастополь, Ворошиловград, Ростов-на-Дону и вышла к нижнему Дону. В августе немецкие танковые соединения достигли Моздока на Северном Кавказе, а 6-я немецкая армия вышла к Сталинграду.

2 февраля 1943 г. после мощного контрнаступления советских войск 6-я немецкая армия капитулировала под Сталинградом. 24 января 1943 г. Франко в беседе с германским послом в Испании фон Мольтке говорил, что «война продолжается гораздо дольше, чем это предполагалось», и чем дольше это продлится, «тем проблематичнее победа». «Поэтому уже сейчас следовало бы думать о возможности окончания войны»¹¹.

Затягивание войны усиливало пессимизм в правящей верхушке Испании. 4 декабря 1942 г. Франко исполнилось 50 лет. Получив поздравления Гитлера, короля Виктора Эммануила III и Муссолини по случаю своего пятидесятилетия, растроганный каудильо направил фюреру телеграмму с «Наилучшими пожеланиями победы от большевистского террора». 7 декабря 1942 г. он произнес речь в Национальном совете, в которой вновь подтверждал свою веру в то, что «либеральный мир рухнет», а его правительство укрепит связи с «молодым режимом, восставшим против лицемерия и никчемности старых либеральных систем»¹².

Вместе с тем сложности в испано-германских отношениях возникли как бы на пустом месте. Посол Германии Ганс Адольф фон Мольтке ошибочно сообщил в Берлин, что Франко летал в Лиссабон на встречу с У. Черчиллем для обсуждения условий вступления Испании в войну на стороне союзных держав. Невозмутимо пережив эти неприятности, каудильо возобновил просьбы к немцам о массовых поставках оружия из-за угрозы англо-американского вторжения на Пиренейский полуостров. Предыдущий посол фон Шторер неоднократно сообщал в Берлин о настоячивых требованиях испанского правительства увеличить поставки оружия. Военный министр Асенсио, по словам посла, считал, «что не следует терять времени, так как усиление вооружения Испании должно стать безусловным фактом, прежде чем англо-американцы настолько укрепят свой африканский флот, что смогут предпринять нападение на Испанское Марокко»¹³.

Но в Берлине не было уверенности, что посылаемое в Испанию оружие будет использовано против врагов Германии. Гитлер требовал от испанского правительства гарантии в том, что оно «отразит с оружием в руках всякое требование союзников»¹⁴.

В беседе с генералом Муньосом Грандесом 13 декабря 1942 г. Гитлер заявил: «Мы посылали бы оружие не только в достаточном количестве, но и требующегося высшего качества, если бы были уверены, что Испания выступит с оружием в руках против всякой попытки проникновения или нападения со стороны наших противников.

Не менее важна для нас уверенность в решимости Испании вступить в борьбу в случае возможной англо-американской высадки в Португалии»¹⁵. В результате в начале 1943 г. был подписан секретный протокол с Германией (который так и не вступил в силу).

Внешняя политика франкистской Испании, по мере того как вырисовывалось поражение Германии, постепенно меняла свой курс. Осень 1942 г. представляет собой в этом отношении переломный момент. 3 сентября в газетах было официально объявлено об изменениях в составе кабинета: министром иностранных дел был назначен монархист граф Франсиско Гомес Хордана, министром внутренних дел – профессор Блас Перес, военным министром – генерал Асенсио.

Новый министр иностранных дел тут же заявил о намерении Испании соблюдать «строжайший нейтралитет». Это означало совершенно очевидный поворот с целью установления контактов с Англией и США.

В начале 1943 г. испанские правящие круги приложили определенные усилия к тому, чтобы склонить Англию к сепаратному миру. Эти усилия Испании встретили благоприятное отношение в Германии. В беседе с новым послом Германии фон Мольтке 24 января 1943 г. при вручении верительных грамот Ф. Франко выразил готовность подумать о том, чтобы «со стороны Испании велась работа над углублением противоречий между Англией и Советским Союзом, с одной стороны, а также между Англией и Америкой – с другой»¹⁶.

Согласно официальной внешнеполитической концепции испанского правительства, военный конфликт развивался в двух направлениях: на востоке – против коммунизма, в исходе этого конфликта Испания заинтересована, и на западе – между англосаксонскими странами и Германией, в котором Испания не намерена принимать какое-либо участие. По признанию английского посла в Мадриде С. Хора, официальные лица Испании неоднократно выражали недоумение, почему Англия и США не рвут отношений с Россией. Франкистская Испания взялась за непосильную для нее и обреченную на провал миссию – спасти гитлеризм путем заключения сепаратного мира между США и Англией, с одной стороны, и Германией – с другой, за спиной Советского Союза; франкизм пытался убедить Англию и США, что еще не поздно перестроить боевые ряды антигитлеровской коалиции. Расчеты Франко строились на изоляции Советского Союза во имя спасения западной цивилизации.

Во время беседы с С. Хором в январе 1943 г. Ф. Франко заявил, «что было бы единственно правильным, если бы Англия своевременно вступила на путь компромиссного мира с Германией и тем самым отвратила коммунистическую опасность не только от Европы, но и от самой себя»¹⁷. С. Хор ответил на это, что «высказывания Франко ему представляются в высшей степени интересными,

и он желал бы, чтобы разговоры в этом смысле были продолжены»¹⁸.

18, 19 и 22 февраля 1943 г. состоялись три подробные беседы графа Хордана с С. Хором, которые завершились «настойчивым призывом Испании, обращенным к Англии, – отвернуться в интересах сохранения европейской цивилизации от России и не оставлять без внимания ни единой возможности образования общего европейского фронта против большевизма, т. е. сотрудничества с Германией»¹⁹.

8 марта 1943 г. Мольтке, ссылаясь на беседу с графом Хордана, передал в Берлин слова английского посла (обращенные к испанскому министру) о том, что «ему поручено выразить сожаление британского правительства о невозможности принять участие в какой бы то ни было инициативе, которая могла бы заключить в себе нелицезность по отношению к его русскому союзнику»²⁰. Испанская сторона приписывала этому ответу скорее формальный характер.

Заверения в добрых чувствах, которые, по словам Хордана, питала Испания к Англии, не помешали испанскому правительству подписать 12 февраля 1943 г. секретный протокол с Германией, в котором разъяснялось, «что оно полно решимости оказать сопротивление всякому вступлению англо-американских вооруженных сил на Иберийский полуостров, – что означает, следовательно, сопротивление в Средиземном море, Атлантике и в Африке, – а равно и вступлению в испанский протекторат Марокко, и отражать таковое вторжение всеми имеющимися в его распоряжении средствами»²¹.

Это было время, когда до начала планируемой союзниками операции по высадке войск в Северной Африке оставались считанные недели. Открыто демонстрируемая испанским правительством дружба с Германией не могла не внушать США и Англии известного опасения за действия Испании во время высадки войск. Поэтому Рузвельт попытался оказать определенное давление на Франко.

Накануне высадки американских войск в Северной Африке Рузвельт направил Ф. Франко личное послание, в котором гарантировал неприкосновенность испанской территории при условии соблюдения Испанией строгого нейтралитета. Это послание было передано американским послом в Мадриде Хейсом 8 ноября. 19 ноября 1943 г. посол Испании в Вашингтоне по поручению своего министерства иностранных дел вручил Хеллу ответное послание Ф. Франко с заверениями о намерении Испании придерживаться абсолютного нейтралитета²².

Несмотря на обещания правительств США и Англии уважать неприкосновенность испанской территории, в Мадриде им не вполне верили.

По словам Дикгофа, Франко заявил, что «он не видит, каким образом могут быть сокрушены Англия и Америка»²³.

В этот период Ф. Франко все же не выходит из фарватера германской внешней политики и предпринимает новые попытки расколоть антигитлеровскую коалицию, запугав союзников угрозой коммунизма. 9 мая 1943 г., совершая свое очередное турне по Андалузии, Франко выступил в Альмерии с речью, в которой он призвал весь мир к умиротворению в интересах сохранения европейской культуры и христианской цивилизации. Речь имела ярко выраженную антикоммунистическую направленность и была полна выражения признательности Германии за ее священную миссию. «Германия и ее союзники, – говорил Франко, – продолжают вести бескомпромиссную борьбу против большевизма и против всех, кто хочет предать и продать Европу большевизму». Текст речи был заранее согласован с германским послом в Мадриде²⁴.

Германская дипломатия с интересом следила за усилиями Ф. Франко сыграть роль посредника. Граф фон Дикгоф, назначенный в Мадрид в апреле 1943 г. после смерти Мольтке, поддерживал посредническую инициативу Франко. Дикгоф, один из крупнейших дипломатов рейха, имел репутацию человека, которого всегда назначают на самый ответственный в данный момент участок. При назначении Дикгофа в Мадрид не последнюю роль сыграли прошлые связи с англосаксонским миром: до 1930 г. он был советником посольства в Вашингтоне и Лондоне, с 1937-го и до вступления США в войну – послом Германии в Вашингтоне. Но усилия Франко не принесли ожидаемых результатов.

Стремление Франко протянуть руку «западным демократиям» не внесло каких-либо изменений в тоталитарный характер режима и не повлекло за собой смягчения террористической сущности диктатуры. Недаром Франко неоднократно высказывал уверенность, что государственные формы Испании не будут препятствием для союза с Западом. Тюрьмы не вмещали сотен тысяч противников франкистского режима. Чтобы найти выход из создавшегося положения, франкистские власти ввели понятие «освобожденного поднадзорного».

17 марта 1943 г. в выступлении на только что созванных и тщательно отобранных Кортесах Ф. Франко вдруг заявил, что было бы благоразумнее прославлять славное прошлое Испании и ее неразрывную связь с католической церковью, а не восторгаться фашизмом. Введенные в заблуждение этим видимым смещением акцентов, двадцать семь депутатов подписали документ, в котором указывалось на необходимость восстановления традиционной испанской католической монархии до окончательного поражения стран «оси», чтобы избежать репрессий союзных держав против Испании за заигрывания Франко с Германией и Италией. Разъяренный каудильо немедленно арестовал зачинщиков этой акции и сместил всех остальных, подписавших документ, с их долж-

ностей. Полный мрачных тревог он заявил, что служба безопасности раскрыла международный масонский заговор, целью которого было вбить клин между ним и армией и навязать либеральную монархию, чтобы дестабилизировать Испанию и способствовать захвату власти коммунистами. Эти проявления симпатии к странам «оси» оказались крайне несвоевременными. 25 июля 1943 г. арестовали Муссолини, его сменил маршал Пьетро Бадольо, что вызвало мощную антифашистскую реакцию в Италии. И хотя Франко, рыдая, сообщил эту новость правительству, втайне, по видимому, был рад падению дуче, так как теперь мог оказаться в милости у Гитлера.

Однако этим мечтам не суждено было сбыться. Вскоре нацисты вторглись в северную Италию и, развязав кровопролитную гражданскую войну на Апеннингах, поставили Муссолини во главе правительства. В тот период Франко все еще верил в мощь Гитлера и мог небрежно заявить в беседе с американским послом Карлтоном Хейсом, что Германия достаточно сильна, чтобы продолжить войну без Италии. В то же время он посетовал на непослушных подчиненных, развернувших в прессе слишком явную пропаганду в пользу держав «оси», однако не смог удержаться, чтобы не добавить, что демократическая пресса достойна порицания за критику политической системы в Испании. Затем Франко стал распространяться по поводу своей теории нескольких войн. Он пытался объяснить, каким образом Испания могла оставаться нейтральной в войне союзных держав со странами «оси», быть на стороне американцев в их войне против японцев и поддерживать Германию в войне с большевиками. Когда не веривший собственным ушам Хейс указал на дипломатические нестыковки подобной позиции, Франко замкнулся в угрюмом молчании. Не желая расставаться с избранной им ролью борца с большевизмом, но не исключая победы союзных держав, каудильо с большой неохотой дал указание, чтобы пресса, радио и выпуски киноновостей освещали события с большей беспристрастностью. В октябре 1943 г. Ф. Франко заявил о переходе Испании от статуса невоюющей стороны к нейтралитету. Был дан приказ об отзыве «Голубой дивизии»²⁵.

Франко лихорадочно предпринимает все новые усилия для подъема боеспособности армии и укрепления обороны. Одновременно с этим испанский диктатор не отказывается от мысли о расколе антигитлеровской коалиции. В письме к Черчиллю, переданном герцогом Альбой 18 октября 1944 г., Франко предложил заключить англо-испанский союз для спасения Западной Европы от коммунистической России. Претенциозно назвав Испанию могущественной державой, он убеждал Черчилля, что только Испания в союзе с Англией может противостоять «подрывной деятельности большевизма»²⁶. В благожелательном отношении Черчилля Франко не сомневался: еще 24 мая 1944 г. английский премьер произнес в палате

общин речь, которая, по оценкам современников, была откровенной попыткой обелить Франко и его режим. Реакция большинства палаты на эту речь была отрицательной.

Но в публичных заявлениях, предназначенных для прессы, Франко в этот период предпочитал не демонстрировать свою вражду к СССР. 3 ноября 1944 г. в интервью представителю агентства Юнайтед Пресс Франко, вопреки фактам и логике, заявил, что Испания никогда не была нацистской или фашистской страной и никогда не была связана с державами «оси». Франко выразил желание сотрудничать с участниками антигитлеровской коалиции, включая и Советский Союз, в работе по организации мира, заявив при этом, что государственные формы Испании не могут служить препятствием для этой работы. Испанию он определил как «государство органической демократии»²⁷.

Попытки Франко наладить отношения с США были еще менее удачны, чем с Англией. Требования американцев более энергично проявлять свой нейтралитет, в том числе прекратить военную и экономическую помощь Германии, наткнулись на глухую стену. В этом не было ничего удивительного, поскольку Франко подозревал, что победа союзных держав означала его собственное уничтожение. А положение в Европе отнюдь не настраивало каудильо на мажорный лад. Когда антигитлеровская коалиция начала наступление одновременно на западе и на востоке, поражение Германии стало выглядеть неминуемым.

Каудильо пытался уверить союзные державы, что Испания оказала услугу, не вступив в войну. Это мнение отнюдь не разделяли в Вашингтоне. Государственный секретарь США считал весьма необычным, когда страна считает, что она оказывает услугу соседям уже тем, что не нападает на них. Под давлением США Франко неохотно согласился предпринять шаги, полностью отвечающие нейтралитету Испании, объявив об эмбарго на экспорт вольфрама в Германию. А когда он не выполнил этого, с 29 января 1944 г. был введен запрет на поставки нефти в Испанию. Хотя неправильно информированный Франко хвастливо заверил испанцев, что такое решение на них мало отразится, поскольку в стране скоро будет налажено производство синтетического бензина, эмбарго обернулось экономическим крахом. В результате даже парад победы 1 апреля 1944 г. прошел без танков и бронемашин, и обескураженный Ф. Франко вновь пошел на переговоры с союзными державами. 2 мая 1944 г. между Испанией, с одной стороны, и США и Великобританией – с другой, был заключен договор, по которому поставки нефти в Испанию возобновлялись при условии, что испанский экспорт вольфрама в Германию сократится, немецкое консульство в Танжере закроется, остатки испанских частей будут выведены из Советского Союза, а немецких шпионов Франко вышлет из страны. И хотя в первую очередь именно из-за

его неуступчивости разразился экономический и социальный хаос, каудильо попытался убедить испанцев и самого себя, что это соглашение было его дипломатической игрой. Сочтя готовность союзных держав вести с ним переговоры признаком их слабости, он начал лелеять надежду, что они, в конечном счете, смирятся с его режимом после крушения фашизма. Эта надежда нашла некоторое подтверждение 24 мая 1944 г. Уинстон Черчилль, желая нейтрализовать Франко во время предстоящей высадки в Нормандии, а также, как он позднее объяснил Рузвельту, чтобы Пиренейский полуостров не оказался враждебным британцам после победы союзников, лицемерно похвалил Франко за его решимость удержать Испанию вне войны²⁸.

В этом, как представляется, наглядно проявилась получившая в наше время название «политики двойных стандартов», политика США и их союзников, основанная в первую очередь на удовлетворении своих собственных интересов.

Примечания

- 1 См.: *Tapia F. R. Franco ante la Historia // Historia contemporanea*. 1994. № 11. P. 20–39.
- 2 См.: *Preston P. Caudillo de España*. Barcelona, 1994.
- 3 См.: *Tusell J. Franco, España y la II Guerra mundial. Entre el eje y la neutralidad*. Madrid, 1995.
- 4 См.: *Пожарская С. П. Генералиссимус Франко и его время // Новая и новейшая история*. 1990. № 6. С. 164–185.
- 5 См.: *Пожарская С. П. Испания и США. Внешняя политика и общество. 1936–1976*. М., 1982.
- 6 См.: *Пожарская С. П. Тайная дипломатия Мадрида*. М., 1971.
- 7 См.: *Пряхин Д. Внешняя политика Испании*. М., 1968.
- 8 См.: *Креленко Д. М. Франсиско Франко. Путь к власти*. Саратов, 2002.
- 9 См.: ООН. Совет Безопасности. Доклад подкомитета по испанскому вопросу. Нью-Йорк, 1946. С. 89.
- 10 “*El Gobiernoinforma*”. Madrid, 1964. Vol. 1. P. 147.
- 11 Документы Министерства иностранных дел Германии : в 3 т. Т. 3. М., 1946. С. 147.
- 12 *Эшфорд Х. Г. Франко. Краткая биография*. М., 2003. С. 275.
- 13 Документы Министерства иностранных дел Германии. Т. 3. С. 134.
- 14 Там же. С. 138.
- 15 Там же.
- 16 Там же. С. 146.
- 17 Там же. С. 152.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 162.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 156, 157, 159.
- 22 *Documents on American Foreign Relations*. Boston, 1944. Vol. V. 1942–1943. P. 594. Цит. по: *Испания 1918–1972. Исторический очерк*. М., 1975. С. 275.

²³ Documents on American Foreign Relations. С. 278.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Эшфорд Х. Г. Указ. соч. С. 279 ; Preston P. Franco Caudillo de España // Debolsillo. 2015. URL: [http://assets.espadf.com/b/Paul%20Preston/Franco%20\(4325/Franco%20-%20Paul%20Preston.pdf](http://assets.espadf.com/b/Paul%20Preston/Franco%20(4325/Franco%20-%20Paul%20Preston.pdf). (дата обращения: 03.07.2017).

²⁶ Недатированную копию этих писем Черчилль приложил к посланию Председателю Совета Министров

СССР от 17 января 1945 г. См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 400–401. См. также: Испания 1918–1972. М., 1975. С. 280–281.

²⁷ См.: Эшфорд Х. Г. Указ. соч. С. 283.

²⁸ Там же. С. 280–282 ; Preston P. Franco Caudillo de España...

Образец для цитирования:

Крюкова Е. В. Ф. Франко. Политика лавирования (1943–1945 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 90–95. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-90-95.

Cite this article as:

Kryukova E. V. F. Franco. Prevarication (1943–1945). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 90–95 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-90-95.

УДК 327(73+620)|1989/1992|+929Буш

ЭВОЛЮЦИЯ ЕГИПЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БУША-СТАРШЕГО (1989–1992 годы)

Е. О. Пивоварова

Пивоварова Елена Олеговна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, pivovarovaeo@mail.ru

В статье рассматривается политика республиканской администрации Дж. Буша-старшего в отношении Египта. Автор анализирует предпосылки, факторы формирования, эволюция и итоги египетской политики США в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Ближний Восток, арабо-израильский конфликт, Египет, американо-египетские отношения, египетская политика США, Дж. Буш-старший, Конгресс США.

The Evolution of George H. W. Bush Administration's Egyptian Policy (1989–1992)

Е. О. Pivovarova

Elena O. Pivovarova, ORCID 0000-0002-8598-965X, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, pivovarovaeo@mail.ru

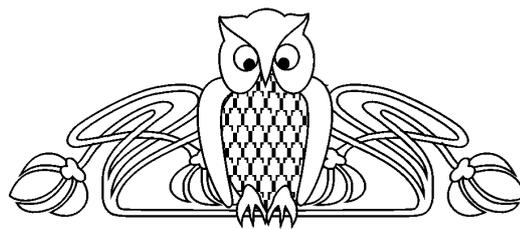
The article considers the policy of George H. W. Bush Republican administration towards Egypt. The author analyzes the background, factors of formation, evolution and results of the U.S. Egyptian policy during the period under review.

Key words: Middle East, Arab-Israeli conflict, Egypt, U.S. – Egyptian relations, Egyptian policy of the United States, George H. W. Bush, U.S. Congress.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-96-101

Фактический крах биполярной системы международных отношений в конце 1980-х гг. и, как следствие, ослабление угрозы распространения советского влияния на Ближнем Востоке послужили важными факторами формирования новой ближневосточной стратегии администрации Дж. Буша-старшего, ставшего президентом в январе 1989 г. В частности, это касалось оформления политики в отношении Израиля и арабских государств – роль этих американских партнеров в регионе как форпостов противодействия советской экспансии была практически нивелирована.

Кроме того, с завершением в августе 1988 г. ирано-иракской войны были резко ослаблены позиции потерпевшего поражение Ирана, а также Сирии, выступившей в войне на стороне Ирана и к тому же лишившейся советской военной и экономической помощи. Региональная изоляция этих двух государств привела, в свою очередь, к ослаблению позиций палестинских радикальных

группировок, отрицающих государство Израиль и возможность мира с ним.

В то же время в регионе сформировалась так называемая «ось» умеренных арабских государств – Египта, Иордании, Ирака и Саудовской Аравии, которые, с одной стороны, являлись ключевыми ближневосточными партнерами США, а с другой – выступали в поддержку Организации освобождения Палестины (ООП) в контексте арабо-израильского конфликта. Естественно, что игнорировать позицию целого блока влиятельных арабских государств в регионе Соединенным Штатам становилось все сложнее.

Именно арабо-израильский конфликт стал кивал между собой важнейших союзников США на Ближнем Востоке. Односторонняя политика Р. Рейгана, едва ли не единственным приоритетом которой были интересы Израиля, привела к международной изоляции и ослаблению как Израиля, так и позиций США в регионе, а также к ухудшению отношений Израиля с Египтом. Иными словами, безусловная поддержка Вашингтоном Израиля «нанесла ущерб дипломатической и военной гибкости США в регионе»¹. В результате на фоне провала всех мирных инициатив Р. Рейгана и Дж. Шульца, а также продолжавшейся с 1987 г. Интифады, арабо-израильские противоречия серьезно обострились. Наконец, палестинское восстание послужило распространению исламского фундаментализма в арабских странах, и в первую очередь в Египте.

Таким образом, Дж. Буш-ст. получил от предшественника тяжелое «ближневосточное наследство» и с самого начала президентского срока начал проявлять активную вовлеченность в дела региона, где перед новой республиканской администрацией стоял целый ряд задач: предотвращение восстановления советского влияния, обеспечение безопасности Израиля, укрепление умеренных режимов в дружественных арабских государствах, обеспечение стабильного экспорта нефти из стран Персидского залива².

Египетское направление ближневосточной политики Соединенных Штатов осталось одним из приоритетных, поскольку в контексте решения всех указанных задач Вашингтону был необходим Египет как посредник между США и арабским миром, как образчик стабильно развивающегося арабского государства, заключившего мир с Израилем. Кроме того, значение Египта для администрации Дж. Буша-ст. возрастало в силу двух обстоятельств.

Во-первых, заметно укрепились позиции Каира в регионе. Так, 14 мая 1989 г. было восстановлено членство Египта в Организации стран-экспортеров нефти³. Далее при поддержке Сирии, стремившейся преодолеть региональную изоляцию, Египет был допущен к участию в Арабском саммите 23 мая 1989 г., на котором было принято решение о восстановлении членства Египта в Лиге арабских государств, приостановленное еще в 1979 г.⁴ Наконец, 27 декабря 1989 г. Египет и Сирия в полном объеме восстановили дипломатические отношения⁵. Таким образом, к концу 1989 г. почти все страны региона, кроме Ливии и Ливана, восстановили с Арабской Республикой Египет (АРЕ) дипломатические отношения, разорванные после кэмп-дэвидских соглашений⁶. Реинтегрированный в арабский мир и восстановивший свой авторитет в регионе Египет теперь служил главным противовесом тем силам, которые по-прежнему не признавали права государства Израиль на существование, т. е. Ирану, Сирии, радикальным палестинским группировкам.

Развивались отношения АРЕ и с Ираком, на стороне которого египетский президент Х. Мубарак выступил в период ирано-иракской войны. Более того, в феврале 1989 г. был образован Совет арабского сотрудничества в составе Египта, Ирака, Иордании и Северного Йемена. Таким образом, арабские страны сами искали сближения с Египтом, чтобы избежать региональной изоляции.

Во-вторых, роль Египта возросла и в контексте арабо-израильского конфликта в связи с отказом Иордании в июле 1988 г. от роли представителя палестинцев в мирном процессе и от своих притязаний на западный берег реки Иордан⁷. Каир, таким образом, оставался единственным посредником в палестинско-израильских переговорах.

Исходя из сказанного, первостепенными задачами Соединенных Штатов на египетском направлении стали легитимация египетско-израильского мирного договора в глазах арабских стран, стабилизация политического режима Х. Мубарака в Египте и поощрение участия АРЕ в мирных инициативах Вашингтона по урегулированию палестинско-израильского конфликта.

Соответственно новая республиканская администрация продолжила оказывать АРЕ поддержку в рамках программ военной и экономической помощи – в совокупном объеме 2,3 млрд долл. в год⁸. Развивались и торговые отношения. Так, согласно данным статистики Министерства торговли США, в 1989 г. объем экспорта США в Египет составил 1,5 млрд долл. (второй рынок сбыта после Саудовской Аравии)⁹.

Однако американо-египетское сотрудничество омрачалось серьезными экономическими проблемами в Египте. Так, к концу 1989 г. внешний долг Египта составил 44 млрд долл., из которых 5 млрд долл. – долг Соединенным Штатам. В соответствии с американским законодательством,

если период просрочки платежей процентов по кредитам государством, получающим американскую помощь, составляет более 12 месяцев, США прекращают оказывать этому государству любую поддержку до тех пор, пока платежи не будут возобновлены. Египет не раз приближался к этой черте.

Столь серьезные экономические проблемы в Египте вместе с обострившейся внутривнутриполитической нестабильностью на фоне активизации сил оппозиции и экстремистских группировок делали режим Х. Мубарака крайне уязвимым и неустойчивым.

Экономическая несостоятельность египетского правительства стала главным аргументом конгрессменов, выступающих за сокращение помощи АРЕ. Так, весной 1989 г. член Палаты представителей, председатель подкомитета по международным делам Европы и Ближнего Востока, демократ Ли Гамильтон резко раскритиковал египетское правительство, поставив под сомнение его готовность к проведению экономических реформ¹⁰. 7 марта 1989 г. под давлением Конгресса Госдепартамент США объявил о решении администрации удержать 230 млн долл. в рамках программы экономической помощи Египту до тех пор, пока египетское правительство не начнет проводить серьезные реформы в экономической сфере¹¹.

Очевидно, что администрация Дж. Буша-ст. не могла допустить краха египетской экономики и призвала египетское правительство к проведению радикальных экономических реформ, а МВФ и других кредиторов Египта – к облегчению долговой нагрузки для Каира. Однако международные кредитные организации также связывали помощь Египту с условием реформирования египетской экономики. Лишь осенью 1991 г. правительство АРЕ запустило программу структурной перестройки экономики, включавшую широкую программу приватизации государственных предприятий и сокращения социальных программ¹².

Безусловно, ключевым фактором американской политики в отношении Каира продолжали оставаться отношения Египта с Израилем. Позитивный импульс эти отношения получили 26 февраля 1989 г., когда между Египтом и Израилем было достигнуто соглашение, согласно которому спорная территория анклава Таба, расположенного на побережье Синайского полуострова, возвращалась Египту¹³.

После этого египетский посол был возвращен в Израиль. Тем не менее египетско-израильские отношения продолжали оставаться крайне напряженными на фоне продолжавшегося палестинского восстания, которое способствовало усилению позиций и активизации оппозиционных радикальных сил в самом Египте.

Президент Х. Мубарак нуждался в смягчении ситуации и стремился к возобновлению палестинско-израильского диалога. Еще в декабре

1988 г. старший советник египетского президента Усама-эль-Баз выразил надежду на то, что будущий американский президент Дж. Буш-ст. продемонстрирует большую активность и конструктивность в решении арабо-израильской проблемы¹⁴. Действительно, новая администрация с самого начала стала демонстрировать повышенную вовлеченность в мирный процесс, что заметно отличало ее от предыдущей администрации. Так, уже в апреле 1989 г. Дж. Буш-ст. открыто заявил, что основой арабо-израильских переговоров должны быть резолюции СБ ООН № 242 и № 338, что означало его согласие с формулой «земля в обмен на мир»¹⁵.

Однако мирный процесс «буксовал» по той причине, что израильское правительство, возглавляемое с 1986 г. Ицхаком Шамиром, представителем правоцентристской партии Ликуд, фактически отвергало формулу «земля в обмен на мир», диалог с ООП и любые уступки палестинцам, а также активно продолжало строительство поселений на оккупированных территориях.

Тем не менее 14 мая 1989 г. премьер-министр И. Шамир выступил с мирной инициативой о проведении в секторе Газа и на западном берегу реки Иордан выборов делегатов от палестинского населения для участия в переговорах с Израилем.

В июне 1989 г. Х. Мубарак выступил с собственной инициативой, содержащей ряд условий проведения выборов, отражающих интересы палестинцев, в частности, вывод израильских войск со всех избирательных участков в день проведения выборов, обязательство Израиля признать результаты выборов, определение даты начала переговоров по окончательному статусу оккупированных территорий, замораживание израильских поселений и др.¹⁶ Египетская инициатива была поддержана госсекретарем США Дж. Бейкером, однако отвергнута правительством Израиля¹⁷.

Чтобы спасти ситуацию, 6 декабря 1989 г. Дж. Бейкер предложил свой план по урегулированию разногласий – теперь между египетской и израильской сторонами¹⁸. Фактически Вашингтон выдвинул тогда идею «поэтапного» мирного урегулирования на Ближнем Востоке – сближения позиций «шаг за шагом». План был формально одобрен и Израилем, и Египтом, однако со множественностью оговорок с обеих сторон. Так, Израиль требовал гарантии исключения ООП из переговорного процесса и ограничения повестки дня переговоров лишь вопросом проведения выборов¹⁹. Египет выдвигал противоположные требования²⁰. Кроме того, Х. Мубарак так и не удалось добиться признания этого плана со стороны ООП²¹.

Таким образом, совместные дипломатические усилия Соединенных Штатов и Египта не принесли результата. Продолжавшаяся Интифада все больше угрожала прозападному египетскому правительству. Президенту Мубараку требовался быстрый прорыв в ближневосточном мирном про-

цессе, в то время как США фактически взяли курс на постепенное реформирование региональной ситуации, создание предпосылок к возобновлению палестино-израильских переговоров и, в частности, склонению ООП к дальнейшим уступкам, что, наоборот, еще больше угрожало усложнить внутривосточную ситуацию в Египте²².

Ввиду отсутствия прогресса в ближневосточном процессе американские конгрессмены стали поднимать вопрос о сокращении американской военной помощи Египту и даже Израилю. В частности, сенатор Роберт Доул предложил сократить объемы американской помощи всем странам, включая Египет и Израиль, на 5 %²³. Сенатор утверждал, что высвобожденные средства целесообразнее направить на развитие стран Восточной Европы и Панамы²⁴. Однако данная инициатива не получила поддержки ни в Конгрессе, ни в администрации.

С началом кувейтского кризиса в середине 1990 г. арабо-израильский конфликт был вовсе отодвинут на второй план. Вместе с тем именно кувейтский кризис и последовавшая за ним война в Персидском заливе послужили необходимым стимулом для развития американо-египетских отношений.

Египет принял активное участие в операции антииракской коалиции «Щит пустыни» (август 1990 г. – январь 1991 г.), предоставив две бронетанковые дивизии и воздушно-десантные части – в общей сложности около 40 тысяч военнослужащих. Это участие принесло Египту значительные дивиденды.

Президент США Дж. Буш-ст. не раз подчеркивал положительную роль Египта в разрешении кувейтского кризиса, а также напоминал, что Египет, наряду с Турцией, нес наибольшие потери от антииракских санкций. Поэтому уже в апреле 1990 г. американская администрация заговорила о необходимости предоставления дополнительной экономической помощи Египту²⁵. 5 октября 1990 г. американский президент воспользовался правом «вето» в отношении законопроекта, предполагающего введение импортных квот на текстиль, текстильные изделия и обувь, поскольку принятие такого закона навредило бы интересам Египта как крупного экспортера этой продукции²⁶.

Более того, осенью 1990 г. республиканская администрация начала продвигать инициативу по списанию египетского долга Соединенным Штатам. По данному вопросу в Конгрессе развернулись дебаты. Так, сенатор-демократ Том Харкин выразил мнение, согласно которому Соединенным Штатам необходимо сосредоточиться на внутренних проблемах, поэтому списывать долг Египту в условиях сложной экономической ситуации в самих США недопустимо. В то же время другой сенатор-демократ Патрик Лихи, председатель подкомитета по финансированию иностранных операций, резонно возражал: «У Конгресса просто нет выбора, ... мы просто не

можем подвергать риску политические позиции президента Мубарака в Египте и обязательства Египта поддерживать нас в Персидском заливе»²⁷.

Дж. Буш-ст. сумел убедить парламент в необходимости поощрения Египта, и 5 ноября 1990 г. Конгрессом США был принят закон, в соответствии с которым вводился мораторий на платежные обязательства Египта по предоставленным кредитам с 1 октября 1990 г. по 31 марта 1991 г. Кроме того, этот закон уполномочивал президента США сократить долг Египта либо вообще его отменить, если это будет необходимо для успешного проведения операции «Щит пустыни» и укрепления мира и стабильности на Ближнем Востоке²⁸. 27 декабря 1990 г. Дж. Буш-ст. подписал «Меморандум об аннулировании военного долга Египта»²⁹.

Таким образом, США списали Египту военный долг в полном объеме – 7,1 млрд долл. Примеру Соединенных Штатов последовали и арабские страны – ими было списано еще 14 млрд долл. долга. В целом эти меры снизили внешнюю задолженность Египта на 25%.

Кроме того, была достигнута договоренность об оказании финансовой помощи Египту со стороны Саудовской Аравии и ряда других арабских стран, а также по линии Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)³⁰. Данные вливания в египетскую экономику позволили компенсировать потери, которые она понесла в связи с прекращением денежных переводов от вернувшихся из Ирака и Кувейта 270 тыс. египетских рабочих, а также потерями доходов от туризма и использования Суэцкого канала.

Следует отметить, что в результате военного конфликта в Персидском заливе с международного рынка «ушло» 4 млн баррелей нефти в день, или примерно 6% мировых поставок нефти, что вызвало резкий скачок цен – с 18 до 40 долл. за баррель. Учитывая то, что в 1990 г. 27% импорта нефти в США обеспечивалось странами ОПЕК, Соединенные Штаты были сильно обеспокоены сложившейся ситуацией. Поэтому целью американской администрации в рамках кувейтского кризиса было не только и не столько освобождение Кувейта, сколько подрыв военного потенциала Ирака. Наконец, обсуждались и планы свержения Саддама Хусейна³¹.

В контексте этих планов США проводили жесткую политику в отношении Ирака, для чего использовались давление и санкции, а также планировалось вторжение в Ирак. Однако здесь Вашингтон натолкнулся на серьезное сопротивление Каира. Х. Мубарак решительно выступил против планов Дж. Буша-ст. и категорически отказался участвовать в военной кампании против самого Ирака, так как опасался распада Ирака на несколько государственных образований и появления в регионе нового очага нестабильности. Кроме того, в Египте опасались еще большего

распространения антиамериканских настроений в регионе, укреплявших силы оппозиции в самом Египте.

По завершении войны в Персидском заливе республиканская администрация вновь попыталась вернуться к арабо-израильской проблеме. Однако в регионе снова изменилась ситуация. Так, нежелание правительства И. Шамира сотрудничать с палестинцами и безуспешность попыток Дж. Бейкера и Х. Мубарака возобновить палестинско-израильский диалог привели к усилению радикально настроенных палестинских группировок, в результате чего ООП выступила на стороне Ирака в Кувейтском кризисе, что еще сильнее ослабило ее позиции. Данное обстоятельство снимало с повестки дня одно из основных противоречий между израильской и палестинской сторонами, а именно вопрос участия ООП в формировании палестинской делегации для переговоров с Израилем.

С другой стороны, еще больше возрос в регионе авторитет Египта, который, оказав Соединенным Штатам всестороннюю поддержку при разрешении кувейтского кризиса, ждал решительных шагов Дж. Буша-ст. в контексте арабо-израильского конфликта.

Кроме того, поражение С. Хусейна окончательно расстроило планы Сирии на восстановление антиизраильского блока, вследствие чего арабские страны – Сирия и Иордания – начали делать первые шаги навстречу Израилю. В результате появилась реальная перспектива достижения с этими странами мирных договоров, аналогичных египетско-израильскому³².

Наконец, и самим Соединенным Штатам после войны нужно было продемонстрировать арабским странам, и в первую очередь Египту, свое беспристрастное посредничество в арабо-израильском конфликте с тем, чтобы не допустить вероятного распространения арабского национализма и экстремизма в регионе³³.

Таким образом, после кувейтского кризиса на Ближнем Востоке сложилась уникальная расстановка сил и появилась надежда на возобновление мирного процесса.

6 марта 1991 г., выступая на объединенной сессии Конгресса США, Дж. Буш-ст. громко заявил: «Пришло время положить конец арабо-израильскому конфликту». Американский президент снова открыто настаивал на поддержке формулы «земля в обмен на мир», что вызвало одобрение со стороны Египта и всего арабского мира³⁴.

В результате Вашингтоном была предпринята новая инициатива по созыву международной конференции при участии США и СССР. В связи с этим США развили энергичную дипломатическую деятельность, в ходе которой государственный секретарь Дж. Бейкер посетил регион восемь раз. При активной дипломатической поддержке Х. Мубарака США смогли добиться от основных сторон конфликта согласия на участие в международной конференции по Ближнему Востоку,

которая проходила с 30 октября по 1 ноября 1991 г. в Мадриде с участием Израиля, Египта и соседних арабских стран – Иордании, Сирии и Ливана, а также представителей ООП, ООН, Европейского сообщества, США и СССР (в качестве коспонсоров ближневосточного мирного процесса).

Хотя никакого прорыва в ближневосточном урегулировании не последовало, благодаря реализации данной инициативы Дж. Буш-ст. сумел поднять авторитет США в арабском мире и сформировать как минимум имидж объективного посредника в арабо-израильском конфликте. Х. Мубарак в интервью лондонской «Файнэншл таймс» заявил: «Президент Буш делает максимум возможного, и его администрация является одной из лучших среди тех, которые были на моей памяти»³⁵.

Следует сказать, что попытки Дж. Буша-ст. и Дж. Бейкера сбалансировать ближневосточную политику постоянно наталкивались на непреодолимое сопротивление Конгресса, где в обеих палатах преобладало демократическое большинство, по-прежнему подверженное влиянию израильского лобби.

В этой связи показательны следующие цифры. В течение избирательного цикла 1992 г. 58 произраильских комитетов политических действий предоставили 1 440 210 долл. 190 кандидатам, баллотировавшимся в Конгресс США. В то же время Национальная ассоциация арабских американцев в рамках этого же избирательного цикла внесла только 3900 долл. для поддержки 10 кандидатов. В результате расходы произраильских лоббистских организаций превысили расходы проарабских в 370 раз³⁶. Соответственно израильское лобби имело очень большое влияние на Конгресс, а безопасность Израиля продолжала оставаться ядром американской ближневосточной стратегии.

Помимо этого, оппоненты из демократического лагеря продолжали напоминать президенту Бушу-ст., что холодная война закончилась, и поэтому пора прекратить тратить слишком много времени и денег на внешнюю политику, учитывая, что в самих Соединенных Штатах было достаточно внутренних проблем³⁷. Вскоре Конгресс США серьезно урезал средства на поддержку целого ряда государств. Однако на Египте сокращение не отразилось: республиканская администрация настояла на сохранении объемов помощи Египту на 1993 г. на уровне прошлых лет³⁸.

Таким образом, к концу президентского срока Дж. Буша-ст. между Вашингтоном и Каиром установились тесные и прочные отношения стратегического партнерства. В ближневосточных планах республиканской администрации за Египтом была окончательно закреплена роль «моста» между США и арабским миром. Несмотря на завершение холодной войны и глубокую трансформацию всей системы международных отношений, значение Египта даже возросло ввиду заметного укрепле-

ния его авторитета в регионе. Однако дальнейшее развитие американо-египетских отношений, особенно после кувейтского кризиса, нуждалось в новых стимулах на фоне продолжавшейся Интифады и отсутствия прогресса в мирном процессе.

Примечания

- ¹ *Hadar L.* Reforming Israel – Before It’s Too Late // *Foreign Policy*. 1990. December 1.
- ² *Building for Peace. An American Strategy for the Middle East.* The Washington Institute’s Presidential Study Group. Washington, D.C. : The Washington Institute for Near East Policy. 1989. P. 25.
- ³ *Cowell A.* Arab Oil-Exporting Group Readmits Egypt // *New York Times*. 1989. May 14. P. 11.
- ⁴ *Arab League readmits Egypt after 10 years* // *Telegram & Gazette-Worcester*. 1989. May 23. P. 9.
- ⁵ *Murphy C.* Egypt, Syria Resume Full Diplomatic Ties ; Mubarak, Assad to Meet Next Month to Formally Heal Decade-Long Estrangement // *Washington Post*. 1989. December 28. P. 25.
- ⁶ *Cowell A.* Egypt and Libya Begin a Reconciliation // *New York Times*. 1989. June 8. P. 3.
- ⁷ См.: *Егорин А. З.* Египет нашего времени. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 157.
- ⁸ *Sharp J.* Egypt : Background and U.S. Relations // *Congressional Research Service Report for Congress*. 2013. February 26. P. 7. URL: www.crs.gov (дата обращения: 05.11.2016 г.).
- ⁹ *Haldane J.* Trade and Finance // *Washington Report on Middle East Affairs*. 1989. December 4. P. 46. URL: <https://www.washingtonreport.me/1989-december/trade-and-finance.html> (дата обращения: 22.07.2017 г.).
- ¹⁰ *Wamsted D.* Update on Congress // *Washington Report on Middle East Affairs*. 1989. May 13. P. 10. URL: <https://www.washingtonreport.me/1989-may/switching-sides-on-lavi-fsx.html> (дата обращения: 27.07.2017).
- ¹¹ *A Chronology of US-Mideast Relations* // *Washington Report on Middle East Affairs*. 1989. May 12. P. 32. URL: <https://www.washingtonreport.me/1989-may/facts-for-your-files-a-chronology-of-u.s.-middle-east-relations.html> (дата обращения: 22.07.2017).
- ¹² *Haldane J.* Trade and Finance. Egypt Reforms Economy // *Washington Report on Middle East Affairs*. October 27, 1991. P. 89. URL: <https://www.washingtonreport.me/1991-october/trade-and-finance-egypt-reforms-economy.html> (дата обращения: 23.07.2017).
- ¹³ *Israel returns Taba to Egypt ; Agreement on beach resort ends seven-year border dispute* // *Telegram & Gazette-Worcester*. 1989. February 27. P. 6.
- ¹⁴ *Brooks G.* Egyptian Aide Calls Israeli Plan For Vote ‘Farce’ – Shamir’s Expected Proposals On Occupied Territories Are Labeled.... // *Wall Street Journal*. 1988. December 29. P. 1.
- ¹⁵ *Remarks Following Discussions with President Mohammed Hosni Mubarak of Egypt*. 1989. April 3 // *The American Presidency Project*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=16869&st=Egypt&st1> (дата обращения: 21.07.2017).

- ¹⁶ *Brooks G.* Egypt's Mubarak Offers to Play a Role In Dispute Over Palestinian Elections // *Wall Street Journal*. 1989. September 19. P. 1.
- ¹⁷ *Curtius M.* Mideast Talks Are Back on Hold Rebuff to Mubarak Deepens Israeli Political Rift // *Boston Globe*. 1989. October 8. P. 28.
- ¹⁸ Five Points Proposed By Baker // *Washington Post*. 1989. December 7. P. 43.
- ¹⁹ *Curtius M.* Israel Accepts US Plan for Talks, Asks for Assurances // *Boston Globe*. 1989. November 6. P. 1.
- ²⁰ *Ottaway D.* Egypt Accepts Plan By Baker on Israeli, Palestinian Dialogue // *Washington Post*. 1989. December 7. P. 41.
- ²¹ *Ottaway D.* Baker Plan for Middle East Dialogue Near Impasse ; Administration Asks Egypt to Help Break Israeli-PLO Deadlock Over.... // *Washington Post*. 1989. November 29. P. 11.
- ²² Building for Peace. An American Strategy for the Middle East. P. 46–47.
- ²³ *Hadar L.* Reforming Israel – Before It's Too Late // *Foreign Policy*. 1990. December 1.
- ²⁴ *Quinlan P.* Special Report. Time to Switch Military Aid to Economic Development? // *Middle East Affairs*. 1990. May 6. P. 34. URL: <https://www.washingtonreport.me/1990-may/time-to-switch-military-aid-to-economic-development.html> (дата обращения: 22.07.2017).
- ²⁵ The President's News Conference on the Persian Gulf Crisis. August 30, 1990 // *The American Presidency Project*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=18792&st=Egypt&st1> (дата обращения: 21.07.2017).
- ²⁶ Message to the House of Representatives Returning Without Approval the Textile, Apparel, and Footwear Trade Act of 1990. 1990. October 5 // *The American Presidency Project*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=18905&st=Egypt&st1> (дата обращения: 21.07.2017).
- ²⁷ *Wamsted D.* Special Report. U.S. Congress. Congress : An End and a Beginning // *Washington Report on Middle East Affairs*. 1990. December 5. P. 15. URL: <https://www.washingtonreport.me/1990-december/congress-an-end-and-a-beginning.html> (дата обращения: 22.07.2017)
- ²⁸ Government of the United States. H.R.5114 – Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act, 1991. 1990. November 5 // *Congress.gov*. URL: <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/house-bill/5114?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Foreign+Relations+Act%22%5D%7D&r=5> (дата обращения: 25.08.2017).
- ²⁹ Presidential Determination No. 91–10 – Memorandum on the Cancellation of Egyptian Military Debt. December 27, 1990 // *The American Presidency Project*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=19177&st=Egypt&st1> (дата обращения: 21.07.2017).
- ³⁰ *Miller J.* Mideast Tensions ; Gulf Crisis Produces Surge of Egyptian Confidence // *New York Times*. 1990. November 11. P. 14.
- ³¹ *Sterner M.* Navigating the Gulf // *Foreign Policy*. 1990. December 1.
- ³² *Indyk M.* Peace without the PLO // *Foreign Policy*. 1991. June 1.
- ³³ *Muslih M., Augustus R.* The Need for Arab Democracy // *Foreign Policy*. 1991. June 1.
- ³⁴ Address Before a Joint Session of Congress on the End of the Gulf War. 1991. March 6 // *The Miller Center of the University of Virginia*. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-6-1991-address-joint-session-congress-end-gulf-war> (дата обращения: 25.08.2017).
- ³⁵ *Curtiss R.* The Peace Process. It's Lift-off or Abort as Bush-Baker Initiative Nears Point of No Return // *Washington Report on Middle East Affairs*. 1991. July 12. P. 7. URL: <https://www.washingtonreport.me/1991-july/it-s-lift-off-or-abort-as-bush-baker-initiative-nears-point-of-no-return.html> (дата обращения: 22.07.2017)
- ³⁶ *Lorenz A.* The 1992 Elections. Pro-Israel PACs Outspending Arab-American PACs 369 to 1 // *Washington Report on Middle East Affairs*. 1992. June 8. P. 22. URL: <https://www.washingtonreport.me/1992-june/the-1992-elections-pro-israel-pacs-outspending-arab-american-pacs-369-to-1.html> (дата обращения: 23.07.2017).
- ³⁷ *Friedman T.* Rethinking Foreign Affairs : Are They Still a U.S. Affair? // *The New York Times*. 1992. February 7. P. 10.
- ³⁸ Government of the United States. H.R.5368 – Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act, 1993. 1992. October 6 // *Congress.gov*. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/5368/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%222Foreign+Relations+Act%22%5D%7D> (дата обращения: 25.08.2017)

Образец для цитирования:

Пивоварова Е. О. Эволюция египетской политики администрации ДЖ. Буша-старшего (1989–1992 годы) // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 96–101. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-96-101.

Cite this article as:

Pivovarova E. O. The Evolution of George H. W. Bush Administration's Egyptian Policy (1989–1992). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 96–101 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-96-101.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК [94+355/359.08](470.44)|1616–1674|

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ПО ОТЕЧЕСТВУ В ЛЕВОБЕРЕЖНОМ САРАТОВЕ

Я. Н. Рабинович

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левого берега Саратова (1616–1674). Особое внимание уделено служилым людям по отечеству, их роли в жизни города. Впервые представлен список саратовских детей боярских, служивших в этом городе в третьей четверти XVII века.

Ключевые слова: левобережный Саратов, А. А. Гоздаво-Голумбиевский, дети боярские, Печатный приказ.

Hereditary Servicemen in the Left-bank Saratov

Ya. N. Rabinovich

Yakov N. Rabinovich, ORCID 0000-0002-6204-125X, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, RabinovichYN@yandex.ru

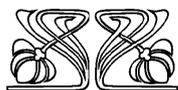
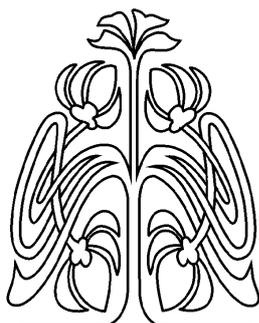
The article deals with the unknown pages of the left-bank Saratov history (1616–1674). Special attention is paid to hereditary servicemen, their role in the life of the city. For the first time, the list of Saratov boyar sons, who served in this city in the third half of the XVII century, is given.

Key words: Left-bank Saratov, A. A. Gozdavo-Golombievsky, boyar sons, Print Prikaz.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-102-113

Данная статья написана на основе документов Печатного приказа, опубликованных в 1892 г. А. А. Гоздаво-Голумбиевским (8 января 1863 г. – 25 августа 1913 г.)¹. С момента публикации документов Печатного приказа прошло уже 125 лет, однако за это время кроме А. А. Гераклитова ни один из исследователей истории левого берега Саратова их не использовал. Краеведы предпочитали цитировать труд А. А. Гераклитова, который, в свою очередь, не мог в силу разных причин использовать в полном объеме данные источники в своей книге, посвященной истории Саратовского края. Этот труд А. А. Гераклитова до настоящего времени так и остался непревзойденным, несмотря на почти полное отсутствие в нем справочного аппарата. Взятые автором большие географические и хронологические рамки не позволили ему уделить особое внимание служилым людям левого берега Саратова². Публикуемая работа призвана в какой-то степени восполнить этот пробел.

Саратов был построен в 1590 г. с целью обеспечения, прежде всего, безопасности Волжского торгового пути. Задача колонизации окрестных степных земель в Заволжье, а также на правобережье Волги в первое столетие существования Саратова не стояла перед начальными людьми города. Внимание воевод ограничивалось в основном лишь берегом Волги вверх и вниз от города на расстояние до 150–200 верст (это была как бы зона ответственности воевод Саратова). Заволжская степь интересовала воевод постольку, поскольку оттуда могла исходить

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

опасность для города от кочевников – ногайских татар, а затем калмыков. Опасность городу также грозила и с нагорной стороны от крымцев и ногаев Казыева улуса, кочевавших в Предкавказье. Правда, сведений о нападении на левобережный Саратов с Нагорной стороны в источниках пока не обнаружено (зато известны частые нападения татар на Саратов уже после переноса города в 1674 г. на правый берег Волги).

Контроль воевод над Правобережьем ограничивался отправкой отрядов в район Медведицы, где жили воровские казаки и куда с юга вторгались кочевники.

С этими кочевниками иногда соединялись татары Большой ногайской орды, кочевавшей в первой половине XVII в. в Заволжье. Поэтому одной из задач воевод Саратова, кроме охраны Волжского пути, было воспреещение кочевникам переправляться на правый берег Волги в окрестностях города, где издавна имелись удобные переправы через Волгу.

Основную часть жителей города в XVII в. составляли служилые люди, как постоянного, так и переменного состава (годовальщики). Это были в основном стрельцы, служилые люди по прибору. Путешественники, в том числе Олеарий и Стрюйс, отмечали, что город населен одними стрельцами, которых насчитывалось в разное время от 300 до 400 человек. К ним следует прибавить еще 100 стрельцов-годовальщиков переменного состава гарнизона из других Понизовых городов.

Более высокий класс служилых людей составляли служилые люди по отечеству, так называемые дети боярские. Они назначались на высшие стрелецкие командные должности (были стрелецкими головами и сотниками), исполняли наиболее важные поручения местных воевод, доставляли секретную корреспонденцию в Москву и т. д. Из служилых людей по отечеству был стрелецкий голова и строитель города в 1590 г. Федор Михайлович Туров. Первый из известных саратовских стрелецких сотников Микита Муромцев был также из детей боярских, к тому же – из четвертчиков (он получал жалование из Владимирской четверти). Из детей боярских был саратовский жилец Василий Чулков, служивший в городе накануне Смутного времени. А вот стрелецкий пятидесятник Неустройка Обрюгин, отправленный в ноябре 1600 г. воеводой Григорием Федоровичем Елизаровым из Саратова в Москву с донесением о зимовке персидских послов, был, судя по всему, из служилых людей по прибору, он выдвинулся в стрелецкие начальники из рядовых стрельцов³.

Детей боярских в левобережном Саратове было немного, всего около двух десятков человек, но они играли важную роль в укреплении обороноспособности этой отдаленной крепости, были первыми помощниками воевод. Откуда же прибыли эти первые дети боярские в левобережный Саратов в последние годы Смутного времени, когда вместо Саратовского городища

упоминается новый город и его воевода князь Ф. Т. Черново-Оболенский? По словам А. А. Гераклитова, «судя по сохранившимся фамильным прозвищам, дети боярские, как и стрельцы, явились в наш край тоже из Казанской области и едва ли добровольно»⁴. Жаль, что при этом ни одного «сохранившегося фамильного прозвища» служилых людей по отечеству исследователь не приводит для подтверждения своего тезиса. Автору этих строк пока не удалось найти ни одного имени и прозвища саратовских служилых людей по отечеству вплоть до середины XVII в. Все обнаруженные имена саратовских детей боярских, служивших здесь в третьей четверти XVII в., приведены в данной статье.

Известны имена первых строителей нового левобережного Саратова. В Дополнениях к Дворцовым разрядам отмечено, что 26 октября 1617 г. по Государеву указу, «по памяти за приписью дьяка Федора Апраксина, Государева жалованья Самарскому сыну боярскому Поснику Порошину 4 арш. тафты лимонной, цена по 20 по 3 алт. по 2 денги арш., да 4 арш. без чети сукна настрафилю червчатого, цена 2 руб. с полтиною портище; да Самарскому пятидесятнику стрелецкому Васке Агафонову 4 арш. без чети сукна настрафилю червчатого, цена 2 руб. с полтиною портище; а пожаловал Государь их за выход и за Саратовское городовое поставление»⁵. Кроме самарского сына боярского Посника Порошина и стрелецкого пятидесятника Василия Агафонова других строителей левобережного Саратова пока не выявлено. Можно считать, что служилые люди из Самары приняли активное участие в строительстве левобережного Саратова и входили в состав гарнизона этой крепости, хотя бы первое время.

Согласимся с А. А. Гераклитовым, что дети боярские, как и стрельцы, были невольными переведенцами, и их служба в далеком краю должна была казаться им еще тяжелее, чем стрельцам. «Ведь на родине они наверно имели свои поместья, домашнее хозяйство, семьи, родных, друзей и т. д. и все это приходилось оставлять для государевой службы. Но постепенно они свыкались с новым краем, его нетронутость и естественные богатства примиряли с ним служилых людей и понемногу они начинали обосновываться в нем»⁶.

В середине XVII в. мы видим уже саратовских детей боярских как людей, сроднившихся с новым городом, несших постоянную службу в нем и приписавшихся к Саратову. Здесь в Саратове, как и в других городах, заводятся свои окладные книги, свои десятины – военно-учетные списки служилых людей. Были случаи, когда служилые люди из других городов просили записать их в десятню по Саратову с прежним денежным окладом. Видимо, Саратов прельщал этих людей больше, чем, например, Чебоксары, хотя служба здесь была более опасной. Со стороны степи или Волги постоянно исходила опасность от кочевников или воровских казаков.

Воровские казаки могли быть волжскими, донскими или яицкими. В результате активных действий правительственных войск и воевод по-волжских городов уже к середине XVII в. волжские воровские казаки были полностью ликвидированы, волжское казачье войско в итоге так и не сложилось. Вспомним, какую силу представляли волжские казаки во времена атамана Ермака или при основании Саратова (до 1500 хорошо вооруженных людей). А в 1614 г. значительная часть волжских казаков, в том числе атаманы Верзига, Тихон Чулков, Микита Ус, Неупокой Карга, Мишка Ратцов, Томило Суровской, Юшка Караганец и Караулко, поддерживала атамана Заруцкого, собираясь вместе с ним идти в поход на Казань. Другая меньшая часть волжских казаков, в том числе атаманы Василий Соловцов, Третьяк Ус, Бирюк и Иван Донецкий готовы были присягнуть Михаилу Романову⁷. Правительству приходилось считаться с этой угрозой. Однако уже в 1620-е гг. казачьи городки на Волге были разгромлены, против воровских казаков воеводы воюют совместно с лояльными правительству казаками. Один из последних известных волжских воровских атаманов был атаман Самара с отрядом в 70 казаков, который в 1636 г. прибыл на Яик договариваться о совместных действиях на Волге с местными казаками. Можно предположить, что после перехода части казаков на сторону правительства и ликвидации волжских воровских казаков многие атаманы и есаулы пополнили ряды служилых людей по отечеству в поволжских городах, а рядовые казаки стали стрельцами либо посадскими людьми.

Яицкие казаки в то время из-за удаленности не представляли большой угрозы судоходству на Волге. Наоборот, указами правительства (1647 г.) яицким казакам были предоставлены льготы в торговле в волжских городах, в том числе и в Саратове⁸. Они предпочитали водный путь по реке Самаре к Самарской крепости, с ними больше контактировали воеводы Самары. Яицкие казаки также использовали дорогу с Яика на Иргиз, а далее – водный путь по Иргизу на Волгу⁹. Хотя следует отметить, что во времена Адама Олеария именно яицкие казаки собирались напасть на корабль голштинцев, их разведчики (40 человек) во главе с есаулом Иваном Яковлевым Поленовым подплывали к нему между Тетюшей и Самарой, выясняли боевые возможности корабля, состав охраны и вооружения, а перед этим погромили судно «Казанца посацкого человека Спирина приказчика». Яицкие казаки шли тогда от Яика до Волги степью «недели с три». Боевые возможности Яицкого войска в то время оценивались в 800–900 человек (9 стругов по 60–70 человек и 12 лодок по 20 человек). Этими силами казаки хотели идти в поход на Каспий грабить торговые корабли¹⁰.

Наибольшая опасность для воевод Саратова и Царицына исходила не только от кочевников,

но и от донских казаков, которые использовали переволоки в районе Камышенки и Царицына для переправы на Волгу. Кроме того, донские казаки постепенно обживали сначала низовья, затем среднее течение и верховья Медведицы и Хопра. Против них сюда, в верховья Медведицы и Хопра, направлялись периодически экспедиции правительственных войск, в которых участвовали и саратовские служилые люди.

Левобережный Саратов, расположенный в степи, был сторожевым пунктом, и служилые люди должны были внимательно наблюдать за степью. Для этого использовались как высотные наблюдательные пункты, так и удаленные от города заставы. По мнению А. И. Шахматова, близ Нагорного Саратова располагались наблюдательные вышки. Во времена левобережного Саратова на противоположной нагорной стороне Волги, где было много холмов и гор (в отличие от равнинного левого берега), существовали наблюдательные пункты. Некоторые возвышенности были возле левобережного Саратова на луговой стороне, в степи. Эти «горы» даже отмечены на карте Адама Олеария. В настоящее время район дач Шалово, где находился в XVII в. левобережный Саратов, также расположен в низине, а восточнее его в степи уровень поверхности значительно выше. Там тоже могли находиться наблюдательные посты.

Кроме наблюдательных пунктов по всей Волге от Казани до Астрахани вблизи городов располагались заставы, в том числе в Самаре, Саратове и Царицыне «для береженья проезжих людей». Начальниками на таких заставах были видные местные служилые люди по отечеству. Их назначали из Приказа Казанского дворца по челобитной самих служилых людей (за такую челобитную они платили большие деньги в Печатный приказ). Местный воевода не мог сам назначить по своей воле начальника заставы. В Саратове такая застава в 1655 и 1656 гг. стояла на Стрелке-реке. В источниках часто приводится эта фраза: «*На Саратове, на заставе, на Стрелке реке*»¹¹. Точное место этой «Стрелки-реки» исследователи определяют по-разному. Единого мнения здесь нет. По мнению Ф. Ф. Чекалина, «*названные урочища и до сих пор сохранили еще свои названия и принадлежат ныне Саратову: Стрелка на горном берегу Глебова оврага, где ныне Покровская площадь, а Увек – с противоположной стороны города*»¹².

Позже, примерно с 1659 г., в зависимости от времени года такая застава находилась «*зимой на верхнем Увеке, а летом – на Волге реке ... Летом – на пропуске проезжих людей, а зимним путем – на проезде*»¹³. Здесь, очевидно, речь идет о заставах, поставленных при въезде в Саратов сухим путем, и на проезде по Волге мимо Саратова для сбора таможенных пошлин. Некоторые источники подтверждают тезис о том, что на этих заставах со временем стала собираться и таможенная пошлина с торговых людей¹⁴.

В числе таких заставных голов в документах 1650–1670-х гг. встречаются имена наиболее известных представителей служилых фамилий Саратова того времени. Это служилые люди по отечеству (дети боярские) Родион Протопопов, Петр Климов, Леонтий Михайлович Климов, а также его сын (?) Лука Леонтьевич Климов, Федор Елисеев Ахматов и Павел Ахматов, Федор Слuzов, Афанасий Ховрин.

К примеру, в 1659 г. воеводе Саратова Даниилу Варфоломеевичу Хитрово была отправлена грамота, в которой разрешалось сыну боярскому Федору Ахматову быть на заставе вместо Луки Леонтьевича Климова. Однако против этого назначения выступили родственники Луки Климова, ведь служба на такой заставе была довольно престижной и прибыльной. В итоге в Москве изменили первоначальное решение, и в Саратов тому же воеводе Д. В. Хитрово в том же 1659 г. была отправлена новая грамота с указанием вместо Федора Ахматова назначить на такую заставу Петра Климова¹⁵.

В 1661 г. при воеводе Иване Ивановиче Косагове мы вновь видим на заставе «для береженья проезжих людей» Луку Леонтьевича Климова¹⁶. При этом он никого не менял, не сказано, что он назначен вместо другого человека, по-видимому, его назначение было просто увеличением числа служилых людей на заставе.

На такой же заставе служил одно время сын боярский Иван Микулин, пока в 1662 г. воеводе стольнику Федору Ивановичу Леонтьеву не поступило указание из Москвы назначить вместо Ивана Микулина на эту заставу другого саратовца – Федора Слuzова. Возможно, что Иван Микулин в том году был отправлен в поход на юг вместе с 8 другими саратовскими детьми боярскими и отрядом саратовских стрельцов в составе полка думного дворянина Замятни Федоровича Леонтьева¹⁷.

Федору Слuzову недолго пришлось служить на такой заставе. Уже в 1663 г. воеводе Ф. И. Леонтьеву поступило новое указание назначить на эту заставу вместо Федора Слuzова Леонтия Михайловича Климова¹⁸.

Прошло несколько лет, и в 1666 г. на заставе «для пропуска проезжих людей, а зимним путем на проезде» велено было служить вместо Луки Климова вновь Федору Слuzову¹⁹. Сменив Луку Климова, Федор Слuzов стал служить на этой заставе вместе с Леонтием Михайловичем Климовым. Получается, что ранее на заставе одновременно служили Лука и Леонтий Климовы. Этот Федор Слuzов «отличился» в период борьбы правительства со Степаном Разиным, как и некоторые другие саратовские дети боярские, о чем будет подробно сказано далее.

Уже после подавления восстания Степана Разина накануне переноса Саратова на правый берег в 1673 г. «на пропуске» велено было служить вместо Афанасия Ховрина Ивану Микулину, которого мы впервые встречаем еще в 1650 г., когда он начал службу, а затем около 1662 г. – на заставе.

В те годы в Саратове служил еще один представитель рода Микулиных – Матвей Микулин, погибший во время восстания Степана Разина²⁰.

В следующем 1674 г. аналогичный указ о службе «на пропуске» последовал для Федора Елисеева Ахматова. Он заменил в этой должности своего родственника Павла Ахматова²¹.

Кроме службы на заставе была еще служба на берегу. По-видимому, она была менее почетной. Служилые люди предпочитали этой службе службу на заставе, писали челобитные о переводе, как например, Леонтий Климов, который сначала служил на берегу, а в 1663 г. ушел на заставу. На место Леонтия Климова на берег был назначен другой саратовец Федор Ахматов, который впервые попытался устроиться служить на заставе еще в 1659 г., правда, безуспешно²².

Но уже на следующий год (1664 г.) Лука Леонтьевич Климов занял прежнее место отца (Леонтия Климова) на берегу, сменив Федора Ахматова. Возможно, что молодые служилые люди должны были служить сначала на берегу, а затем на заставе. В 1664 г. воеводе князю Алексею Путятину было приказано назначить Луку Леонтьевича Климова «на пропуске проезжих людей» вместо Федора Ахматова²³.

Как мы видели ранее, Федор Елисеев Ахматов сначала служил на берегу на пропуске проезжих людей, затем его сменил на берегу Лука Климов. Потом на данной должности мы видим другого представителя семейства Ахматовых, Павла Ахматова, которого в итоге сменил его родственник Федор Ахматов (если предположить, что Федор Ахматов и Федор Елисеев Ахматов – один и тот же человек).

Нельзя точно утверждать о том, откуда пришли в Саратов отцы и деды всех этих служилых людей 30–40 лет назад (первые служилые люди левобережного Саратова). Можно, правда, сделать одно смелое предположение. В Арзамасских поместных актах начала XVII в. среди городских детей боярских в десятне 1613/1614 г. из Арзамаса мы находим нескольких Ахматовых (в том числе Елисея), Климовых (в том числе Леонтия), Ховриных, Протопоповых, Микулиных и др. В следующей десятне раздачи жалования в сентябре 1615 г. большинство из этих лиц тоже отмечены, некоторые из них, указанные в нетчиках, были бедны. Часто можно встретить такую надпись: «У денежной раздачи не объявился. Окладчики про него сказали: помесья за ним есть ли или нет, того не ведают»²⁴.

Имена многих из этих служилых людей совпадают с именами или отчествами саратовских детей боярских третьей четверти XVII в. Следует учесть, что в те годы имена, особенно первенцам, давали такие же, как у дедов. Можно предположить, что первые служилые люди по отечеству в Саратове прибыли сюда из Арзамаса, а их сыновья и внуки служили в Саратове в третьей четверти XVII в.

Это предположение имеет такое же право на существование, как и утверждение А. А. Герасимова о том, что первые служилые люди по отечеству прибыли в левобережный Саратов из Казани.

Некоторые документы, введенные в научный оборот А. А. Голомбиевским, сообщают о назначении на службу в дети боярские. Общее число детей боярских в Саратове было, по-видимому, строго фиксированным – 18 человек. Именно на такое количество людей выдавалось жалование. Взамен убитых людей (отъезд, старость, болезнь или смерть) новый человек писал челобитную о назначении на «свободное место».

Из таких документов мы узнаем, когда прекратил службу тот или иной сын боярский. До 1650 г. в Саратове служил Иван Желебин, до 1651 г. – Федор Ховрин, до 1654 г. – Сергей Протопопов.

В 1650 г. воеводе князю Федору Борятинскому была отправлена грамота, в которой разрешалось служить по Саратову Ивану Микулину. До этого служилый человек Иван Желебин прекратил службу (причина не указана). Саратовец Иван Микулин сразу же написал челобитную в Москву с просьбой назначить его на службу вместо Ивана Желебина, и по этой челобитной было принято положительное решение²⁵.

Прошло 8 лет, и в 1659 г. мы снова встречаем этого Ивана Микулина. Воеводе Саратова Д. В. Хитрово было «велено Саратовца Ивана Микулина записать по Саратову в список на первое убылое место в поместном и денежном окладе»²⁶.

Этот же Иван Микулин через год (1661 г. при воеводе И. И. Косагове) получил назначение служить на заставе. Через несколько лет, в 1668 г., он получил придачу к поместному и денежному окладу²⁷.

В 1650 г. воеводу кн. Ф. Борятинского сменил новый воевода Василий Григорьевич Феофилачев, сын известного саратовского воеводы Г. И. Феофилачева. В том же 1650 г. В. Г. Феофилачеву была отправлена из Москвы грамота по челобитной Федора Алеева и Глеба Неронова. Этим людям было разрешено служить в ряду с другими детьми боярскими. Возможно, что Ф. Алеев и Г. Неронов изменили (повысили) при этом свой статус, они не были из семей служилых людей по отечеству, а теперь стали детьми боярскими²⁸.

В следующем 1651 г. воеводе В. Г. Феофилачеву, который продолжал находиться в Саратове, была отправлена грамота, в которой говорилось: «Велено служба служить по Саратову в детях боярских Калине Ховрину» вместо его брата Федора Ховрина. Федор Ховрин прекратил службу (причина не указана). Это место стало свободным «выморочным», и его занял его брат, Калина Ховрин²⁹.

В 1654 г. новому воеводе Саратова стольнику Алексею Пантелеевичу Чирикову была отправлена грамота аналогичного содержания. Теперь

вместо сына боярского Сергея Протопопова было велено службу служить его родственнику (брату?) Родиону Протопопову³⁰.

Известен в те годы в Саратове еще один представитель служилых людей Протопоповых, Микифор Протопопов, правда, в неожиданном для детей боярских качестве. Он совершил вместе с некоторыми стрельцами в 1655/1656 г. какую-то провинность. В 1656 г. воеводе Василию Васильевичу Нелединскому в Саратов была отправлена грамота о ссылке этого Микифора Протопопова и некоторых стрельцов в Астрахань. Причем челобитную с просьбой избавиться от этих людей и сослать их из Саратова в Астрахань написали сами саратовцы, дети боярские, посадские люди и стрельцы. Ссылке подлежали кроме Микифора Протопопова также 6 стрельцов. Это стрельцы Воинка Борисов, Ивашка Кочегов, Васька Пушкарев, Сенька Чеманукин, Андронка Болдырев и Васька Трубников. Они ссылались в Астрахань семьями, вместе со своими женами и детьми. Было указано, чтобы «четные деньги на них доправить»³¹.

Некоторые документы говорят о записи служилых людей в окладные книги, служилый список, саратовскую десятню. В 1656 г. воеводе В. В. Нелединскому поступило указание вместо выбывшего Микифора Протопопова (о причинах убийства его только что говорилось) написать в окладных книгах и в служилый список Григория Медоварцова³².

Из другого документа мы узнаем, что ранее этот Григорий Медоварцов был стрелецким сотником у пеших стрельцов, а теперь повысил свой статус и стал сыном боярским. Перед этим он, конечно, написал челобитную в Москву с просьбой перевести его на эту «должность». Таким образом, дети боярские пополнялись не только за счет своих родственников (младших братьев и сыновей), но и за счет стрелецких начальников. Соответственно вместо ушедшего на новую «должность» Григория Медоварцова стрелецким сотником стал пятидесятник Василий Племянников³³.

В 1657 г. воеводе В. В. Нелединскому последовал новый указ из Москвы написать вместо какого-то выбывшего человека (имя не указано, записано просто: «на выбылое место») саратовца Аксентия Яковлева «в окладных книгах и в служилом списку». Этому сыну боярскому Аксентию Яковлеву был определен первоначальный поместный оклад в 200 четвертей, а денежный оклад в размере 6 рублей. Деньги он получал, как и почти все саратовские служилые люди по отечеству, «с городом», а не из какой-либо четверти. Быть четвертником Костромской, Галицкой, Устюжской и других четвертей считалось более выгодным, особенно в первые годы царствования Михаила Романова, когда жалование выдавалось нерегулярно. Аксентию Яковлеву было определено также хлебное жалование, правда, не сказано, в каком размере, записано только: «да хлеба против денег по указу»³⁴. В энциклопедии Саратовского

края говорится, что обычно хлебное жалование стрельцов составляло в год 12 четвертей ржи и столько же овсом (четверть – около 100 кг, в зависимости от типа зерна)³⁵.

В 1657 г. сменившему В. В. Нелединского новому воеводе стольнику Никите Ивановичу Головину (Головнину) поступило указание по челобитью саратовца Андрея Ховрина записать его в поместном и денежном окладе³⁶.

Этот же воевода Н. И. Головин в 1657 г. получил указание написать саратовца Леонтия Михайловича Климова «за службу» в поместном и денежном окладе в Саратовской десятне и в служилом списке³⁷.

Этот Леонтий Климов продолжал служить до 1670 г. В 1670 г. воеводе Кузьме Лутохину предписывалось Андрея Алферьева записать в десятню и в служилый список вместо выбывшего Леонтия Климова и давать ему ежегодно денежное и хлебное жалование. Правда, в документе указано, что воевода Кузьма Лутохин должен был записать этого Андрея Алферьева в Саранскую десятню, а не в Саратовскую, но по-видимому, это просто описка московских подъячих, так как воевода Саратова не имел права записать служилого человека в десятню чужого города Саранска. Кроме того, выбывший Леонтий Климов служил в Саратове, был ранее в 1657 г. записан именно в Саратовской десятне, а не в Саранской³⁸.

Неизвестно, успел ли Кузьма Лутохин выполнить данное указание до своей трагической гибели 15 августа 1670 г., когда разинцы утопили его и перебили детей боярских, находившихся в городе. Возможно, что такая же участь постигла Андрея Алферьева.

Что касается упоминавшегося неоднократно Луки Леонтьевича Климова, то мы имеем некоторые сведения о его кончине и о составе его семьи. По-видимому, он умер в 1667 или в начале 1668 г. В московских документах 1668 г. его жена уже указана как вдова. Ее звали Устинья Семеновна. Это одна из немногих известных женщин в левобережном Саратове (от первоначального Саратова не сохранилось ни одного имени женщин, хотя, судя по документам о зимовке персидского посольства в 1600/1601 г., они там были). К моменту кончины мужа у Устиньи Климовой было четверо детей. Вдова написала челобитную в Москву с просьбой выдать ей и семье государево жалование. В 1668 г. из Москвы последовало указание воеводе Саратова стольнику Ивану Васильевичу Самарину выдать вдове с детьми жалование на нынешний 177 год (т. е. на 1668/1669 г.)³⁹.

Известна еще одна вдова саратовского служилого человека, который, очевидно, погиб во время взятия города разинцами вместе с воеводой Кузьмой Лутохиным. Около 1673 г. вдова Матвея Микулина Анница подала челобитную о жалованье. По указу из Москвы в 1673 г. воевода думный дворянин Ф. И. Леонтьев выдал вдове с

детьми, как и иным вдовам, половину денежного и хлебного оклада мужа⁴⁰.

По-видимому, в середине XVII в. должность воеводы в Саратове была довольно заманчивой для представителей государева двора. В Саратове можно было обогатиться, поправить свое материальное состояние. Некоторые стольники, московские дворяне даже писали челобитные с просьбой назначить их воеводами в этот окраинный город. Такую челобитную написал в конце 1656 г. стольник Н. И. Головин. За эту челобитную с него была взята пошлина в размере один рубль. Уже 25 января 1657 г. воеводе Саратова В. В. Нелединскому была отправлена грамота, извещающая его, что ему на смену отправлен Н. И. Головин («*велено быть на Саратове на его место*»)⁴¹.

Много сохранилось в документах сведений о даче жалования служилым людям. Саратовские воеводы могли по указанию из Москвы выдавать жалование даже чужим служилым людям, по какой-то причине находившимся в Саратове. В частности, в 1659–1660 гг. в Саратове несли службу уфимские дети боярские Андрей Приклонский и Иван Черников Онучин. Они написали челобитную в Москву, и саратовскому воеводе Д. В. Хитрово поступило указание дать этим людям жалование в Саратове⁴².

В начале 1670 г. воеводой в Царицын был назначен вместо Андрея Унковского полковник Тимофей Васильевич Тургенев. Он должен был добираться в Царицын через Саратов, по-видимому, еще зимой, сухим путем, ведь в марте 1670 г. он уже находился в Царицыне. Саратовский воевода стольник И. В. Самарин (его еще не успел сменить Кузьма Лутохин, следовательно, эти события происходили в самом начале года) получил указание из Москвы выдать этому Тимофею Тургеневу государево жалование – 20 пудов соли⁴³.

Судьба этого воеводы Царицына Т. В. Тургенева сложилась трагично. Как и новый воевода Саратова Кузьма Лутохин, Тимофей Тургенев был казнен Степаном Разинным в 1670 г., только несколько ранее – в конце апреля – начале мая, сразу после взятия разинцами последнего укрепления в Царицыне.

Сохранилось немало сведений о придачах к окладам служилых людей. Здесь имеется в виду и поместный и денежный оклады. К сожалению, почти нигде не говорится об их прежнем окладе, поэтому трудно сказать, какой поместный и денежный оклад стал у этих людей после придачи. Иногда при этом указывается, за что именно служилый человек получил данную придачу к окладу. Для нас также важна дата (год) назначения этой придачи, значит, в том году данный человек уже проходил службу в Саратове, причем давно, если получил дополнительную придачу. Что касается размеров поместных окладов служилых людей, то в «Энциклопедии Саратовского края...» отмечено, что они имели такой оклад в размере 20–70 четвертей. По-видимому, составители

данного раздела энциклопедии имели в виду, что первоначальный поместный оклад был 20 четей, а после придачи – 70 четей⁴⁴. Однако такой низкий первоначальный поместный оклад в 20 четей не характерен для служилых людей по отечеству в то время. Скорее всего, он составлял 50–100 четей и даже больше. В 1664 г. поместную придачу к окладу в размере 50 четей получил саратовец Лука Климов⁴⁵. Ранее он в 1661 г. имел поместный оклад в размере 300 четей, теперь с учетом придачи его оклад стал 350 четей⁴⁶.

У саратовца Аксентия Яковлева поместный оклад был 200 четей. Иноземец Михаил Валенский служил до 1661 г. в Чебоксарах с окладом в 100 четей, а в 1662 г. при воеводе И. И. Косагове он был переведен в Саратов с прежним поместным окладом в 100 четей. Денежный оклад его составил 4 рубля⁴⁷. Это один из минимальных окладов служилых людей, как русских детей боярских, так и служилых иноземцев.

В 1656 г. при воеводе В. В. Нелединском получил придачу к окладу Федор Слuzов. Эта придача составила денег – один рубль, хлеба – четверть ржи и четверть овса⁴⁸.

Тогда же саратовец Лука Леонтьевич Климов получил придачу в более крупном размере, при этом сказано, что эта придача дана «за службу», к сожалению, не указано, за какую именно службу. Эта придача составила два рубля денег и по две четверти ржи и овса⁴⁹.

Также за службу (неизвестно, за какую именно) получил придачу к денежному окладу в размере 4 рубля саратовец Федор Елисеев Ахматов, причем это была уже вторичная придача. В документе прямо сказано, что «учинить денег 4 рубля» к прежней придаче⁵⁰.

Еще один служилый человек Петр Климов получил в том же 1656 г. придачу за конкретную «калмыцкую службу» в размере 1 рубль денег и по 1 четверти ржи и овса⁵¹.

В 1658 г. в соответствии с указанием из Москвы саратовский сын боярский Иван Гончаров был записан в служилом списке с хлебной и денежной придачей. Здесь, к сожалению, не сказано, с какой именно придачей надо было записать в служилый список этого человека и к какому прежнему его денежному окладу дать придачу⁵².

В следующем 1659 г. новый воевода Саратова Д. В. Хитрово «справил поместную придачу» саратовцу Федору Ахматову в Саратовском служилом списке⁵³.

Тогда же воевода Д. В. Хитрово «учинил поместную придачу» в 50 четвертей неоднократно упоминавшемуся ранее Петру Климову⁵⁴.

Поместные придачи саратовским служилым людям в те годы особого практического значения не имели, в отличие от денежной и хлебной придач. Лука Климов, получив придачу 50 четвертей к поместному окладу, теперь мог владеть поместьями в размере 350 четвертей. Одна четверть – это примерно полторы десятины земли. Но

поместных земель в радиусе 300 км от Саратова на тот момент еще не было. Лука Климов, к примеру, мог претендовать на поместья где-нибудь в окрестностях Саранска, Темникова, Арзамаса или Казани.

И все-таки служилые люди были заинтересованы в увеличении поместного оклада, ведь они не все время собирались находиться в Саратове. К тому же чем выше поместный оклад, тем выше статус этого служилого человека. Имея значительный поместный оклад, можно было рассчитывать на приобретение поместья в другом регионе. Если в районе Саратова поместного землевладения еще не существовало, то на правом берегу в ближайших к Саратову городах Пензе и Тамбове уже зарождалось поместное землевладение, как и в районе Самарской луки (Надеино Усолье).

В 1662 г. воевода И. И. Косагов учинил денежную и хлебную придачу к окладу саратовцу Ивану Климову, еще одному представителю семейства Климовых. На тот момент это имело большее практическое значение для служилого человека, чем поместная придача⁵⁵.

В 1664 г. воеводе Саратова князю А. Путятину было приказано справиться саратовцу Обросиму Мордвинову денежную и хлебную придачу к прежнему окладу⁵⁶.

В 1668 г. воевода И. В. Самарин по челобитью саратовца Ивана Микулина после соответствующего указа из Москвы учинил этому служилому человеку государево жалование, поместный и денежный оклад с придачей⁵⁷.

Судя по сохранившимся документам, разбой на Волге в 1650–1660-х гг. не прекращались, а наоборот, становились все более частыми, а воровские шайки – все более многочисленными и дерзкими. На усиление таких грабежей оказывало влияние развитие торговли и промыслов на Волге; теперь стало больше добычи, и она становилась ценнее.

А. А. Герасимов привел сведения об успешных действиях осенью 1659 г. Петра Климова против воровских казаков. Впервые данный сюжет был рассмотрен еще в конце 1850-х гг. С. М. Соловьёвым, который указал имя воеводы Саратова (Данила Хитрово), а также много других имен (приказчика, пленных казаков, казачьих атаманов и др.), за исключением главного героя – служилого человека из Саратова Петра Климова. В 1891 г. «местный любитель старины» известный сочинитель А. И. Шахматов в своей книге без ссылки на источник информации привел практически дословно этот живой рассказ С. М. Соловьёва о допросе 29 сентября 1659 г. в Саратове воеводой Данилой Хитрово «приказчика купца Селиванова». А. А. Герасимов также не указал источник информации, но автору этих строк удалось выяснить, что эти сведения были опубликованы в 1917 г. в одном из томов Русской Исторической Библиотеки (Донские дела, кн. 5). Это дело по отписке воеводы Саратова Д. В. Хитрово состоит из двух отписок саратовского воеводы, распро-

сных речей воровских казаков, царской грамоты Войску Донскому, а также списка саратовских детей боярских и стрельцов, отличившихся в данном походе⁵⁸.

А. А. Гераклитов, который более подробно, чем С. М. Соловьёв, изложил ход данных событий, отмечал, что в начале сентября 1659 г. по приказу воеводы Д. В. Хитрово саратовец Климов со служивыми людьми погнался за казаками вниз по Волге «до урочища до Дубовки речки» в 150 верстах от Саратова. Имя этого «саратовца Климова» не было указано, но из документов выясняется, что это был Леонтий Климов. Казаки успели сбежать с Волги степью на Иловлю, а далее по реке на лодках в свой воровской укрепленный городок Ригу. Леонтию Климову пришлось 14 сентября вернуться в Саратов. Воевода Д. В. Хитрово решил организовать поход к этому воровскому городку, подготовил отряд в 100 конных и 100 пеших стрельцов, но в это время пришел приказ выслать в распоряжение князя Г. С. Черкасского 50 конных и 117 пеших стрельцов, поэтому воевода побоялся надолго оставить Саратов без надежной охраны⁵⁹.

Вскоре воевода Д. В. Хитрово получил новые известия о походе воровских казаков на Волге. 29 сентября в Саратов приехал Карпунька Селиванов, приказчик торгового человека гостини сотни Федора Горохова (у С. М. Соловьёва – в Саратов приехал «приказчик московского купца Селиванова»). Этот приказчик рассказал, что в 170 верстах южнее Саратова в урочище Шишкин остров ночью напали на его хозяйский соляной струг, плывущий из Царицына в Саратов, 80 воровских казаков. Тогда же подверглись нападению два вятских струга, на которых плыли из Саратова в Астрахань черкесы-уздени (слуги) «Казбулата мурзы князь Муцалова сына Черкасского». Несмотря на то что черкесов сопровождали служилые люди в гребле и для охраны (саратовские стрельцы), этот бой закончился для кавказских горцев трагически. «Был бой долгое время», но казаки в итоге взяли верх. Они порубили черкесов (при этом пострадали и стрельцы охраны), захватили богатую добычу. Эту добычу затем несли пешком степью с Волги на Иловлю работные люди с захваченных судов, причем часть работных людей присоединилась к казакам⁶⁰.

Воевода Д. В. Хитрово теперь послал другого саратовца Петра Климова, «а с ним Саратовских конных и пеших стрельцов на конях двести человек по нагорной стороне» с задачей искать этот казачий воровской городок. Саратовские стрельцы собиравшись отомстить казакам за своих погибших товарищей. 15 октября П. Климов вернулся в Саратов и доложил о результатах похода. Он настиг казаков в урочище Островки на Иловле, за день пути до Дона. В завязавшемся бою казаки были разбиты, многих побили, остальные убежали в свой городок Ригу, находящийся на Паньшинском острове в Пустовом юрту, а двух казаков взяли в плен и привели в Саратов. По докладу П. Климова

в этом бою отличились саратовцы, дети боярские, Обросим Мордвинов, Василий Вяльцов, Микита Лежнев, сотник конных стрельцов Афанасий Ховрин, пятидесятник конных стрельцов Тимошка Кондратьев, конный стрелец Васька Шатчанин, «и все Саратовские конные и пешие стрельцы, двести человек, государю служили и бились явственно»⁶¹.

П. Климов не решился идти дальше и штурмовать этот укрепленный городок Ригу, а вернулся с пленными в Саратов. Пленные сообщили, что казачий отряд возглавляли донской атаман Васька Прокопьев и есаул Стенька Федоров, оба из Самары. Казаки совершили два разбойных похода на Волгу. Во время второго похода атаман и есаул оставались в своем воровском городке, а в поход отправились атаман Петрушка Кулыга (из царицынских стрельцов) и есаул Ивашка Григорьев из Самары⁶².

После получения в Москве от воеводы Д. В. Хитрово донесения об этих событиях (причем с донесением в столицу 16 октября был отправлен сам Петр Климов), на Дон была послана царская грамота с требованием разорить этот городок и казнить воровских казаков. Домовитые казаки во главе с атаманом Наумом Васильевым не желали ссориться с правительством, и, судя по их донесению, уже в январе 1660 г. выполнили царское указание. По их словам, казаки в городке долго отбивались от низовых и верховых казаков из пушек и ружей, многих ранили. После взятия, сожжения и разорения городка по решению Войскового круга атаман Васька (Прокопьев) и есаул Петрушка (Кулыга) были повешены, рядовые участники помилованы и отпущены жить по другим городкам. Отправленные в Москву с этой радостной вестью о победе 7 казаков с атаманом Леонтием Фроловым были награждены, а Войску Донскому была отправлена царская грамота с похвалой за поимку этих «воровских гультаев» и разорение их укрепленного городка⁶³. В отписке донских казаков видно стремление отвести от донцов подозрение в этих разбоях на Волге, это дело, мол, не коренных казаков, а пришлого населения с Волги, которые прибыли сюда два года назад.

Вскоре выяснилось, что эти же воровские казаки, отпущенные Войсковым кругом на свободу, уже весной 1660 г. снова совершили разбойные нападения на Волге южнее Царицына в районе Черного Яра. При этом были ограблены насады гостей Михаила Гурьева и Василия Шорина⁶⁴.

По-видимому, Петр Климов был первым помощником воеводы Д. В. Хитрово. Так получилось, что стольник Д. В. Хитрово умер в Саратове на воеводском посту. После его смерти в 1660 г. пока в город не прибыл новый воевода из Москвы И. И. Косагов должность саратовского воеводы временно исполнял Петр Климов. Сначала дьяки Приказа Казанского дворца в Москве не знали о смерти Даниила Хитрово, и 6 марта 1660 г. писали ему, что в Саратов будет отправлен ему на

смену Иван Косагов. Однако в августе того же года в Москве была получена челобитная жены Данилы Хитрово вдовы Марьи, которая находилась в Саратове вместе с мужем. Вдова просила отпустить ее из Саратова в Москву. Получив эту челобитную вдовы, дьяки приказали исполняющему должностные воеводы Петру Климову отпустить вдову Данилы Хитрово в Москву. Указание было отправлено в августе 1660 г., так что в сентябре вдова уже вполне могла уехать из Саратова⁶⁵.

Скорее всего, вдова Марья отправилась по Волге с одним из осенних караванов через Самару и Казань. Не исключен вариант, что она сопровождала гроб с телом погибшего мужа, ведь Хитрово были знатными людьми и входили в ближайшее окружение царя Алексея Михайловича. Вполне возможно, что саратовского воеводу похоронили в родовой усыпальнице в Подмоскowie.

Петр Климов известен еще тем, что был откупщиком некоторых рыбных угодий в окрестностях Саратова. Для детей боярских это не было характерным. Из местных жителей откупщиками были в основном посадские люди, иногда стрельцы. В 1657/1658 г. Петр Климов написал челобитную с просьбой об откупе рыбных ловель. Воеводе Саратова стольнику Н. И. Головину в 1658 г. пришла грамота, в которой говорилось, что Петру Климову «*велено Саратовскими Ключовскою воложскою и юртом владеть на откупку с указного срока 2 года, и впродолжение до иных перекупщиков, а откупку велено ему платить по 8 руб. 7 алт. 3 деньги на год*»⁶⁶.

Документы о приделах к окладу детей боярских очень важны для изучения истории Саратова. Мы узнаем не только имена служилых людей, что само по себе очень интересно, но и о том, что в Саратове осуществлялась в 1650–1660-х гг. перестройка крепости, неизвестная по другим источникам. Последняя известная по времени перестройка новой крепости происходила в 1630–1632 гг. при воеводе Степане Чемесове.

Некоторые исследователи, в частности архитектор Б. Н. Донецкий, считали, что именно при Чемесове Саратов был перенесен на новое место, то самое, где его увидел через несколько лет Адам Олеарий, а до этого Саратов находился также на левом берегу, но значительно южнее, в районе Анисовки. Якобы там мог увидеть Саратов Федот Котов в 1623 г., и именно об этом месте сообщается в Книге Большому Чертежу⁶⁷.

По нашему мнению, левобережный Саратов все время оставался на одном месте, в устье Саратова, но перестройка этой крепости происходила дважды. Первый раз – при Степане Чемесове через 15 лет после строительства левобережного Саратова. Такой небольшой срок объясняется тем, что первый город строился в завершающий период Смутного времени, наспех, материал был не совсем качественный. При Степане Чемесове строительство осуществлялось планомерно, более качественно, поэтому такой город простоял

свыше 20 лет. Но и ему требовалось подновление, как и всем деревянным строениям. Когда именно происходила перестройка Саратова – трудно сказать, скорее всего, при воеводе А. П. Чирикове в 1652–1654 гг. Уже при следующем воеводе В. В. Нелединском в 1655 г. за это «городовое дело» были награждены приделами к окладам саратовские служилые люди по отчеству. Это уже известные нам Петр и Лука Климовы, а также Семен Татянин и Федор Служов. Каждый из них получил придачи к денежному окладу по рублю, а также дополнительно хлеба по указу⁶⁸.

Особняком стоит челобитная саратовских стрельцов с просьбой об их награждении также за «городовое дело». Эта челобитная подана была около 1666 г., во всяком случае положительное решение по ней было принято в 1666 г. Следует обратить внимание, что здесь указано просто «городовое дело», а не «Саратовское городовое дело». Возможно, что здесь речь идет о строительстве на правом берегу укрепленного рыбного городка либо о строительстве какого-то другого города, ведь стрельцы обычно посылались в другие города помогать строить крепости. Так было и в Саратове при Степане Чемесове, когда в город были присланы стрельцы, дети боярские, новокрещены и басурманы из 10 волжских городов в количестве 456 человек⁶⁹.

Служилые люди участвовали в контактах с новыми кочевниками – калмыками. Не всегда эти контакты были мирными, особенно в 1630–1660-е гг., вплоть до того момента, когда хан Аюка признал власть Москвы. До этого были и нападения калмыков на поволжские города и набеги на окрестные земли. В документах говорится о награждении служилых людей за «Калмыцкую службу». Этот термин означает, что данный служилый человек участвовал в боевых действиях против калмыков. Саратовец Петр Климов, награжденный «за городовое дело», в следующем 1656 г. был снова награжден именно за Калмыцкую службу приделами в размере 1 рубль и по одной четверти ржи и овса⁷⁰.

Другой служилый человек Иван Микулин в 1673 г. был награжден за «Калмыцкую посылку»⁷¹. Здесь может речь идти, скорее всего, о посольском деле, когда саратовцы отправлялись вести переговоры с калмыками (либо сопровождали русских послов к калмыкам). В это время уже был заключен договор с ханом Аюкой, и калмыки были мирными.

В заключение стоит привести один документ, который полностью меняет наше представление о судьбе служилых людей по отчеству из Саратова во время восстания Степана Разина. Во всех исследованиях, посвященных пребыванию Разина в Саратове, отмечается, что повстанцы, прибыв в Саратов, «*утопили воеводу Кузьму Лутохина, расправились с детьми боярскими и с приказными...*» Мы знаем, что «служилый город» (саратовские дети боярские) на протяжении дли-

тельного времени был постоянным в Саратове и насчитывал 18 человек. Служилые люди должны были находиться в Саратове вместе с воеводой Кузьмой Лутохиным и оборонять город. Вполне возможно, что их постигла участь воеводы. Многие из них (Климовы, Протопоповы, Яковлев, Алферьев, Мордвинов, Татьяна, Гончаров и др.) после переноса Саратова на правый берег больше не встречаются. Гарнизон города стал комплектоваться в основном служилыми людьми из других городов (к примеру, Федор Шахматов служил на Курмыше). В 1680-х гг. в новом Саратове служили неизвестные ранее Максим Кондаков, иноземец Григорий Зборовский и др.

Из прежних фамилий мы встречаем Григория Микулина и Федора Служева. Хотелось бы остановиться на Федоре Служева и его судьбе. В одном из документов, опубликованном Е. А. Шахматовой (взятом из Донских дел), говорится о том, что в сентябре 1670 г. были из Москвы посланы в ссылку в Холмогоры саратовские дети боярские Федор Служев и еще 6 человек: «*В прошлом во 179 г. сентября 3 дни по нашему Великому государя указу посланы к вам на Двину Саратовцы дети боярские Федор Служев с товарищи 7 человек, и велено им быть на вечную жизнь*». В другом месте уточняется, что «*послан в сылку на Колмогоры Саратовец сын боярский Федор Служев*». Далее говорится, что 25 июля 1672 г. царь Алексей Михайлович велел Федора Служева «*из сылки взять к Москве*», и об этом была послана грамота в Холмогоры окольному Артамену Матвееву. В другой грамоте, адресованной на Двину думному дворянину и воеводе Афанасию Нестерову, приводится другая дата окончания ссылки Федора Служева: «*В нынешнем во 181 г. сентября дни пожаловали мы Великий государь Саратовца Федора Служева, велели ево ис сылки взять к Москве*». Далее говорится, что после получения данной грамоты воевода Нестеров велел бы отпустить Федора Служева к Москве. Грамота была написана в Москве 18 сентября 1672 г. Расхождение в датах – июль и сентябрь 1672 г., когда был помилован Ф. Служев, не очень существенно⁷².

Обратим внимание на другую дату – дату наказания Федора Служева и других саратовцев. «179 г. сентября 3 дни» они уже были отправлены в ссылку на Двину. Следовательно, 3 сентября 1670 г. они уже давно находились в Москве, по ним уже состоялся суд, выяснена их вина и принято решение о наказании. Учтем все эти нюансы, а также время на доставку этих людей из Саратова в Москву. Сразу стоит отбросить вариант, что Федор Служев и его товарищи накануне прибытия Разина в Саратов (мы знаем, что это произошло 15 августа 1670 г.) бросили воеводу Кузьму Лутохина на произвол судьбы и скрылись из города. За такое «дезертирство» они, мол, были наказаны.

Предположить можно другой вариант. Саратовцы во главе с Федором Служевым в апреле – мае 1670 г. были отправлены на Камышинку

или в Царицын. Они могли находиться в составе стрелецкого отряда И. Т. Лопатина, которого Разин разбил под Царицыном, или убежали из Камышенки в Саратов, не оказав никакого сопротивления разинцам, в общем именно тогда не проявили достаточного усердия в борьбе с казаками. Известно, что Разин захватил Царицын в начале мая 1670 г., разбил Лопатина в конце мая, другой отряд С. Львова – в начале июня, а 22 июня разинцы захватили Камышинку без боя. В начале июля 1670 г. о сожжении Камышинки доносил в Москву (в приказ Тайных дел!) голова московских стрельцов В. Лаговчин, который в то время стоял со своим отрядом в Саратове (19 июля это донесение уже было в Москве). Возможно, что В. Лаговчин и воевода К. Лутохин отправили саратовских детей боярских, в том числе Ф. Служева, в Москву для следствия. Когда Разин, захватив Астрахань, двинулся в сторону Саратова, Федор Служев и его товарищи уже были в Москве и предстали перед судом⁷³.

После возвращения из ссылки Федор Служев снова служил в Саратове. Он упоминается в челобитной служилых людей с жалобой на калмыков в июле 1688 г., когда калмыки конфликтовали с местными жителями. Федор Служев был грамотным человеком, он расписался в этой челобитной за Тихона Шахматова и других служилых людей⁷⁴.

К сожалению, кроме этих отрывочных сведений о служилых людях левобережного Саратова ничего больше в источниках обнаружить не удалось. Будем надеяться, что в РГАДА в фондах Калмыцких, Грузинских, Персидских, Ногайских и других дел Посольского приказа, а также Печатного приказа, Приказа Тайных дел и др. будут найдены новые источники о Саратове, которые позволят более полно представить жизнь этого города до его перенесения на Нагорную сторону.

Примечания

- 1 См.: Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова : записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М., 1892 (также – ЧОИДР. 1892. Кн. 3). Далее – Голомбиевский А. А. Материалы...
- 2 См.: Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.
- 3 См.: Рабинович Я. Н. История первоначального Саратова 1590–1604 годов : характеристика источников и хронология событий (до начала Смутного времени) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 80–87 ; Рабинович Я. Н. Саратов в Смутное время (1604–1614) // Там же. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 228–240.
- 4 Гераклитов А. А. История Саратовского края... С. 231.
- 5 Дополнения к Дворцовым разрядам по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным. М., 1882. Ч. 1. Стб. 118.

- 6 *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 231–232.
- 7 Подробнее об этом см.: *Бернацкий В. Н.* Конец Заруцкого // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. Л., 1939. Т. XIX. С. 83–131. См. также: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ) : в 5 т. СПб., 1841. Т. 3 (1613–1645), № 257. С. 424.
- 8 См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки : ежемесячное иллюстрированное издание. М., 1892. № 3 (март). С. 213.
- 9 См.: Отписка Астраханских воевод князя Одоевского и Головина Самарским воеводам князьям Туренину и Белосельскому о разбитии волжских казаков на Яике и намерении последних идти для грабежа на Волгу. 1614, августа 30 // АИ. Т. 3, № 42. С. 38–39.
- 10 См.: Отписка Воронежского воеводы князя Савелия Ивановича Козловского о военных действиях Яицких казаков и о походах их на Волгу для грабежа царских и немецких судов. 1637, января 21 // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. СПб., 1898. Т. 18 : Донские дела, кн. 1. № XLVI–1. Стб. 549–555.
- 11 См.: *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 9, 13. С. 10.
- 12 *Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов, 1892. С. 60.
- 13 *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 30, 32. С. 12 ; № 42. С. 13.
- 14 См.: Проезжая грамота Нижегородцу Адриану Михалеву, на провоз товаров от Москвы до Астрахани и обратно, и о невзимании поголовщины. 1691, апрель // АИ. СПб., 1842. Т. 5, № 206. С. 354–356.
- 15 См.: *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 30, 32. С. 12.
- 16 Там же. № 37. С. 13.
- 17 Там же. № 42. С. 13.
- 18 Там же. № 48. С. 14.
- 19 Там же. № 53. С. 14.
- 20 Там же. № 66. С. 16.
- 21 Там же. № 68. С. 16.
- 22 Там же. № 49. С. 14.
- 23 Там же. № 51. С. 14.
- 24 Арзамасские поместные акты (1578–1618) / собр. и ред. С. Б. Веселовский (Смутное время... Вып. 4) // ЧОИДР. М., 1916. Кн. 1 (256). С. 508–514, 523–554.
- 25 *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 1. С. 9.
- 26 Там же. № 31. С. 12.
- 27 Там же. № 40. С. 13.
- 28 Там же. № 2. С. 9.
- 29 Там же. № 4. С. 9, 10.
- 30 Там же. № 6. С. 10.
- 31 Там же. № 17. С. 11.
- 32 Там же. № 21. С. 11.
- 33 Там же. № 20. С. 11.
- 34 Там же. № 22. С. 11.
- 35 См.: Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). Саратов, 2002. С. 238.
- 36 См.: *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 23. С. 12.
- 37 Там же. № 25. С. 12.
- 38 *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 62. С. 15.
- 39 Там же. № 57. С. 15.
- 40 Там же. № 67. С. 16.
- 41 Там же. С. 8.
- 42 Там же. № 34. С. 12.
- 43 Там же. № 60. С. 15.
- 44 Энциклопедия Саратовского края... С. 238.
- 45 *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 50. С. 14.
- 46 Там же. № 38. С. 13.
- 47 Там же. № 39. С. 13.
- 48 Там же. № 14. С. 11.
- 49 Там же. № 16. С. 11.
- 50 Там же. № 18. С. 11.
- 51 Там же. № 15. С. 11.
- 52 Там же. № 27. С. 12.
- 53 Там же. № 29. С. 12.
- 54 Там же. № 33. С. 12.
- 55 Там же. № 41. С. 13.
- 56 Там же. № 52. С. 14.
- 57 Там же. № 56. С. 15.
- 58 *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 203–209 ; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен // Соч. : в 18 кн. М., 1995. Кн. 6, т. 11. С. 311–312 ; *Шахматов А. И.* Исторические очерки города Саратова и его округи. Саратов, 1891. С. 67 ; Дело по отпискам Саратовского воеводы Даниила Хитрово о воровских донских казаках, грабивших суда на Волге. 1659, сентябрь – ноябрь // РИБ. Пг., 1917. Т. 34 : Донские дела, кн. 5. № 27. Стб. 532–546.
- 59 Первая отписка Саратовского воеводы Д. В. Хитрово. 1659, сентября 29 // РИБ. Т. 34. Стб. 533–534.
- 60 Там же. Стб. 534–535.
- 61 Вторая отписка Саратовского воеводы Д. В. Хитрово о поимке воровских казаков, грабивших на Волге. 1659, октября 16 // РИБ. Т. 34. Стб. 536–538 ; Список детей боярских и стрельцов, принявших участие в поимке воровских казаков. 1659, октября 16 // РИБ. Т. 34. Стб. 541–542.
- 62 Распросные речи воровских казаков Кондратя Ходерягина и Нефеда Золотарева. 1659, октября 16 // РИБ. Т. 34. Стб. 538–541.
- 63 Царская грамота Войску Донскому с известием о воровстве казаков на Волге и об уходе их на Дон в городок Ригу ; приказание разорить этот городок. 1659, ноября 11 // РИБ. Т. 34. Стб. 542–546 ; Приезд в Москву Донского станичного атамана Леонтия Фролова и есаула Ивана Васильева с войсковой отпиской : Войсковая отписка о поимке казаков, воровавших на Волге. 1660, апреля 14 ; Царская грамота Войску Донскому с похвалой за поимку воровских казаков. 1660, мая 5 // РИБ. Т. 34. Стб. 657–660, 667–668.
- 64 Приезд в Москву Донского станичного атамана Фрола Минаева с товарищи с войсковой отпиской : Отписка с Царицына от воеводы Д. В. Давыдова о грабежах казаков близ Черного Яра. 1660, мая 26 ; Царская грамота войску Донскому с выражением порицания за отпуск без наказания казаков, воровавших у Черного Яра. 1660, мая 29 // РИБ. Т. 34. Стб. 693–696, 697–701.

- ⁶⁵ Голомбиевский А. А. Материалы... С. 8.
- ⁶⁶ Там же. № 92. С. 21.
- ⁶⁷ Донецкий Б. Н. Увеша река пала в Волгу против города Саратова // Заря молодежи (Саратов). 1989. 25 марта ; Хождение купца Федота Котова в Персию / публ. Н. А. Кузнецовой, отв. ред. А. А. Кузнецов. М., 1958. С. 28 ; Книга Большому Чертежу / под ред. К. Н. Сербинной. М., 1950. С. 143.
- ⁶⁸ Голомбиевский А. А. Материалы... № 8, 10, 11. С. 10.
- ⁶⁹ См. Голомбиевский А. А. Материалы... № 54. С. 15 ; Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641) / под ред. С. А. Мезина. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2014. С. 158–159.
- ⁷⁰ Голомбиевский А. А. Материалы... № 15. С. 11.
- ⁷¹ Там же. № 65. С. 16.
- ⁷² Шахматова Е. А. К истории Саратовского края из Донских дел // Труды СУАК. Саратов, 1893. Т. 4, вып. 1. Д. 3. С. 4344.
- ⁷³ Крестьянская война под предводительством С. Разина : сб. документов : в 3 т. М., 1954. Т. 1, № 131. С. 184–185 ; № 150. С. 209–210 и др.
- ⁷⁴ Шахматова Е. А. Указ. соч. Д. 5. С. 50–52.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Служилые люди по отечеству в левобережном Саратове // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 102–113. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-102-113.

Cite this article as:

Rabinovich Ya. N. Hereditary Servicemen in the left-bank Saratov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 102–113 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-102-113.

УДК 355.415.8(470.44)|18/20|+929

«ПОДАЛИ ПРОШЕНИЕ О ПРИЧИСЛЕНИИ В МЕЩАНЕ» (военнопленные Великой армии в саратовских городах)

В. П. Тотфалушин

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, TotfalushinVP@info.sgu.ru

Статья посвящена судьбе военнопленных Великой армии Наполеона, обосновавшихся в городах Саратовской губернии. В ней рассматриваются их численность, условия приема и проживания, а также особенности этой волны эмиграции и степень ее воздействия на местное общество.

Ключевые слова: военнопленные Великой армии, города Саратовской губернии.

«A Petition Submitted for Being Attached among
Commoners» (War Prisoners of the Great Army
in the Towns of the Saratov Province)

V. P. Totfalushin

Viktor P. Totfalushin, ORCID 0000-0002-9598-0691, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, TotfalushinVP@info.sgu.ru

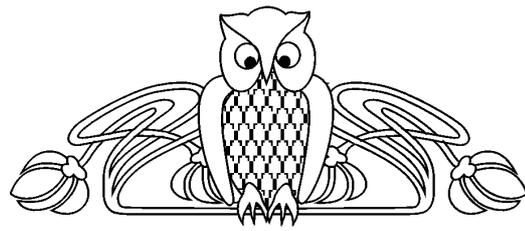
The article is devoted to the fate of the war prisoners of Napoleon's Great army, who settled in the towns of the Saratov province. Their number, conditions of reception and accommodation are considered, as well as the features of this wave of emigration and its impact on the local community.

Key words: war prisoners of the Great army, towns of the Saratov province.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-114-118

Одним из показателей весомости любой военной победы являются пленные, поэтому они как объект изучения представляют особый интерес при анализе военно-исторических событий. Но в отличие от других, вещественных показателей победы, военнопленные, будучи живыми людьми, нуждаются в особом отношении, цель которого – сохранить их жизни. Решение этой сложной для воюющей страны задачи всецело ложится на органы военной и государственной власти. При этом отношении к пленным является показателем степени гуманности различных слоев общества и государства в целом. Одновременно информация о пребывании военнопленных в плену позволяет получить новые данные о биографиях конкретных людей.

Судьба военнопленных армии Наполеона в России в последнее время не раз становилась предметом специальных исследований. При решении

этой сложной пространственно-временной задачи рассмотрены особенности препровождения, приема, содержания, дальнейшего пребывания, а также последствий жизни пленных в пределах Российской империи¹.

Однако заявленная нами тема еще не становилась предметом специального исследования, хотя в ряде работ и затрагивалась. А между тем этот сюжет важен уже потому, что речь идет фактически об очередной волне европейских эмигрантов, обосновавшихся в России и, без сомнения, оставивших свой след в истории российского общества.

Определенный интерес к этому вопросу стал проявляться в конце XIX – начале XX века. Так, судьбой пленных, пожелавших остаться в Саратовской губернии, интересовался Ф. В. Духовников, назвавший имена нескольких новых горожан из их числа². Стимулом к дальнейшему изучению темы стал столетний юбилей Отечественной войны 1812 года. В результате в сборнике Саратовской ученой архивной комиссии, подготовленном Н. Ф. Хованским, появился специальный раздел о военнопленных³.

В советский период данная тема выпала из поля зрения историков и краеведов. И лишь несколько лет назад Б. П. Миловидов рассмотрел формирование российского законодательства относительно пребывания пленных в России, в том числе в саратовских городах⁴.

Источники по изучаемой проблеме многообразны; в первую очередь это делопроизводственная документация, отложившаяся в центральных и местных архивах. К сожалению, сведения, представленные в делопроизводственных материалах, подчас отличаются неполнотой и неточностью. Так, по мере увеличения количества пленных наблюдается падение интереса к ним властей, что отразилось в возрастающей лаконичности записей. Кроме того, серьезной помехой является вопиющая неграмотность чиновников, беспощадно уродующих фамилии и имена иноземцев.

Одним из важных делопроизводственных документов для изучения вопроса стал «Алфавит военнопленных», опубликованный Б. П. Миловидовым⁵. Он был составлен по распоряжению главнокомандующего в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова, предписавшего в мае 1816 г. всем начальникам губерний доставить именные списки всех военнопленных, «до сего времени еще в России находящихся, по какому бы случаю и под каким бы предлогом они ни оставались». Документ сохранился в Российском

государственном историческом архиве в комплексе дел Особенной канцелярии Министерства полиции. По предположению публикатора, основная информация, отложившаяся в нем, восходит к середине 1816 – началу 1817 г., позднее (1819–1825) к ней, очевидно, делались дополнения⁶.

В 1836 г. французское посольство затребовало список всех французов, принявших русское подданство с 1813 по 1827 г., что, несомненно, также было связано с проблемой пленных. В связи с этим был издан циркуляр Министерства внутренних дел о сборе сведений по губерниям, которые должны были направляться в Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии. Результатом стала «Ведомость о проживающих в Саратовской губернии французах», обнаруженная нами в Государственном архиве РФ⁷.

Наконец, в Государственном архиве Саратовской области содержательный делопроизводственный материал, небольшая часть которого недавно опубликована⁸, отложился в фондах № 1, 2, 3, 28, 94 и 180.

Раскрыть заявленную тему помогают также законодательные акты, регулировавшие условия принятия подданства пленными.

Постепенное продвижение неприятеля вглубь России заставило военное командование и органы гражданской власти выбирать для размещения военнопленных все более отдаленные территории, среди которых оказалась и Саратовская губерния. Всего в 1812–1814 гг. здесь транзитом или на постоянной основе побывало приблизительно 6300 военнопленных, из которых 1080 чел. умерло и около 300 чел. осталось на постоянное жительство⁹.

Первопричиной появления новых жителей в российских городах стало циркулярное распоряжение С. К. Вязьмитинова гражданским губернаторам от 26 августа 1812 г., в котором он предписывал, чтобы пленных «размещали ... для жительства не только в одних губернских, но и в уездных городах...»¹⁰ А в декабре, когда содержание военнопленных тяжким бременем легло на русскую казну, Комитет финансов вознамерился предложить «художникам, мастеровым и работникам» из числа пленных трудиться на мануфактурах за «обыкновенную плату или содержание, какое получают работники и мастеровые тех ремесел, к которым они употреблены быть могут. <...> На сем основании можно всех их раздать, как на казенные фабрики и заводы, так и частным содержателям, которые принять их пожелают». Прочие «могут быть употребляемы ... на ... различные простые работы в Москве и других городах...»¹¹, что также способствовало оседанию пленных в городах.

Наконец, русское правительство было заинтересовано, чтобы какая-то часть военнопленных осталась в России на постоянное жительство. Циркуляром МВД от 4 июля 1813 г. военнопленным Великой армии разрешалось принимать русское подданство и жить затем «вольным человеком» в любом месте Российской империи, кроме столиц.

При этом новообращенные подданные в девятимесячный срок должны были избрать себе род занятий и сословие¹².

В этой связи возник вопрос о льготах по податям и повинностям для новых поданных, и Положение Комитета министров от 9 сентября 1813 г. установило десятилетнее освобождение от всех податей и повинностей для пленных, которые приписывались в мещане¹³.

На территории Саратовской губернии в начале XIX в. было 10 городов и один посад – Дубовка. По нашим наблюдениям, пленные остались на жительство в восьми из них, никто не осел лишь в Дубовке, Камышине и Царицыне. При этом подавляющее количество новоселов появилось в городах, лежащих на больших почтовых трактах, по которым транспорты военнопленных прибывали и покидали территорию губернии: вдоль Волги через Хвалынский – Вольск – Саратов и далее через Аткарск – Балашов или через Аткарск – Петровск – Сердобск. Общее количество пленных, осевших на постоянное или временное жительство в саратовских городах, по нашим подсчетам, составило порядка 75 человек. Максимальное количество – около 40 человек – избрали губернский центр, далее следуют Кузнецк – 10. Сердобск – 9, Петровск – 7, Аткарск – 6, Вольск – 5, Балашов – 3 и Хвалынский – 2.

Однако точные цифры оставшихся в городах назвать затруднительно, поскольку новые подданные часто меняли место своего проживания. Например, Пьер Игон, работавший в Саратове трубчистом, в 1815 г. пожелал приписаться в мещане Хвалынска¹⁴. Аткарские мещане Пьер (Петр Иванов) Каира (Кайро) и Антуан (Антон) Кабас (Кабасси) в 1824 г. перешли в саратовские¹⁵. Бывший капрал французской гвардии, каретник по профессии Жан (Иван) Гайяр (Галлиер) из саратовских цеховых переписался в вольские¹⁶. Итальянец Жозепо (Иозеф, Осип) Фурно из кузнецких мещан перешел в вольские¹⁷, а легендарный Пьер (Николай Андреевич) Саван (Савен, Савель) в 1839 г. из хвалынских мещан – в саратовские¹⁸.

В Кузнецком уезде шесть человек: Бартоломе (Бартоломи) Лампиани (Лампион), Даниель (Данила) Масли (Александр Николаев), Жозеф (Иозеф) Матье, Франсуа (Франц) Оливье (Иван Петров), Морис Оттино (Антонио), Антоний (Антон, Егор) Францино (Францин) (Михаил Петров)¹⁹, записанных в крестьяне д. Кузнецовка (Каменка тож) вынуждены были переписаться в кузнецкие мещане из-за отсутствия земельных наделов²⁰.

Наблюдалось и переселение в города пленных из иностранных колоний на Волге. Например, уже 18 декабря 1814 г. Контора опекунства иностранных переселенцев разослала требование «о сыске и высылке в оную самовольно отлучившихся из колоний 25-ти человек военнопленных <...> к водворению между колонистами...» Расследование показало, что «многие из записанных» в колонии «по ремеслам своим <...> имеют проживание в городе Саратове и уездных сей губернии городах».

Им было предложено явиться за паспортами «на свободное проживание...» А 29 марта 1815 г. последовал указ Конторы «о предоставлении свободы военнопленным, вступившим в подданство, <...> буде пожелают кормиться художествами и ремеслами, избрать себе жительство в столицах и в губернских и уездных городах...»²¹

Из колонии Екатериненштадт в Саратов переехали столяр Конрад Валиганц (Валиганц, Вамганц), Теодор Клумп (Клюмп), Христиан Фишер, который имел в городе суконное производство²². В 1815 г. туда же переехал колонист колонии Скатовка Стефан (фон) Аркель, который сначала работал «по найму», а затем устроился «у содержателя пенсiona Ранцевича»²³, за ним последовал колонист той же колонии Степан (Стефан Антон) Принц²⁴. Еще один несостоявшийся колонист Оноре Золя (Жоли, Жолис), который «ни в какой колонии не приписан», пожелал «быть записанным по городу Вольску в мещане»²⁵.

Впрочем, наблюдался и обратный процесс: Иоганн Тоскан, работавший в Саратове трубочистом, сначала пожелал приписаться в мещане г. Хвалынска, но затем «по желанию его» был записан в число колонистов колонии Панской²⁶.

Поляк Юзеф Герлатовский, прибывший в губернскую столицу из Астрахани в октябре 1815 г., не вступив в саратовское мещанство, из города отлучился и в июне 1817 г. был «взят в городе Камышине с фальшивым билетом», который сам же изготовил «для наемки по деревням в земские писари». На тот момент он служил в с. Грязнуха Камышинского уезда (ныне с. Вишневое Жирновского р-на Волгоградской обл.), откуда и «поехал в город»²⁷.

На жительство в д. Кузнецовка (Каменка тож) остался Данила Масли (Михаил Петров), в июне 1817 г. подавший прошение в Казенную палату, рассказав следующее. Еще в 1814 г. «производил одно лето хлебопашество», но в том же году «жители оной деревни, отобрав от меня землю, запретили обрабатывать оную, говоря, что будто я, по просьбе их, отчислен в кузнецкие мещане...» Проведенное расследование установило, что он «всегдашнее жительство» имеет в д. Кузнецовка, где «сейчас обзавелся домашнею экономией» и где женился «на поселянке казенного ведомства», а в кузнецких мещанах по 7-й ревизии не показан. На основании этого Казенная палата постановила вновь причислить его в число крестьян д. Кузнецовки²⁸.

17 августа 1814 г. вышел указ о возвращении пленных всех наций (даже присягнувших на подданство) по их желанию в свое отечество²⁹, в дальнейшем неоднократно подтвержденный, которым воспользовались и некоторые саратовские новоселы. Так, в 1823 г. вернулся на родину саратовский мещанин Николай Кюттар³⁰, а в 1826 г. – Жан Этьен Ванни (Ванье, Ваньер)³¹. А вот Савену в 1834 г. в возвращении на родину было отказано³².

Еще во время своего плена некоторые чужеземцы стремились к более глубокой интеграции в русское общество. Уже на заседании 21 января

1813 г. Комитет министров рассматривал внесенную Вязмитиновым записку о желании нескольких пленников в Саратовской губернии принять греко-российскую веру. Саратовский губернатор ставил перед петербургскими властями вопрос о том, следует ли после крещения считать их по-прежнему военнопленными, или «дать им свободу на избрание рода жизни». Однако Комитет решил дозволить крестившимся в православие пленным избрать род жизни только в том случае, если они примут еще и присягу на подданство³³.

Теперь же, оказавшись в иной культурной среде, на этот путь встали многие новые горожане, некоторые из них вслед за тем обзавелись семьями. Так, кузнецкий мещанин француз Франсуа (Франц) Оливье стал Иваном Петровым³⁴. Николай Андреевич Савен (Пьер Саван) в 1816 г. женился на симбирской купеческой дочери Прасковье Сергеевой, с которой прижил детей Павла, Александра, Авдотью и Акулину³⁵; итальянец Андрей Иванов (оригинальная фамилия не установлена) из Аткарска в январе 1823 г. – на вдове Анне Осиповой³⁶; Иван Федоров (Оноре Золя) – на вольской мещанке Агафье Михайловой, в браке с которой родились Яков (1818), Михаил (1826), Наталья (1829) и Лукерья (1832)³⁷; «лифляндский уроженец французского подданства», а затем петровский мещанин Петр Александров Ложин (оригинальная фамилия не установлена) – на мещанской дочери Акинье Кузьминой, которая родила ему сыновей Николая, Ивана и Кирилла³⁸.

Саратовский мещанин, венгр по национальности Михаил Федоров Григорьев (Ян Гриуш) был женат на вольноотпущенице Акилине (Акулине) Косьминой Тимофеевой и имел сыновей Александра (1816) и Василия (1819)³⁹. Связан узами брака был и саратовский мещанин Николай Кюттар, который хотел выехать в отечество «с женою и детьми»⁴⁰. По ревизии 1835 г. имел жену Марию и аткарский мещанин Жан Батист Шевре (Шевьерье)⁴¹.

Большинство пленников (порядка 55 человек), оставшихся в городах, записались в мещане, около десятка – в цеховые мастера, три человека стали приказными. Сфера деятельности новоиспеченных горожан была различна, но большинство из них было занято в ремесленно-промышленном производстве или в сфере обслуживания.

Антуан (Антон) Куро, Николай Савен и Жозеф (Иосиф Петров) Сикар (Сикард) из г. Монпелье, проживавший в Саратове во 2-й части в 6-м квартале в доме мещанки Плехановой, «занимались учением детей»⁴². Оноре Золя, поселившись в городе, поступил в услужение в дом бывшего секретаря вольского земского суда Аврама Васильева Шварева⁴³.

Любопытна личность унтер-офицера французского 11-го гусарского полка Луи Жерсе. По всем спискам пленников он проходил как француз, но когда в 1816 г. правительство стало уточнять сведения о бывших военнопленных, принявших подданство России, о Жерсе было сообщено, что он – англичанин. Тогда же была уточнена его фамилия (скорее

всего, исковерканная русской орфографией) – Черный. Приняв присягу в Пензе в 1814 г., он вскоре переехал в Саратов, став приказным⁴⁴.

Особое место среди военнопленных занимали медики, ибо их труд в условиях военных действий был одним из самых востребованных. Ещё в декабре 1812 г. М. И. Кутузов разрешил использовать плененных врачей для лечения больных пленных, а в случае необходимости – и для работы в российских госпиталях, но под надзором. В дальнейшем пленные врачи по своему желанию могли вступить в русскую службу, подвергшись предварительно экзамену главного медицинского инспектора по армии. Оказывать помощь гражданскому населению чужестранцам также разрешалось только после сдачи экзамена. Сдать его было достаточно сложно, поэтому многие иностранцы на это не решались⁴⁵.

В Саратове на это отважился подлекарь польского 8-го уланского полка Игнатий (Осип) Доморацкий, который уверял, что в полку был лекарем и имел в этой специальности восьмилетний стаж. Саратовская врачебная управа провела ему испытание в медицинских науках и нашла, что проситель не имеет в медицине никаких познаний. Тогда Доморацкий, не смутившись, стал просить об определении его в лекарские ученики, но и в этом ему было отказано⁴⁶. В конечном итоге он был принят в штат Канторы иностранных поселенцев «с чином копииста», однако уже в мае 1816 г. «желание возымел определиться в другое присутственное место сей или иной губернии...», почему и попросил от службы его уволить⁴⁷.

Другой оставшийся в Саратове пленный медик – голландец хирург (старший лекарь) 124-го полка линейной пехоты майор Жан (Иоганн) Андреас Фонтен – также обратился с просьбой о вступлении в подданство и приеме на службу. 7 мая 1814 г. было вынесено решение, что он «может быть принят в подданство России», а после этого «просить... по команде» о вакансии доктора при Саратовской канторе опекунов⁴⁸. Но предварительно ему было нужно выдержать «экзамен в Императорской Медико-хирургической академии в Московском отделении, или в одном из Российских университетов, для получения права на врачебную практику»⁴⁹, что он, очевидно, с успехом и сделал⁵⁰.

Таким образом, эта волна эмиграции в города Саратовской губернии была достаточно малочисленной и имела свои особенности, главная из которых состояла в том, что ее представители, в отличие от аристократической эмиграции эпохи Великой французской революции, были выходцами из средних и низших слоев европейского общества. В силу этого большая часть пленных принадлежала к нижним чинам и оказалась зачислена в податные сословия.

О характере влияния пленных, оставшихся в городах губернии, на местное общество судить трудно, особенно если учесть, что они не могли быть носителями интеллектуальных идей, очевидно, поэтому мало кто из них стал учителем или гувернером. Что касается ремесленников из числа пленных, то они

по традиции тщательно скрывали свои секреты от русских конкурентов, хотя определенные знания передали. Так, до войны с Наполеоном русские умели шить только прошивные сапоги, от пленных же они научились шить и рантовые⁵¹.

Правда, существует еще историографическая традиция, согласно которой один из пленных Петр Иванович Кайро в 1815 г. основал в Саратове первую лавку курительного и нюхательного табака⁵². Однако изначально он был аткарским мещанином и, по архивным данным, в саратовские переписался только в 1824 году⁵³. Столь поздняя дата его переселения в губернский центр позволяет поставить эту традицию под сомнение.

Имена большинства военнопленных Великой армии, которые жили среди саратовцев, впоследствии забылись, за исключением Савена. О некоторых их потомках вспомнили лишь в начале XX века. Сначала газеты сообщили о смерти Е. Н. Савен⁵⁴, а затем в связи со столетием Отечественной войны 1812 года – о том, что в Саратове проживают Е. И. Ильина – дочь военного врача Ивана фон Теина и Т. П. Маршалковский – сын унтер-офицера, сопровождавшего Наполеона на о. Эльба⁵⁵.

Примечания

- 1 См.: Бессонов В. А., Миловидов Б. П. Библиография работ, опубликованных в СССР и России, о военнопленных Великой армии 1812–1815 гг., 1974–2010 // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования. СПб., 2012. С. 581–593.
- 2 См.: Духовников Ф. В. Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край: ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 248, 249, 251.
- 3 См.: Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года / сост. Н. Ф. Хованский. Саратов, 1912. С. 229–267.
- 4 См.: Миловидов Б. П. Пленные Великой армии, оставшиеся в России: к постановке проблемы // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: материалы всерос. науч. конф. Малоярославец, 2009. Вып. XVII. С. 78–137.
- 5 См.: Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 года / публ. Б. П. Миловидова // Тр. ГИМ. М., 2010. Вып. 183: Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IX: сб. материалов: к 200-летию Отечественной войны 1812 года. С. 265–338.
- 6 См.: Миловидов Б. П. Пленные Великой армии... С. 104–105.
- 7 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3. Экз. 1834 г. Д. 90. Л. 106–108 об.
- 8 И мирный гражданин бесстрашный воин стал: 1812 год в документах Государственного архива Саратовской области / сост. И. Н. Плешаков, В. П. Тотфалушин. Саратов, 2014.
- 9 См.: Бессонов В. А., Тотфалушин В. П. Военнопленные

- Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года : материалы всерос. науч. конф. (Саратов, 30 мая – 1 июня 2002 г.). Саратов, 2002. С. 175.
- ¹⁰ Цит. по: *Шведов С. В.* Пленные Великой армии в России // Отступление Великой армии из России. Малоярославец, 2000. С. 65.
- ¹¹ Мнение министра финансов о содержании пленных, 1812 г. // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным : в 10 ч. М., 1900. Ч. 5. С. 67.
- ¹² См.: Полное собрание законов Российской империи – 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 32. С. 593, 606–607.
- ¹³ См.: *Миловидов Б. П.* Пленные Великой армии... С. 79–80, 86.
- ¹⁴ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 180. Оп. 1. Д. 93. Л. 22, 84.
- ¹⁵ См.: ГАСО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 661. Л. 66 об. ; Ф. 28. Оп. 1. Д. 796. Л. 277 об.
- ¹⁶ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 268. Л. 2–4 ; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Экс. 1834 г. Д. 90. Л. 108 об.
- ¹⁷ См.: Алфавит военнопленных... С. 332 ; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Экс. 1834 г. Д. 90. Л. 108 об.
- ¹⁸ См.: И мирный гражданин бесстрашный воин стал. С. 128.
- ¹⁹ См.: Алфавит военнопленных... С. 311, 314, 315, 318, 332.
- ²⁰ См.: Участие Саратовской губернии... С. 243–244.
- ²¹ *Тотфалушин В. П.* «Пожелали записаться в число колонистов...» (военнопленные Великой армии в саратовских колониях) // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России : материалы 15-й междунар. науч. конф. (Маркс, 5–9 авг. 2015 г.). М., 2016. С. 54.
- ²² См.: *Духовников Ф. В.* Немцы, другие иностранцы... С. 251.
- ²³ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 94. Л. 601–601 об. ; Д. 98. Л. 206–206 об.
- ²⁴ См.: ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 93. Л. 886 ; Алфавит военнопленных... С. 320.
- ²⁵ *Тотфалушин В. П.* «Пожелали записаться в число колонистов...». С. 55.
- ²⁶ См.: ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 93. Л. 22–22 об.
- ²⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–6 об.
- ²⁸ Участие Саратовской губернии... С. 244–245.
- ²⁹ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века : документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 1 : 1801–1815 гг. : в 8 т. М., 1972. Т. VIII. С. 92.
- ³⁰ См.: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 189. Л. 1, 3 об.
- ³¹ См.: И мирный гражданин бесстрашный воин стал. С. 127.
- ³² См.: Новое о легендарном Савене / публ. и коммент. В. П. Тотфалушина // Тр. ГИМ. М., 2004. Вып. 142 : Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историкография. III : сб. материалов : к 200-летию Отечественной войны 1812 года. С. 234–236.
- ³³ См.: *Миловидов Б. П.* Пленные Великой армии... С. 79.
- ³⁴ См.: Государственный архив Пензенской области. Ф. 383. Оп. 1. Д. 7. Л. 53–54 об., 56–56 об.
- ³⁵ См.: Новое о легендарном Савене. С. 234.
- ³⁶ См.: Участие Саратовской губернии... С. 246.
- ³⁷ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1642. Л. 10–10 об.
- ³⁸ Там же. Д. 2572. Л. 11 об. 12, 14.
- ³⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1455. Л. 13, 15–17.
- ⁴⁰ См.: ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 189. Л. 1.
- ⁴¹ См.: ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 796. Л. 273 об. 274.
- ⁴² См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Экс. 1834 г. Д. 90. Л. 108 ; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 410. Л. 40–41 ; *Духовников Ф. В.* Немцы, другие иностранцы... С. 251.
- ⁴³ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1642. Л. 10 об.
- ⁴⁴ См.: *Миловидов Б. П., Хомченко С. Н.* Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XIII всерос. науч. конф. (Бородино, 5–7 сент. 2005 г.). М., 2006. С. 266.
- ⁴⁵ См.: *Миловидов Б. П.* Военнопленные медики Великой армии // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях : материалы всерос. науч. конф. Малоярославец, 2006. Вып. XIV. С. 177–189.
- ⁴⁶ См.: Участие Саратовской губернии... С. 245.
- ⁴⁷ См.: ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 94. Л. 411, 538 об. 539 ; Д. 98. Л. 953 об.
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 255.
- ⁴⁹ И мирный гражданин бесстрашный воин стал. С. 124.
- ⁵⁰ См.: «Фонтень Иоганн, хирург, голландец, живет в Саратове» (Алфавит военнопленных... С. 332).
- ⁵¹ См.: *Хованский Н. Ф.* О прошлом города Саратова. Саратов, 1891. С. 27.
- ⁵² См.: *Духовников Ф. В.* Немцы, другие иностранцы... С. 249 ; *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Саратовская летопись // Саратовский край. С. 59 ; *Мишин Г. А.* Из прошлого Саратовской губернии. Саратов, 2002. С. 35.
- ⁵³ См.: ГАСО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 661. Л. 66 об.
- ⁵⁴ См.: Хроника // Саратовский листок. 1901. 20 июля.
- ⁵⁵ См.: Саратовский листок. 1912. 22 авг. ; *Хованский Н. Ф.* Дополнение к сборнику «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года» // Тр. СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 113.

Образец для цитирования:

Тотфалушин В. П. «Подали прошение о причислении в мещане» (военнопленные Великой армии в саратовских городах) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 114–118. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-114-118.

Cite this article as:

Totfalushin V. P. «A Petition Submitted for Being Attached among Commoners» (War Prisoners of the Great Army in the Towns of the Saratov Province). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 114–118 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-114-118.

УДК 94(47)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РПЦ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ НАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ (на примере Дагестанской АССР)

О. Б. Халидова

Халидова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии, Дагестанский научный центр РАН, Махачкала, o.khalidova2011@mail.ru

Автор статьи сосредоточил внимание на деятельности региональных уполномоченных Совета по делам РПЦ в Дагестанской АССР в послевоенный период. В статье выявляется основной комплекс проблем, стоящих перед уполномоченными в многонациональном регионе в послевоенный период. Среди них процессы, связанные с обновленческими церквями в республике, вопросы, связанные с регистрацией православных церквей. Показана динамика религиозной обрядности православных верующих с учетом миграционных процессов, происходящих в республике в 1945–1950-е годы.

Ключевые слова: Дагестан, власть, религия, религиозные организации, вероисповедная политика, Русская православная церковь, национальный регион.

The Activity of Authorized Council of the Russian Orthodox Church affairs in the Multicultural National Region: Characteristics and Problems (Dagestan ASSR as an Example)

О. В. Khalidova

Olga B. Khalidova, ORCID 0000-0002-3454-9427, Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 75, M. Yaragsky Str., Makhachkala, 367030, Russia, o.khalidova2011@mail.ru

In the present article, the author's attention is focused on the activities of the regional authorized agents of the Council for Russian Orthodox Church in the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic in the postwar period. There are the basic complexes of problems faced by the authorized agents in the multinational region at that time. Among them are processes associated with renovation churches in the republic and issues related to the registration of the Orthodox churches. The dynamics of the religious rites of the Orthodox believers considering migration processes in the republic in 1945–1950s in this article is shown.

Key words: Dagestan, power, religion, religious organizations, religious policy, the Russian Orthodox Church, national region.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-119-124

История взаимоотношений государства и церкви на протяжении всего советского времени сложна и многогранна. Вызывая множество противоречивых суждений у современных исследователей, в ней остаются неисследованные

исторические коллизии. Перелом в религиозно-государственных взаимоотношениях, наступивший в годы Великой Отечественной войны, характеризовался вероисповедными переменами на государственно-партийном уровне.

Обращаясь к степени разработанности данной тематики, необходимо констатировать всеобъемность и разнообразие литературы по проблеме религиозной жизни России, Северного Кавказа, в том числе Дагестана, за последние годы. Появляются работы по истории государственно-церковных отношений, в которых исследуется не только конституционно-правовая база, но и деятельность органов, отвечавших за проведение государственной линии в религиозном вопросе¹. Отдельно выделим исследовательские труды М. И. Одинова². Доступ к рассекреченным документам органов государственной власти, прежде всего ЦК КПСС, Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религий, позволил религиоведу сделать новые выводы в своих научных исследованиях. Среди комплексных исследовательских работ, посвященных взаимоотношениям власти и религиозных организаций, в частности православной церкви, на протяжении всего советского периода, хочется отметить труды ученых-историков В. А. Алексеева³, Т. А. Чумаченко⁴, Л. И. Соковец⁵, С. Ю. Симорот⁶, А. Н. Кашеварова⁷, И. И. Масловой⁸.

За последние годы в Республике Дагестан издано немало публикаций по религиозной тематике, защищены диссертации. Однако повышенный интерес у исследователей вызывают разработки, связанные с исламской религией⁹. Отсутствие в дагестанской историографии работ по деятельности РПЦ, духовенства и верующих в Дагестанской АССР в советский период позволяет нам внести определенный вклад в изучение локальной истории. В связи с этим внимание автора будет сосредоточено на деятельности региональных уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви в Дагестанской АССР в послевоенный период, являвшихся главными проводниками вероисповедной политики, противоречивый характер которых во многом определялся вектором Коммунистической партии и Советского государства.

Попытка изучить положение православных церквей полинационального и поликонфессионального региона в свете деятельности государ-

ственного института уполномоченного по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, а также выявить проблемы и особенности, стоящие перед властными структурами в регионе, является основной целью, которую мы ставим в статье. Исходя из этого статья, на наш взгляд, восполнит образовавшуюся лауну в области исследований, посвященных православному религии в современной региональной историографии.

20–30-е гг. XX в. прошли под лозунгом новой идеологии: борьбы с религией и церковью. Следствием данной акции явилось закрытие церковей по всему Советскому Союзу, в том числе и в национальных автономиях. К началу Великой Отечественной войны курс, взятый Советским государством на построение «безрелигиозного» общества, завершился очередной масштабной волной закрытия молитвенных зданий и гонений на духовенство, пик которого пришелся на 1937–1941 гг.

В послевоенный период наблюдается активизация религиозных объединений, в том числе и православных. Трудности военного времени, потери родных и близких, а также изменения в политике общего курса государства в религиозной сфере вернули в церковь часть советских людей, отошедших от нее за годы советской власти. К изменениям в государственно-церковных отношениях советских руководителей подтолкнули и внешнеполитические факторы, способствующие переходу от конфронтации к более лояльной политике по отношению к конфессиям. В сентябре 1943 г. произошел давно назревавший переворот в государственно-церковных отношениях. Изменение общего курса в государственно-религиозных взаимоотношениях находит свое отражение в создании новых органов власти по управлению религиозными объединениями нашей страны.

В сентябре 1943 г. по итогам проходивших переговоров в Кремле с иерархами Русской православной церкви церковь получила разрешение на формирование канонических органов управления и выборы патриарха. 14 сентября 1943 г. вышло постановление СНК СССР за подписью Сталина об организации нового органа – Совета по делам РПЦ при Совете народных комиссаров Союза ССР, задача которого состояла в осуществлении связи между Правительством СССР и патриархом Московским и Всея Руси по вопросам РПЦ, требующим разрешения Правительства СССР¹⁰. Председателем решено было назначить Г. Г. Карпова. В октябре было утверждено и положение Совета по делам РПЦ, которое содержало подробно изложенные задачи и инструкции для своих уполномоченных при Совнаркомах союзных и автономных республик, обл (край) исполкомах¹¹.

В ноябре 1943 г. Г. Г. Карпов адресовал письмо Председателю СНК Дагестанской АССР А. Д. Даниялову, в котором выражал просьбу о подборке и назначении по согласованию с обко-

мом ВКП (б) уполномоченного совета при СНК республики, «приравняв его в заработной плате и других видах обеспечения к Начальнику Управления СНК»¹². В январе 1944 г. СНК ДАССР вынес постановление утвердить штат уполномоченного Совета по делам РПЦ. На первых порах обязанности уполномоченного Совета по делам РПЦ решено возложить на зам. председателя СНК ДАССР Т. И. Рихирева¹³. В августе 1944 г. СНК ДАССР постановляет назначить на должность уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совнаркоме ДАССР Сергунина Ивана Федоровича¹⁴. В сентябре 1944 г. по распоряжению Т. И. Рихирева Наркомфину ДАССР было предложено включить в бюджет третьего квартала 1944 г. содержание уполномоченного по делам РПЦ при Совнаркоме ДАССР в сумме 1500 рублей, в том числе фонд заработной платы 1200 рублей, начисление 60 рублей, адмхозрасходы – 240 рублей и соответственно сократить ассигнования в смете Управления делами Совнаркома ДАССР¹⁵.

Одновременно с началом деятельности Совета по делам РПЦ были выявлены и проблемы, стоящие перед новым органом. Одной из таких проблем оставался до середины 40-х гг. XX в. обновленческий раскол. Уже в августе 1944 г. в Совете сформировалось представление о способах его ликвидации, причиной которому была санкция Сталина к Г. Г. Карпову на ликвидацию обновленческого раскола и «переход обновленческого духовенства и приходов в патриаршую Сергиевскую церковь»¹⁶. Назначенный в 1943 г. на должность архиепископа Ставропольской и Пятигорской епархии Антоний Романовский боролся с остатками обновленческого раскола на Северном Кавказе, где обновленчество получило широкий резонанс и по количеству своих церковей превосходило приходы, находившиеся под патриаршей юрисдикцией¹⁷. В октябре 1944 г. уполномоченный по делам РПЦ по ДАССР И. Ф. Сергунин сообщил о наличии в республике незарегистрированных служителей православного культа: двое, относящиеся к патриаршему течению (Архимандрит Иоанн Мирошников и священник Богданов), и двое – обновленческой ориентации (священники Животков и Нечаев)¹⁸.

Искоренение обновленческого раскола было связано с именем лидера обновленцев Василия Кожина, или митрополита Гермогена¹⁹. Пытаясь дестабилизировать деятельность патриарших приходов, в своем заявлении Г. Г. Карпову он писал о вреде роста патриаршей церкви, которая, по его мнению, «объединяет изменников родины» и поощряет «антиколхозные настроения»²⁰. Подобная деятельность, по всей видимости, способствовала охране обновленческих общин на местах со стороны руководящих органов. Такое положение видно из письма Наркома госбезопасности по ДАССР М. И. Калининского, который сообщал Т. И. Рихиреву, что в г. Махачкале совершают

богослужения две религиозные общины русской (так в документе. – О. Х.) церкви: одна православно-обновленческой ориентации, существующая с разрешения Махачкалинского горсовета с апреля 1943 г., и вторая – Спасо-Преображенская община, возникшая в феврале 1944 г., у которой отсутствует регистрация в установленном порядке и не зарегистрирован священнослужитель архимандрит И. Ф. Мирошников²¹. Здесь также отмечалось проведение религиозных богослужений общинами. Нарком госбезопасности отмечал, что религиозная община обновленцев совершает свои богослужения под открытым небом на кладбище, в то время как патриаршая проводит свои богослужения в частном доме. Исходя из приведенных доводов М. И. Калининский просил, с одной стороны, предложить Мирошникову «немедленно прекратить явочный сбор верующих и свое богослужение в качестве священнослужителя». В противном случае он будет арестован и привлечен к уголовной ответственности. С другой стороны, ускорить разрешение вопроса о передаче церковного помещения религиозной общине православно-обновленческой ориентации²². В результате в середине апреля 1944 г. молитвенные собрания патриаршей общины были окончательно запрещены. Отец Иоанн (Мирошников) вскоре был вынужден переехать в г. Хасавюрт.

Описывая эти события в своих письмах к управляющему делами Московской Патриархии протопресвитеру Николаю Колчицкому, отец Иоанн упоминал уполномоченного Рихирева, который вызвал его к себе и «... приказал воздержаться от службы, а ночью приехала машина и отвезла меня к начальнику, где силой с меня взяли подписку о выезде в Хасавюрт»²³. Во время этой ночной поездки произошла встреча батюшки с обновленческим священником протоиереем Феодором Животковым, который предлагал ему остаться в Махачкале с условием перехода в обновленчество. На что последний ответил категорическим отказом²⁴. Уже после переезда в Хасавюрт о. Иоанн писал, что в случившемся с ним виноваты обновленцы. Об этом ему признались спецслужбы. В связи с тем что «у нас (по всей видимости, здесь имеется в виду Дагестанской АССР. – О. Х.) должно быть одно течение (православное. – О. Х.), у нас есть обновленцы, поэтому нам не дают служить»²⁵. Однако и в Хасавюрте батюшка пробыл не долго. В 1945 г. он был, по настоянию органов, переведен из Дагестана, «ввиду того что он там развивал деятельность по открытию ряда общин»²⁶.

Таким образом, отчетливо видна односторонность властных структур на местах в отношении идеологии. Позиция поддержки в республике обновленцев отчетливо видна и в отчете уполномоченного за 1944 г. в разделе церковно-патриотической деятельности священнослужителей. Отмечалось, что служители культа обновленческой ориентации за время служения на кладбище за год провели 10 патриотических проповедей и произвели денежный

сбор среди верующих²⁷. Так, протоиерей обновленческой церкви в г. Махачкале Федор Животков был отмечен «в неустанных призывах верующих к пожертвованиям на оборонные нужды страны, в содействии реализации Военного займа, что вместе с пожертвованиями выразилось в сумме 191500 рублей»²⁸. Священник Федор Богданов Знаменской церкви г. Хасавюрт «систематически за каждым богослужением проводил сборы в фонд обороны Родины, а также всячески содействовал реализации военного займа, что составило сумму 120 000 рублей»²⁹.

Однако тот факт, что в Махачкале действуют молитвенные дома обновленческой ориентации, вызвал недоумение у Г. Г. Карпова. Об этом он писал в письме, адресованном в Совнарком ДАССР Т. И. Рихиреву³⁰. Он отмечал процесс распада обновленчества по всей стране и переход обновленческого духовенства и приходоу в патриаршую церковь. Г. Г. Карпов советовал не препятствовать этому процессу и в ДАССР. Он подчеркивал целесообразность прежде всего заявления об открытии церковью или молитвенных домов патриаршей ориентации³¹.

Избегая открытого давления на обновленческих лидеров, органы власти всячески поддерживали и способствовали переходу лидеров обновленцев в лоно патриаршей церкви. Какими методами осуществлялись данные мероприятия, по всей видимости, оставалось в тени. Однако имели место курьезные случаи, которые вызывали недоумение даже у представителей советских органов, например, в Дагестанской АССР.

С образованием нового государственного органа первым на повестке дня встал вопрос об урегулировании порядка открытия и функционирования православных храмов и молитвенных домов. Он нашел свое отражение в Постановлении СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церковью»³². Принципиально новым отличием его от постановления 1929 г. являлась роль СНК республик и обл (край) исполкомов. Их функции заключались в принятии решений об открытии церкви или отклонении ходатайства верующих. В свою очередь, Совет по делам РПЦ передавал присланные с мест решения на утверждение в правительство и в последующем информировал местные органы власти о принятом «наверху» решении³³. Однако при всей своей правомочной ограниченности роль нового органа в деле защиты прав религиозных организаций, духовенства, верующих была значительной. Основной проблемой, которую пришлось решать уполномоченным Советом по делам РПЦ с момента образования этого института, было открытие храмов и молитвенных домов, потому что именно они оформляли документы для открытия и регистрации общины³⁴.

Процесс оживления в деле регистрации православных организаций получил развитие и в Дагестанской АССР. В 1944 г. республика не

имела ни одного официально действующего храма несмотря на многочисленные ходатайства³⁵. Уполномоченный по делам РПЦ по ДАССР Т. И. Рихирев отмечал, что ни одной группе верующих, несмотря на их многочисленные попытки, официально зарегистрироваться без открытия церкви органы не предоставляли возможности. Было отказано в трех случаях. Причинами отказа было использование существующих церквей в городе в хозяйственных и культурных целях, а также неразрешенный вопрос, связанный с открытием мусульманских мечетей³⁶.

В 1944 г. в Совет народных комиссаров ДАССР было подано ходатайство уполномоченных от православных христиан обновленческой ориентации города Махачкалы об открытии церкви и передаче в их ведение здания бывшей церкви в поселке Махачкала-1, в котором им было отказано. 7 октября из Москвы был послан ответ, что «в связи с происходящим распадом обновленческой церкви Совет... не находит нужным рассматривать ходатайства верующих об открытии обновленческих храмов»³⁷. Результат оказался неожиданным: в очередном информационном докладе уполномоченный сообщил, что обновленцы протоиерей Животков и священник Нечаев, узнав о причинах отклонения, «направились к архиепископу Антонию в гор. Ставрополь и приняли от него рукоположение. Протоиерей Животков вернулся из Ставрополя с указом архиепископа Антония, которым он назначается благочинным всех церквей Дагестана». После этого была сформирована новая «двадцатка» – теперь уже патриаршего «направления», и ходатайство об открытии Успенской церкви г. Махачкалы было вновь направлено в Совет³⁸.

Таким образом, можно сказать, что проблема обновленчества в республике, как и по всей стране, закончила свое историческое существование.

Важным направлением в работе нового органа была организация регистрации зданий и представителей религиозных культов. В декабре 1945 г. в Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР пришло сообщение от уполномоченного по делам Русской православной церкви по ДАССР И. Сергунина о том, что «Церковь имени “Успения” в г. Махачкала-1-я, разрешенная к открытию письмом Совета от 13.1.1945 за № 133, фактически приступила к службе после произведенного ремонта 18 марта сего года...»³⁹ В том же году были открыты для богослужений церковь имени «Знамения» в Хасавюрте (2 марта 1945 г.) и церковь «Покрова» в Дербенте (13 сентября 1945 г.)⁴⁰.

В своем информационном отчете за третий квартал 1945 г. уполномоченный по ДАССР И. Ф. Сергунин сообщал о разрешении открытия православной церкви в г. Дербенте, подборе для этой церкви настоятеля, «после чего будет произведена регистрация как прихода, так и настоятеля, а также дано указание районному Исполкому о

передаче здания церкви в аренду зарегистрированной приходской общине»⁴¹.

Представители Совета на местах уделяли большое внимание анализу религиозной обстановки в регионе и составлению справок, информационных отчетов о деятельности религиозных обществ. Ежеквартальная статистика, предоставляемая уполномоченными, позволяла Совету получить представление о религиозной ситуации в регионах. Так, в начале 1946 г. уполномоченный по делам РПЦ по ДАССР И. Ф. Сергунин в своем докладе в Москву информировал о наличии в Дагестане 3 церквей: в Махачкале, Хасавюрте и в Дербенте⁴². Обстоятельно им были даны сведения о посещении церквей верующими и о прохождении религиозной обрядности в них. Для наглядности ниже мы представили эту статистику в виде таблицы⁴³.

Динамика религиозной обрядности в православных церквях Махачкалы, Дербента, Хасавюрта, 1946 г.

Церковные требы	Полугодие	
	1-е	2-е
Общая посещаемость	24 971	4 397
в том числе посещение мусульман	760	–
Крещение	359	240
Венчание	39	26
Погребение	42	36
Причащение детей	1420	–
Исповедания	8382	–

Вышеприведенные данные демонстрируют переход от общего подъема религиозного сознания верующих до резкого снижения. Однако, эти цифры можно считать небольшими, если учитывать то, что в послевоенный период возрос приток русского населения в Дагестан. Связано это было с прибытием в национальный край специалистов по образованию, медицине, сельскому хозяйству и т. д. В итоге в 1950 г. число русских достигло 213,8 тысяч человек, или 20,1 % населения республики⁴⁴. Из таблицы видно, что самыми популярными видами церковной обрядности являлись обряды исповедания, причащения детей и крещения. Очень низкий уровень зафиксирован в обряде венчания по церковным канонам.

За третий квартал 1948 г. религиозность по 3 церквям в республике характеризовалась следующими цифрами: посещений – 15532, браков – 10, крещений – около 400, погребений-панихид – около 500⁴⁵. Уполномоченный по делам РПЦ при ДАССР отмечал большую посещаемость православного храма Успения г. Махачкалы по сравнению с другими церквями Дагестана. Здесь Успенскую церковь посетили 6827 человек, среди них – 4925 женщин, 945 мужчин, 695 юношей и девушек, 262 ребенка⁴⁶.

Любопытно было увидеть в числе посещающих православные церкви в послевоенное время и представителей этнических мусульман. Однако, отметим, что в последующих отчетах уполномоченных данные показатели будут отсутствовать. Нам думается, что эти данные намеренно исключались, дабы не вызывать осложнений в республике с мусульманским этническим населением. В одном из ответных писем председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г. Г. Карпова уполномоченному Т. И. Рихиреву подчеркивалось, что даже в вопросе об открытии православных церквей надо руководствоваться с позиции рассмотрения вопроса в отношении мусульманских мечетей⁴⁷.

Подобная проблема нами была обнаружена и в деле об открытии Александро-Невского собора для прохождения в нем молитвенных богослужений. Вышеназванный собор располагался на месте нынешней городской площади в центре Махачкалы, рядом с Совнаркомом ДАССР. До августа 1938 г. в нем проходили богослужения обновленческого течения. В сентябре того же года он был закрыт. Здание было передано в военное ведомство и во время войны использовалось как склад для хранения боеприпасов⁴⁸. После войны поступали неоднократные ходатайства от верующих и обновленческой, и патриаршей ориентаций о передаче им здания, но они получали отказы. Более того, в СНК ДАССР было высказано предложение о сносе православного храма в связи с реконструкцией города. В письме Т. И. Рихирева, направленном в Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР, значилось следующее: церковь не может быть передана верующим и открыта для богослужений по тем соображениям, что в Махачкале с преобладанием мусульманского населения имеется одна небольшая мечеть и одна русская церковь. При таком положении нельзя открывать вторую русскую церковь, существование которой неизбежно вызовет нареkanie со стороны местного населения⁴⁹. Охрана национальных интересов в поликультурном регионе занимала приоритетное место.

Позитивные изменения в системе государственно-конфессиональных отношений СССР, имевшие место в военные и первые годы послевоенного периода, отразились и на положении православных религиозных организаций ДАССР. Роль проводников новой вероисповедной политики государства была возложена на уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви. Деятельность их считалась «сугубо политической, ответственной работой», на эту должность обычно назначали людей, имевших большой стаж работы в партийных или советских структурах, органах государственной безопасности. Изучив документы Центрального архива Республики Дагестан, мы можем судить о том спектре проблем, которые стояли перед уполномоченными Совета

по делам РПЦ в Дагестанской АССР. Во-первых, это проблема обновленчества, на наш взгляд, мешавшая регистрации православных общин, которая поддерживалась органами власти. Во-вторых, при выполнении общего идеологического курса Советского государства уполномоченными учитывались особенности полинационального и поликультурного региона.

Примечания

- 1 См.: *Бабинов Ю. Л.* Государственно-церковные отношения в СССР : история и современность. Симферополь, 1991 ; *Крапивин М. Ю.* Противостояние : большевики и церковь (1917–1941 г.). Волгоград, 1993 и др.
- 2 См.: *Одинцов М. И.* Государство и церковь : история взаимоотношений (1917–1938 гг.). М., 1991 ; *Он же.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994 ; *Он же.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы ВОВ 1941–1945 гг. М., 1995 ; *Он же.* Власть и религия в годы войны : Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2005.
- 3 См.: *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М., 1991 ; *Он же.* «Штурм небес» отменяется? : критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992.
- 4 См.: *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь, верующие 1941–1961 гг. М., 1999.
- 5 См.: *Сосковец Л. И.* Религиозные организации и верующие в Советском государстве. Томск, 2008.
- 6 См.: *Симорот С. Ю.* Власть и религия. История отношений (1941–1990). Хабаровск, 2014.
- 7 См.: *Кашеваров А. Н.* Государственно-церковные отношения в советском обществе 20–30-х гг. (Новые и малоизученные вопросы). СПб., 1997.
- 8 См.: *Маслова И. И.* Вероисповедная политика в СССР : поворот курса (1985–1991 гг.). М., 2005. С. 6.
- 9 См.: *Салахбекова З. А.* Власть и мусульманское духовенство Дагестана : история взаимоотношений (1920–1940 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2003 ; *Сулаев И. Х.* Государство и мусульманское духовенство в 1920–1930-х гг. : из истории взаимоотношений // Отечественная история. 2007. № 6. С. 144–155 ; *Далгатов А. Г., Сулаев И. Х.* Борьба против влияния мусульманского духовенства в Дагестане в 1920–1930-е гг. // Вопр. истории. 2010. № 6. С. 77–85 ; *Какагасанов Г. И.* Взаимоотношения власти и религии в Дагестане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестн. ИИАЭ ДНЦ РАН. 2011. № 2. С. 40–45.
- 10 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
- 11 Там же. Д. 1. Л. 11–12.
- 12 Центральный Государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
- 13 Там же. Д. 1. Л. 6.
- 14 Там же. Д. 3. Л. 24.
- 15 Там же. Л. 14.
- 16 См.: *Шишкин Е. Н., священник.* Ликвидация обновленческого раскола Русской Православной Церкви в свете данных региональной истории Северного Кав-

- каза. URL: <http://stavropol-eparhia.ru/> (дата обращения: 07.11.2016).
- ¹⁷ См.: Катаев А. М. Последние годы обновленчества в контексте государственно-церковных отношений в 1943–1945 гг. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/1246> (дата обращения: 21.12.2016).
- ¹⁸ ЦГА РД. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.
- ¹⁹ Здесь : Митрополит Гермоген (в миру Василий Иванович Кожин, 1880–1954 гг.) – епископ Русской православной церкви, митрополит Алеутский и Северо-Американский, профессор, доктор богословия. В 1922–1945 гг. состоял в обновленчестве, с 1931 г. был обновленческим епископом и одним из лидеров обновленчества. С марта 1934 по 1935 г. обновленческий архиепископ Терский, управлял Северо-Кавказской митрополией. URL: <http://ruschurchusa.org/ru/9/20/40/59> (дата обращения: 19.06.2017).
- ²⁰ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 89.
- ²¹ ЦГА РД. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.
- ²² Там же.
- ²³ Архив Московской Патриархии. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2158. Л. 63об.–64 ; Шишкин Е. Н. Указ. соч. С. 111.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Схиархимандрит Иоанн (Мирошников). URL: <http://5-blag.ru/podvizhniki-blagochestiya/shiarhimandrit-ioann-miroshnikov/> (дата обращения: 31.10.2016).
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ ЦГА РД. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 2. Л. 11об.
- ²⁸ ЦГА РД. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л. 10об.
- ³¹ Там же.
- ³² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 25–26 ; ЦГА РД. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.
- ³³ Там же.
- ³⁴ См.: Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 55.
- ³⁵ ЦГА РД. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12.
- ³⁶ Там же. Л. 9.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 10. Л. 24 ; ЦГА РД. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Д. 3. Л. 43.
- ⁴⁰ Там же. Д. 2. Л. 57 ; Д. 3. Л. 43.
- ⁴¹ Там же. Л. 36.
- ⁴² Там же. Л. 57.
- ⁴³ Табл. сост. по : ЦГА РД. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 2. Л. 57–60, 99–100.
- ⁴⁴ Алиева В. Ф. Русское население Дагестана. Махачкала, 2001. С. 7.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 2996. Л. 12.
- ⁴⁶ ЦГА РД. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 3. Л. 134.
- ⁴⁷ Там же. Л. 10об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 1. Л. 10.
- ⁴⁹ Там же. Д. 3. Л. 106.

Образец для цитирования:

Халидова О. Б. Деятельность уполномоченного совета по делам РПЦ в поликультурном национальном регионе: особенности и проблемы (на примере Дагестанской АССР) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 119–124. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-119-124.

Cite this article as:

Khalidova O. B. The Activity of Authorized Council of the Russian Orthodox Church affairs in the Multicultural National Region: Characteristics and Problems (Dagestan ASSR as an Example). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 119–124 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-119-124.

УДК 94(47).084

СТРЕЛКОВЫЕ КОРПУСА НА САРАТОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

А. В. Лукьянов

Лукьянов Антон Валерьевич, соискатель ученой степени кандидата исторических наук по кафедре отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, anton230878@mail.ru

Статья посвящена стрелковым корпусам Красной армии, штабы которых были сформированы в Саратове.

Ключевые слова: стрелковый корпус, Красная армия, Саратов, Нижне-Волжский край, межвоенный период.

Rifle Corps in Saratov

A. V. Lukyanov

Anton V. Lukyanov ORCID 0000-0003-4787-0823, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, anton230878@mail.ru

The article is devoted to the rifle corps of the Red Army, whose headquarters were established in Saratov.

Key words: rifle corps, Red army, Saratov, Nizhne-Volzhskiy territory, interwar period.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-125-129

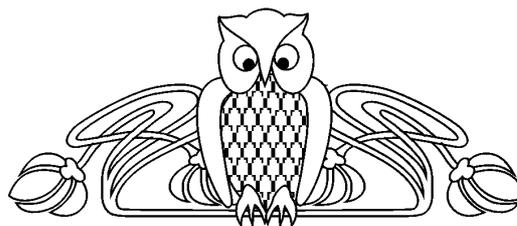
Среди множества военных формирований, дислоцированных на территории Саратовского Поволжья в межвоенный период, можно выделить три наиболее крупных. Все они были сформированы здесь же, а их штабы находились в Саратове. Это 12-й, 16-й и 63-й стрелковые корпуса.

Стрелковый корпус – это общевоинское объединение, которое могло входить в армию или непосредственно в военный округ и состоящее из стрелковых дивизий и бригад. Кроме пехоты, в состав корпуса всегда входили отдельные части родов войск и служб. Это артиллеристы, лёгчики, связисты, танкисты, инженеры, зенитчики и многие другие.

Первым из них был 16-й стрелковый корпус. Формирование корпуса началось на основании приказов Приволжского военного округа (ПриВО) № 2023/439 от 3 октября 1922 г. и № 2208/470 от 11 ноября 1922 г.¹ Личный состав в управление корпуса был выделен из штаба ПриВО, частей Западного фронта и 32-й стрелковой дивизии².

2 ноября 1922 г. штаб корпуса был сформирован и приступил к плановой работе³. Располагался он в Саратове, сначала на улице Советской дом № 3⁴, затем на Большой Казачьей дом № 14⁵.

Первым командиром корпуса был И. Ф. Блажевич, который одновременно являлся начальни-

ком гарнизона г. Саратова с 28 октября 1922 г. до 13 апреля 1923 г.⁶

Пробыв менее года в Саратове, по окончании Всесоюзных манёвров войск на территории Белорусской ССР в сентябре 1923 г. штаб корпуса переходит в состав Западного фронта и с 20 сентября 1923 г. дислоцируется в г. Брянске⁷. До начала Великой Отечественной войны находился в составе Западного (позднее Белорусского особого, Западного особого) военного округа. В сентябре 1939 г. корпус участвовал в походе в Западную Белоруссию, затем был введён в Литву в качестве ограниченного контингента войск РККА.

В июне 1941 г. объединение перебрасывается в Прибалтийский особый военный округ (с началом войны – Северо-Западный фронт) в состав 11-й армии. С 22 июня до 14 августа 1941 г. в ходе непрерывных оборонительных боёв за Прибалтику корпус понес ощутимые потери, однако разгромить его противнику так и не удалось. 14 августа 1941 г. принято решение о создании новой 48-й армии взамен расформированного 16-го корпуса. Управление корпуса в полном составе было направлено на её формирование⁸.

Решение о создании нового стрелкового корпуса в Саратове было принято только через семь лет после убития 16-го корпуса.

На основании приказа народного комиссара военных и морских дел и председателя Революционного военного совета (РВС) СССР № 8/11764, командующего ПриВО № 266/99 от 28 ноября 1930 г. началось формирование управления 12-го стрелкового корпуса по штату № 4/1 от 1929 г.⁹

Начинал формировать корпус Г. П. Софронов, но уже в декабре 1929 г. Софронова назначают на должность командира и военкома 18-го стрелкового корпуса¹⁰. Закончил создание новой части второй командир С. А. Туровский, который был начальником гарнизона г. Саратова с 9 января 1931 г. до 11 февраля 1932 г.¹¹

22 января 1931 г. управление стрелкового корпуса было сформировано¹². Штаб, мобилизационная часть и административно-хозяйственное отделение приступили к полноценной работе.

Располагался штаб корпуса там же, где в своё время находился штаб 16-го корпуса в Саратове, на улице Большая Казачья дом № 14¹³.

С образованием 12-го корпуса руководством страны принято решение «для укрепления и руководства оборонно-мобилизационной работы создать XII корпусной округ»¹⁴, в который вошли Нижне-Волжский край, включая АССР немцев

Поволжья и Автономную Калмыцкую область. Органом управления корпусного округа стала мобилизационная часть, а общее руководство возлагалось на командира 12-го корпуса.

За годы существования корпуса на Саратовской земле в него входили разные соединения и части. Первоначально, приказом ПриВО № 208/103 от 1931 г., в состав корпуса вошли 31-я Сталинградская и 32-я Саратовская стрелковые дивизии, а все органы местного военного управления (районные военные комиссариаты) были переподчинены руководству корпусного округа¹⁵.

В сентябре 1931 г. начинается формирование 53-й (г. Пугачёв) и 61-й (г. Балашов) территориальных дивизий. Одновременно с ними в Саратове создаются 12-й артиллерийский полк, 12-й отдельный батальон связи, 12-й отдельный сапёрный батальон и корпусной артиллерийский полигон в п. Татищево¹⁶.

Все части комплектовались по территориальному принципу из жителей городов и районов вблизи с местом дислокации. 31 декабря 1931 г. они были сформированы и вошли в состав 12-го стрелкового корпуса¹⁷.

Сам корпус и его части неоднократно подвергались реорганизации с переходом на новые штаты. С 3 мая 1932 г. проводятся занятия в корпусном учебном центре, где произведено четыре выпуска офицеров запаса и проведено пять войсковых сборов¹⁸.

В 1933 г. 61-я стрелковая дивизия становится 61-й опытно-территориальной бригадой, 53-я дивизия – 53-й опытно-территориальной дивизией, 12-й отдельный сапёрный батальон переходит на новый штат, а штатный учебный центр корпуса расформирован¹⁹.

Но уже в сентябре 1933 г., в ходе отчётно-опытных учений с 53-й дивизией и 61-й бригадой выявлено, что штаты этих соединений не удовлетворяют быстрому переводу с мирного на военное время. Оба соединения опять переходят на новые штаты и становятся стрелковыми дивизиями²⁰.

По директиве начальника штаба РККА № 51168сс от 26 января 1934 г. и директиве начальника штаба ПриВО № Ш2/398 от 29 января 1934 г. в марте 1934 г. 32-я стрелковая дивизия в полном составе убывает на Дальний Восток в состав войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии²¹.

С 1 октября 1934 г. в состав корпуса прибывает 22-й авиационный отряд с дислокацией в г. Саратове²².

Командование корпуса и местные краевые власти устанавливают тесные и дружеские взаимоотношения. Так, в 1931–33 гг. корпус шефствует над Маслотрестом и маслозаводами № 1, 2, 3 г. Саратова, а Нижне-Волжский краевой комитет пищевой промышленности становится шефом корпуса²³. 32-я дивизия, шефствуя над Советом профсоюзов, имела своим шефом Саратовский горсовет²⁴. Саратовский почтамт шефствовал

над 12-м батальоном связи, а батальон – над Саратовской военно-мебельной фабрикой имени С. С. Каменева²⁵. Другие части корпуса также имели шефов и шефствовали над организациями и предприятиями по месту дислокации.

Неоценимая помощь оказывалась военными в сложных и критических ситуациях жизни края. В ноябре 1935 г. на станции Увек Рязано-Уральской железной дороги произошел оползень горы. Было разрушено железнодорожное полотно и повреждена телефонно-телеграфная связь с городом. Непрерывно, в течение пяти суток солдаты и офицеры частей корпуса ликвидировали последствия оползня. К 11 ноября связь с городом и движение поездов были восстановлены, за что дирекция Рязано-Уральской железной дороги наградила спасителей благодарностью и премией в 10 000 рублей²⁶.

Оказывалась помощь в подготовке и расчистке местности под строительство заводов в Саратове²⁷, в тушении лесных пожаров²⁸ и в уборке хлеба²⁹.

Непрерывная работа в корпусе велась по поддержанию боевой подготовки на должном уровне. Принципиальная позиция инспектирующих органов в проверке соединений и частей заставляла командиров всех степеней постоянно наращивать свои усилия в деле подготовки своих подчинённых к выполнению боевых задач.

Контрольная стрельба, проводившаяся округом в мае 1932 г., показала слабую выучку стреляющих. Из сдававших проверку четырёх дивизий только 32-я получила оценку «удовлетворительно», остальные были оценены на «неудовлетворительно»³⁰. Повторная проверка прошла в августе – сентябре с результатами «отлично» – 32-я и 53-я дивизии, «удовлетворительно» – 61-я дивизия, «неудовлетворительно» – 31-я дивизия³¹.

Контрольная стрельба в мае 1933 г. выявила снижение огневых мастерства. 32-я дивизия была оценена на «отлично», 31-я – «удовлетворительно», 53-я дивизия и 61-я стрелковая бригада – только на «неудовлетворительно»³².

Проверка боевой готовности частей корпуса также осуществлялась принципиально, не учитывая прошлых заслуг и достижений командиров. Только правильность действий начальников и подчинённых могла повлиять на общую оценку. В сентябре 1935 г. проверкой были оценены на «хорошо» – 12-й батальон связи, на «удовлетворительно» – 53-я и 61-я дивизии, 12-й артиллерийский полк, 12-й сапёрный батальон и 12-й авиационный отряд, на «неудовлетворительно» – 31-я дивизия³³.

Управление корпуса было подготовлено лучше и за все проверки ни разу не было оценено ниже оценки «хорошо».

В середине тридцатых годов прошлого века корпусом поочередно руководили И. Ф. Ткачёв, М. Г. Ефремов, С. А. Калинин.

В сентябре 1939 г. в связи с ростом военной угрозы на Дальнем Востоке и Забайкалье управление 12-го стрелкового корпуса, под руководством В. Я. Колпакчи было передислоцировано на станцию Борзя Забайкальского военного округа³⁴.

С началом Великой Отечественной войны части корпуса выдвинулись на советско-маньчжурскую границу в целях отражения возможного нападения Японии.

24 июля 1941 г. на основании директивы Генерального штаба корпус был расформирован, управление корпуса обращено на формирование штаба 36-й армии³⁵.

В сентябре 1939 г., взамен убывшего 12-го, в Саратове начинается формирование 63-го стрелкового корпуса³⁶ 21-й армии ПриВО. В его состав входят переформированная 53-я стрелковая дивизия³⁷ с дислокацией в г. Саратове, вновь созданная 148-я дивизия³⁸ в Энгельсе и другие части корпусного подчинения.

Первым командиром корпуса назначают В. Ф. Сергацкова. С декабря 1940 г. приказом Наркома обороны № 05257 от 28 ноября 1940 г. командование корпуса принимает Л. Г. Петровский.

В середине июня 1941 г. корпус переподчинён командующему Западным особым военным округом, но с началом Великой Отечественной войны только первые его эшелоны успели прибыть на станции разгрузки.

В июне – августе 1941 г. части корпуса в составе 21-й армии Западного фронта принимают активное участие в оборонительных боях в Белоруссии. Именно они в июле 1941 г. нанесли первый успешный контрудар советских войск. Оказавшись в начале августа в окружении, солдаты и офицеры корпуса продолжили мужественно сражаться с превосходящим их врагом. Вырваться из окружения удалось только 154-й стрелковой дивизии и разрозненным подразделениям других частей корпуса³⁹. 23 августа 1941 г. корпус был расформирован⁴⁰.

Таким образом, все три сформированных на Саратовской земле корпуса в июле – августе 1941 г. подверглись реорганизациям. Заново сформированные корпуса, под теми же номерами, являлись уже абсолютно новыми формированиями, которые внесли несомненный вклад в разгром противника и освобождение оккупированных территорий СССР.

Приложение

Справки о командирах стрелковых корпусов в Саратове в 1921–1941 гг.

Блажевич Иосиф Францевич (13.09.1891–08.05.1939), советский военачальник, комдив. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В Русской императорской армии – подполковник. С июля 1918 г. в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Занимал командные должности до командующего 1-й армии Туркестанского фронта. С декабря 1929 г. один

из руководителей противовоздушной обороны страны. Обвинён в принадлежности к военному заговору и в мае 1939 г. расстрелян. В 1956 г. реабилитирован⁴¹.

Софронов Георгий Павлович (19.04.1893–17.03.1973), советский военачальник, генерал-лейтенант. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. В Русской императорской армии – прапорщик. С 1918 г. в РККА. Занимал командные должности до заместителя командующего войсками округа. С 1953 г. в отставке⁴².

Туровский Семён Абрамович (15.01.1895–01.07.1937), советский военачальник, комкор. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В Русской императорской армии – младший унтер-офицер. С 1918 г. в РККА. Занимал командные должности до заместителя командующего войсками округа. Обвинён в участии в военном заговоре и в июле 1937 г. расстрелян. В 1956 г. реабилитирован⁴³.

Ткачёв Иван Фёдорович (06.08.1896–29.07.1938), советский военачальник, комкор. Участник Гражданской войны. С 1918 г. в РККА. Занимал партийно-политические и командные должности до заместителя начальника ВВС РККА. После увольнения в марте 1935 г. начальник Главного управления гражданского воздушного флота. Обвинён в участии в военном заговоре и в июле 1938 г. расстрелян. В 1956 г. реабилитирован⁴⁴.

Ефремов Михаил Григорьевич (27.02.1897–19.04.1942), советский военачальник, генерал-лейтенант. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. В Русской императорской армии – прапорщик. С 1918 г. в РККА. Занимал командные должности до командующего войсками округа. Погиб при выходе из окружения (застрелен). Герой Российской Федерации (посмертно)⁴⁵.

Калинин Степан Андреанович (15.12.1890–11.09.1975), советский военачальник, генерал-лейтенант. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. В Русской императорской армии – прапорщик. С 1918 г. в РККА. Занимал командные должности до командующего войсками округа. В 1946 г. уволен из армии. В 1951 г. осужден на 25 лет. В 1953 г. судимость снята, в 1954 г. восстановлен в звании и уволен в запас⁴⁶.

Колпакчи Владимир Яковлевич (07.09.1890–17.05.1961), советский военачальник, генерал армии. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. В Русской императорской армии – младший унтер-офицер. С 1918 г. в РККА. Занимал командные должности до начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск. Герой Советского Союза. Погиб в авиационной катастрофе⁴⁷.

Сергацков Василий Фадеевич (17.01.1898–24.02.1975), советский военачальник, генерал-лейтенант. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. В Русской императорской армии – поручик. С 1918 г. в РККА. Занимал командные должности до командующего армии. С 1961 г. в отставке⁴⁸.

Петровский Леонид Григорьевич (30.05.1897–17.08.1941), советский военачальник, комкор. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. В Русской императорской армии – прапорщик. С 1918 г. в РККА. Занимал командные должности до командующего войсками округа. В 1938 г. уволен и находился под следствием. В ноябре 1940 г. восстановлен в звании и вновь призван в армию. Погиб при прорыве из окружения⁴⁹.

И. Ф. Блажевич

Г. П. Софронов

С. А. Туровский

И. Ф. Ткачев

М. Г. Ефремов

С. А. Калинин

В. Я. Колпакчи

В. Ф. Сергацков

Л. Г. Петровский

Примечания

- ¹ См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Предисловие к Ф. 898.
- ² 32-я стрелковая дивизия, с 29 ноября 1922 г. Саратовская, дислоцировалась в г. Саратове с образования в июле 1922 г. до передислокации на Дальний Восток в марте 1934 г. Последовательно входила в состав 16-го и 12-го стрелковых корпусов. См.: РГВА. Предисловие к Ф. 17343.
- ³ Приказ ПриВО № 2208/470 от 11 ноября 1922 г. См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 532. Л. 1.

- ⁴ См.: РГВА. Ф. 17343. Оп. 1. Д. 17. Л. 120.
- ⁵ Там же. Ф. 32115. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.
- ⁶ Там же. Ф. 17343. Оп. 1. Д. 17. Л. 120; Ф. 27656. Справка к оп. 1.
- ⁷ Там же. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 532. Л. 1.
- ⁸ См.: Сайт «Мой Фронт». URL: <http://myfront.in.ua/krasnaya-armiya/korpusa/strelkovye-1-20.html> (дата обращения: 08.06.2017).
- ⁹ См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 531. Л. 1.
- ¹⁰ См.: Портал о Фронтовиках. URL: <http://www.pobeda1945.su/frontovik/45535> (дата обращения: 12.04.2017).

- ¹¹ См.: РГВА. Ф. 27656. Справка к оп. 1.
- ¹² Приказ командира 12-го стрелкового корпуса 1/1 от 22 января 1931 г. См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 531. Л. 1.
- ¹³ См.: РГВА. Ф. 32115. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.
- ¹⁴ Там же. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 531. Л. 1.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Директива РВС ПриВО № 52909 от 6 апреля 1931 г.
- ¹⁷ Там же. Приказ ПриВО № 10/6 от 9 января 1932 г.
- ¹⁸ Там же. Л. 2.
- ¹⁹ Там же. Л. 1. Директива РВС ПриВО № 12696 от 21 января 1933 г.
- ²⁰ Там же. Л. 9.
- ²¹ См.: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦА МО РФ). Ф. 1112. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ²² Распоряжение ВВС ПриВО № ВС/02348 от 25 сентября 1934 г. См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 531. Л. 8.
- ²³ Там же. Л. 7.
- ²⁴ Там же. Ф. 17343. Оп. 1. Д. 39. Л. 25.
- ²⁵ Там же. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 2325. Л. 15.
- ²⁶ Там же. Д. 531. Л. 11–12.
- ²⁷ В 1932 г. привлекался сапёрный батальон для подготовки строительства заводов «Трактородеталь» и «Комбайн». См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 3067. Л. 7.
- ²⁸ В 1933 г., находясь на опытных учениях в районе г. Бузулук, сапёрный батальон в течение пяти суток непрерывно участвовал в тушении пожара. См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 2998. Л. 21.
- ²⁹ В 1935 г. привлекалось триста солдат батальона связи на 15 суток. См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 2325. Л. 14.
- ³⁰ См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 531. Л. 2.
- ³¹ Там же. Л. 3.
- ³² Там же.
- ³³ РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 531. Л. 10.
- ³⁴ См.: РГВА. Предисловие к Ф. 32115.
- ³⁵ См.: Сайт «Мой Фронт». URL: <http://myfront.in.ua/krasnaya-armiya/korpusa/strelkovyye-1-20.html> (дата обращения: 07.06.2017).
- ³⁶ См.: Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. М. ; Жуковский : Кучково поле, 2005. С. 209.
- ³⁷ См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.
- ³⁸ Там же. В октябре 1939 г. директивой военного совета ПриВО № 41/1417 из состава 53-й дивизии выделяются части на формирование 148-й стрелковой дивизии.
- ³⁹ См.: Сайт «Рабоче-Крестьянская Красная Армия 1918–1945». URL: <http://www.rkka.ru/oper/63sk/main.htm> (дата обращения: 07.06.2017) ; Кулешов Г. На Днепровском рубеже // Военно-исторический журн. 1966. № 6. С. 17.
- ⁴⁰ См.: Сайт «Мой Фронт». URL: <http://myfront.in.ua/krasnaya-armiya/korpusa/strelkovyye-61-80.html> (дата обращения: 07.06.2017).
- ⁴¹ См.: Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные) : 1937–1941. Биографический словарь. М. ; Жуковский : Кучково поле, 2012. С. 186–187.
- ⁴² См.: Великая Отечественная. Командармы... С. 219–220.
- ⁴³ См.: Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Указ. соч. С. 116.
- ⁴⁴ Там же. 112–114.
- ⁴⁵ См.: Великая Отечественная. Командармы... С. 73–74.
- ⁴⁶ Там же. С. 87–88.
- ⁴⁷ Там же. С. 99–100.
- ⁴⁸ Там же. С. 209–210.
- ⁴⁹ См.: Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь : 2 т. Т. 1. М. ; Жуковский : Кучково поле, 2006. С. 430–432.

Образец для цитирования:

Лукьянов А. В. Стрелковые корпуса на Саратовской земле // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 125–129. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-125-129.

Cite this article as:

Lukyanov A. V. Rifle Corps in Saratov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 125–129 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-125-129.

УДК 658.3(470.51) + 621.396.97

КАДРОВЫЙ СОСТАВ РАДИОВЕЩАНИЯ УДМУРТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н. Ю. Степанова

Степанова Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской государственности, Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, 7611235@mail.ru

В статье анализируются состояние и развитие радиовещания в Удмуртии в период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется кадровому составу радиовещания Удмуртской АССР в военные годы. Масштабная работа по расширению деятельности местного радиовещания объясняется тем, какое большое значение придавало ЦК ВКП (б) радиовещанию как одному из важнейших средств идейно-политического воспитания трудящихся и пропаганды.

Ключевые слова: радио, радиовещание, Удмуртский радиокomitee, удмуртский обком ВКП (б), Великая Отечественная война, кадры.

Personnel Structure of Broadcasting in Udmurtia during the Great Patriotic War

N. Yu. Stepanova

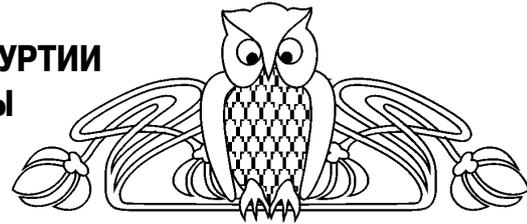
Natalya Yu. Stepanova, ORCID 0000-0002-8976-1740, Izhevsk State technical university of M. T. Kalashnikov, 7, Studencheskaya Str., Izhevsk, 426069, Russia, 7611235@mail.ru

In the article, the state and development of broadcasting in Udmurtia in the period of the Great Patriotic War is analyzed. Special attention is paid to personnel structure of the Udmurt ASSR broadcasting in the years of war. Large-scale work on expansion of local broadcasting activity is explained by the attention the Central Committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks) paid to broadcasting as one of the most important means of ideological and political education and propaganda of workers.

Key words: radio, broadcasting, Udmurt radio committee, Udmurt regional committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks), Great Patriotic War, personnel.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-130-133

Радио давно и прочно вошло в нашу жизнь, несмотря на быстрое развитие современных средств информационных технологий, оно и сегодня занимает важное место в жизни человека. В прошлом столетии, особенно в период Великой Отечественной войны, оно было неотъемлемой частью повседневной жизни трудящихся, орудием политической агитации и пропаганды, средством трудовой и боевой мобилизации, воспитания и культурного воздействия. Для значительных масс трудящихся радиовещание выступало основным источником информации. Вот почему данный вопрос стоял на особом контроле, в частности Удмуртского обкома ВКП (б).

Широкий размах удмуртское радиовещание получило в годы Великой Отечественной войны. К началу войны во всех районах были построены радиозулы. В городах и селах было уже 28 тысяч радиоточек. Большую работу по строительству радиозула и радиолиний, установке радиоточек в квартирах трудящихся проводили работники радиосвязи В. И. Миронов, Е. В. Свищев, Н. И. Кудряшов, В. В. Колупаев, С. А. Кузнецов, В. И. Ходырев, Г. Я. Коробейников, А. П. Федосеев, В. Я. Шамшурин и др.¹

Особое внимание к радио в годы Великой Отечественной войны объясняется тем, что в силу сложившихся обстоятельств ситуация требовала организации местного радиовещания в каждом районе и городе, где были радиотрансляционные узлы.

В условиях военного времени особо остро стояла кадровая проблема, причем как технических, так и творческих работников радио, многие из которых ушли на фронт. Участниками Великой Отечественной войны стали первые сотрудники радиокomitee: председатель М. Г. Семакин, редакторы Д. К. Стробыкин, А. Г. Веретенников, Г. И. Сергеев, П. К. Бывальцев, С. И. Мыльников, С. А. Годяев, баянист хора М. Н. Бывальцев, диктор А. И. Тугбаев.

Не вернулись с полей сражений Михаил Григорьевич Семакин, Дмитрий Константинович Стробыкин, Михаил Николаевич Бывальцев, Сергей Александрович Годяев².

В выпуске «Последних известий» от 21 июля 1941 г. было зачитано письмо ушедшего на фронт сотрудника Удмуртского радиокomitee А. Г. Веретенникова, в котором он сообщает о выполнении наказа, полученного от трудящихся Удмуртии, о своих боевых успехах и его товарищей³.

Вспоминая начало Великой Отечественной войны, Гай Сабитович Сабитов (1940–1975 г. – диктор, редактор литературно-драматических передач Удмуртского радио) рассказывал: «Мы подали коллективное заявление об отправке нас на фронт. В райвоенкомате нам сказали, что придет и наш срок, а пока попросили разнести повестки военнообязанным, проживающим поблизости от наших общежитий. Конечно, дошла очередь и до нас. <...> Оставив кабинеты и студии, отправились воевать с заклятым врагом и работники радио: председатель комитета М. Г. Семакин, редакторы Д. Стробыкин, А. Веретенников, Г. Сергеев и др. А мне дали броню. Скоро я перешел на комсомольский и профсоюзный учет на радио. Наряду со своей основной работой ис-

полнял обязанности редакторов разных отделов, один год был даже главным бухгалтером»⁴. Гай Сабитович считался легендой удмуртского радио. Его называли удмуртским Левитаном – сводки Совинформбюро в годы войны на удмуртском языке звучали его голосом⁵.

Надо отметить, что совмещением профессий предпринималась попытка решения кадрового вопроса. Как правило, районные редакции отличались отсутствием штатных работников – именно на местах практиковалось совместительство, когда материалы местного радиовещания редактировал редактор районной газеты, и он же являлся диктором, поскольку отдельного редактора радиовещания не было⁶. Иногда на эту работу назначались работники райкомов партии отделов агитации и пропаганды. Такая проблема коснулась Якшур-Бодьянского, Киясовского, Больше-Учинского, Можгинского и других районов.

В обращении секретаря обкома ВКП (б) по пропаганде и агитации И. Кутявина к вторым секретарям райкомов ВКП (б), редакторам районных газет и редакций местного радиовещания от 12 августа 1943 г. говорится, что директивы о местном радиовещании в целом ряде районов выполняются неудовлетворительно⁷. Он акцентировал внимание на том, что редакторы районного радиовещания должны немедленно комплектовать штат редакций, а райкомы ВКП (б) должны в этом оказывать всяческую помощь. Там, где нет редакции местного радиовещания, вся работа по местному вещанию возложена на аппарат редакций районных газет как продолжение их основной работы⁸.

Масштабная работа по расширению деятельности местного радиовещания объясняется тем, какое большое значение придавало ЦК ВКП (б) радиовещанию как одному из важнейших средств идейно-политического воспитания трудящихся. В связи с этим было опубликовано Постановление ЦК ВКП (б) от 3 июня 1943 г. «О районном местном радиовещании»⁹, в котором предусматривалось установление в районных центрах и крупных поселках мощных репродукторов и создание пунктов коллективного радиослушания.

В некоторых районах из-за отсутствия кадров работа местного радиовещания была приостановлена¹⁰. Но в целом была приложена масса усилий по развитию местного радиовещания, и в переписке секретари райкомов ВКП (б) об этом отчитывались секретарю Удмуртского обкома¹¹.

Причем зачастую во исполнение постановления ВКП (б) о развитии местного радиовещания райкомы обращались с просьбой о помощи в Удмуртский обком ВКП (б). Так, в августе 1943 г. в докладной на имя секретаря Удмуртского обкома ВКП (б) по пропаганде и агитации И. Кутявина секретарь Дебесского райкома ВКП (б) А. Н. Назаров сообщал, что район, имеющий до трех тысяч рабочих и служащих, ряд предприятий местной промышленности и ряд учебных заведений республиканского значения, редакции

местного радиовещания со всеми ее правами не имеет. Необходимость создания в районе редакции местного радиовещания оправдывается наличием кадров и технической базы – газогенераторного двигателя при радиоузле. Также А. Н. Назаров отмечает, что в Дебесском районе имеется до 500 радиоточек и приспособления для коллективного радиослушания по телефонной сети. В связи с этим он просит Удмуртский обком ВКП (б) оказать помощь в создании местного радиовещания, предполагая, что имеются районы, которые не сумели реализовать разрешение по организации вещания через местную радиосеть. Учитывая все обстоятельства, он просит разрешить Дебесскому району организовать редакцию местного вещания хотя бы за счет другого района, не использующего по ряду причин редакцию радиовещания¹².

Уже в сентябре Дебессы получили положительный ответ. Секретарю Дебесского района ВКП (б) было поручено подобрать кандидатуру редактора, литературного работника и подготовить техническую базу¹³.

Работа радио во многом зависела и от технических работников. Так, в связи с установкой совершенной и мощной радиоаппаратуры с учетом охвата радиофикации всего городского и сельского населения Можгинского и Белазинского райцентров требовались высококвалифицированные техники и монтеры, дефицит которых ощущался после призыва в ряды Красной армии. В марте 1942 г. в письме секретарю Удмуртского обкома ВКП (б) И. Ф. Кутявину заместитель начальника Управления НК связи УАССР Наговицын просил оказать содействие в оставлении от призыва на фронт единственных техников Можгинского радиоузла тов. Жарова, Балезинского и Волкова, которые могут обслуживать данную радиоаппаратуру, поскольку подготовка техников для подобных радиоузлов требует длительного времени¹⁴.

По результатам проведенной проверки Удмуртского радиокomiteта инструктор ВРК Муратов в 1942 г. внес ряд замечаний и предложений¹⁵. В отчете отмечалось, что в радиокomiteте подготовкой кадров редакторов и радистов никто не занимается, вследствие этого чувствуется острый недостаток редакционных и радиотехнических кадров. Райком и горком, не считаясь с радиокomiteтом, мобилизуют редакторов на длительный срок или перебрасывают их на другую работу. Районы и города остаются без вещания (Воткинский, Можгинский)¹⁶.

Говоря об узловом вещании, Муратов заметил, что узловое радиовещание есть только в четырех районах: Можгинском, Воткинском, Сарапульском и Глазовском. Текущее редакционных кадров велика. В некоторых редакциях в течение трех месяцев сменилось два – три редактора. Редакторы не занимаются и не интересуются вопросами ретрансляционной работы в районе, не ведут никакой работы с радиослушателями. Редакции узлового вещания работают не регулярно,

некоторые вещают каждый день или вечером или утром, некоторые через день, а иногда и через два. Не точно придерживаются сетки вещания, иногда вещают по 6–7 минут или по 12–15 минут¹⁷. Также он отметил, что в радиокomiteте плохо поставлена связь с редакциями узлового вещания: не знают, какая редакция узлового вещания на сегодняшний день как работает. Так, в отчете от 14 марта 1942 г. Муратов указал: «В радиокomiteте перед моим отъездом в город Воткинск сказали, что Воткинская редакция работает хорошо, там работает редактором тов. Хрисанфова. По приезде я узнал, что товарищ Хрисанфова горкомом партии еще в начале февраля переброшена на другую работу. Воткинский радиоузел с 15 февраля не вещает»¹⁸.

Отдельно стояла проблема с корреспондентами. Характеризуя собственное вещание радиокomiteта и редакции «Последних известий», инструктор ВРК Муратов писал, что «корреспондентская сеть очень узка, кривая линия падает вниз. Например, в начале войны было 152 корреспондента, а на 1 февраля 1942 г. 52 корреспондента, на 1 марта 46. Не ведется работы с корреспондентами и не привлекается актив вокруг редакции»¹⁹. Среди недостатков также упоминались отсутствие достаточной оперативности и работы с радиослушателями у работников редакции, нарушения графика вещания, несвоевременная подача редакторами материала дикторам до выступления у микрофона, а также то, что председатель радиокomiteта не читает и не визирует микрофонные материалы²⁰.

В числе предложений по устранению указанных в отчете проблем предлагалось, например, укомплектовать радиоузлы квалифицированными кадрами, проверить имеющиеся кадры, организовать краткосрочные курсы по подготовке редакторов узлового вещания и радистов-техников, поставить перед Обкомом ВКП (б) вопрос о том, чтобы горкомы и райкомы без согласия радиокomiteта не мобилизовывали и не перебрасывали работников радиокomiteта (узлового вещания) на другую работу²¹.

В объяснительной записке к сетке вещания Удмуртского радиокomiteта от 19 июня 1943 г.²² председатель радиокomiteта М. Сабреков акцентировал внимание на том, что существующая сетка вещания по радиостанции РВ-78 страдает существенными недостатками: «Во-первых, отрезок времени (с 12 часов 20 минут до 12 часов 58 минут), в который проводится вещание, явно неудачен. В большинстве районов это время не привилось для радиослушания и можно безошибочно сказать, что наше вещание не достигает своей цели, идет впустую. <...> Наиболее подходящим для нас является отрезок времени с 7 часов 32 минут до 7 часов 59 минут и с 8 часов 30 минут до 8 часов 44 минут. В эти отрезки времени центральное вещание передает музыку, политбеседу и концерт»²³. М. Сабреков упоминает о существовании договора между радиокomiteтом и

радиодирекцией Управления связи на ежедневную эксплуатацию станции в течение двух часов, которые, как правило, полностью не используются. Получается, что радиокomiteт ежемесячно переплачивает радиодирекции свыше тысячи рублей. Председатель радиокomiteта отмечает, что для этого необходимо загрузить все два часа вещания. И опять здесь возникает кадровая проблема, поскольку штат редакции не доукомплектован – не хватает четырех редакторов. Если эту проблему не удастся решить, тогда необходимо перезаключить договор исходя из фактических возможностей использования времени вещания²⁴.

Бойцы Красной армии проявляли самоотверженность и стойкость на фронте, миллионы трудящихся в тылу – на фабриках, заводах, в колхозах – приближали победу. Одним из ключевых моментов в данном тандеме являлось радио, которое связывало их и поддерживало, давало силы и веру в победу. Работникам радиовещания приходилось трудиться в сложных условиях. Так, в докладной записке от 2 декабря 1944 г., адресованной председателем Удмуртского радиокomiteта М. Сабрековым заместителю председателя СНК УАССР П. Ф. Шишову и секретарю обкома ВКП (б) И. Ф. Кутявину, сообщалось о необходимости предоставления радиокomiteту помещения для нормальной и более плодотворной работы. М. Сабреков излагал: «Сейчас у нас за одним рабочим местом сидят по два человека. А ведь, как известно, работа по радиовещанию – это не просто канцелярская работа, а сугубо творческая, требующая большой сосредоточенности. При таких условиях работы я не могу требовать от работников соблюдения даже элементарной дисциплины труда и тем более хорошего качества подготовки материалов для радиопередач». В связи с этим он просил предоставить радиокomiteту дополнительно хотя бы одну комнату в Доме печати²⁵.

Творческие кадры удмуртского радиовещания пополнялись эвакуированными специалистами. Так, Валентина Ивановна Бахина (с апреля 1941 г. – диктор Удмуртского радио; 1944–1952 гг. – диктор и редактор последних известий) вспоминала об одной из коллег: «Редактором “Последних известий” была в это время эвакуированная из Минска Рымарь (имя и отчество не помню), высокая, красивая женщина, уехавшая из города с мужем и маленьким сыном в чем были. Бедная женщина оказалась в лютую зиму 1941–1942 гг. в легоньких туфельках и, пока добегала до студии, успевала промерзнуть до костей и плакала от бессилия и обиды. Потом Рымарь уехала на фронт, в Белоруссию, редактором военной многотиражки. След ее пропал. После нее редактором “Последних известий” стала Е. И. Кудрявцева»²⁶. Сама Валентина Ивановна в дальнейшем ушла в редакцию газеты – была корреспондентом «Комсомольца Удмуртии», завотделом газеты «Удмуртская правда» – время, когда она работала на радио, вспоминала с теплотой. Именно здесь, по ее словам, она научилась бережному отношению к фактам и

бесконечной ответственности за написанное и произнесенное в эфире слово²⁷.

Отводя радиовещанию важное место в политической и культурной жизни страны, в мобилизации населения на совершение трудовых подвигов, работники партии были озабочены кадровой проблемой в системе радиовещания. Отдел пропаганды обкома ВКП (б) обращался с просьбой к директору клуба «Кор» отпустить на работу в республиканский радиокomitee его сотрудницу А. И. Гордон на должность редактора музыкального вещания²⁸.

К началу войны известность в Удмуртии получил хор удмуртского радио, в котором к этому моменту остались одни женщины: мужчины ушли на фронт. Хор выступал с концертами не только по радио, но и в госпиталях для раненых. В 1942 г. он был временно расформирован. Многие певцы перешли в существовавший в то время при филармонии оперный ансамбль. В 1943 г. хор удмуртского радио был восстановлен. Дирижером становится А. И. Гордон²⁹.

Плодотворный труд работников Удмуртского радиокomitee был отмечен почетными грамотами Президиума Верховного совета Удмуртской АССР³⁰.

В торжественной речи, посвященной двадцатилетию советского радиовещания, председатель Удмуртского радиокomitee М. Сабреков отметил, что работники радиовещания и радиофикации Удмуртии в большой и длительной борьбе за превращение радио в отточенное, острое орудие политической пропаганды и воспитания масс, за приближение радио к массам, за подъем его на уровень поставленных партией задач добились немалых успехов³¹. Также он уточнил, что нужно еще приложить немало усилий, чтобы целиком выполнить задачи, возложенные партией на советское радиовещание, чтобы окончательно изгнать из советского радиовещания элементы упрощенчества и сделать радиовещание еще более идейно насыщенным, художественно высоким³².

Все достижения и успехи работников удмуртского радиовещания, накопленные с начала работы радио в республике и за годы Великой Отечественной войны, способствовали дальнейшему росту профессионального мастерства творческих и технических кадров и развитию радиовещания в Удмуртской Республике.

Примечания

- 1 См.: Радиовещание в Удмуртии. Страницы истории и современность. Ижевск, 1997. С. 30–31.
- 2 См.: Радиовещание и телевидение Удмуртии (1932–2015 гг.) / под общ. ред. О. К. Шибанова. Ижевск, 2016. С. 40.
- 3 ЦГА УР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 198. Л. 2–4.
- 4 Радиовещание в Удмуртии. С. 37.
- 5 См.: Радиовещание и телевидение Удмуртии (1932–2015 гг.). С. 26; ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 264. Л. 17; Д. 265. Л. 27, 46, 66, 78; Д. 273. Л. 128.
- 6 ЦДНИ УР (Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики). Ф. 16. Оп. 1. Д. 4043. Л. 88, 136об, 156об, 181, 186об; Д. 4239. Л. 178об, 201об.
- 7 ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3717. Л. 120.
- 8 Там же.
- 9 См.: Постановление ЦК ВКП (б) от 3 июня 1943 г. «О районном местном радиовещании» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 16 т. Т. 7. 1938–1945. М., 1985. С. 418–419.
- 10 ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4239. Л. 68, 189об.
- 11 Там же. Д. 3492. Л. 130; Д. 3588. Л. 25; Д. 4043. Л. 87, 154, 159, 168.
- 12 Там же. Д. 3717. Л. 131.
- 13 Там же. Л. 132.
- 14 Там же. Д. 3492. Л. 33–33об.
- 15 Там же. Д. 3588. Л. 2–13.
- 16 Там же. Л. 5.
- 17 Там же. Л. 6.
- 18 Там же.
- 19 Там же. Л. 8.
- 20 Там же. Л. 8–10.
- 21 Там же. Л. 10–11.
- 22 Там же. Л. 97–97об.
- 23 Там же. Л. 97.
- 24 Там же. Л. 97об.
- 25 Там же. Д. 3934. Л. 123.
- 26 Радиовещание в Удмуртии. С. 42.
- 27 См.: Радиовещание и телевидение Удмуртии (1932–2015 гг.). С. 26.
- 28 ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3717. Л. 187.
- 29 См.: Радиовещание в Удмуртии. С. 238.
- 30 ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 252. Л. 47.
- 31 Там же. Д. 272. Л. 88.
- 32 Там же. Л. 89.

Образец для цитирования:

Степанова Н. Ю. Кадровый состав радиовещания Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 130–133. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-130-133.

Cite this article as:

Stepanova N. Yu. Personnel Structure of Broadcasting in Udmurtia during the Great Patriotic War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 130–133 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-130-133.

ХРОНИКА

СЛАВЯНСКИЙ МИР НА СТРАНИЦАХ «СЛАВЯНСКОГО СБОРНИКА» САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н. С. Креленко

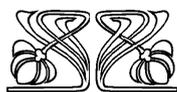
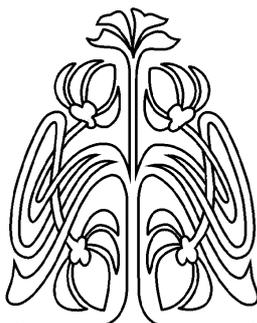
Креленко Наталья Станиславовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, krelenkon@mail.ru

The Slavic World as Appearing on the Pages of the Saratov University «Slavic Collection»

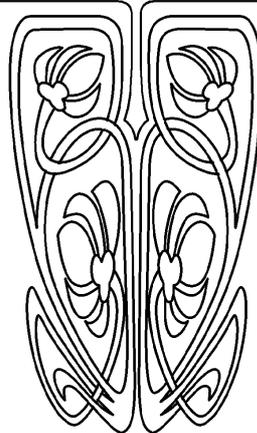
N. S. Krelenko

Natalia S. Krelenko, ORCID 0000-0002-7691-6811, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, krelenkon@mail.ru

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-134-136

ПРИЛОЖЕНИЯ

На рубеже XX и XXI веков историки Саратовского университета, вопреки переживаемым нашим образованием разнообразным трудностям, издавали несколько тематических сборников, таких как «Античный мир и археология», «Историографический сборник», «Освободительное движение в России», «Средневековый город», «Новая и новейшая история», «Славянский сборник». К настоящему моменту по разным причинам большая часть этих серийных выпусков перестала существовать.

«Славянский сборник» начал выходить с 1972 г., причем стоит отметить, что первые выпуски сборника (с 1-го по 6-й) выходили нерегулярно и с очень большими интервалами от четырех до десяти лет. Основателем сборника был профессор Артур Иванович Озолин, крупнейший отечественный исследователь гуситского движения советского времени. Поддержку ему оказал другой истфаковский славист Игорь Сергеевич Кашкин, специалист по истории Балкан в новейшее время.

Первый выпуск содержал всего четыре статьи, из них две были написаны А. И. Озолиным и посвящены разным аспектам истории гуситской Чехии¹, одна – И. С. Кашкиным, и касалась проблем создания Балканской Антанты², одна – А. Е. Москаленко, которая имела историографический характер³. Собственно, исходный вариант основной проблематики в этом первом выпуске был обозначен: средневековое славянство, славянство в новейшее время, историография.

В следующем выпуске (1978 г.) статей было втрое больше, причем две трети из них были посвящены проблемам балканистики первой половины XX века, то есть связаны с проблематикой, которой занимался И. С. Кашкин и его ученики.

Объем сборника из 10–12 публикаций определился фактически со второго выпуска. Примечательно и показательно, насколько содержание сборников статей, издающихся при кафедрах провинциальных университетов, отражает как общие тенденции определенного времени, так и круг научных интересов тех, кто работает в этих подразделениях. Столичным изданиям второй аспект менее свойственен. Что касается выпусков 1970–1990 гг., то в них разрабатывалась тематика экономической и политической истории славянства⁴, но доминировали работы, посвященные проблемам гуситского движения (А. И. Озолин), русско-польских отношений середины XVII в. (И. В. Галактионов, С. Ф. Фаизов) и балканистики периода кануна Второй мировой войны (И. С. Кашкин, Н. Г. Зими́на, О. Н. Исаева). Кроме того, обозначи-

лось еще одно направление – освободительное движение на Балканах, в основном через призму балканской политики России во второй половине XIX века⁵.

В период «лихих» 90-х издание сборника практически прекратилось, что объяснялось не только общеисторической ситуацией в стране, но и тем, что к этому времени ушли из жизни те, кто в свое время создали «Славянский сборник».

После десятилетнего перерыва в 2003 г. вышел шестой выпуск, в котором значительное место было уделено тематике, связанной с проблемами истории Македонии, в него вошли статьи, написанные отечественными и македонскими авторами. Собственно, поводом для появления этого выпуска послужила научная конференция, которую следовало обозначить публикацией. Этот выпуск особенно четко продемонстрировал корректировку тематики и подходов, вызванную изменением ситуации, как на местном, так и на общем уровне. Последнее следует рассматривать еще и как отражение политических процессов «лихих» 90-х (ведь «лихим» последнее десятилетие XX века было не только для нашей страны, но для огромного региона, включающего всю Восточную и Юго-Восточную Европу), приведших, в частности, к развалу Югославии и появлению нескольких государств, среди которых как раз и была Македония. Эти государства сразу же обратились к поиску своих исторических корней и обоснованию собственной идентичности⁶. Строго говоря, шестой выпуск «Славянского сборника» был публикацией «по случаю» и продолжение последовало только после временной паузы в 6 лет.

С 2009 г. сборник выходит практически ежегодно. Многие из сотрудников истфака, ныне именуемого Институтом истории и международных отношений, ученые из других городов периодически помещают свои статьи на страницах сборника. Вот для примера список городов, которые представляют авторы 13-го выпуска «Славянского сборника» (расположены в алфавитном порядке): Астрахань, Брно, Воронеж, Екатеринбург, Москва, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Ставрополь, причем Москва и Саратов представлены авторами, работающими в нескольких учебных заведениях.

Темы статей разнообразны и с точки зрения хронологии (от IX до XX в.), и с точки зрения географии (Болгария, Россия, Словения, Чехия), и с точки зрения проблематики: представлены политические, социально-экономические, культурно-исторические темы. Такой подход представляется оправданным, поскольку образует мозаику славянского мира.

Отдельные выпуски сборника имеют тематически ориентированные разделы. Так, большинство статей 11-го выпуска объединены под рубрикой: «Вопросы истории и культуры зарубежных славянских народов и России», а в нескольких номерах отражены материалы регулярно проводимых в СГУ «Озолинских чтений».

Сложился костяк авторов, статьи которых присутствуют почти в каждом выпуске. Среди авторов, публикации которого регулярно появляются в «Славянском сборнике» начиная с 4-го выпуска, вышедшего в 1990 г., следует назвать А. Н. Галямичева. Тематика его работ делится на две части. Одна связана с историей средневековой Чехии, предметом основного научного интереса автора. Это статьи и публикации источников⁷. Другое направление представлено тематикой весьма разнообразной. Сюда входят статьи историографического, мемориального характера⁸. Отдельного упоминания заслуживает обращение этого автора к темам, требующим междисциплинарного подхода⁹.

Почти в каждом сборнике последнего десятилетия имеются статьи сотрудницы кафедры всеобщей истории Е. Н. Многолетней, научный интерес которой связан с развитием книгопечатания¹⁰.

Сравнительно недавно (с 2009 г.) на страницах «Славянского сборника» появилось имя Я. Н. Рабиновича, и теперь в каждом выпуске наличествуют его статьи и очерки, посвященные одной из самых трагических и сравнительно мало изученных тем отечественной истории, периоду Смутного времени¹¹.

Почти в каждом выпуске «второго поколения» сборника можно было найти статьи профессора МГУ Л. Н. Лаптевой (1926–2016), посвященные проблемам истории и историографии славянства, но выделить хочется одну из поздних статей, в которой анализируется пример использования пиар-технологий в истории¹².

Ну, и конечно, молодое поколение историков СГУ имеет возможность публиковать свои исследования в «Славянском сборнике», среди них статьи аспирантов и студентов, саратовских и иногородних¹³, до недавнего времени встречались статьи студентов отделения историков искусства¹⁴.

Дополнительный интерес знакомству с содержанием частью сборника придает участие историков из Чехии как профессионалов, представляющих университет имени Т. Г. Массарика (г. Брно), таких как Я. Вацулик, Б. Клима, Ф. Чапка, так и историков-любителей (А. А. Муратов, Д. И. Муратова). В основном круг интересов этих авторов связан с историей новейшего времени¹⁵.

Практически в каждом выпуске присутствуют публикации письменных источников, относящихся к разным периодам и разным регионам славянского мира¹⁶. Несомненным представляется востребованность «Славянского сборника», издаваемого в Саратовском университете, его значимость для развития одного из важных направлений в исторической науке.

Примечания

¹ *Озолин А. И.* Социально-политическая структура предгуситской Чехии // Славянский сборник. Саратов :

- Изд-во Саратов. ун-та, 1972. С. 38–63 ; *Он же*. Томаш Штитный – идеолог дворянского крыла бюргерской оппозиции в предгуситской Чехии // Там же. С. 64–91.
- ² *Кашкин И. С.* Балканские конференции. Образование Балканской Антанты (1930–1934 гг.) // Славянский сборник. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972. С. 3–37.
- ³ *Москаленко А. Е.* М. И. Брочкевич и его работы по истории поморских славян // Славянский сборник. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972. С. 92–108.
- ⁴ Например : *Фишер И. Р.* Барщина в поместьях Чехии конца XVII–XVIII века // Славянский сборник. Вып. 3. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. С. 77–91.
- ⁵ См.: *Зайцев В. В.* Политическая борьба в Сербии в 1887 году и позиция России // Славянский сборник. Вып. 4. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. С. 126–142.
- ⁶ См.: *Ристовски Б.* Этнокультурное и национально-политическое развитие Македонии в балканском культурно-историческом контексте до начала XIX века / пер. с македонского Е. Верижниковой // Славянский сборник. Вып. 6. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 14–53.
- ⁷ См. например : *Галямичев А. Н.* К проблеме возникновения средневековых городов Чехии // Славянский сборник. Вып. 4. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. С. 175–182 ; *Он же*. Городская политика Пржемысла Оттокара II : причины, цели, исторические последствия // Славянский сборник. Вып. 8. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2010. С. 36–42 ; *Он же*. Великая хартия вольностей средневековых городов Чехии // Славянский сборник. Вып. 10. Саратов : ИЦ «Наука», 2012. С. 135–139.
- ⁸ *Галямичев А. Н.* Наследие Гуса и гуситов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны // Славянский сборник. Вып. 13. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 163–170 ; *Он же*. Артур Иванович Озолин (страницы биографии историка-слависта) // Славянский сборник. Вып. 6. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 154–159.
- ⁹ *Галямичев А. Н.* Отражение событий Ливонской войны в поэме М. Ю. Лермонтова «Боярин Орша» // Славянский сборник. Вып. 10. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. С. 115–118.
- ¹⁰ *Многолетняя Е. Н.* Роль Общины чешских братьев в истории книгопечатания // Славянский сборник. Вып. 10. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. С. 73–79 ; *Она же*. Пражский типограф Микулаш Коныч из Годышкова // Славянский сборник. Вып. 13. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 139–143.
- ¹¹ *Рабинович Я. Н.* «Псковское товарное дело» и восстание в Порхове против шведов в 1613 году // Славянский сборник. Вып. 7. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. С. 26–36 ; *Он же*. Псковская земля в 1610–1612 гг. : Александр Лисовский и Псковской вор Сидорка // Славянский сборник. Вып. 10. Саратов : ИЦ «Наука», 2012. С. 86–106 ; *Он же*. Неизвестные герои «Тихвинского осадного сидения» // Славянский сборник. Вып. 13. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 49–67.
- ¹² *Лаптева Л. П.* Наполеон Бонапарт как создатель мифов и легенд // Славянский сборник. Вып. 11. Саратов : ИЦ «Наука», 2013. С. 184–192.
- ¹³ Например : *Городецкая Н. Б.* Интеллектуальная элита и политическая власть в Югославии в конце 60–70 гг. XX века : конфликт вчерашних союзников с трагическими последствиями // Славянский сборник. Вып. 11. Саратов : ИЦ «Наука», 2013. С. 162–165 .
- ¹⁴ *Лайкова В. В., Минченя Е. А.* Мотивы славянского фольклора в «Русских сезонах» С. П. Дягилева // Славянский сборник. Вып. 10. Саратов : ИЦ «Наука», 2012. С. 123–126.
- ¹⁵ Например : *Вацулик Я.* Масарик и Украина // Славянский сборник. Вып. 11. Саратов : ИЦ «Наука», 2013. С. 22–29 ; *Чатка Ф.* Заселение пограничных территорий Чехии после Второй мировой войны // Славянский сборник. Вып. 9. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. С. 46–57 ; *Муратов А. А., Муратова Д. И.* К 100-летию Чешской Дружины Российской армии // Славянский сборник. Вып. 12. Саратов : ИЦ «Наука», 2014. С. 29–35.
- ¹⁶ См. например : *Солодовникова О. С.* Торговые договоры Боснии и Дубровника пер. пол. XIII в. // Славянский сборник. Вып. 12. Саратов : ИЦ «Наука», 2014. С. 156–159 ; *Галямичев А. Н.* Установления короля Вацлава II о порядке международной торговли в Праге (1304) // Славянский сборник. Вып. 13. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 178–181 ; *Французова О. А.* Брошюры Й. М. Туна «Славизм в Богемии» (1845) // Славянский сборник. Вып. 14. Саратов : ИЦ «Наука», 2016. С. 129–134.

Образец для цитирования:

Креленко Н. С. Славянский мир на страницах «Славянского сборника» Саратовского университета // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 134–136. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-134-136.

Cite this article as:

Krelenko N. S. The Slavic World as Appearing on the Pages of the Saratov University «Slavic Collection». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 134–136 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-134-136.